

С. А. НИКИТИН

СЛАВЯНСКИЕ
КОМИТЕТЫ
В
РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1950

С. А. НИКИТИН

СЛАВЯНСКИЕ
КОМИТЕТЫ
В РОССИИ
в 1858—1876 годах

Отв. редактор проф. И. А. Федосов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1960

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ни в русской дореволюционной, ни в советской исторической литературе до сих пор нельзя указать ни одной исследовательской работы, посвященной истории Славянских комитетов в России, организации, сыгравшей известную роль в общественной жизни третьей четверти XIX века. До революции серьезное изучение этого вопроса было невозможно из-за недоступности архивного материала. Последний был лишь частично использован в брошюре секретаря Московского славянского комитета проф. Н. А. Попова: «Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве», вып. 1 (1871 г.), вып. 2 (1872 г.). Составленная деятелем Комитета, эта брошюра при несомненном значении ее фактического материала вовсе не может претендовать на то, чтобы быть историей организации. Вопрос о Славянских комитетах мало привлекал внимание и советских историков.

Между тем за рубежом Комитеты давно уже вызывают большой интерес. Западноевропейская публицистика говорила о них еще в 70-е годы, изображая Славянские комитеты как мощную секретную организацию русского правительства. В частности, английские и американские публицисты того времени

проявляли особый интерес к данной теме в период Восточного кризиса¹. Позже Комитетами занимался А. Фишель, автор известной книги о панславизме², опубликованной в период, когда в немецкой литературе широко обсуждался вопрос «об ответственности» за первую мировую войну. Фишель своей книгой стремился привлечь внимание к панславизму как фактору политической истории Европы XIX—XX вв. Подчеркивая политическое значение планов русских панславистов 60—70-х гг. XIX в., Фишель преувеличивал роль Славянских комитетов в области внешней политики России и придавал им значение важного орудия в руках царской дипломатии. Преувеличивал он и связи Комитетов с правительством.

Дальнейшее развитие этот взгляд получил в книге американского историка А. Хайда³, который в основу своей работы положил составленную в Константинополе публикацию фальшивых документов, выпущенную под громким наименованием «Ответственность»⁴. Подложность и методы фальсификации этого сборника были нами раскрыты несколько лет тому назад⁵. В западной литературе не было попытки выяснить характер этой публикации. Более того, крупные историки, как Херрис и Леритье, пользовались книгой Хайда и восприняли его ошибки⁶. Лишь немногие западные авторы усомнились в подлинности

¹ См. J. Mill. *The Ottomans in Europa or Turkey in the present crisis with secret societies maps.* London, 1876, p. 38—39, 43; J. Baker. *Turkey in Europa.* New York, 1877, p. 43, 57 и др.

² См. A. Fischel. *Der Panславизм bis zum weltkrieg.* St. и Berlin, 1919.

³ См. A. Hayde. *A diplomatic history of Bulgaria from 1870 to 1886.* University of Illinois, 1927.

⁴ «Les responsabilités». Janvier, 1877. 2-me edition revue, corrigée et augmentée. Constantinople, 1877.

⁵ См. С. Никитин. Подложные документы о русской политике на Балканах в 70-х гг. XIX в. Изв. АН СССР. Серия истории и философии, 1946, № 1.

⁶ См. D. Harris. *Britain and the Bulgarian horrors of 1876.* Chicago, Illinois, 1939, p. 7; Driault et Lheritier. *Histoire diplomatique de la Grèce*, v. II.

сборника «Les responsabilités». К ним принадлежал Г. Синклер, считавший, что сборник был сфабрикован турецким послом в Париже Халиль-пашой⁷. В новейшей литературе наиболее правильную позицию в этом вопросе занимал Самнер, высказавший сомнения относительно достоверности этого сборника⁸.

Таким образом, все то, что писалось за рубежом по вопросу о Славянских комитетах, излагалось или в публицистическом плане, или на основе опубликованного в России материала, недостаточного для решения многих вопросов истории этих организаций, или на базе несомненной фальшивки, какой является сборник «Les responsabilités», или на основе домыслов и соображений, не подтверждаемых историческим материалом.

Нельзя не отметить того, что интерес к этой теме и появление соответствующих работ находились всегда в связи с острыми вопросами международной политики своего времени. С 70-х годов XIX в., когда этим вопросом занималась враждебная России английская публицистика, это положение остается справедливым до наших дней. Интерес к этой теме обострился, как уже говорилось, в связи с первой, затем и со второй мировыми войнами.

Во время последней войны гитлеровская пропаганда изображала советскую внешнюю политику, как политику панславистскую и в этой связи вспоминала о Славянских комитетах. После войны те же мотивы продолжали звучать в западногерманской и американской литературе. В недавнее время в Америке появилась новая книга, затрагивающая тот же вопрос. Мы имеем в виду книгу М. Петровича «Возникновение русского панславизма»⁹, где наряду с панславист-

⁷ См. Г. Синклер. Восточный вопрос прошедшего и настоящего. СПб., 1878. G. Sinclair. A defense of Russia and the christans of Turkey, v. 1. p. 59.

⁸ См. В. Sumner. Russia and the Balkans 1870—1880. Oxford, 1937, p. 681.

⁹ См. Michael Boro Petrovitch. The Emergence of russian panslavism 1856—1870. N J, 1956.

ской идеологией и печатью автор касается вопроса о Славянских комитетах.

В руках Петровича, как и в руках его предшественников, не было свежего материала, который давал бы возможность посмотреть на проблему по-новому. Правда, он использовал доступную ему советскую литературу и публикации, в том числе некоторые опубликованные ранее части настоящего исследования, но они освещали только часть вопроса¹⁰. Вот почему гл. 5 названной книги Петровича, посвященная Славянским комитетам, хотя и представляет попытку на основе опубликованного материала пересмотреть вопрос об организации и деятельности Комитетов и отойти от публицистической его трактовки, все же не смогла удовлетворительно осветить многие стороны дела. Отмечая это, мы не упрекаем М. Петровича. В его распоряжении не было достаточного материала, который позволил бы ему дать верное изображение деятельности Комитетов. В своих выводах Петрович преувеличил связи Комитетов с русским правительством, подчеркивая значение финансовой помощи со стороны официальных учреждений, хотя и правильно отметил, что правительство не участвовало в панславистских замыслах деятелей Комитетов. Трудно также согласиться с мнением автора об опасности Комитетов для Австро-Венгрии и Турции. Даже в апогее своей внешнеполитической активности Славянские комитеты были способны всего лишь на посылку в Сербию небольшого отряда добровольцев, который не мог дать никакого военного эффекта.

Общая позиция автора высказана в предисловии к книге. Автор утверждает, что нападение Гитлера на Советский Союз привело к возрождению панславистской идеи, доказательство чего он видит в создании Всеславянского комитета. И хотя автор заяв-

¹⁰ Ранее были опубликованы следующие разделы: «Возникновение Московского славянского комитета», «Вопросы истории», 1947, № 8; «Славянские съезды шестидесятих годов XIX в.», «Славянский сборник», М., 1948; названная выше статья о сборнике «Les responsabilités».

ляет о необходимости изучать русский панславизм не в качестве предшественника советской политики, а сам по себе, он полагает, что у читателя его книги будут возникать параллели между царским и «советским панславизмом». Само признание возможности таких параллелей весьма выразительно. Оно свидетельствует о желании Петровича замолчать качественную разницу между отношением царского правительства к славянам, подчиненным Австро-Венгрии и Турции, и позицией Советского Союза в отношении самостоятельных демократических славянских государств, равно как и социальных различий между царским правительством и его политикой и Советским правительством и его политической линией.

Настойчивость, с какой зарубежные историки и публицисты возвращаются к данной теме, и тенденциозность ее трактовки побуждали нас изучить вопрос на основе разностороннего архивного материала, дающего возможность выяснить и такие стороны дела, относительно которых опубликованные источники не содержат указаний. Ранее изданные документы в свете новых данных нередко приобретали иное значение.

Марксистская историческая наука не отказывается от изучения ни прогрессивных, ни реакционных явлений исторического прошлого, а показывает объективно их существо и действительное место в процессе исторического развития. Поэтому и вопрос о Славянских комитетах должен решаться на основе научного анализа всех имеющихся исторических материалов, освещаемых светом марксистского метода.

В данной работе мы останавливаемся на двадцатилетнем периоде (1858—1876 гг.) существования Славянских комитетов, начиная с возникновения и кончая апогеем их деятельности в период русско-турецкой войны, после которой следует спад активности Комитетов и свертывание самой организации. Именно война является гранью в истории Комитетов. Во время войны они превращаются в прямых исполнителей распоряжений органов власти, подчи-

няются надзору министерства внутренних дел, что ограничивает их деятельность и меняет ее направление. На этом моменте мы заканчиваем настоящее исследование. Завершая один этап истории Комитетов, период войны в то же время начинает другой этап, когда они вновь превращаются в просветительно-благотворительные общества. Кризис славянофильства приводит в дальнейшем к возрастанию в Комитетах влияния националистических, а затем неославистских течений. Этот этап истории Комитетов находится за пределами данной работы.

ГЛАВА I

СЛАВЯНСКИЕ КОМИТЕТЫ 1858—1874 гг.

Литература по истории, Славянских комитетов ничтожна. История Московского славянского комитета за первые десять лет его существования изложена в двух небольших брошюрах секретаря Комитета в 60—70-х гг. проф. Н. А. Попова, вышедших под названием «Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве», вып. 1 (М., 1871), вып. 2 (М., 1872). Эта работа ограничена слишком узкими хронологическими рамками. К недостаткам ее следует также отнести панегирический тон и небрежное обращение с документами, что обнаруживается при сличении с подлинниками. Можно отметить случай, когда в брошюре указывается в качестве автора цитированного документа не то лицо, какое было им в действительности. Ряд документов приводится неполно. Тем не менее это по существу единственный исторический обзор, материал которого в некоторых своих частях представляет значительный интерес¹.

¹ Западноевропейская публицистика 60—70-х гг. по понятным политическим мотивам изображала Славянские комитеты как мощную секретную организацию русского правительства. См., например, J. Mill. *The Ottomans in Europe or Turkey in the present crisis with secret societies maps.* London, 1876, p. 38—39, 43; J. Baker. *Turkey in Europe,* New York, 1877, p. 43, 57.

Отголоски этой традиции сохраняются и в современной научной литературе. Например, A. Levak. *Dzicje emigracji polskiej w Turcji.* Warszawa, 1935, стр. 188. Другие примеры указаны ниже.

Для других комитетов — Петербургского, Киевского, Одесского — отсутствуют даже и такие работы, как брошюра Попова. Из опубликованного материала мы располагаем лишь собранием протоколов заседаний Петербургского комитета² и отдельными отчетами, обзорами, а также протоколами прочих комитетов, на которые мы ссылаемся ниже.

Таким образом, точно восстановить картину возникновения и деятельности Славянских комитетов возможно лишь на основе первоисточников. Помимо опубликованных материалов, нами использованы архивные фонды Московского и Петербургского Славянских комитетов. Материалы Киевского комитета не сохранились. Фонд Одесского комитета сохранился очень плохо.

* * *

Традиция, идущая от Н. Попова, изображает возникновение Московского славянского комитета, первого по времени образования и основного по значению, как результат инициативы группы московских славянофилов и близких к ним деятелей литературы, науки и т. д. Но традиция эта умалчивает о ряде обстоятельств, весьма существенных с точки зрения генезиса данной организации.

Напомним, что в статье, опубликованной нами в 1946 г. в «Вопросах истории»³, мы показали, какое большое значение придавало русское правительство народам Балканского полуострова и их возможному участию в Восточной войне 1853—1855 гг. В связи с планами войны на Балканском полуострове и расчетами русского правительства на восстание подвластных Турции христиан по инициативе одесских болгар в 1854 г. было образовано Одесское бол-

² «Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества... по протоколам общих собраний его членов». СПб., 1883.

³ См. С. Никитин. Русская политика на Балканах в начале Восточной войны. «Вопросы истории», 1946, № 4.

гарское настоятельство. Это был орган для связи между русским правительством и задунайскими болгарскими. Представители одесской болгарской буржуазии, входившие в состав настоятельства, рассматривали его как организацию, представлявшую болгарские национальные интересы перед русскими официальными кругами. Хорошо известно, что один из представителей Одесской болгарской колонии⁴ Н. Х. Палаузов был главным пропагандистом болгарского дела в России и добровольным представителем в ней болгарских интересов. Его обращения к кн. М. Д. Горчакову, кн. Паскевичу, гр. Д. Блудову, начальнику штаба южной армии кн. В. И. Васильчикову и некоторым другим давно известны по публикации Н. Барсова⁵. Теперь мы знаем, что Палаузов обращался к гораздо более широкому кругу и официальных лиц и деятелей, сочувствовавших болгарам. Его записки обнаружены в материалах генерала С. А. Хрулева, в период Дунайской кампании состоявшего при главнокомандующем кн. М. Д. Горчакове⁶; он адресовал их новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору Н. Н. Анненкову⁷ и М. П. Погодину⁸. Тесная связь имела

⁴ В связи с русско-турецкими войнами конца XVIII — начала XIX в. в Бессарабию и Новороссию переселилось значительное количество болгар. Значительная болгарская колония возникла в Одессе. См. А. Скальковский. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848; Г. Занетов. Българските колонии в Русия. Периодическо списание на българско книжовно дружество. Средец, 1895, кн. 48; И. И. Мещеряков. Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX в. Изв. Молдавского филиала АН СССР, 1955, № 3—4.

⁵ См. Н. Барсов. Тридцатилетие Одесского болгарского настоятельства. Одесса, 1895, стр. 30.

⁶ См. П. Орешков. Неизвестна преписка на манастирите Соколски и Рилски с Н. Х. Палаузов 1845—1854 гг. «Сборник на българската академия на науките», кн. XXXVI (19). София, 1940—1942.

⁷ ЦГИАЛ, ф. Васильчиковых, № 444, записка от 20/X 1854 г.

⁸ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Погодина, М. 3041—15.

между Палаузовым и архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием. Знакомство с архивными материалами Палаузова и Васильчикова⁹ показывает, что число различных обращений и записок Палаузова было весьма велико, а деятельность его, не прерываясь на протяжении всей войны, продолжалась и после заключения Парижского мира.

Какие цели преследовали одесские болгары, объединившиеся вокруг Палаузова, своего наиболее влиятельного и видного представителя? На этот вопрос очень хорошо отвечает его же записка: «Преданность их (болгар. — С. Н.) к России несомненна. Но надобно уверить их, в каких видах Россия готова пособить им, уверить посредственно или непосредственно, что страдания их известны, что Россия заботится об улучшении их участи и находит возможным их освобождение». Освобождение Болгарии от турецкого ига с помощью России, поддержка последней ожидаемого болгарского восстания, взаимодействие восставших болгар, число которых Палаузов предполагает до 100 000 человек, с русской армией — таковы основные положения Палаузова. В них, с одной стороны, видна готовность идти навстречу расчетам правительства Николая I на восстание балканских народов, с другой — стремление воспользоваться русской силой для освобождения своей угнетенной родины.

Деятельность Одесской болгарской колонии имела отражение не только в России, но и за рубежом. В Бухаресте сложилась подобная же организация местных болгарских купцов — «Добродетельная дружина». В России же эта деятельность сблизила еще сильнее официальные и неофициальные русские круги с болгарями. И до Крымской войны в России хорошо знали болгар. В Москве, Одессе они учились в университете, Ришельевском лицее, семинариях и т. д. В Одессе давно жило много болгар, и видные деятели болгарской колонии были известны в Рос-

⁹ ЦГИАЛ, ф. Васильчиковых, № 453, письма Н. Х. Палаузова к В. И. Васильчикову.

сии¹⁰. Болгары, получившие в России образование и вернувшиеся на родину, поддерживали связь с Россией. Так, из давно опубликованной переписки известного славянофила А. С. Хомякова и работы Н. Барсукова о Погодине хорошо известно об их связях с учившимся в России деятелем болгарской школы З. Княжеским. Публикация Н. Попова¹¹ показала отношения Погодина с видным болгарским учителем и литературным деятелем С. Филаретовым. Но все эти отношения были более или менее случайны, носили главным образом частный характер, связь была неорганизованной и личной. Образование Одесского настоятельства это изменило. Это была организация, получившая право представительства, сношения с официальными лицами и учреждениями.

Но настоятельство — средство удобное и важное, особенно в военное время, как орудие связи с зарубежной Болгарией и как орган представительства национальных интересов болгар, — было недостаточным в условиях после Парижского мира, и болгары быстро осознали это. Задачи настоятельства заключались в помощи зарубежным болгарам путем денежных сборов, которые по окончании войны могли быть использованы для финансирования учебных заведений и «вообще для разных общепользных дел» в Болгарии¹². Но после Крымской войны возникли новые, вовсе не благотворительные, а политические

¹⁰ Они и до образования настоятельства обращались к русским официальным лицам по отдельным вопросам. Так, 24/IX 1853 г. Н. Палаузов написал записку поверенному в делах в Константинополе А. П. Озерову о необходимости открытия в Болгарии центрального шестиклассного духовного училища, с программой, близкой к русским семинариям, для подготовки священников и учителей. Он хотел иметь за счет русского правительства 40 стипендий, остальные учащиеся должны были содержаться за свой счет. Но среди болгар возникли споры о месте устройства училища. Геров предлагал Пловдив, Палаузов — Габрово (Н. П. Документи от времето на българското възраждане), «Периодическо списание», 1899, кн. 58, стр. 619—629).

¹¹ Письма к Погодину из славянских земель (1835—1861 гг.) под ред. Н. Попова. М., 1878.

¹² См. Н. Барсуков. Ук. соч., док. № 7—8.

вопросы. Это были вопросы о том, сохранит ли Россия после поражения в Крымской войне то политическое влияние, каким она пользовалась в Болгарии, смогут ли болгары, искони питавшие надежды на помощь России, продолжать ориентироваться на нее, смогут ли болгары, которым в завязавшейся греко-болгарской церковной борьбе была важна поддержка могущественной православной церкви, рассчитывать, как и раньше, на Россию. «Вы совершенно поймете побуждения, — писал один из болгарских деятелей кн. А. М. Горчакову 11 апреля 1856 г., — которые ныне заставляют высказать славянам причины заключения мира, как некогда я объяснял причины объявления войны, изложить просто и ясно на их родном языке, что если война прекращена, то только потому, что цель ее достигнута; наконец, доказать, что право и свобода вероисповедания для райев добыты собственно Россией, а не другими державами. Это, по-моему, тем необходимее сделать, что уже появилось много брошюр и газетных статей, стремящихся уверить славян в противном, в совершенный ущерб нашего на них влияния»¹³. Практичный болгарин, формулируя эти мысли, исходил не из отвлеченной идеи славянских связей, не из русских интересов, а из интересов самих болгар.

Не следует забывать, что поражение России подорвало значение того течения болгарской общественной мысли 50-х годов, представители которого возлагали надежды на непосредственное освобождение Болгарии русской армией. Тем сильнее обнаружилось теперь тенденции, заглушенные во время войны, отражавшие буржуазно-национальную программу освобождения. Представители этого течения стремились к освобождению болгарской церкви от засилья греков-фанариотов. Завоевание независимой национальной церкви рассматривалось ими как исходный пункт дальнейшей борьбы за национальное освобождение или как ее важнейшее содержание. Во главе этого течения стояли представители буржуазных слоев.

¹³ «Из архивата на Н. Геров», т. I. София, 1911, стр. 473.

Но во второй половине 50-х годов борьба против греческого церковно-культурного гнета объединяла широкие круги болгарского общества: задача самостоятельной борьбы за политическую независимость поставлена еще не была ¹⁴.

Среди светских деятелей болгарского церковного вопроса имелся человек, связанный с русскими официальными сферами, состоявший на русской дипломатической службе, это — Найден Геров. Получив образование в России (Геро́в учился в Ришельевском лицее), он уехал в Болгарию, где работал учителем, затем перед Крымской войной был консульским агентом в Пловдиве. После окончания войны он находился некоторое время в России, а затем был назначен консулом в Пловдив, где образовывалось новое консульство.

В 1856 г. Геров находился в России. Он развернул здесь оживленную деятельность. В это время подготавливалось его назначение в Пловдив. Министерство иностранных дел поручало ему делать извлечения, рефераты из болгарских и греческих сочинений, рисовавших отношение болгарского народа к России, к церковному вопросу. Независимо от этого, Геров составляет целый ряд записок, посвященных болгаро-русским делам и отношениям. Одни из них направлялись в официальные сферы, другие адресовались отдельным лицам.

Геров ловит всякий слух, могущий указать направление, в котором нужно действовать. 13 января 1856 г. студент Московского университета болгарин Савва Филаретов писал Герову о посещении Погодина, выразившего сожаление, что во время своего пребывания в Петербурге не видел Герова. Филаретов сообщал, что Погодин пишет записку о южных славянах для нужд русских уполномоченных на Парижском конгрессе ¹⁵. Эта информация заинтересовала Герова; он, очевидно, наводил какие-то справки, а через две недели отвечал Филаретову: «Погодин-

¹⁴ См. Д. Косев. Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 250—279.

¹⁵ «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 454.

ские записки, насколько я мог узнать, читаются, как литературные произведения. Но так как их все-таки читают, то польза от них будет все же значительная, если дело в них будет изложено верно»¹⁶. Геров решил обратить внимание Погодина на «самое важное обстоятельство, т. е. на духовное наше иго от греков» и написать ему, так как не имел возможности приехать в Москву для переговоров. Действительно, на следующий же день (26 января 1856 г.) Геров обратился к Погодину с большим письмом, в котором развивал свои соображения по болгарскому церковному вопросу.

Насколько нам известно, Геров первым из болгарских буржуазных авторов, писавших в России, высказал положение, встречающееся затем и у других, например у Даскалова¹⁷, выраженное в словах: «Как ни тяжело ярмо турок, однако оно все не так пагубно для нас, как духовное иго греков... Первое не допускает к развитию, под вторым мы истлеваем нравственно». От болгарских авторов это положение усвоили славянофилы¹⁸.

Говоря о прошлом церковного вопроса, Геров отмечал недавние попытки болгар свергнуть духовное иго греков, в ходе которых болгары сталкивались с фактом русского покровительства грекам. Это вызвало разочарование и вело к утрате русскими влияния на болгар. Тяжесть ига и неизбежность продолжения борьбы за свержение его вызывали опасность вмешательства в церковный вопрос западных держав «ко вреду нашему». Сами болгары тяготеют к России, и если они отшатнутся к государствам Запада, то лишь потому, что не видят поддержки России. Мысль о том, что болгары могут уклониться в сторону западных держав, повторяется в записке не один раз, причем Геров подчеркивает, что если это произойдет, то виновной будет Россия, которая не оказала должной поддержки болгарским стремлениям.

¹⁶ «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 456.

¹⁷ Х. Даскалов — болгарский студент; имеется ввиду его статья «Турецкие дела», см. «Русский Вестник», 1858, II.

¹⁸ Ср. А. Хомяков. Соч., т. I, стр. 376.

Указывая на умеренность предлагаемой программы, Геров говорит, что она может быть осуществлена «только при содействии России». Сама программа формулирована так: болгары стремятся не к выходу из подчинения константинопольскому патриарху, «болгаре желают только, чтобы эта церковь (т. е. константинопольская. — С. Н.) была приведена в надлежащее устройство, сообразно с потребностями, и в видах общей пользы всех народов, которые подчинены ей; чтобы не было исключительности в пользу одних греков при выборе ее представителей, равно и в раздаче высших духовных чинов; чтобы духовное управление было правильное, чтобы архиереи были истинными пастырями духовного своего стада, а не волки (так. — С. Н.), терзающие оное, и прочее тому подобное»¹⁹.

В заключение автор выражает сожаление по поводу того, что хотя он располагает многими данными, на которые хотел бы обратить внимание начальства, но не имеет возможности доставить свои сведения куда следует, не знает взгляда государственных людей на дела Востока. Поэтому он желает, чтобы представления в пользу болгар делались людьми, имеющими вес. Это было прямое обращение к Погодину с просьбой выступить в желаемом Герову направлении.

Уже 1 февраля Филаретов сообщал Герову о передаче письма Погодину. При этом произошел разговор, который Филаретов подробно излагает. Оказалось прежде всего, что Погодин пишет не официальную записку для уполномоченных, — такая составлялась Ковалевским. Свою записку Погодин думал послать вел. кн. Константину Николаевичу. Он охотно обещал использовать письма Герова, а со своей стороны советовал через верные руки подать прошение царю от одесских и бессарабских болгар с изложением своих нужд и указать в нем, что можно в настоящее время сделать для «задунайских братьев». Устройство болгарских церковных дел представлялось Погодину по образцу Молдавии и Валахии,

¹⁹ «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 192.

т. е. подчинение болгарской церкви патриархии сохранится, но народ получит национальное духовенство. «Таково мнение Погодина или он усвоил твое мнение, — писал Филаретов, — и в таком духе пишет и внушает кому может»²⁰. Филаретов призывал Герова не смущаться тем, что записки Погодина читаются как литературное произведение при всем «равнодушии безжалостных космополитов, мы видим, что его усилия не остаются совсем бесполезными». Филаретов сообщал московские слухи о пребывании Е. П. Ковалевского (директора Азиатского департамента) в Петербурге и советовал повидаться с ним и изложить ему все, что знает Геров. «Говорят, — пишет Филаретов, — что он очень добрый и разумный человек». «Так, братец, — заканчивает он эту часть письма, — скажем себе и в другой раз, что мы должны приготовить, если хотим есть; чужое всегда чужое, но что же поделаешь?». «Приходи зло, потому что без тебя еще хуже», — заканчивает он поговоркой²¹.

Геров подхватил обе мысли — и Погодина и Филаретова, но отнесся к ним неодинаково. Погодинскую идею подачи прошения царю он признал возможной и одобрил, но полагал необходимым отложить ее осуществление, пока неизвестно, как сложатся отношения на конференции. Когда будут ясны условия мира, тогда будет виднее, как можно действовать.

Что касается мысли Филаретова о необходимости связаться с Ковалевским, то он ее осуществил. 13 февраля Геров писал: «С ген. Ковалевским я познакомился и на этих днях говорил с ним, и остались согласными»²².

Начиная с этого времени Геров старается использовать установившиеся связи, стремится расширить и укрепить их во имя тех же целей, ради которых писал он и Погодину: «...за народны те работи» («для народного дела»). Герову и близкому к нему кругу болгар (он, как видно из обширной переписки, не ог-

²⁰ «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 457.

²¹ Там же, стр. 458.

²² Там же, стр. 459.

раничивался Геровым и Филаретовым, к ним были близки: Денкоглу, Палаузовы²³, Тошквич²⁴ и студенческая болгарская молодежь в Москве — Даскалов, Попович и некоторые другие) было необходимо не только установить связь с представителями русских правящих сфер, но и, насколько это было возможно, воздействовать на них для направления русской политики в желательное для руссофильской части болгарской буржуазии русло. Вполне понятно, что болгары могли иметь успех лишь в том случае, если «народные работы» были бы как-то связаны с устремлениями и желаниями русского правительства или русской общественности.

Независимо от конкретного содержания пунктов Парижского мира²⁵ было ясно, что Россия не сможет и не захочет отказаться от связи с народами Балканского полуострова, от попыток влиять там и на ход дел и на отношение к ней населения, что она не разорвет исконных церковных связей с Ближним Востоком. Все эти соображения и лежат в основе тех записок, которые Геров адресует уже не литератору Погодину, а руководителям внешней политики России.

23 марта 1856 г. Геров представил директору Азиатского департамента Е. П. Ковалевскому записку о торговле в Болгарии церковными книгами. Он излагает историю снабжения Болгарии такими изданиями, указывает на нужду в них и предлагает, чтобы правительство продавало эти издания по казенной цене, отдавая через консульства на комиссию училищам и частным лицам²⁶.

11 апреля Геров сделал следующий шаг и адресовал записку кн. А. М. Горчакову. В ней он говорил о незначительности числа русских негласных агентов в славянских землях Балканского полуострова

²³ «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 459; ЦГИАЛ, ф. Васильчиковых, № 453.

²⁴ «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 398—399.

²⁵ Мир был подписан 18 (30) марта 1856 г. Записка помечена 23 марта.

²⁶ «Из архивата на Н. Геров», т. I, стр. 901—902.

(«сколько мне известно, едва ли не через одного меня поддерживаются некоторые отношения с славянскими племенами») и желательности расширения этого круга. Расширение мыслилось в двух формах. Полезно «иметь агентов из самих местных жителей, хотя при наших консульствах... и доверенных, и депутатов от славянских племен Турции в Петербурге, которые бы объяснили здесь о нуждах народных и поддерживали влияние наше на славян, подрываемое европейскими агентами». Доверенные могли бы пребывать в Петербурге не с политическими целями, а в качестве наблюдателей за учащимися болгарами, число которых следует увеличить для отвлечения их от учебных заведений Парижа и Вены²⁷. А дальше читаем: «Может быть, правительство не пожелает тратить суммы как на содержание воспитанников (из) славянских племен, так и на многосложные сношения с ними или найдет это почему-либо затруднительным, в таком случае оно оказало бы важную услугу нашим единоверцам в Турции, если бы разрешило составить общество в видах поддержания церкви, развития просвещения и вспомоществования бедным единоплеменникам нашим. Я слишком далек от мысли, чтобы общество это было в состоянии соревноваться со всесильным обществом католической пропаганды, имеющим такое благотворное влияние на своих единоверцев в Турции, однако надеюсь, что оно найдет сочувствие в России и между православным населением других земель»²⁸. Одновременно с этой запиской Геров представил еще две, по его словам, составленные другими лицами, и выписки из писем, полученных из Болгарии. Содержание этих последних документов нам неизвестно. Но важно, что такими сведениями, заимствованными из частной переписки, Геров снабжал и Ковалев-

²⁷ Предложения, изложенные в записке Герова, близки к пожеланиям Н. Х. Палаузова, выраженным в его записке от 20 января 1854 г. Сходство мотивов важно как показатель того, что Геров и Палаузов были выразителями взглядов одного круга.

²⁸ «Из архивата на Н. Геров», т. I, стр. 474.

ского²⁹. Ему и другим официальным лицам он писал и позже.

В первой половине мая 1856 г. Геров приехал в Москву. Он связался с Погодиным, со славянофилами и был вполне удовлетворен, найдя в них таких людей, «как мы представляем русских и какими мы желаем, чтобы они были». Это «люди со славянским направлением и расположенные быть нам полезными. Правда, их немного, но предположения их велики, намерения тверды, а усердие — безгранично»³⁰.

У Герова, естественно, возник вопрос, каким путем могут действовать и быть полезны эти расположенные к болгарскому делу люди. И на него он ответил так: следует, чтобы всякие их действия в пользу болгар осуществлялись через Одесское болгарское настоятельство, которое в свою очередь будет сношаться с бухарестскими болгарам. Эти два общества смогут направить все дело помощи болгарам на нужный и верный путь. «Но и без того, — пишет Геров, — здешние мыслят, что эти два общества будут весьма полезны народу». Переговоры, таким образом, установили наличие общих целей, согласие в вопросах о форме организации дела. Это был большой успех болгарской русофильской группы.

Геров уехал из России в конце 1856 г., но его отъезд не прекратил идейно-организационного воздействия болгарских деятелей на русское общество. В декабре 1856 г. с дороги, из Бухареста, Геров прислал Ковалевскому еще одну записку. В ней он сообщал о настроениях болгар в княжествах, о жадном их интересе ко всяким сведениям о направлении русской политики, о стремлении отдать себе отчет относительно возможной в ближайшее время международно-политической конъюнктуры. Геров указывал, что болгары стремятся быть полезными соотечественникам за Дунаем, но стеснены в своих действиях тем, что являются подданными иностранных государств, подданство которых были вынужде-

²⁹ «Из архивата на Н. Геров», т. I, стр. 903.

³⁰ Письмо к С. Тошковичу в Одессу от 24/V 1856 г. «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 398.

ны принять в целях получения защиты. В то время, говорится в записке, как все государства предоставляли своим консулам право принимать в подданство, Россия этого не делала, «таким образом лучшие из болгар, которые могли послужить вернейшим проводником влияния России, чего и сами желали, принуждены для ограждения, хоть личных своих выгод, принимать подданство других держав и поневоле делаться проводником их влияния». Переход в подданство других стран — простая сделка, оплачиваемая несколькими червонцами, в результате которой даже на приказчиков и товарищей болгарских купцов — иностранных подданных — распространяется в Турции защита соответствующей страны. Бухарестские болгары надеются, что и русские консулы будут также легко принимать в подданство; «тогда многие из разных подданных перейдут в русское подданство и, покровительствуемые русскими консулами, не будут стесняться местным начальством, которое также не благоприятствует проявлению болгарской народности, а постараются быть полезными своему народу». Другой вопрос, которым, по словам записки, очень интересуются болгары, это вопрос увеличения числа русских консулов в Турции. «Все одинаково считают, — пишет Геров, — это необходимым как для оказывания покровительства христианам, так и для парализования влияния и происков агентов западных держав»³¹.

Аналогичная записка 21 апреля 1856 г. была представлена Н. Х. Палаузовым В. И. Васильчикову. Записку об отношении болгар к России и русской политике послал болгарский учитель С. Радулов в министерство иностранных дел, а копию ее — Погодину. По общему направлению она вполне примыкает к запискам Герова и Палаузова³². Все эти факты еще лучше оттеняют идейно-политическое единство болгарского круга, стремившегося воздействовать на русское правительство.

³¹ «Из архивата на Н. Геров», т. I, стр. 906.

³² ЦГИАЛ, ф. Васильчиковых, № 453, л. 3, об.; Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Погодина, П. л. 27—37.

Изложенные документы представляют большой интерес. Они свидетельствуют о том, что в болгарской буржуазной среде имелись элементы, целью которых было поддержать могущее упасть влияние России на Балканах, что элементы эти руководствовались при этом своим пониманием интересов болгарского народа, хотя, как русские подданные, и, может быть, в силу связей, воспитания и искренней привязанности к России, они отводили определенное место русским интересам.

Не ограничиваясь этим, болгары стремились повлиять на общественное мнение России, чтобы при помощи его оказывать давление на правительство. Первой попыткой такого рода было обращение Герова к Погодину. Но попытка эта не была единственной.

В 1857 г. митрополит Филарет получил записку неизвестного автора «о распространении духовного просвещения в Болгарии через содействие России». В пей говорилось, что в связи с вестью о предположении вызова в Россию из каждого восточного патриархата некоторого количества молодых людей для обучения в русских семинариях болгары опасаются, что они не попадут в это число, так как они стремятся к своей иерархии, а греки противятся тому. Греческое духовенство хочет внушить болгарам, что Россия равнодушна к ним, и ссылается на отношение России к болгарам во время войн с Турцией; оно стремится доказать болгарам, что они не созрели для того, чтобы иметь народную иерархию. Но болгары не думают о собственном государстве, что же касается духовных постов, то среди болгар есть люди, учившиеся в семинариях и академиях, они могут с успехом занимать епископские кафедры в болгарских землях. Если отбор будет поручен константинопольскому патриарху, он пошлет греков, а если и попадут болгары, то худшие, неспособные, специально подобранные, чтобы доказать России нецелесообразность покровительства им. Записка заканчивается просьбой, чтобы отбор болгар был поручен не патриарху, а русскому послу в Константинополе, русским консу-

лам в болгарских городах или болгарскому настоятельству в Одессе³³.

С. С. Дмитриевым был отмечен факт переговоров болгарского купца Кирковича со славянофилами в марте 1858 г. В результате переговоров Киркович составил записку о выгодах для русских купцов торговли с болгарами. Эта записка вышла из герцовского же круга: пловдивские Кирковичи были родственниками Герова.

Все эти факты говорят о достаточно широкой деятельности, которую развернули названные представители болгарских буржуазных кругов. В переговорах и переписке с москвичами болгарские деятели оперировали двумя параллельными рядами идей: мыслью об интересах болгар (это основное) и мыслью о русских интересах.

Мы видели, что в определенном кругу русского общества (главным образом славянофильском) мысли болгар находили сочувственный отклик.

Что же касается русской политики на Балканах не в общем ее содержании³⁴, а в отдельных частных проявлениях, то можно отметить в ней ряд черт, перекликающихся с записками Герова и Палаузова.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что происходившее в 60-е годы расширение сети русских консульских учреждений (новые консульства в Пловдиве, Тырнове и других местах) находится в полном соответствии с предложениями Герова и Палаузова. Уже в 1857 г. в Константинополь был направлен транспорт церковных книг для Болгарии³⁵.

³³ «Мнения, отзывы и письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по разным вопросам за 1821—1867 гг.». М., 1905, стр. 212, 213.

³⁴ В общем содержании ее определяют следующие слова горчаковской денешки 1856 г.: «Восстановить на Востоке политику, которой требуют наши интересы и в подходящий момент иметь уверенность в причитающейся нам доле. Таков принцип нашей национальной политики» (E. Schüle. *Russland und Frankreich vom Ausgang des Krimkrieges bis zum italienischen Krieg*. Berlin, 1935, p. 34).

³⁵ «Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке». СПб., 1886, стр. 180—181.

В следующем году было принято решение вновь послать книги и продавать их за полцены, что шло даже дальше пожеланий Герова³⁶.

Таким образом, мы можем констатировать внимание русского правительства к голосу тяготевшего к России представителя болгарской буржуазии. Руководствуясь своими интересами и соображениями, оно считало целесообразным укрепить свои связи и сохранить влияние в Болгарии, а затем и в других областях Турции. Оно учло целый ряд соображений и пожеланий Герова и Палаузова — людей влиятельных в болгарской среде и активных деятелей сближения с Россией.

В русских правительственных кругах позиция болгар находила поддержку ряда деятелей. Записка Палаузова от 24 апреля 1856 г. о предоставлении болгарам русского подданства вошла в качестве основной части в записку Васильчикова по этому вопросу, поданную в особый комитет под председательством гр. П. Д. Киселева³⁷.

12 декабря 1856 г. адрианопольский консул Ступин отправил министерству большое и подробное сообщение о положении дел в Болгарии, в котором характеризовал греческое засилье в школе, гонения греческого духовенства на славянский язык в церковном употреблении, отмечал издание славянских книг Австрией и Англией, их покровительство деятельности поляков в Болгарии и проникновению последних в болгарские школы. Ступин сделал вывод, что «первейшая и настоятельнейшая потребность состоит в богослужебных славянских книгах и учебниках, потом — в возможном покровительстве и помощи нуждающимся православным церквям и училищам вообще»³⁸. Донесение обратило на себя внимание министерства, было доложено Александру II и вызвало ряд практических мер, в том числе посылку книг, икон и т. п.

³⁶ «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 419.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. Васильчиковых, № 453, л. 3, об., 108, об., № 430.

³⁸ Н. Барсов. Ук. соч., стр. 13—14.

В том же направлении в рассматриваемый момент действовал А. В. Рачинский — агент Одесского настоятельства, лично известный ряду влиятельных лиц (Е. П. Ковалевскому, кн. В. И. Васильчикову)³⁹.

Весьма существенно, что идея создания общества, занимающегося делами и сношениями со славянами, высказана в записке Герова. В ней изложен круг подведомственных такому обществу вопросов, почти точно повторенный затем в документах о создании Славянского комитета.

Аргументы Герова получили поддержку в недрах министерства иностранных дел. Цитированная выше записка от 11 апреля 1856 г. была почти полностью включена в письмо Ковалевского к Горчакову от 26 апреля, где в тех же выражениях изложена мысль о создании Славянского комитета⁴⁰. Замолчать или обойти указанные факты значило бы исказить картину создания Комитета, выросшего не только на почве славянофильских идей, но и из реальных интересов самих славян и в первую очередь болгар. Мы увидим, что этот вполне несомненный факт найдет свое отражение и в первых шагах Московского славянского комитета.

Говоря о воздействии записок Герова, мы представляем себе дело так, что налицо имелись готовые предпосылки, в силу которых соображения Герова являлись приемлемыми. Уже в предвоенный период русское правительство могло почувствовать целесообразность крепких связей с народами Балканского полуострова, конечно, через их верхушечные слои. В период войны оно могло убедиться в этом в еще большей степени на примерах деятельности Е. П. Ковалевского в Черногории, К. М. Базили — в Греции, Н. Герова — в Болгарии, на опыте сношений с греческими гетеристами и т. п. Посылка в Болгарию, Сербию, Боснию церковных предметов не была новым

³⁹ П. Барсов. Ук. соч. стр. 15; Приложение к брошюре «Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства». Одесса, 1895, стр. 6—7.

⁴⁰ «Отчет Публичной библиотеки за 1885 г.». СПб., 1888. Приложение, стр. 1—3.

делом. Такие эпизодические отправки делались и в официальном порядке Синодом и частными лицами, например, организованная Ф. В. Чижовым за счет Голубкова отправка икон, облачений, книг в одну из далматинских церквей. Теперь речь шла о том, чтобы, введя это в систему, превратить благотворительность в политическое дело. Восприятие такой мысли было вполне естественным. И до Крымской войны Россия принимала в свои школы балканских славян: здесь были и черногорцы, и сербы, и болгары. Результат этой меры обнаружил себя кое в чем и во время Крымской войны. Можно было бы указать на позицию сербского митрополита Михаила, на роль черногорцев — воспитанников русских военных училищ — в организации черногорских военных сил; можно было бы отметить имя болгарина Кишельского, принявшего непосредственное участие в Крымской кампании вместе с болгарским отрядом. Новым в предложениях Герова было то, чего почти не знала николаевская Россия (исключением являлось Одесское пасторальство) — создание общества. Но пора была уже иная. Действовать через официальных агентов не всегда было возможно, и правительство пошло по пути создания ряда общественных организаций для Ближнего Востока.

В 1856 г. в Петербурге образовался благотворительный комитет, состоявший из трех титулованных дам: кн. Г. В. Васильчиковой, гр. П. Д. Протасовой и гр. А. Д. Блудовой, ставивший целью снабжение книгами и богослужебными предметами церквей и школ Балканского полуострова. Организация этого комитета была официально признана, действовал он вполне открыто, публикуя воззвания и отчеты в газетах ⁴¹.

⁴¹ Отчеты комитета титулованных дам свидетельствуют об узости его деятельности, направленной исключительно на сбор и передачу пожертвований церковными предметами, книгами, частично деньгами. Денежные пожертвования в большей своей части представляли номинальные вклады церквям и монастырям на Востоке. Частично были пожертвования в пользу школ. Вся деятельность Комитета носила чисто благотворительный характер («Московские ведомости», № 35 от 23/III 1858 г.).

В ноябре 1856 г. Одесское настоятельство, созданное во время войны для связей с задунайскими болгарами, обратилось к архиепископу Иннокентию относительно необходимости оформить настоятельство как постоянно действующее общество для содействия образованию болгар, просило архиепископа быть попечителем общества. Дело перешло в Азиатский департамент, где было сочувственно встречено Ковалевским, писавшим Иннокентию: «Мы не замедлим заняться им, постигая вполне важность предмета»⁴². (Правда, затем этот вопрос, переданный в комитет министров, пошел обычным медленным бюрократическим ходом. Только 21 мая 1858 г. состоялось высочайшее утверждение Одесского болгарского настоятельства.)

В 1856 г. вел. кн. Константин Николаевич направил в Палестину Б. П. Мансурова для обследования положения русских богомольцев и изыскания способов поднятия русского влияния на православном Востоке. По возвращении Мансуров составил записку о поддержании русской миссии в Палестине, организации денежных сборов и т. п. В январе 1858 г. записка была подвергнута обсуждению в комитете министров и принята в качестве программы деятельности русской духовной миссии в Палестине⁴³.

В середине 1858 г. на основании письма посланника в Греции И. П. Озерова возник вопрос о мерах к поддержанию православия и церкви в Греческом королевстве. Кн. Горчаков направил копию письма в Синод, а само письмо Озерова, где содержалась мысль о необходимости организации общения русской и греческой церквей, об ученом и литературном содействии, было доложено Александру II, который написал на нем: «Я совершенно согласен на все предлагаемые меры»⁴⁴. Переговоры обер-прокурора гр.

⁴² Н. Барсов. Ук. соч., стр. 12.

⁴³ См. А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров, ч. 2, стр. 144—145; Порфирий Успенский. Книги бытия моего, ч. 7. СПб, 1901, стр. 152, 155; ЦГАДА, Зимний дворец. № 2538а, копия дневника А. С. Мещникова.

⁴⁴ «Миссия, отзывы и письма Филарета...», стр. 216.

А. П. Толстого с представителями духовенства и греками, живущими в Петербурге, вызвали мысль о создании греко-русского ученого общества. Были сделаны шаги по выработке устава и т. п. Приведенные факты свидетельствуют о том, что само царское правительство уже принимало меры, сходные с теми, какие рекомендовал Н. Геров, но не специально в отношении Болгарии.

Еще больше оснований для отклика на мысли Герова было в некоторых русских общественных кругах, так как планы, сходные с предложениями Герова, развивались независимо и там в то же самое время.

Известно, что традиционное покровительство России в отношении христиан Востока признавалось славянофилами основой русской ближневосточной политики⁴⁵, что во время Крымской войны среди них (так же как среди болгар) существовали надежды на разрешение восточного вопроса⁴⁶. В неопубликованной записке К. С. Аксакова, где излагались взгляды автора по восточному вопросу, он определял задачу так: «Турецкая власть в Европе — позор христианства, добровольно до сих пор терпимый христианскими могущественными народами, — должна исчезнуть. Что же потом? Славянские народы должны быть освобождены и составить по народностям своим отдельные княжества, должны находиться под покровительством России, как теперь Сербия»⁴⁷.

Сразу после опубликования условий Парижского мира Хомяков говорил: «Если бы нам удалось теперь окончательно отказаться от наших прежних ошибок и открыто и всецело соединиться с Францией, (planter là) бросить Германию, обратить все наши симпатии на славянские народы, не вмешиваться в полицейские дела других государств, — мы бы еще

⁴⁵ См. В. С. Аксакова. Дневник, стр. 23.

⁴⁶ «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, стр. 201.

⁴⁷ К. С. Аксаков. Записка о восточном вопросе. Гослитархив, ф. И. С. Аксакова (из музея усадьбы Мурапово), стр. 8—9.

все наверстали»⁴⁸. Приведенная запись относится к 25 марта 1856 г., а к 24 мая того же года относятся сведения, идущие из другого источника, — письма Герова Стефану Тошковичу, где он пишет по поводу своих встреч и разговоров с московскими славянофилами: «Между другими делами они сговариваются испросить позволение правительства, чтобы составить общество для вспомоществования православным христианам в Турции, для просвещения их и проч., и из этого может нечто выйти, так как мысль о таком обществе имеется и у других независимо от здешних»⁴⁹. (Для славянофилов создание общества для помощи просвещению славян представляло реальный шаг в проявлении симпатий к славянам и в сближении с ними.)

За отсутствием данных относительно этих «других» можно только строить предположения. Геров прибыл в Москву из Петербурга, где он общался с Ковалевским и другими деятелями министерства иностранных дел; его записка с предложением создать общество была уже подана. Весьма вероятно, что Геров не ограничился подачей записки, а вел и разговоры по этим вопросам. Никаких прямых указаний на это в нашем распоряжении нет. Однако в письмах Герова упоминаются фамилии лиц, с которыми он встречался в Петербурге частным образом. Чаще других упоминается Гильфердинг, в середине апреля 1856 г. бывший в Москве и встречавшийся с московскими славянофилами. Вслед за ним следует назвать С. Н. Палаузова и Н. Д. Ступина, в начале августа назначенного консулом в Адрианополь (Эдирне). И Гильфердинг, близкий к чиновным и ученым сферам Петербурга, связанный с петербургскими и московскими славянофилами, и Ступин, хотя и стоявший невысоко на иерархической лестнице, были по-своему глубоко преданы интересам болгар и других южных славян и сближению их с Россией. Они представляются наиболее вероятными участни-

⁴⁸ А. Ф. Тютчева. Ук. соч., т. II, стр. 112.

⁴⁹ «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 398.

ками разговоров. Палаузов, как менее симпатичный Герову и более далекий ему человек, мог и не участвовать в замыслах.

Во всяком случае в середине 1856 г. и в Петербурге и в Москве в кругах, интересующихся славянскими делами, существовала мысль о необходимости образования специального общества для поддержки просвещения и помощи южным славянам, точнее, подвластным Турции южным славянам. В Москве эта мысль исходила из славянофильского круга. Геров указывает, что «сердцем» кружка, думавшего о создании общества, был И. С. Аксаков⁵⁰. Ему Геров придавал особое значение. Сообщая Тошковичу о предстоящем посещении Одессы Аксаковым, он выражал надежду, что им останутся довольны, и просил сблизиться с ним. Он рассматривал Аксакова как главного представителя кружка. Говоря о том, что основная задача болгар должна заключаться в содействии со стороны «доброжелателей» двум важнейшим для болгар мероприятиям — учреждению центрального училища для подготовки учителей и священников и созданию журнала, — Геров просил, чтобы Настоятельство воздействовало на Аксакова в том же смысле. Речь в данном случае шла о приезде Аксакова в Одессу в связи с участием его в работе комиссии кн. В. И. Васильчикова по расследованию злоупотреблений интендантства во время Крымской войны. Аксаков был в Одессе в самом конце июня (письмо от 24 июня)⁵¹, но о встрече его и переговорах с членами Настоятельства данных не имеется.

Аксаков был душой кружка, хлопотавшего о создании общества для помощи славянам. Главным практическим организатором общества был А. В. Рачинский — участник Дунайской кампании, позже русский консул в Варне, в 60-х годах служивший в Польше. Сведения, идущие из недр самого Славян-

⁵⁰ «Из архивата на П. Геров», т. II, стр. 398.

⁵¹ «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, стр. 252—254.

ского комитета, так определяют роль Рачинского: «Мысль о нем (т. е. Комитете. — С. Н.) прежде всего возникла в голове А. В. Рачинского, уже знакомого тогда с болгарскими делами и желавшего организовать помощь в самой Москве учившимся в ней болгарам». Ему же, как свидетельствуют его письма к Погодину, принадлежат и первые организационные усилия⁵². Из приведенного выше материала видно, что горячее участие в деле принимал М. П. Погодин. О других участниках кружка точных сведений у нас нет. Никаких данных об участии в нем К. С. Аксакова не имеется. В пору заграничной поездки в 1860 г. И. С. Аксаков писал относительно брата: «Прежде в Москве он относился к славянам довольно равнодушно»⁵³. Упоминания имени К. С. Аксакова в переписке связанных с этим делом лиц отсутствуют. Все же, судя по уже излагавшейся его записке о восточном вопросе, К. С. Аксакова следует признать возможным участником кружка. Нет сомнений, что Хомяков участвовал в кружке. Подтверждением этого могут служить его суждения по поводу Парижского мира и задач России. Об интересе его к славянам свидетельствуют близкие отношения с учившимися в Москве болгарскими: Савва Филаретов — частый посетитель и собеседник Хомякова⁵⁴. Хомяков знал З. Княжеского и помогал ему деньгами⁵⁵; наряду с Кошеле-

⁵² ЦГИАМ, ф. 1750 (автор пользовался фондом, когда он находился в ЦГАДА), д. I. «Доклад о десятилетней деятельности Славянского комитета, произнесенный на Всероссийской этнографической выставке», л. 3—4. Название дела ошибочно, так как никакого подобного доклада во время Славянского съезда (а тем более на Этнографической выставке) не делалось, да и хронологически определение, данное в заголовке, ошибочно. В действительности цитированный документ является черновиком отчета за второе десятилетие деятельности Комитета (1868—1877). Подобного рода ошибками описи дел Московского комитета буквально пестрит (Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Погодина, II, письма Рачинского).

⁵³ «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, стр. 496.

⁵⁴ «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 465.

⁵⁵ См. А. С. Хомяков. Соч., т. VIII, стр. 283.

вым и Самариным он финансировал издание геровского русско-болгарского словаря⁵⁶, являлся составителем известного «Послания к сербам». Хомяков — один из учредителей Московского славянского комитета. Два других члена кружка — по-видимому, Кошелев и Самарин, из которых последний принимал живое участие в помощи Княжескому⁵⁷. Связи, знакомства, путешествие Кошелева по славянским землям Австрии — все это свидетельствует о живом интересе к славянству. Было бы естественно ждать упоминания имени Ф. В. Чижиова, но в переписке Герова он не назван ни разу.

Наши гипотезы об участниках кружка могут быть в какой-то части неточными. Однако без всякого сомнения можно утверждать, что источником мыслей о создании славянского общества в Москве был славянофильский круг, а в нем в особенности И. С. Аксаков. Усилия и плапы Аксакова поддерживались Хомяковым. Аксакова он поддерживал и в других случаях, что видно из обстоятельств, связанных с изданием «Русской беседы». Как уже указывалось, живое участие в создании общества принимали А. В. Рачинский и М. П. Погодин.

Далее в материалах, которыми мы располагаем, существует пробел. Он не случаен. Из своей поездки для работы в комиссии Васильчикова Аксаков вернулся лишь во второй половине декабря 1856 г. Следующие три месяца он провел над окончанием работы по изучению украинских ярмарок. В середине марта 1857 г. Аксаков выехал за границу, откуда вернулся в сентябре⁵⁸. По всем имеющимся сведениям Комитет образовался зимой 1857/58 г. и в 1858 г. был утвержден. Очевидно, по возвращении Аксакова из-за границы возобновились хлопоты об организации Комитета. 21 октября 1857 г. Рачинский запрашивал Погодина: «Не может ли осуществиться мысль об устройстве в Москве общества на пользу болгар». От-

⁵⁶ «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 460.

⁵⁷ См. А. С. Хомяков. Соч., т. VIII, стр. 283.

⁵⁸ По данным III т. переписки И. С. Аксакова.

вет, по-видимому, был положительный. Через короткий срок мы видим Рачинского действующим в этом направлении. В пользу идеи создания Комитета удалось расположить полечителя Московского учебного округа А. Н. Бахметьева; последний обратился к ряду профессоров Московского университета и некоторым представителям журналистики. Через Рачинского же с созданной Бахметьевым инициативной группой связались славянофилы⁵⁹. В пору организационных хлопот Рачинский спрашивал советов Погодина, который, как это с ним нередко бывало, и здесь в решительный момент проявил колебания и боязнь. «До 10 часов утра завтра ожидаю решения вашего: привозить ли вам подписать письмо к Горчакову о болгарях», — писал Рачинский Погодину в записке, относящейся к последним дням предварительных хлопот. После некоторых колебаний Погодин присоединился к прочим членам-учредителям. Дело закончилось подачей прошения за подписями тридцати одного москвича.

На этом последнем акте предыстории Славянского комитета нецелесообразно подробно останавливаться сейчас. К нему лучше вернуться в иной связи. Сейчас отметим только один момент. Мы видели, что инициатива создания Комитета шла из славянофильских кругов. Но в числе учредителей находим далеко не одних славянофилов; здесь и их оппоненты — либералы — С. М. Соловьев, М. Н. Катков, Ф. И. Буслаев; здесь Погодин и большое количество ученых разных специальностей, далеких от споров славянофилов и западников, — Ф. И. Ипоземцев, А. И. Корсаков, М. Я. Киттары и др.

Очевидно, зародившись в узком кругу, идея поддержки южных славян и оказания им культурной и материальной помощи находила отклик не только в славянофильской и близкой к ней среде. Этот факт вполне соответствует общественным настроениям данных лет. Возникновение Славянского комитета является выражением этих настроений. Мы оставляем

⁵⁹ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 1, л. 4.

в стороне более точный ответ на вопрос о том, какие именно общественные круги создали Славянский комитет, так как это требует специального рассмотрения. К этому вопросу мы обратимся в иной связи.

Картина возникновения Комитета, представляющаяся нам в результате изучения не только русских, но и болгарских источников, значительно отличается от того, что рисовалось ранее в литературе. Попов излагает события, связанные с образованием Комитета, только начиная с подачи прошения, и, таким образом, отсекает весь вопрос о возникновении самой идеи. Фишель к этому простому изложению немногих фактических данных добавляет соображения, что в основе Комитета лежало соглашение погодинско-панславистской и славянофильской группы и что Комитет хотел влиять на общение славянских племен (Stammesgemeinschaft)⁶⁰. Но все эти авторы считают образование Комитета фактом русской истории. Между тем данные, приведенные выше, отчетливо свидетельствуют о том, что образование Комитета — факт не только русской истории, что он может быть понят лишь из анализа международно-политической обстановки на Балканах и задач, ставившихся руководителями внешней политики России; этот факт объясняется позицией определенных русских и болгарских общественных кругов в условиях, сложившихся после Крымской войны. Комитет возник в итоге совпадения интересов и стремлений болгарских буржуазных кругов, русского правительства и некоторой части русского общества.

Представители болгарской буржуазии расценивали его как способ получения русской поддержки болгарскому национальному движению. Русские учредители видели в нем орудие помощи просвещению, церкви в Болгарии и вообще на Балканах, средство противодействия католической и иной западноевропейской пропаганде, способ для проведения своего понимания славянской идеи в славянскую среду.

⁶⁰ См. А. F i s c h e l. Der Panslavismus. SS. 368—369.

Правительство рассматривало вновь создавшуюся организацию как удобное орудие для проведения русской политики на Балканах. Политика Горчакова преследовала цель укрепления русских связей с балканскими народами и устранения всего, что ослабляло эти связи⁶¹. Орудием укрепления связей и должен был служить Славянский комитет. И то обстоятельство, что это была общественная организация, а не официальное учреждение, могло сулить правительству значительную свободу в отношении к ней и легкость в проведении своих внушений, поскольку Комитет был поставлен в связь с Азиатским департаментом. С другой стороны, как частная организация Комитет не палалгал на правительство ответственности за свои действия.

* * *

Зимой 1857 г. оформилась организация для связи со славянами и помощи им, мысль о создании которой, как мы видели, зародилась еще раньше. Необходимость новой организации мотивировалась потребностью противодействовать западной пропаганде на Балканах, пропаганде «латинской, иезуитской и политической (ведущейся. — С. Н.) с целью уничтожить влияние России и сочувствие к ней»⁶². Задуманная организация должна была находиться в связи с петербургскими благотворительницами (имеются в виду Протасова, Васильчикова, Блудова) и Одесским болгарским настоятельством. Целью ее признавалось: «1) доставлять славянам денежные средства на пользу церквей, училищ и др. истинно полезных учреждений, каковы общество болгарской письменности в Царьграде и народные читалища; 2) доставлять им пособия книгами, утварью и всем тем, что может

⁶¹ Это особенно отчетливо обнаружилось в 60-х годах в связи с греко-болгарской борьбой и Балканским союзом. См. С. Никитин. Русская дипломатия и южные славяне в 60-х годах XIX в. «Славянский сборник», М., 1947.

⁶² «Краткий отчет о десятилетней деятельности Славянского благотворительного комитета», стр. 2.

способствовать поддержанию православия в отношении к церквям и училищам; 3) вспомоществовать в Москве молодым славянам, приезжающим для образования»⁶³.

Характерные две черты: во-первых, подчеркивающие необходимости вести сношения с болгарями через Одесское настоятельство и, во-вторых, то, что в самом первом обзорном отчете Комитета особо отмечает в числе причин образования Комитета заботу о судьбе православия в Болгарии. Историческая вражда фанариотов к славянам оттолкнула последних от константинопольского патриархата. Болгары особенно остро ощущали двойное иго. Протестантские и католические пропагандисты воспользовались педальюovidностью фанариотов; американцы в целях пропаганды протестантизма издали славянский перевод библии; русские же церковные книги задерживались и портились фанариотами в Константинополе, видевшими в их присылке поддержку славянства. «Мысль о помощи со стороны русского общества и частных лиц южным славянам и болгарам, находившимся в столь трудных обстоятельствах, — говорится в отчете, — возникала не раз, то в Одессе, то в Киеве, то в Москве, но исполнения ее не было. На сей раз эта мысль имела больший успех»⁶⁴. Две отмеченные черты невольно напоминают о впушениях Герова, предусматривавшего сношения через Одесское настоятельство и выдвигавшего на первый план церковный вопрос.

Особая записка, направленная организаторами Комитета А. В. Головину⁶⁵, намечает как главную цель создания специального общества противодействие иностранной, в первую очередь религиозной, пропаганде. Но для нее характерна несколько большая политическая заостренность этих положений. Документ отмечает, что до Крымской войны русские дипломатические миссии, консулы и агенты не ока-

⁶³ Н. Попов. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян, в. I. СПб., 1871, стр. 127.

⁶⁴ «Краткий отчет...», стр. 4.

⁶⁵ Там же.

зывали покровительства православным Ближнего Востока, так как состав их комплектовался из «иноверных чиновников». Наоборот, делалось все, что могло оттолкнуть восточных христиан от России: переселенцев из-за Дуная устраивали плохо, болгарские колонии, устроенные Инзовым, администрация разоряла; бестактно держала она себя и в отношении болгарских волонтеров, которых отправляли на родину под конвоем. В результате мысль сделать из православных сочувствующих России агентов не осуществилась, как и другие предположения: проект создания в Килие и Измаиле подворий русских монастырей оставлен, намерение открыть в Белграде центральное болгарское училище отпадает в связи с изменением границы в Бессарабии, задерживается организация благотворительного общества для поддержки болгарских школ в Одессе. «Между тем в Болгарии работают агенты двенадцати европейских обществ в видах иезуитского, общечеловеческого и политического образования болгар... и недалеко то время, когда греческая иерархия утратит славянскую паству, если и не в пользу Римской церкви, то к полному торжеству того фривольного индифферентизма, который составляет господствующее начало духа нашего времени»⁶⁶. Борьба с иноверческой пропагандой и европейским рационалистическим просвещением за православие, за славянский элемент вместо греческого и за укрепление влияния России путем поддержки национальных школ и церкви — так определяла задачу эта записка.

В заявлении, поданном на имя Горчакова, учредители Комитета просили исходатайствовать высочайшее разрешение «на сбор и передачу пожертвований наших как за границу, так и внутри России и на беспрепятственные сношения... по сему предмету...»⁶⁷.

Возникший в результате совпадения трех нетож-

⁶⁶ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 58, л. 126. Записка написана, по-видимому, А. В. Рачинским.

⁶⁷ Там же, л. 125.

дественных стремлений: правительства, московских славянофилов и связанной с Россией болгарской буржуазной группировки Комитет для помощи славянам оформлялся в качестве благотворительной организации. Однако благотворительность эта имела вполне очевидную политическую направленность и реакционную идеологическую окраску.

Указанные документы исходили от лица учредителей, какими являлись 31 человек из московских жителей. Во главе их находился попечитель Московского учебного округа А. Н. Бахметьев, за ним следовали видные профессора Московского университета: С. М. Соловьев, технолог и экономист М. Я. Киттары, М. П. Погодин, славист О. М. Бодянский, знаменитый терапевт Ф. И. Иноземцев, историк литературы Ф. И. Буслаев, близкий Погодину ботаник и фольклорист М. А. Максимович, известный соратник Каткова по его издательским предприятиям специалист по классической филологии П. М. Леонтьев, астроном А. Н. Драшусов, славист А. А. Майков, анатом И. М. Соколов.

Помимо университетской профессуры, прошение об образовании Комитета подписали: известный археолог — основатель Археологического общества, сын министра народного просвещения гр. А. С. Уваров, издатель «Русского вестника» М. Н. Катков; славянофилы: Ю. Ф. Самарин, К. С. Аксаков, А. Н. Кошелев, А. С. Хомяков, И. С. Аксаков, известный по своей роли в создании Комитета славянофил А. В. Рачицкий⁶⁸; близкий и к славянофилам и к Погодину будущий издатель «Русского архива» П. И. Бартенев, московский цензор Н. Ф. фон Крузе, писатель, друг Погодина, сотрудник «Московского вестника», «Русского вестника» и других изданий Н. Ф. Павлов, сын историографа поэт А. Н. Карамзин, один из директоров попечительного тюремного комитета кн. Ю. А. Оболенский, советник дворцовой конторы С. М. Сухотин и др.

⁶⁸ Краткую его биографию см. в «Русской старине», 1880, т. XXIX.

Как видно из сказанного, учредители не принадлежали к одному идейному лагерю. Здесь и славянофилы, и Погодин, и противники славянофилов, из того же по классовой природе, но отличного в идеологическом отношении либерального лагеря, и люди, по-видимому, посторонние спорам славянофилов с либералами из бывших западников, как например, Иноземцев или Сухотин.

Вот почему неверным является утверждение Фишеля⁶⁹ о том, что Комитет создан как союз славянофилов и панславистов погодинского направления. Состав его в самый момент зарождения оказывается значительно более широким.

Комитет был утвержден царем по представлению кн. Горчакова (26 января 1858 г.). Комитет был поставлен в непосредственные отношения с Азиатским департаментом.

Фишель без какой-либо ссылки на источник утверждает, что Александр II разрешил наследнику принять покровительство над Комитетом, а царице и лицам из правящего круга — жертвовать ежегодно значительные суммы⁷⁰. Нам неизвестны основания этих утверждений. Наличие выборных почетных председателей говорит против первого из них. В начале существования Комитета никаких признаков непосредственного покровительства царской семьи мы не видим, за исключением пожертвования вел. кн. Константином Николаевичем 30 ящичков церковных книг. Что касается второго утверждения, то действительно от императрицы поступал взнос в размере 300 руб. в год на обучение болгар. «Значительных сумм» от представителей правительственного круга в бюджете Комитета не видно. Реальная помощь Комитету со стороны правительства заключалась в предоставлении ему льгот при почтовых пересылках книг и др.

После утверждения Комитета началось собирание средств, и учредители собрали 2,5 тыс. рублей.

⁶⁹ См. A. Fischel. Der Panslavismus. S. 368.

⁷⁰ Ibidem, SS. 368—369.

Между отдельными лицами эта сумма распределялась следующим образом⁷¹:

А. Н. Кошелев	— 500 руб.
А. Н. Бахметьев	— 500 »
А. С. Хомяков	— 250 »
М. Н. Катков	— 100 »
Ю. Ф. Самарин	— 150 »
С. М. Сухотин	— 50 »
кн. Ю. А. Оболенский	— 50 »

Иначе говоря, основную часть первоначальных средств вложили славянофилы, хотя и не только они. Вторично вопрос о взносах был поставлен в следующем году (март 1859 г.), когда круг жертвователей несколько расширился за счет новых членов: Д. Е. Бенардаки и троих братьев Шиповых (Александр, Дмитрий, Николай Павловичи). Жертвователи дали обязательство в течение четырех лет вносить ежегодно:

Бахметьев	— 500 руб.
Кошелев	— 500 »
Хомяков	— 500 »
Д. П. Шипов	— 500 »
А. П. Шипов	— 100 »
Д. Е. Бенардаки	— 500 »
Н. Ф. Самарин	— 100 »

Сохранили старые размеры взносов Ю. Ф. Самарин, Катков, Сухотин, Погодин, кн. Ю. А. Оболенский. Общая сумма обязательных ежегодных взносов должна была составить 3600 руб. Однако обязательства не выполнялись. После новой подписки в первый же год (1859) недоимка составила 900 руб., в следующий — 3000 руб. Общий недобор в середине 1861 г. составлял 7270 руб. За некоторыми членами накапливалась недоимка в весьма значительном размере. К 1864 г. за Д. Е. Бенардаки считалась задол-

⁷¹ См. Н. Поцов. Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве, вып. 1. Первое пятилетие. М., 1871, стр. 74.

женность в 2500 руб., погашенная лишь после специального напоминания ⁷².

В связи с тяжелым финансовым положением Комитет иногда оказывался не в состоянии своевременно выдавать пособия учащимся, что вызывало их жалобы и сетования в письмах на родину. Стесненное материальное положение родственника архимандрита Антима (позже болгарский экзарх) М. Желязкова вызвало в 1861 г. его обращение к послу в Константинополе кн. Лобанову-Ростовскому. В результате письма последнего в Петербург из Министерства народного просвещения Славянскому комитету было переведено 1500 рублей на пособия учащимся.

Основная причина слабости финансовой базы Комитета, помимо различных частных причин, объяснявших неаккуратность его членов, заключалась в узости круга последних.

Среди учредителей Комитета 40% составляла группа работников университета. В связи с этим хотелось бы отметить следующее. Подписавшийся первым в числе учредителей А. Н. Бахметьев был председателем Комитета, соединяя в то же время должность секретаря и казначея. Это была пора своего рода диктатуры Бахметьева.

Бахметьев явно держал дело в своих руках. Ближайшим к нему практическим деятелем являлся Рачинский, чье «горячее попечение о болгарях» отмечал В. Кокорев в качестве двигающей силы ⁷³, увлекающей своим примером других. Созывались иногда совещания, касавшиеся отдельных сторон деятельности Комитета, но не они определяли фактическое течение дел. Это можно видеть на примере длительной борьбы по вопросу о посылке агента Комитета на Балканы. Уже в начале 1858 г. об этом шли переговоры, но прошло несколько месяцев,

⁷² ЦГИАМ, ф. 1750, д. 49. «Переписка членов Славянского благотворительного общества с разными лицами и учреждениями», л. 28.

⁷³ Там же, л. 1.

прежде чем представитель Комитета был отправлен за границу⁷⁴. Бахметьев, по-видимому, тормозил поездки представителей Комитета за границу, на необходимость чего упорно настаивали славянофилы и Погодин. Надо думать, что внутренние разногласия в Комитете мешали развитию организации. Только после смерти Бахметьева, в мае 1861 г., когда состоялось переизбрание руководства и во главе Комитета оказались Погодин и Аксаков, организация активизируется, начинает расти. К этому времени вся годовая сумма поступлений равнялась 3100 руб. Половину бюджета Комитета составляло пособие министерства народного просвещения на стипендии учащимся. Созданная в это время И. С. Аксаковым газета «День», которая была поставлена на службу задачами Комитета, напечатала призыв жертвовать в пользу славян, «стонущих под игом греков и турок». Был впервые установлен членский взнос не менее 5 руб. в год. Результаты этих мер обнаружались очень скоро. Поступили пожертвования от преподавателей Казанского университета, членов Петрозаводского благородного собрания, Оренбургского казачьего войска, преподавателей и учеников 1-й Киевской гимназии и т. п.⁷⁵. Началась усиленная вербовка новых членов, и в 1862 г. приток их был довольно значительным.

Новым в рассматриваемое время был не только количественный рост, но и расширение организации, которая из чисто московской начинает превращаться во всероссийскую. Значительное число вновь вступающих членов дает Тифлис, затем Екатеринодар, Ставрополь. Поступают заявления из Елизаветграда и других мест.

Однако этот прилив членов не произвел переворота в бюджете Комитета и не очень сильно пополнил его средства. Около 40% всех поступлений в 1862 г.

⁷⁴ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 65. «Перешиска...», л. 13, об.; Н. Погодин. «Из истории...», вып. I, стр. 26, 30

⁷⁵ «Отчет Славянского комитета». «День», № 17, 1862; «Русско-славянские отголоски», № 3—4, 1868; «День», № 43 от 27/X 1862 г.

дал сбор пожертвований через газеты, членские взносы составили 20%, а единовременные взносы — около 1%. Правительственная субсидия по-прежнему играла крупную роль (20%). В следующие годы соотношение остается примерно таким же, с той разницей, что исчезают единовременные взносы и абсолютная цифра членских взносов начинает из года в год уменьшаться⁷⁶:

1862 г.	— 1386 руб.
1863 г.	— 1100 »
1864 г.	— 1038 »
1865 г.	— 635 » 25 к.
1866 г.	— 513 »
1867 г.	— 436 »

1867 год был критическим годом. Весь приход Комитета составлял 1698 руб. Число членов сократилось весьма значительно. Очевидно, в предшествующие годы не существовало такого общественного движения, в котором Комитет мог бы найти себе опору. Сокращение членских взносов свидетельствует о текучести членов и о связи притока и убыли членов с некоторыми колебаниями общественных настроений. Нам кажется не случайным приток взносов и увеличение числа членов в 1862 г. Это — год бомбардировки Белграда, волнений в Герцеговине, год обостренного ожидания взрыва событий на Балканском полуострове, ожидания, подогревавшегося газетой «День», бывшей средоточием пожертвований. Могут спросить, почему же не отразились таким же образом события на Крите и ожидавшаяся в 1867 г. борьба на Балканах. Они отразились позднее, в данных за 1868 г., так как деньги в комитетскую отчетность попали только тогда. Они отразились столь существенно, что приход Комитета достиг неслыханной дотоле цифры 9000 руб.

В этом подъеме и усилении Комитета в 1867—1868 гг. нельзя не видеть отражения и другого факта, воздействовавшего даже в большей степени, чем

⁷⁶ Взносы царицы не учитываются, равно как и «пожертвования благотворителей».

критские события. Мы имеем в виду Славянский съезд 1867 г. Это было событие, которое нашло достаточно широкий общественный резонанс. Сочувствием и симпатиями к славянам оказались захвачены отнюдь не только славянофильствующие круги. Достаточно посмотреть список выступавших с речами на университетском заседании в Москве, на различных обедах, учесть приветствия городских дум ряда городов, чтобы это стало ясно. Бесспорный факт широкого внимания и интереса к необычному для России явлению еще сильнее подчеркивается массовыми приветствиями славянским гостям. Славянский съезд с его постоянной темой необходимости разрешения восточного вопроса не мог, конечно, не привлечь внимания к единственной в России славянской организации, не оказать влияния на численный рост Комитета.

В конце 60 — начале 70-х гг. число членов Комитета быстро возрастает. Сохранившийся в архиве Погодина «Список членов и жертвователей» за 1869—1870 гг. содержит 308 фамилий⁷⁷, а к январю 1872 г. по Москве и провинции насчитывалось 353 члена⁷⁸.

Славянский съезд явился толчком и для дальнейшего расширения комитетской организации. В 1868 г. образовалось Петербургское отделение Московского славянского комитета, в 1869 г. — Киевский, в 1870 г. — Одесский комитеты.

Рост Комитета сказался на его средствах. Бюджет 1870 г. составляет свыше 12 000 руб., 1871 г. — 10 309 руб. Но после этого начинается новый упадок: в 1872 г. — 7400, в 1873 г. — 6800, в 1874 г. — 6700 руб., а смета на 1875 г. предусматривала расход лишь в размере 5000 руб. Но и эта сумма не покрывалась полностью членскими взносами и другими источниками поступлений. «Из 704 лиц, — читаем мы в отчете за 1874 г., — записавшихся в члены Комитета в

⁷⁷ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Погодина, III.

⁷⁸ Протокол заседания комитета от 16/I 1872 г., «Московские ведомости» № 22 от 25/I 1872 г.

разные годы последнего пятилетия, только треть прислала в прошлом году свои взносы в Комитет, между тем если бы все члены, занесенные в списки Комитета, сообразовали представить хоть наименьший из существующих взносов (5 руб. в год), то расходы Комитета в настоящем году были бы вполне покрыты»⁷⁹. Неожиданные для Комитета обстоятельства резко изменили положение. В связи с восстанием в Боснии и Герцеговине, сербо-турецкой войной и другими событиями в кассу Славянского комитета, организовавшего сбор пожертвований в пользу борющихся против турецкого ига южных славян, полился поток денег, направлявшихся на новые для Комитета цели: благотворительность пострадавшим от турецких репрессий, поддержка восстания, посылка и снаряжение добровольцев и т. д.

Славянский съезд 1867 г. пробудил стремления использовать подъем симпатий к славянам для расширения и усиления комитетской организации. Эти стремления шли и от отдельных членов и от самого Комитета. Уже с 1867 г. петербургские члены Комитета, бывшие участниками особого Комитета по приему славянских гостей, начали переговоры о создании Комитета в Петербурге.

До 150 учредителей подали прошение министру народного просвещения гр. Толстому, так гостеприимно угощавшему обедами славян, прося его ходатайствовать о разрешении образовать Комитет и предлагая принять на себя председательство. Заявление встретило сочувствие Горчакова, не советовавшего, однако, Толстому принимать последнее предложение. Это несколько затормозило дело, так как Толстому председательский пост казался заманчивым.

Не получив формального разрешения, петербургские инициаторы просили Московский комитет при-

⁷⁹ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 374. «Воззвание о пожертвованиях и денежных отчетах Славянского благотворительного комитета, д. № 1, л. 14, «Доклад о десятилетней деятельности», л. 8.

нять их в члены, но предоставить известное самоуправление⁸⁰.

Московский комитет отнеся к предложению вполне сочувственно, предоставил своим петербургским членам полномочия по приему новых членов и расходованию средств⁸¹. Комитет обратился к министру народного просвещения и директору Азиатского департамента с поддержкой мысли о создании особого Комитета в Петербурге⁸². В марте 1868 г. все подписавшие письмо гр. Толстому и внесшие определенный взнос были признаны членами-благодетелями или действительными членами; начались регулярные собрания членов. Инициативную группу составили адмирал А. В. Фрейганг, проф. В. И. Ламанский, А. Ф. Гильфердинг — все известные славянофилы, полковник генерального штаба М. Ф. Миркович; к ним присоединились издатель «Голоса» А. А. Краевский, издатель Е. П. Печаткин, востоковед, человек весьма реакционных националистических взглядов В. Григорьев, сын лейб-хирурга А. П. Наранович, мичман И. И. Петров, позже — ген. М. Г. Черняев, ген. С. А. Хрулев и др.⁸³.

Однако Петербургский отдел утвержден был не сразу. Один из активных деятелей Комитета в Петербурге Е. П. Печаткин писал Н. Попову: «Дело наше принимается на петербургской почве, количество членов (до 70), хотя и незначительное, но есть надежда, что в будущем году мы разовьемся шире, нам очень мешает наше безгласное существование, потому-то мы и решили опять спросить Толстого, не время ли ходатайствовать вторично о нашем утверждении, если он благословит нас действовать и если

⁸⁰ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Н. Попова, № 3602, 1868 г.

⁸¹ «Краткий отчет о деятельности С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета». «Современная летопись», 1869, № 16.

⁸² Протокол заседания Комитета 2/V 1869 г. «Современная летопись», 1869, № 18.

⁸³ Замечания В. И. Ламанского на доклад ревизионной комиссии по поводу деятельности отдела сборов Петербургского славянского комитета («Первые 15 лет...», стр. 506).

добьемся утверждения, — тогда, нет сомнения, наши дела пойдут побойчее»⁸⁴. По-видимому, сообщения заграничной печати о возникновении в связи со Славянским съездом общества под председательством одного из членов царской семьи заставляли правительство задерживать оформление отделения. Правительство хотело показать, что никаких связей между ним и Комитетом нет. Оно не разрешало даже собраний членов Комитета в казенном помещении⁸⁵. Но в то же самое время министерство иностранных дел «предоставляло... Комитету свободу действий», оно, «доброжелательствовало» его деятельности, но считало неудобным, чтобы для нее испрашивалась принципиальная правительственная санкция⁸⁶. Пользуясь благожелательным отношением правительства, Петербургский комитет открыл свои действия, а в январе 1869 г. избрал и постоянного председателя — А. Ф. Гильфердинга, тем самым подчеркнув прочность своего существования⁸⁷.

Петербургский комитет оказался в финансовом отношении гораздо более крепким, чем Московский. Он сразу стал создавать специальные фонды, в некоторые годы имелся остаток средств (3800 руб. в 1870 г., 4500 руб. в 1871 г.). Однако поскольку характер деятельности Петербургского комитета был иным, чем Московского, поскольку издательская деятельность поглощала много средств, он был вынужден прибегать к выколачиванию членских взносов, к обращениям о специальных пожертвованиях⁸⁸.

Одновременно с первыми разговорами о создании отделения Комитета в Петербурге Московский комитет предпринял попытки учредить отделы или организовать работу в духе деятельности Комитета в провинциальных центрах.

Толчком к этому явилось предложение попечите-

⁸⁴ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 49. «Переписка...», л. 62.

⁸⁵ Там же, д. 50, л. 4.

⁸⁶ Там же, л. 11 об., письмо Гильфердинга к Попову.

⁸⁷ «Первые 15 лет...», стр. 5.

⁸⁸ ГИАЛЮ, ф. СПб. славянского комитета, № 400, д. 1, л. 141—144; д. 5, л. 141.

ля Киевского учебного округа А. П. Ширинского-Шихматова, рекомендовавшего Комитету обратиться в учебные округа, чтобы те для содействия обучению славян создали отделы Комитета⁸⁹. Обращения были направлены в те пункты, где уже имелись члены Комитета. В Варшаве девять учителей пожелали стать членами, но мысль о создании самостоятельного отдела поддержки не встретила. Наместник гр. Берг считал, что Варшавский университет еще не окреп как центр русской культуры, чтобы стать опорой для осуществления задач Комитета⁹⁰. Ректор Казанской духовной академии сообщал, что на основании письма Комитета он предложил преподавателям «участвовать в Комитете или денежным пожертвованием, или устройством литературных собраний, или принятием на себя обязанностей корреспондента, но из них никто не изъявил своего желания и согласия ни на первое, ни на второе, ни на третье предложение»⁹¹. Из Казани пришло лишь согласие слависта Н. А. Лавровского содействовать трудам Комитета. Лучше дело обстояло в Киеве. Мысль о создании Славянского комитета была возбуждена сначала в стенах Киевского университета. Но она не получила особого сочувствия (под первоначальным заявлением подписалось всего шесть человек). Тогда за дело взялся киевский профессор историк В. А. Бильбасов, известный впоследствии своей публицистической деятельностью в «Голосе» и многотомной историей Екатерины II⁹². Он обратился к генерал-губернатору кн. Дондукову-Корсакову и его жене. Результатом было то, «что огромный штат генерал-губернатора, все его чиновники и лица приближенные не отказались быть членами»⁹³. По тому же методу Бильбасов

⁸⁹ «Протокол годового собрания Киевского отдела 21/ХII 1870 г.». «Киевлянин», № 20 от 16/II, 1871 г.

⁹⁰ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 51, л. 14.

⁹¹ Там же, д. 49, л. 44, 46—47.

⁹² Большая часть этой работы «История императрицы Екатерины II» издана не была.

⁹³ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Н. Попова, письмо Бильбасова к Попову от 26/VIII 1869 г.

действовал дальше. Через митрополита он стал тягивать духовенство. Бильбасова не интересовало понимание членами славянского вопроса. Он стремился к увеличению числа членов и старался привлечь тех, кто пойдет «единственно ради удовольствия заседать вместе с главою края».

Запись, действительно, пошла успешно. Нашлие желающие в университете. К записи в члены отдела была привлечена дирекция училищ. Образовалась инициативная группа, куда вошел ряд профессоров университета. Это были: юрист Н. К. Ренненкампф, фольклорист М. Максимович, доцент истории литературы А. И. Линиченко, бывший профессор, редактор-издатель газеты «Киевлянин» В. Я. Шульгин, попечитель учебного округа П. А. Антонович, председатель Киевской археологической комиссии М. В. Юзефович, директор гимназии А. Ф. Андрияшев, жена генерал-губернатора Юго-западного края кн. Н. Дондукова-Корсакова и некоторые другие. Вопреки советам петербургских членов, в частности Гильфердинга, рекомендовавшего не добиваться правительственного утверждения для открываемого отдела и ограничиться фактическим признанием, как поступили в Петербурге, киевляне 1 октября 1869 г. создали собрание, на котором присутствовал Погодин, произнесший речь. В ней звучали те же мотивы, что и в речах, произносившихся во время съезда. Погодин говорил об обнаружившейся на съезде необходимости единого языка, указывал, что общее, связывающее всех славян — язык Кирилла и Мефодия, по он мертв, из живых же самый близкий к нему русский.

«Мы должны были принять меры, чтобы облегчить изучение русского языка между своими племенами, т. е. доставить им книги, учителей и пр. Вот этим, т. е. русским языком, мы настроим в Европе такие себе батареи и верки, перед которыми ничего не значат каменные и земляные укрепления. С языком тесно связано православие, которое исповедовалось сначала всеми славянами, а ныне исповедуется болгарами, сербами и русскими.

Взоры всех обращаются к России. Должны ли мы

содействовать этому движению религиозной мысли в Европе? Не тяжкий ли религиозный, политический и национальный грех возьмем мы, русские, себе на душу, если будем коснеть, сложа руки и спустив рукава, и не будем пользоваться благоприятными обстоятельствами?»⁹⁴.

Погодин не ограничился общими рассуждениями, а прямо наметил подходящую для Киевского комитета сферу деятельности; это были Галиция и Венгрия.

Тогда же участники собрания обратились к Погодину с просьбой ходатайствовать об официальном признании отдела. Ходатайство оказалось успешным, 28 ноября кн. А. М. Горчаков отвечал согласием на открытие отдела. Вслед за тем попечитель учебного округа Антонович начал запись членов в университете, гимназиях и т. д. Он записался сам, за ним его помощник, окружной инспектор, киевский губернатор Катакази и т. д. В течение первого года вступило 177 человек, через три года число их возросло до 383.

Был сформирован президиум отдела; председателем был избран известный путешественник — исследователь христианского Востока епископ Порфирий Успенский, открывший древний Синайский кодекс библии, опубликовавший беседы патриарха Фотия, автор многих научных трудов и выдающийся собиратель восточных, греческих и других рукописей, позже вошедших в коллекции Академии наук и Публичной библиотеки. Порфирий еще с первой своей поездки по далматинскому побережью (в 40-х гг.) интересовался славянством и полагал, что «Россия предназначена провидением быть первенствующей державой и средоточием славянского мира»⁹⁵. Были избраны: секретарем — М. В. Юзефович и казначеем — А. И. Линниченко, первый был ранее помощником попечителя учебного округа, а в это время

⁹⁴ Н. Колмаков. Очерки деятельности Киевского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования (1869—1894). Киев, 1894, стр. 11—12.

⁹⁵ Там же, стр. 22.

председателем Киевской археологической комиссии и временной комиссии по разбору древних актов.

Вскоре были избраны новые лица: редактор-издатель газеты «Киевлянин» В. Я. Шульгин, променявший профессуру на публицистическую деятельность в охранительном и русификаторском духе; Н. А. Ригельман, черниговский помещик, в прошлом директор 2-й гимназии, директор училищ Киевской губернии, с 40-х гг. близкий со славянофилами, во время своих зарубежных поездок живо интересовавшийся славянством. Во взглядах Ригельмана на славянский вопрос имелись панславистские черты: «Племена славянские, — писал он, — получили от провидения все задатки духовной природы для составления своего самостоятельного целого... если это целое давно уже раздроблено, то все-таки части принадлежат ему и не могут отказаться от взаимного родства»⁹⁶. Киевский комитет представлялся ему средством борьбы против влияния украинофильства среди зарубежных украинцев⁹⁷.

В том же 1869 г. по инициативе известного деятеля скопичского банка И. Г. Рыкова возникло предложение о создании отдела в Скопине, но оно не было реализовано⁹⁸.

Историю образования Одесского славянского комитета (официальное название: Одесское Славянское благотворительное общество им. св. Кирилла и Мефодия) удастся восстановить на основе данных отчетов самого Комитета и некоторых неопубликованных источников⁹⁹. Особый интерес для выяснения ряда вопросов, связанных с его организацией, представляют хранящиеся в личном архиве Н. П. Игнатьева письма к нему М. А. Хитрово¹⁰⁰. В письме к Иг-

⁹⁶ Н. А. Ригельман. Три поездки за границу. М., 1871, стр. 171.

⁹⁷ ЦГИА УССР, ф. 873, № 69, л. 10.

⁹⁸ «Первые 15 лет...», стр. 39.

⁹⁹ Архив самого Комитета за эти годы не сохранился.

¹⁰⁰ М. А. Хитрово — дипломатический деятель игнатьевской школы, до 1868 г. бывший консулом в Битоле, а затем назначенный дипломатическим чиновником при одесском и новороссийском генерал-губернаторе.

пательву от 4 января 1869 г. (из Одессы) Хитрово сообщал, что одесские славяне: сербы, черногорцы, хорваты, болгары и другие задумали учредить благотворительный комитет. Хитрово поддержал эту идею из двух соображений. Во-первых, ему хотелось ослабить значение Одесского болгарского настоятельства, с которым у него сложились недружелюбные отношения сразу же после прибытия в Одессу. Главная же причина заключалась в том, что: «Образование здесь Славянского комитета важно именно в том отношении, что через него можно будет проводить в среду наших единоверцев воззрения более серьезные на их насущные вопросы, на которые они привыкли смотреть слишком легко и поверхностно»¹⁰¹. Дело, таким образом, шло о том, чтобы направить Комитет в русло, наиболее желательное для русской политики на Балканах, как ее понимал Хитрово.

Но образование Комитета встретило некоторые препятствия. Одесский генерал-губернатор Коцебу затормозил оформление общества. Когда его сопротивление было преодолено, то в министерстве иностранных дел проект был встречен сочувственно. Однако министерство внутренних дел медлило с разрешением, желая убедиться в наличии достаточной финансовой базы у возникающей организации. Временами Хитрово казалось, что дело окончилось неудачей. Так, в марте 1870 г. он писал Игнатьеву: «Ну-с, а Славянское общество все-таки не разрешено. Чего-то боятся. Все то же недоверие к самим себе... и, к сожалению, недоверие вполне основательное. Только следовало бы не смешивать Россию с ее официальными представителями»¹⁰².

Были пущены в ход личные связи с представителями высших петербургских сфер. Наконец, в августе 1870 г. устав общества был утвержден министерством внутренних дел. 8 мая 1870 г. состоялось учредительное собрание, на котором присутствовало 93 человека. Хитрово стремился создать в правлении

¹⁰¹ ЦГИАМ, ф. 730, д. 1, № 4116, л. 46 об.

¹⁰² Там же, л. 97 об.

достаточно сильную русскую группу и ослабить влияние сплоченной группы деятелей Одесского болгарского настоятельства. Председателем был избран желательный Хитрово попечитель Одесского учебного округа С. П. Голубцов, а в состав правления вошли русские (известный предприниматель и банковский деятель Н. А. Новосельский, кн. А. Е. Гагарин — местный помещик, профессора Ф. И. Леонтович и В. И. Григорович, протоиерей М. К. Павловский)¹⁰³, а также болгарин купец Н. М. Тошков, серб С. М. Вучетич, хорват профессор В. В. Богишич и др.¹⁰⁴.

На третий день состоялось собрание общества с участием всех сочувствующих ему. На нем председатель Голубцов произнес речь о задачах организации. Он подчеркивал, что в западноевропейских благотворительных учреждениях к благотворительности примешивается политика, и призывал, чтобы в Одесском обществе не было этого. Он выдвигал на первый план благотворительные цели общества: «доставление пособий нуждающимся славянам и поощрение полезного труда в области славянской науки, художества и искусства»¹⁰⁵.

По предложению проф. В. Богишича в течение первого же года была создана Славянская библиотека, насчитывавшая 1458 названий книг (в 2304 томах), полученных из дублетов Публичной и университетской библиотек и из пожертвований членов общества.

Доход общества достиг 3753 руб., из которых 1633 р. составляли членские взносы. Расходы на ежемесячные и единовременные пособия составляли за год 1773 р. В ближайшие годы бюджет общества вы-

¹⁰³ Был избран и Хитрово, отказавшийся от избрания.

¹⁰⁴ ЦГИАМ, ф. 730, д. 1, № 4116, л. 112 об.

¹⁰⁵ «Краткий отчет о деятельности Одесского Славянского благотворительного общества им. св. Кирилла и Мефодия за 1870/71 г., составленный и читанный в день годовщины 11 мая секретарем общества В. И. Григоровичем». Одесса, 1871, стр. 5.

ражался примерно в тех же цифрах¹⁰⁶. В течение первого года было проведено 4 общих собрания и 17 заседаний правления.

Помимо пособий учащимся, Общество оказывало помощь в издании книг. Так, были предоставлены средства на издание книг Оджакова «Наука за песнопотворство и стихотворство», В. Чолакова «Българский народен сборник» и др. По просьбе В. Пелагича куплено 150 экз. его брошюры «Покушаји за народло и лично унапређење» и др. Общество приискивало службу нуждавшимся славянам, хлопотало о наделении земель славян-переселенцев и т. п. Общество оказывало поддержку и некоторым политическим деятелям. Так, оно дало пособие бежавшему из Турции архимандриту В. Пелагичу и помогло ему уехать из Одессы¹⁰⁷. В 1872 г. было положено начало женскому пансиону, для чего была снята квартира.

В составе правления произошли вскоре перемены. В 1871 г. председателем стал Н. А. Новосельский (тайный советник), вице-председателем камергер кн. В. Д. Дабижа, секретарем известный канонист проф. А. С. Павлов. Было избрано значительное число почетных членов. Определился и состав действительных членов; среди них преобладали русские, принадлежавшие к дворянам-помещикам, купечеству, интеллигенции и чиновникам. Славянская часть представлена была главным образом купцами. Число членов общества в первом году его существования составляло 250 человек. Как численность членов изменялась в дальнейшем, за отсутствием данных, сказать трудно.

В 1871 г. гр. Д. Толстой (по-видимому, Дмитрий Николаевич, бывший воронежский губернатор) возбуждал вопрос о создании отделения Комитета в

¹⁰⁶ «Отчет о деятельности Одесского Славянского благотворительного общества за 1871/1872 гг.». Одесса, 1872.

¹⁰⁷ ЦГИАМ, ф. 730, п. 1, № 4116, л. 177 об. В. Пелагич в это время — видный национально-культурный деятель в Боснии; позже он отказался от церковной деятельности и активно участвовал в рабочем и социалистическом движении Сербии.

Воронеже, где «развилось значительное сочувствие к славянской идее. Жаль было бы, — писал Толстой, — не воспользоваться этим настроением и не упрочить его в пользу славянского дела, требующего ныне, вследствие необычайного усиления Германии, самых напряженных усилий»¹⁰⁸. Организовать отдел Славянского комитета в Воронеже не удалось — по видимому, сторонников этой мысли там было немного.

Исход франко-прусской войны вызвал известный прилив новых членов в существовавшие комитеты. Увеличение числа членов невозможно определить точно, но отметить такую тенденцию можно не только на основании данного письма Толстого. Г. К. Градовский так объяснял свое вступление в члены Комитета: «В 1871 г., — писал он, — под влиянием франко-прусской войны, я поступил в число членов Славянского комитета»¹⁰⁹. Подобное построение привело в Славянский комитет Г. де Воллана и некоторых других¹¹⁰.

Однако переоценивать влияние таких тенденций все же не приходится. Об этом может свидетельствовать следующая таблица, показывающая приток новых членов в Петербургский комитет¹¹¹.

1868 г.	— 63
1869 г.	— 324
1870 г.	— 228
1871 г.	— 186

Если общественное движение, связанное со Славянским съездом (об этом ниже), способствовало значительному росту числа членов Комитета, то франко-прусская война оказала меньшее влияние.

¹⁰⁸ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 52. «Переписка...», л. 36 об.

¹⁰⁹ Г. К. Градовский. Из прошлого. «Русская старина», 1908, кн. X, стр. 60.

¹¹⁰ См. Г. де Воллан. Очерки прошлого. «Голос минувшего», 1914, кн. 2, стр. 183—184.

¹¹¹ Вычислено по данным, помещенным в сборнике «Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского комитета».

Изложенное показывает, что Комитеты, возникшие в качестве благотворительно-просветительных организаций вполне определенной славянофильской политической окраски, развивались в дальнейшем в непосредственной связи с колебаниями международно-политической обстановки и с изменением общественного отношения к славянскому вопросу и другим смежным с ним вопросам международной политики. Славянские комитеты на всем протяжении конца 50-х — начала 70-х гг. оставались единичными и немногочисленными организациями. Однако, как видно из приведенных данных и как покажут следующие главы, они вовсе не объединяли всех сочувствующих освобождению славян и всех интересующихся славянской проблемой. Это и естественно в силу политического направления Комитетов.

С другой стороны, Славянские комитеты были единственной легальной общественной организацией, помогавшей славянам, поэтому в их составе мы видим не только славянофилов. Число членов комитетов под влиянием роста или падения интереса к славянским проблемам изменялось, отражая тем самым колебания общественного интереса к деятельности Комитетов. К сожалению, детальное изучение этого вопроса оказывается невозможным из-за плохой сохранности архивов Комитетов и, в частности, отчетности о состоянии членства в них. В архиве Московского комитета мы встречаем только разрозненные перечни членов за разные годы, вызывающие сомнение в их полноте и точности. К собранию протоколов Петербургского комитета приложен список лиц, когда-либо бывших членами этой организации¹¹². Но список страдает существенным недостатком: сообщает время принятия в члены, но не указывает время выбытия или прекращения платежа взносов. Между тем известны опустошительные дефициты в бюджетах Комитета, возникавшие именно в силу неплатежа, т. е. выбытия, а жалобы на плохое и неполное поступление взносов встречаются в раз-

¹¹² «Первые 15 лет...», стр. 836—861.

ные годы часто ¹¹³. Характерная справка, относящаяся к 1873 г., хранится в одном из дел Петербургского комитета. В ней сообщается: «Действительных членов числится по спискам 715, из них в нынешнем году внесли членские взносы 234 члена». Далее говорится, что была сделана попытка побудить к уплате неисправных членов. К 364 членам были посланы артельщики. Из этого числа «уплатило 150 человек, 95 переменяли адреса, 42 уехали из Петербурга, 32 отказались быть членами, 8 умерло, 37 обещали заплатить лично» ¹¹⁴. Для других Комитетов подобных материалов не имеется. Поэтому мы не в состоянии дать точных и полных данных о числе членов и о погодном изменении их количества. Можно лишь грубо определить общую численность членов всех существовавших к началу 70-х гг. Комитетов примерно в 2000 человек, однако невозможно установить, какая часть из них числилась лишь номинально, не участвовала в деятельности организации и даже не платила членские взносы.

Однако если наши источники не позволяют установить число членов, они позволяют судить о составе их. К рассмотрению этого вопроса мы сейчас и перейдем.

* * *

Отмеченные выше колебания в численности членов Комитетов позволяют, как кажется, говорить о том, что круги, поддерживавшие эти организации, были мало заинтересованы в повседневной благотворительной деятельности, в распределении стипендий учащимся болгарам и сербам. Когда Комитет занимался повседневной работой, когда он отправлял за границу книги и богослужебные предметы, его деятельность находила отклик лишь в узком кругу. Когда же возникали более или менее крупные полити-

¹¹³ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 52, л. 2, об. (1871); д. 60, «Протоколы заседания Московского Славянского благотворительного комитета», л. 2 (1860) и др. Часть данных приведена выше.

¹¹⁴ ГИАЛЮ, ф. 400, оп. 1, д. 5, л. 36.

ческие события — тогда Комитеты привлекали внимание более широких общественных слоев.

Что же это были за общественные элементы, чьи интересы в какие-то моменты оказывались созвучными со стремлениями Славянских комитетов? Это очень сложный вопрос, ответ на который затрудняется неполнотой данных. Попробуем суммировать то, что есть в наших руках, прежде всего в отношении Московского комитета, материалы которого подробнее и полнее других.

Источник наш — сведения о членских взносах за 1862—1863 гг., разбросанные по разным номерам газеты «День», сведения о пожертвованиях в пользу славян и случайные указания отчетов. В первой половине 60-х гг. эти два года были временем наибольшего прилива членов и особого увеличения роста средств, поступавших от «сторонних благотворителей». Думается, что оба эти факта отражают одно и то же общественное явление.

Мы отмечали уже общий ход роста организации. Теперь переходим к деталям. Наши источники для начала 60-х годов называют имена ряда новых членов. Это П. Крузенштерн¹¹⁵; Н. И. Крузенштерн, генерал-лейтенант; сенатор А. Ф. Крузенштерн, статс-секретарь, служивший на Кавказе при А. И. Барятинском, в конце 1861 г. назначенный в Варшаву, лично знакомый с Погодиным¹¹⁶, министр народного просвещения Е. П. Ковалевский; сенатор Казначеев; ряд титулованных лиц: жена декабриста, известная М. Н. Волконская; ее сын М. С. Волконский, товарищ министра народного просвещения; баронесса Шепинг¹¹⁷; кн. А. И. Васильчикова; бар. Мейендорф (предположительно Александр Казимирович, 1798—1865), председатель Московского мануфактурного со-

¹¹⁵ Или известный полярный путешественник вице-адмирал Павел Иванович, или его сын капитан-лейтенант Павел Павлович.

¹¹⁶ См. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIX, стр. 153, 223; т. XV, стр. 57.

¹¹⁷ Вероятно, жена автора ряда работ по русской мифологии и этнографии Д. О. Шепинга.

вета, автор работ по экономическим вопросам; гр. Ю. И. Стейбок, президент департамента уделов; кн. А. И. Оболенский и кн. П. Г. Голицина (не ошибка ли в инициалах?); гр. В. И. Орлов, внучатый племянник екатеринославского фаворита; ряд представителей литературы и публицистики; автор известной книги «Россия и Европа» Н. Я. Дашлевский; известный писатель В. И. Даль; писательница, жена романиста и археолога, директора Оружейной палаты Е. И. Вельтман; известный славянофил и банковский деятель Ф. В. Чижов; П. А. Жеребцов, инженер, виленский губернатор, автор «Histoire de la civilisation en Russie» (1858); доктор Н. А. Белоголовый, известный позже своими мемуарами; чиновник-мемуарист А. М. Фадеев; его сын, офицер, известный позже публицист Р. А. Фадеев; тогда начинающий военный историк, позже историк завоевания Средней Азии и автор ряда востоковедческих работ А. М. Терентьев; брат С. Т. Аксакова — Н. Т.; видный сельскохозяйственный и общественный деятель, с 1864 г. президент Московского общества сельского хозяйства И. Н. Шатилов (1824—1889); петербургский купец Л. Е. Сычев, прапорщик Межевого корпуса, кандидат Московского университета Д. Езучевский; Я. Орел-Ошмянцев.

В числе членов Комитета мы видим ряд военных: генералов — Пистолькорса, М. Г. Черняева, И. А. Черевина, впоследствии товарища министра внутренних дел; значительную группу военных с Кавказа, в которую входили: тифлисский комендант А. П. Опочинин, наказной атаман Кубанского войска Н. А. Иванов, командир 4-й бригады Кубанского казачьего войска И. С. Кравцов, полковник Критский, полковник Наумов (Тифлис), полковник Кониар, Д. И. Святополк-Мирский, начальник Терской области, затем кутаисский генерал-губернатор, позже наместник Кавказа и харьковский генерал-губернатор, П. Н. Свистунов, капитан Счастливец, полковник И. Кишельский, буржуазный болгарский деятель, Терентьев, внук известного генерала времён Отечественной войны 1812 г. Н. Н. Раевский.

Имеются немногочисленные представители духовенства: архимандрит Даниловского монастыря, священник Преображенский, иезуитский протоиерей Иоанн Мерцалов. Членом Комитета и его заграничным агентом являлся протоиерей посольской церкви в Вене М. Ф. Раевский.

Пожертвования идут от командиров Кабардинского, Куринского полков, от офицеров первого из них, офицеров 2 и 14-го кавказских линейных батальонов, грозненского военного госпиталя, от офицеров и военных чиновников из Житомира, от Оренбургского казачьего войска, чинов областного правления оренбургских киргизов. Жертвуют повгородский vicарий Феофилакт, преподаватели Казанского университета, некоторые муромские купцы и частные лица.

Военная среда дает и членов и жертвователей. То, что большинство среди них составляют служившие на Кавказе, объясняется отчасти деятельностью члена Комитета Ивана Кишельского, болгарина по происхождению, офицера русской службы (в Кабардинском полку), обратившегося в 1861 г. ко всем кавказцам со специальным воззванием, где говорилось о работе политической мысли и интересе к славянам в России, о политике западноевропейских держав в отношении Турции, исходившей из стремления «возжечь ненависть» между славянами, чтобы, пользуясь раздором, «пожинать лавры своих побед». Автор подчеркивал значение образования для возрождения славян, характеризовал турецкий террор и призывал жертвовать на поддержание учебных заведений, в пользу разоренных турками и т. п.¹¹⁸ С другой стороны, значительное количество военных с Кавказа в числе членов Комитета объяснялось воздействием и влиянием на некоторых кавказских деятелей М. П. Погодина. А. М. Фадеев в своих воспоминаниях рассказывает о пребывании

¹¹⁸ Напечатано полностью у Попова «Из истории Славянского благотворительного общества в Москве. Первое пятилетие». М., 1871, стр. 83—92.

Погодина в 1860 г. в Тифлисе и о беседах с ним ¹¹⁹. Наконец, нельзя не отметить и давнее влияние славянофилов на кавказцев.

Изложенное дает уже некоторый материал для ответа на поставленный нами вопрос об общественной среде, поддерживавшей деятельность Комитета. Это прежде всего — дворянство, титулованное и нетитулованное, чиновное и не служащее, дворянство военное, т. е. офицерство. Духовенство представлено очень слабо, буржуазия так же. (Бенардаки, Кокорев — крупные, но единичные представители акционерного и предпринимательского капитала.) Как и при образовании Комитета, в его рядах остается и в последующее время группа интеллигенции. Участие в Комитете крестьян ничтожно мало: можно назвать крестьянина Верхотурского округа Иркутской губернии С. И. Серебряникова, указывается пожертвование государственного крестьянина Трифоленко (50 коп.). Есть пожертвование дворовых г-жи Мосоловой (1 рубль). Имеется упоминание о пожертвовании рабочих наборщиков харьковской губернской типографии. Таким образом, по составу своих членов, по той общественной среде, которая поддерживала Московский славянский комитет материально он являлся организацией по преимуществу дворянской.

Среди перечисленных нами членов Комитета дворянско-чиновничья группа составляет около 36% и офицерская — 28%. Что именно эти круги, а не какие-либо другие, в частности не буржуазные, были опорой Славянского комитета, видно и из горестного замечания И. С. Аксакова в одном из писем к М. Ф. Раевскому: «Купцы, владеющие миллионами, не жертвуют ни копейки» ¹²⁰. Воздержавшиеся от пожертвований купцы не участвовали в Комитете и лично.

В идеологическом отношении Славянский коми-

¹¹⁹ См. А. М. Фадеев. Воспоминания, ч. 2. Одесса, 1897; Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XVII, СПб., 1903, стр. 363—364.

¹²⁰ «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV. СПб., 1896; стр. 48, письмо от 13. IV 1859 г.

тет — это организация вовсе не чисто славянофильская. Наряду со славянофилами среди членов Комитета мы встречаем представителей иных реакционных течений, как например будущего теоретика панславизма Н. Я. Данилевского, как М. Н. Каткова, Р. А. Фадеева, а также лиц без ясно выраженной общественно-политической идеологии и даже противников общетеоретических взглядов славянофилов. Как мы видели, неоднородным идеологически был состав группы учредителей, идеологическая неоднородность в значительной мере сохранялась и в ближайшие к организации Комитета годы. Однако были, по-видимому, и некоторые изменения. Мы не встречаем в дальнейшем среди членов Комитета целого ряда имен учредителей, таких, как Иноземцев, Корсаков, Буслаев, Киттары, П. Ф. Павлов, и некоторых других.

В состав учредителей попали некоторые профессора университета, одни — далекие от интереса к славянству, другие — лишенные ясных политических взглядов. Они подписали прошение то ли под влиянием настроений, существовавших после Крымской войны, то ли по примеру попечителя, но Комитетом не интересовались и отошли от него. Это были или профессора негуманитарных специальностей, или специалисты в области гуманитарных дисциплин, по своим воззрениям далекие от славянофильства.

В результате этого произошло значительное ослабление и уменьшение группы, расходящейся со славянофильским и панславистским течениями. Однако Комитет в идеологическом отношении не получил однородности. Рядом с корифеями раннего славянофильства мы видим Н. Я. Данилевского, людей промежуточных, близких к славянофилам и Погодину, таких, как Бартенев, Даль, самого панслависта Погодина и значительную чиновническо-офицерскую группу, относительно идеологии представителей которой сказать что-либо определенное трудно: вряд ли многие из представителей этой группы могли и сами отчетливо ответить на этот вопрос. В идеологической разнородности, в разнохарактерности состава и по-

литической аморфности значительной части членов, надо полагать, одна из причин неустойчивости и текучести состава Славянского комитета. Последний интересует значительную часть своих членов не программой и повседневной деятельностью (это последнее нередко вызывает нарекания)¹²¹, он привлекателен в качестве единственной организации, гласно и широко откликающейся на вопросы политики России в отношении славянских стран и стран со славянским населением (Турция, Австро-Венгрия, Германия).

Во второй половине 60-х гг. мы встречаем ряд новых членов Комитета. Количество их увеличивается к началу 70-х гг. С этого времени мы можем говорить о новом этапе в истории Славянского комитета. Так как оперировать приходится данными далеко не полными, то точной во всех своих частях картины получить не удастся. Самое досадное — невозможность установить последовательное изменение состава. Перед нами как бы два статических момента, грань между которыми устанавливается лишь приблизительно. Такой гранью являются 1867—1869 гг. В эти годы среди членов Комитета появляется ряд новых фамилий. Среди них: кн. В. Ф. Одоевский, кн. А. М. Голицын — член совета Московского общества сельского хозяйства, звенигородский помещик и почетный мировой судья, его братья Дмитрий и Николай Михайловичи, кн. Туманов, кн. Г. Д. Шервашидзе, кн. Н. Н. Енгальчев, гр. М. С. Ланской, кн. Г. В. Кугушев, В. А. Дашков, Н. Н. Дурново, кн. Н. П. Мещерский и другие, имена которых продолжают старую традицию Комитета.

Рядом с ними мы находим сначала одного перво-гильдейского московского купца К. Т. Солдатенкова, а затем число представителей этого ранее малочисленного слоя начинает расти. К началу 70-х годов в составе членов Комитета мы можем насчитать около 30 купцов и среди них: коммерции советника

¹²¹ См. критику деятельности Комитетов в газете «Русско-славянские отголоски», 1868 г.

В. В. Елишкина; первогильдейского купца, товарища председателя Промышленного банка Г. Д. Бессонова; первогильдейца-подрядчика А. Н. Бухтеева; его брата — председателя акционерного общества «Торговый посредник»; управляющего делами этого общества С. С. Грачева; трактирщика Лонашева; первогильдейца-писчебумажника Кувшинова; первогильдейца-торговца шерстью М. Лямина; первогильдейца-суконщика И. И. Четверикова; С. П. Вишнякова, члена правления Коммерческого банка (2-й гильдии); его брата И. П.; И. А. Астахова (2-й гильдии); А. В. и Н. В. Лепешкиным (почетные граждане); Алексеева (почетный гражданин); председателя совета Торгового банка, председателя Биржевого комитета Т. С. Морозова; М. А. Прусова (2-й гильдии), М. С., Н. С. и К. С. Мазуриных, Бостанджогло, А. К. Крестовникова, П. М. Третьякова и нескольких купцов 3-й гильдии. Среди купеческой группы значительная часть мануфактуристов-фабрикантов и мануфактуристов-купцов: Морозов, Лепешкин, Алексеев, Лямин, Прусов, Вишняковы — это или чистые мануфактуристы, или близкие по специальности, торговавшие золотокружевным товаром (Вишняковы), галунами и пр., т. е. представители очень характерной отрасли московской промышленности.

Появление заметной группы купечества в составе членов Комитета было то новое, что принес конец 60-х годов. Хотя численно господствующее положение, как и раньше, в Комитете занимали дворяне (служащие, хозяйствующие и в меньшем количестве, чем в предыдущий период, военные), влияние буржуазных элементов значительно усилилось.

Появляются в большем количестве, чем раньше, представители интеллигенции: директор Московской консерватории Н. Г. Рубинштейн, профессор Московского университета Н. А. Попов, известный сельскохозяйственный деятель (по Московскому о-ву сельского хозяйства) С. А. Маслов, доктор Н. Ф. Гагмап, член Московского цензурного комитета, публицист близкого к славянофилам направления, Н. П. Гиляров-Платонов, историк проф. Д. И. Иловайский,

адвокат Ф. Н. Плевако, проф. Московской духовной академии Н. И. Субботин, историк А. С. Трачевский, проф. экономист А. И. Чупров, ординатор Старой Екатерининской больницы С. И. Косторов, управляющий больницей П. М. Хрущев, владелец реального училища П. И. Жуков, казначей Общества любителей российской словесности и редактор журнала «Развлечение» Ф. Б. Миллер, смотритель городских зданий Н. И. Любимов и некоторые другие.

Число внесиловских членов Московского славянского комитета абсолютно выросло, но относительно сократилось и вряд ли превышало 20% общего количества. Изменилось географическое распределение членов-провинциалов. Исчезло преобладание Кавказа, а число провинциальных городов, имевших членов, увеличилось. Внесиловские члены были в Петербурге¹²², Тифлисе, Харькове, Варшаве, Владимире-Вольницком, Полодке, Костроме, Гверц, Саратове, Казани. В основной своей массе это представители интеллигенции. В Петербурге: историк литературы, проф. университета, академик М. И. Сухомлинов, ориенталист, проф. университета В. В. Григорьев, философ и богослов, проф. университета Ф. Ф. Сидонский, библиограф Л. П. Неустров. В Казани: профессора — славист М. Л. Петровский и историк русской литературы Н. Н. Булич; в Харькове: проф. истории русской литературы П. А. Лавровский, историк-славяновед М. С. Дринов, ректор и другие работники семинарии; в Варшаве: попечитель учебного округа О. Витте, его помощник, инспектор и семь учителей Грубешовской гимназии. Входили в Комитет некоторые местные научные работники, например известный краевед, секретарь Нижегородского статистического комитета А. С. Гацисский.

Состав Славянского комитета в том его новом виде, в каком он предстает перед нами к концу 60-х — началу 70-х гг., нельзя уже назвать чисто дворянским, поскольку в нем усилился буржуазный элемент.

¹²² В конце 60-х гг. они перешли в Петербургский комитет.

Вот почему состав Комитета конца 60-х — начала 70-х гг. следует охарактеризовать уже как буржуазно-дворянский¹²³.

Но следует помнить, что буржуазная группа в Комитете составляла лишь 10% его состава. Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении данным, она не обнаруживала тенденции роста в дальнейшем. Основной состав Комитета оставался дворянским.

Чем же можно объяснить этот поворот купечества в сторону Славянского комитета? Прониклись ли купцы идеей освобождения славян, осмыслили ли они задачи Комитета как стремление к экспансии для захвата балканских рынков, Босфора и Дарданелл? Мы думаем, что на все эти вопросы следует ответить отрицательно.

Иное отношение купечества к Комитету, как кажется, определяется целым комплексом причин. Сближение дворянства и купечества в России в 60-х годах совершалось в разных формах. Начавшееся еще раньше участие дворянства в различных акционерных и тому подобных предприятиях в 60-х годах приняло более широкие размеры, и в рядах Комитета мы видим целый ряд членов и даже председателей различных коммерческих и банковских предприятий. Чижев, Черкасский, Уваров, Шильдбах — это лишь часть таких имен. Происходило сближение дворянства и купечества и на почве участия в новом городском самоуправлении. Сближению способствовало наличие либерально-конституционных настроений дворянства.

К сближению с купцами давно стремились славянофилы. Еще по поводу издания газеты «Парус» И. Аксаков писал: «Моя газета возбудила участие купцов», однако это участие было вполне платоническим, не идя, по-видимому, дальше чисто словесного одобрения¹²⁴. Мы видели слабость связей Комитета с купечеством, ничтожное участие купечества в нем

¹²³ Количество духовенства в числе членов Комитета не возросло сколько-нибудь заметно.

¹²⁴ «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV, стр. 18.

в первой половине 60-х годов. Купцы появляются в Комитете во второй половине того же десятилетия. Определенную роль сыграла в этом новая позиция, которую заняла славянофильская печать, в частности аксаковская газета «Москва», в отличие от предшествовавшего ей «Дня».

Два вопроса были доминирующими в общественной жизни 1861—1863 гг., как она отразилась в газете «День». Одним из них — и главным — был вопрос об осуществлении крестьянской реформы. Стоит хотя бы бегло перелистать «День», чтобы убедиться в том, что именно этот вопрос был основным в газете. Провинциальный отдел, содержащий сообщения о деятельности мировых посредников, о введении уставных грамот и работе новых учреждений, вопросы внутренней политики в связи с другими реформами — вот что было основой этого издания. Затем ко всему указанному добавился польский вопрос.

Что же касается тем, связанных с кругом интересов буржуазии, то они представлены были в «Дне» весьма слабо. Газета, дававшая подбор материала, важного и интересного для помещика, почти никак не отражала интересы купца. В ней не было ни коммерческой хроника, ни биржевых курсов. По самому характеру еженедельного издания помещению таких сведений было невозможно. Крайне немногочисленным и скудным был статейный материал, связанный с интересами этих кругов. Можно отметить статьи с экономическим обоснованием завоевания Средней Азии. Стоит только вспомнить участие одного из членов семьи мануфактуристов-фабрикантов Хлудовых в среднеазиатских походах, чтобы понять близость этой темы известной части московских предпринимателей. Подобного рода немногочисленные статьи могли вызвать некоторый интерес к изданию, но сделать его для купечества близким были не в силах. «День» оставался органом дворянских интересов, представлял умеренно-либеральное дворянство. На эти круги ориентировалась славянофильская газета, они и давали ей материал. По поводу прекращения выхода газеты на летние месяцы

1865 г. Аксаков писал: «Все мои сотрудники — не чернорабочие наемники, все более или менее баричи, т. е. люди, проводящие лето в деревне»¹²⁵.

«День» считался органом Славянского комитета. Он публиковал протоколы, отчеты о денежных поступлениях и другие документы Комитета. Но не это было основным для газеты и не ради этого она была создана: «Я пришел к убеждению, однако, — писал И. С. Аксаков А. Д. Блудовой 7 февраля 1861 г., — что нам, оставшимся, как бы ни было нас мало, разъединяться не следует. Что необходим центр внешний, нас связующий, центр, к которому могли бы примыкать все те «будущие, чаемые» ценители и последователи Хомякова, все истые таланты, которым не достает органа. Одним словом, я считаю продолжение издания «Беседы» или периодического сборника в том же духе и направлении, но под другим названием необходимым»¹²⁶. «День» и осуществлял эту задачу, отражая взгляды и интересы славянофильского кружка.

Иное представляла собою «Москва». Со Славянским комитетом она была связана слабо. Документы Комитета здесь не публиковались, сведения о поступлении членских взносов были напечатаны всего один раз. Газета была создана московскими купцами для защиты протекционного тарифа и вообще экономических интересов московской буржуазии. Деньги для ее организации дали: С. Морозов, Т. С. Морозов, И. Лямин, Третьяковы, Кошницы, Солдатенков, Малютин и др. И. С. Аксаков выговорил себе только право вести политический отдел газеты, где он уделял большое внимание событиям на Балканском полуострове¹²⁷. Совершенно очевидно, что «Москва» ни в какой степени не была органом Комитета.

Чтобы понять характер и смысл этого издания, нужно указать на следующее. В середине 1864 г. по-

¹²⁵ «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV, стр. 87.

¹²⁶ Там же, стр. 182.

¹²⁷ Подробнее об этом см. С. Никитин. Южнославянские связи русской печати 60-х гг. XIX в. Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. VI. М., 1952.

явилась записка постоянной депутации германских коммерческих съездов о таможенном договоре с Россией. Она произвела тревогу в среде московских купцов, а славянофил А. П. Шипов, в этом году избранный председателем биржевого и ярмарочного комитетов Нижегородской ярмарки, 18 августа произнес речь, опубликованную затем в «Библиотеке для чтения». Беспокойство купечества побудило правительство разрешить съезд московских фабрикантов. Были приняты меры для подбора желательного состава съезда и ограничения числа иностранцев — участников его, а также для подбора кандидатов в депутаты из числа протекционистов¹²⁸. 14 января 1865 г., на съезд собралось 195 человек, и было послано 76 заявлений с кандидатскими списками. В числе депутатов были А. П. и Д. П. Шиповы, проф. Бабст и Ф. В. Чижев¹²⁹. При голосовании избрали 20 членов и 20 кандидатов. В числе членов оказались Лямин (председатель депутации), Т. С. Морозов (товарищ председателя), И. И. Четвериков, Чижев, Бабст, Каулин. Председатель Биржевого комитета А. И. Хлудов прошел только в кандидаты, так как его считали не способным руководить таким большим делом. Н. Найденов, получивший равное число голосов с Д. П. Шиповым и Каулиным, остался кандидатом, но принял живое участие в комиссии по разработке вопросов, связанных с шерстяным и кожевенным производством.

Итогом деятельности депутации было составление в протекционистском духе «Мнения постоянной депутации московских купеческих съездов», где вступление было написано Бабстом, раздел о свеклосахарном производстве — Чижевым, о льняной и химической промышленности — А. П. Шиповым.

25 июля 1865 г. при открытии ярмарки А. П. Ши-

¹²⁸ См. И. Найденов. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном, вып. 2. М., 1903, стр. 66.

¹²⁹ «Очерк деятельности д. с. с. Александра Павловича Шипова, председателя Биржевого и Ярмарочного комитетов в Н. Новгороде». СПб., 1866 (приложение к «Народной газете»), стр. 8.

пов произнес речь, в которой вновь выступал против фритредеров и немецких предложений и ссылаясь на ответ старшины Данцига, где говорилось: «Королевскому правительству предстоит задача сделать для востока Пруссии такие завоёвания в экономической области, которые дали бы восточным провинциям возможность распространить свою торговую деятельность за русские границы». Он отмечал, что опубликование сведений о таком отношении Пруссии побуждало некоторых к пересмотру прежних взглядов, в частности «Московские ведомости» стали склоняться к охранительному тарифу¹³⁰.

Германская записка была эпизодом. Через небольшой срок пошли слухи о готовившемся пересмотре таможенного тарифа в определенно фритредерском направлении. В поле на рассмотрение Биржевого комитета был прислан проект, над которым началась работа в том же порядке, как над немецким проектом¹³¹. В комиссию при министерстве финансов были выделены И. А. Лямин, Ф. Ф. Рязанов и Т. С. Морозов и к ним девять заместителей. Но в комиссии было много противников протекционных тарифов. Тогда в среде крупного купечества, а в особенности фабрикантов, ввиду усиленно распространившихся фритредерских тенденций, возникла мысль основать серьезный орган, который мог бы защищать промышленность; лицом, способным для этого, представлялся И. С. Аксаков; средства на издание были собраны по подписке; газета под названием «Москва» начала выходить¹³².

«Разумеется, — характеризовал И. С. Аксаков в письмах к М. Ф. Раевскому организуемое издание, — восточный и славянский вопросы будут занимать в ней одно из самых видных мест. Если дело пойдет хорошо и газета будет иметь успех, то очень важно будет для нашего дела найти такую опору,

¹³⁰ «Очерк деятельности д. с. с. Александра Павловича Шипова...», стр. 13—14.

¹³¹ См. М. Н. Соболев. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск, 1911, стр. 223.

¹³² Н. Найденов, Ук. соч., стр. 76.

какова сила русского купечества. Оно пойдет за своей газетой. Я совершенно независим в своих редакторских действиях; все мое обязательство заключается в том, чтобы из 24 столбцов газеты не менее двух посвящено было торговым корреспонденциям, чтоб раз в неделю была передовая статья от Бабста или Чиждова, по вопросам экономическим, и чтоб этим отделом заведывали Чиждов с Бабстом, что мне именно на руку»¹³³.

Свои обязательства Аксаков выполнял. Газета печатала биржевую хронику, статьи и корреспонденции на экономические темы. Она паходила отзвук даже за границей, получала большое количество коммерческих объявлений.

Всеи этим она была обязана защите протекционного тарифа.

Один из сотрудников этого издания, далекий от славянофильства К. Скальковский говорит: «Предложения (правительственной. — С. Н.) Комиссии высмеивались в прозе и даже в стихах в «Москве» и «Москвиче», в которых и я принимал участие»¹³⁴. Стихи — это ошибка памяти, но верно, что газета предоставляла свои столбцы полемическим выступлениям московских протекционистов¹³⁵, печатала статьи о тарифе и даже терпела за то административные кары, например, за статью о тарифе в № 183 газета получила второе предостережение¹³⁶. Так верно служил славянофильский орган интересам московских купцов.

На почве защиты купеческих интересов, частично на почве личных отношений и связей, происходило сближение московских купцов и Славянского комитета, где славянофильская группа играла важную роль. Оно скреплялось влиянием современных событий. Немалую роль сыграло здесь критическое восста-

¹³³ «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV, стр. 90—91.

¹³⁴ К. Скальковский. Воспоминания молодости. 1843—1869. СПб., 1906, стр. 290.

¹³⁵ Письмо в редакцию И. А. Лямина. «Москва» № 27 от 2/II 1867 г.

¹³⁶ «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV, стр. 93.

ние. Сборы в пользу критян предприняли Славянский комитет, с разрешения митрополита Филарета, московское духовенство, а также Московская городская дума. Уже в первом подписном листе, открытом московским городским головой, мы встречаем имена: Бостанджогло, Сорокоумовского, Булочкина, Ганешина, Солдатенкова, К. Попова, Абрикосова, Рябушинского, Крестовникова, Коншина, Третьякова и др.¹³⁷ Московское купечество всегда славилось благотворительностью. Мотивы, которыми побуждалась эта благотворительность, безразличны; было ли это искреннее стремление помочь, было ли тщеславное желание выдвинуться, получить медаль и т. п.¹³⁸ — факт остается фактом. И кажется, что совпадение привычной формы отношения: жертвователи и сборщики пожертвований, совпадение официально санкционированной цели благотворительности и цели благотворительности Славянского комитета могло укрепить связи, устанавливавшиеся между Комитетом и московскими купцами. А связи эти были двояки: с отдельными представителями московской буржуазии и с купеческими организациями. И те и другие привлекались к пожертвованиям как регулярным, так и единовременным.

В 1872 г. И. С. Аксаков возбудил перед московским купеческим обществом ходатайство о поддержке русского храма в Праге. Это было, очевидно, не первое обращение к купечеству за денежной помощью, так как в ответе старшины московского купечества В. Бостанджогло упоминается о состоявшемся решении пожертвовать 3000 руб. единовременно и по 1000 руб. на воспитание славян на два года¹³⁹. Тысячерублевый взнос удержался и в последующие годы; в 1874 г. мы встречаем сообщение о таком ассигновании купеческого общества¹⁴⁰.

¹³⁷ «Москва» № 6 от 8/1 1867 г.

¹³⁸ По сообщению Найденова, «орденоманией» страдал, например, Бостанджогло.

¹³⁹ ЦГИАМ, ф. 1750. «Письма от учреждений и разных лиц... о присылке пожертвований за 1872 г.», без №, л. 22.

¹⁴⁰ Там же, дело с тем же названием за 1873 г., л. 76.

Отношения с отдельными купцами строились на той же основе. Коммерции советник В. В. Епишкин (член Комитета), помимо членского взноса, в 1872 г. пожертвовал 287 р. 64 к. на теплое обмундирование черногорцам, в последующие годы давал пособия черногорцам, учившимся в Вифанской семинарии и других учебных заведениях¹⁴¹. Кокорев содержал двух учившихся в Москве болгар — из них один был Любен Каравелов. Когда женскому училищу нужно было экипировать девочек, обращались к Голофтеву, Коншину, Рахманину с просьбой пожертвовать шерстяные и бумажные материи¹⁴²; число подобных примеров могло бы быть увеличено. Крупные пожертвования в Черногорию, как можно догадываться, с назначением более серьезным, чем обычная благотворительность, были сделаны Коншиным, Алексеевым, Бессоновым и трактирщиком Лопашевым (2-й гильдии), за что все четверо получили ордена кн. Даниила «За независимость Черной Горы» (Коншин — второй, прочие — третьей степени)¹⁴³. Но весь характер переписки по этому вопросу, так же как и по другим, не раскрывает никаких иных отношений между Комитетом и купцами, кроме денежных.

Сами деятели Славянского комитета в своих отношениях с купцами интересовались прежде всего пожертвованиями. В 1858 г. Погодин сообщал Бахметьеву: «Касательно подписки должен к сожалению сказать, что она весьма неуспешна. Едва собралось сто рублей серебром ежегодного взноса; к купеческому сословию вообще подступа не было с подписками, кои производят в них потрясение вследствие некоторых местных мер последнего времени»¹⁴⁴.

Некий вновь принятый член, житель Коломны, спешил сообщить Н. А. Попову сведения о коломен-

¹⁴¹ ЦГИАМ, ф. 1750. «Письма от учреждений и разных лиц... о присылке пожертвований за 1875 г», л. 5.

¹⁴² Там же, л. 322. Наряды входящих бумаг Комитета для сбора пожертвований, л. 40.

¹⁴³ Там же, дело с тем же названием за 1872 г., л. 88.

¹⁴⁴ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 65. «Переписка...», л. 13 об.

ских богачах, но предупреждал, что они — люди своеобразные, нуждающиеся для успеха покушения на их капиталы в особом обращении, секрет какого изложит лично. «А от коломенцев можно приобрести хорошие деньги для Комитета»¹⁴⁵. Переписка Комитета показывает, что и купцы на свои отношения к Комитету смотрят именно как жертвователи. В 1877 г. многолетний член Комитета В. Елишкин сообщал, что вносил раньше 50 руб. в год, теперь же вносит 100 руб. и просит считать пожизненным членом. «Своими пожертвованиями я участвовал в прошлом году в сборах в Петербурге, Москве, а также в Новгородской, Тверской и Киевской губерниях и за множеством лежащих на мне других благотворительных обязанностей не имел ни характеру, ни возможности собирать в пользу Комитета деньги по присланной мне в 1875 г. книжке, которую при сем возвращаю, и на будущее время прошу таковой не присылать, так как мне и без того учащимся в России черногорцам немало приходится помогать»¹⁴⁶.

С. Вишняков, пересылая свой взнос, писал Н. А. Попову: «Прошу... более билетов мне не присылать, потому что раздавать некому и наша почтеннейшая публика мало сочувствует доброму делу; сколько я ни старался, едва мог набрать новых членов 13 человек, а из старых ни один сам взносу не сделал»¹⁴⁷. Когда Комитет обратился к Московской купеческой управе с просьбой о деньгах для церкви, устраиваемой в Праге, возникли горячие прения. Бостанджогло поддержал просьбу и мотивировал необходимость пожертвования тем, что И. С. Аксаков, подписавший от имени Комитета письмо, — член совета Общества взаимного кредита, которое дает управе на благотворительность до 50 000 руб.¹⁴⁸. Взгляд купцов на Комитет, как на одно из многих благотворительных

¹⁴⁵ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Н. Попова, 9/XI 1869 г.

¹⁴⁶ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 310, л. 2

¹⁴⁷ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Н. Попова, 20/III 1872 г.

¹⁴⁸ Там же, письмо Н. Павлова от 5/II 1872 г.

учреждений, заставлял Комитет по отношению к жертвователям применять те же способы поощрения, какие применялись в практике других учреждений. Ордена получили не только названные выше лица; такие награждения имели место и в других случаях, например, был представлен к ордену купец Сысоев, давший, при создании Сербского подворья, деньги на возобновление церкви при подворье¹⁴⁹.

Какую роль в поддержке начинаний Комитета играла возможность получить награду, хорошо показывает следующий факт. В 1874 г. Н. П. Игнатьев переслал Петербургскому комитету просьбу о субсидии для сербского училищного общества в Константинополе. В своем ответе председатель Комитета И. П. Корнилов сообщал, что беседовал с почетным гражданином М. К. Сидоровым, прося найти жертвователя среди купцов, «с условием, что вы со своей стороны охотно будете содействовать исходатайствованию за это пожертвование какой-либо почетной награды, согласно с желанием жертвователя»¹⁵⁰. А консул в Дубровнике (Рагузе) А. С. Ионин убеждал в ряде писем секретаря Московского комитета Н. А. Попова в невозможности постоянно выпрашивать ордена у Черногорского князя и трудности заставлять последнего награждать таким образом купцов¹⁵¹.

У нас нет никаких данных, которые говорили бы о сознательном отношении купечества к Комитету и его делу. Нельзя не сослаться на характерное заявление передовой в № 8 «Москвы», написанной в связи с панихидой в греческом монастыре на Никольской улице по героически погибшем на Крите архимандрите Гаврииле и монахах, которые взорвали монастырь с ворвавшимися туда турками и вместе с ними погибли под развалинами. «Нас поразило на панихиде, — читаем мы здесь, — отсутствие представителей

¹⁴⁹ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 235. Прошения болгарских, сербских и черногорских студентов.

¹⁵⁰ ГИАЛО, ф. 400, оп. I, д. 8, л. 63 об.

¹⁵¹ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Н. Попова, 25/XI (6/XII) 1872 г., (11/23) VI 1872 г.

московского купечества. Мы уверены, что это случилось только по недоразумению и потому еще, что служба началась и отошла раньше срока. Это тем более жаль, что нашлись тут же в церкви многие, которые такому отсутствию купечества давали разное неблагонамеренное толкование, объясняя, например, будто купцы вовсе не интересуются тем, что не имеет прямого отношения к хлопку, шерсти или дисконту, или, что пожертвовав уже в пользу кандиотов по предложенной им подписке, купцы считают себя затем уволенными от всяких обязанностей сочувствия»¹⁵². Не было бы, конечно, никакой надобности во внутренних купцам, что они достаточно образованы, что они понимают значение политических вопросов, что они не ограничатся полуофициальной подпиской, как это делает Аксаков в конце статьи, если бы все это имелось в действительности. Но об этом приходилось говорить, так как на самом деле желательными Аксакову чертами купцы не обладали. Можно, наконец, отметить, что купцы не принимали активного участия в делах Комитета. Только один И. И. Четвериков упоминается как «усерднейший из членов распорядительного собрания»¹⁵³, но и это усердие было по преимуществу усердием в пожертвованиях.

Естественно возникает вопрос, не были ли связаны экономические интересы московского купечества с главным объектом деятельности Славянского комитета — Балканским полуостровом. Можно привести ряд фактов, дающих вполне отчетливый ответ на данный вопрос. Еще в марте 1858 г. болгарин Георгий Хаджи Кирков (Киркович), задумавший основать в Москве табачную фабрику, составил в результате переговоров с Хомяковым и Чижевым записку «Об особенных выгодах для купечества вследствие учреждения Торгового товарищества на янах для обмена произведений России с европейской Турцией, и о развитии там фабричных изделий посредством связи русских с болгарями». Автор полагает, что развитие

¹⁵² «Москва», 1867, № 8.

¹⁵³ Там же.

русско-болгарских экономических отношений приведет к усилению русского влияния в Болгарии. Записка была известна Рачинскому и Ошмянцеву¹⁵⁴. К проекту горячо отнесся И. С. Аксаков, пытавшийся через Погодина толкнуть московских купцов на поддержку замысла Кирковича. «Вот, дорогой Михаил Петрович, — писал Аксаков, — предприятие, которое не менее выгодно и гораздо важнее Каспийского Товарищества. Сей болгарин (Киркович), прежде чем нести к вам свою записку, давал ее мне на просмотр. Сколько я знаю русскую мануфактурную торговлю, открытие для русских фабрикантов нового рынка для сбыта товаров — просто клад. А какие последствия в политическом-то смысле!»¹⁵⁵. Аксаков проявил полное непонимание интересов московского купечества, давно тяготевшего к Средней Азии и Кавказу и не имевшего сколько-нибудь значительных коммерческих связей с Балканами. Желательных политических результатов от развития торговли с Европейской Турцией славянофилы хотели бы достигнуть за счет купеческих кошельков. Никакого практического эффекта изложенная мысль не имела.

В 1861 г. тот же Кирков обращался в Комитет с записками о развитии торговли табаком между Россией и Болгарией и открытии табачной фабрики. Погодин рекомендовал автора записок московскому купцу Мамонтову.

Итог своих переговоров Кирков формулировал так: «Сколько времени разъезжая по Москве, я заметил, что нет надежды начать свои предприятия с нашими купцами, потому, что каждый из них озабочен своими занятиями»¹⁵⁶.

Киркову не удалось ничего добиться в Москве, и

¹⁵⁴ См. С. С. Дмитриев. Архив редакции «Сельского благоустройства» (1858—1859 гг.). Записки отд. рукописей Б-ки им. Ленина, вып. 10, стр. 39.

¹⁵⁵ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Погодина, 19/IX 1858 г.

¹⁵⁶ Н. Попов. Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве. Первое пятилетие (1858—1862), вып. I. М., 1871, стр. 97.

в 1862 г. он уехал в Константинополь, предлагая доставлять из Турции и Болгарии образцы товаров, сообщать цены и т. п. По-видимому, и это предложение никого не заинтересовало.

Тогда же, в 1862 г., на одном из заседаний Славянского комитета был возбужден вопрос о необходимости налаживания торговых отношений России с Болгарией. Инициатор Ошмянцев доказывал выгоду этой торговли. Особого отклика выступление Ошмянцева не вызвало, исключая замечаний, что выгода определит отношение к вопросу ¹⁵⁷.

Попытка Н. А. Попова убедить купечество в целесообразности установления торговых отношений с Сербией встретила скептический ответ: «Где же у нас такие торговые дома, не говоря русские, но даже иностранные, которые бы решились завести прямые отношения с Сербией, куда еще нет выгодных торговых путей?» ¹⁵⁸. Да и возможные предметы торговли: вино, орехи и чернослив не вызывали интереса у московских купцов.

Можно, наконец, привести и более поздний факт. Уже во время русско-турецкой войны, в ноябре 1877 г., Морозов от своего имени и от имени группы московских купцов просил разрешения образовать «Товарищество временной задунайской торговли» ¹⁵⁹. Задачей Товарищества было совсем не экономическое завоевание Балкан, а снабжение армии чаем, сахаром, табаком, свечами и т. д. Однако даже в такой момент Балканский полуостров не привлекал московских купцов в качестве возможного рынка ¹⁶⁰.

Таким образом, никаких своих целей московское купечество через Славянский комитет не достигало, и

¹⁵⁷ «Протокол заседания Славянского комитета 27/X 1862 г.». «День», 1862, № 4.

¹⁵⁸ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 58, л. 184 об.

¹⁵⁹ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Черкасского, папка 69, № 21, письмо Черкасского к И. Аксакову.

¹⁶⁰ Неудачной оказалась и попытка завязать торговые связи со странами Балканского полуострова, сделанная в начале 80-х гг. См. А. И. Мураневич. Русско-балканский торговый вопрос и некоторые полезные для путешественника сведения. М., 1885, стр. 42, 43.

Комитет не был организацией московской буржуазии.

Мы остановились так подробно на социальном составе Московского комитета потому, что он с теми или иными отклонениями характеризует социальный состав и прочих комитетов.

В Петербургском комитете состав членов отличался преобладанием чиновничества разных рангов, заметным количеством литераторов, ученых и других представителей интеллигентных профессий, значительным наличием военных и весьма небольшим числом купцов.

Когда возникал Киевский комитет, первыми вошли в него руководящие чиновники учебного округа, профессора, учителя гимназий, помещики. За ними — 20 мировых посредников, т. е. тех же помещиков, пять председателей мировых съездов, ксендз и около 15 представителей высшего и среднего духовенства, в том числе митрополит Арсений¹⁶¹. Покровительство, которое оказывал возникавшему Комитету генерал-губернатор, выразилось в том, что в провинции запись проводилась при помощи исправников и полицмейстеров¹⁶².

Основная группа членов Казанского комитета образовалась из попечителя учебного округа, 12 профессоров университета, архиепископа, 18 профессоров духовной академии, городского головы, нескольких купцов, генерал-майора и нескольких офицеров, нескольких членов окружного суда и прокурорского надзора, управляющего отделением Государственного банка и ряда преподавателей гимназий¹⁶³.

Основу комитетской организации составляли дворянско-бюрократические элементы, им сопутствовали численно меньшие группы интеллигенции, духовенства. Буржуазный элемент представлял собой весьма незначительную группу. В составе Комитетов не было демократических элементов. Они объединя-

¹⁶¹ О митрополите Арсении см. В. Ф. Певницкий. Воспоминания о покойном митрополите киевском Арсении. Киев, 1877.

¹⁶² ЦГИАМ, ф. 1750, д. 50. «Переписка...», лл. 17—18, 23.

¹⁶³ Там же, д. 58. «Переписка...», л. 72.

ли преимущественно представителей различных панславистских групп, других консервативных направлений, а также отчасти либеральных деятелей.

Буржуазно-либеральная группировка в Комитетах была численно невелика и влияния на ход дела не оказывала. Более того, численность ее к началу 70-х гг. сократилась. Участие буржуазии в Комитете проявилось почти исключительно в форме денежных пожертвований.

Источники показывают, что вопрос об экономической экспансии на Балканы поднимался деятелями Славянских комитетов из славянофилов, но отклика в среде буржуазии не находил. Экономические связи с балканскими странами славянофилы рассматривали в качестве средства подкрепления политических отношений. Такое понимание существовало и в других панславистских кругах. Это отчетливо обнаруживается в деятельности М. Г. Черняева в Сербии в 1878—1882 гг., когда он то пытался при помощи С. Полякова вырвать постройку железной дороги в Сербии из рук австро-немецких контрагентов, то обнаруживал поползновение стать посредником в поставках сукна на сербскую армию, то пытался привлечь русских предпринимателей к постройке фабрик в Сербии¹⁶⁴.

* * *

Внутренняя организация Славянских комитетов строилась почти одинаково и была довольно проста.

В Московском комитете в течение первых трех лет Бахметьев в своем лице совмещал обязанности председателя, секретаря и казначея. Уже после его смерти 19 мая 1861 г. было избрано правление в составе: почетного председателя гр. Д. Н. Блудова, который никогда никакого участия в делах не прини-

¹⁶⁴ ГИМ, ф. Черняева, св. 7; М. Г. Черняев и П. А. Кулаковский. Письма И. С. Аксакову о Сербии в 1880—1882 гг., с пред. В. И. Пичета. «Голос минувшего», 1915, № 9, стр. 232—249.

мал и в 1862 г. был заменен Е. П. Ковалевским, временного председателя Погодина, секретаря и казначея И. С. Аксакова. При правлении состояла постоянная комиссия из Я. Орел-Ошмянцева, П. И. Бартецева и П. А. Бессонова. К этому времени относится указание Н. А. Попова: «Действует только распорядительное собрание, в помощь которому избрана особая комиссия, но в трудах его (Комитета. — С. Н.) принимают участие три, четыре члена, не более, и то изредка»¹⁶⁵. Однако и в этот период в заседаниях и делах Комитета участвовали некоторые члены, не занимавшие никаких официальных постов. Их немного: это — Чижев, Рачинский, священник Преображенский. По правилам всякий член Комитета мог присутствовать на собраниях. Правом этим, как видим, пользовались мало. Очевидно, активная группа членов ограничивалась немногими официальными лицами Комитета и указанным ограниченным числом членов, принимавших участие в делах. Что дело обстояло так и позже, подтверждает донесение начальника Московского жандармского управления, написанное в 1876 г., в котором он сообщал, что Комитет «и до настоящего времени не организован как следует в бюрократическом отношении»¹⁶⁶.

В 1862 г. Аксаков отказался от обязанностей секретаря, оставив за собой только казначейские функции. Секретарем был избран Ошмянцев.

События 1867—1868 гг. (Славянский съезд, ожидавшееся выступление южных славян против Турции) нашли отражение в росте числа членов и в оживлении деятельности организации. В это время заседания Комитета привлекают к себе уже значительно большее число рядовых членов. В протоколах этого времени упоминается о присутствии 12, 16, 22 человек, о приезде иногородних гостей, сторонних

¹⁶⁵ Н. Попов. Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве, вып. 2, стр. 2.

¹⁶⁶ ЦГИАМ, ф. 109, III отд., секретный архив, оп. 4, д. 436, л. 39—46.

посетителях ¹⁶⁷. Особенно важно упоминание об этих последних, как свидетельство публичности заседаний.

В 1868 г. произошли новые перемены в руководящем составе. Ввиду болезни Ошмянцева секретарем был избран Н. А. Попов. Вскоре Аксаков оставил пост казначея и на это место был избран член губернской земской управы Н. А. Зубков, близкий знакомый нового директора Азиатского департамента Стремоухова. В таком составе управление Комитета действовало до 1875 г.

Подобным же образом были организованы и другие комитеты. В Петербургском комитете с 1868 по 1878 г. председательство (последовательно) находилось в руках А. Ф. Гильфердинга, И. П. Корнилова, кн. А. И. Васильчикова, К. Н. Бестужева-Рюмина; товарищами председателя были: А. Д. Башмаков, И. Ф. Золотарев, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. И. Ламанский; секретарями — Н. А. Киреев, В. И. Ламанский, А. П. Наранович, А. С. Будилович, А. В. Васильев, гр. А. В. Сологуб, Г. А. де-Воллан, В. И. Аристов. Среди членов исполнительного присутствия мы встречаем: К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Ф. Бычкова, протоиерея И. В. Васильева, Н. Н. Качалова, В. И. Ламанского, Н. И. Любимова, О. Ф. Миллера, А. Н. Попова, Н. И. Стояновского, Т. И. Филиппова, протоиерея И. Л. Янышева.

В 1869 г. было создано исполнительное присутствие в составе председателя, секретаря, казначея и наиболее активных членов. Оно подготовляло дела для доклада общему собранию, а в летние месяцы, когда заседаний Комитета не происходило, играло роль распорядительного органа, которому предоставлялось в таких случаях право производить расходы на неотложные нужды ¹⁶⁸. Помимо этого, для рассмотрения и разработки отдельных вопросов по мере надобности создавались комиссии. Из них издательская просуществовала наибольший срок.

Говоря о структуре комитетской организации в

¹⁶⁷ «Протокол за 1868 г.». «Московские университетские известия», 1868, № 3, 5, 7, 9.

¹⁶⁸ «Первые 15 лет...», стр. 17 и др.

изучаемый нами период, следует отметить одну черту, общую всем комитетам, о которой мимоходом упоминалось выше. Несмотря на определенные географические обозначения, свойственные каждому комитету (Московский, Петербургский и пр.), деятельность их не ограничивалась территорией губернии. Мы уже указывали, что до конца 60-х гг. Московский комитет играл роль всероссийского. А с конца 60-х гг. после образования трех новых комитетов, хотя географическая сфера его деятельности сузилась, он по-прежнему имел провинциальных членов и на Кавказе, и в Поволжье, и в других местах и сохранил значение основного и руководящего. Каждый из вновь возникших Комитетов включал в свой состав членов и из соседних губерний. В состав Петербургского входили члены из Прибалтики, Минской и Виленской губерний; в состав Киевского — из трех губерний Юго-Западного края, а также Черниговской, Полтавской, Херсонской губерний и даже из Петербурга. Таким образом, территориальные обозначения Комитетов уже действительной сферы их деятельности.

Во внутренней структуре Комитетов было много общего, но были и некоторые особенности. При Московском комитете существовало с 1870 г. особое отделение, так называемый Дамский комитет, действовавший параллельно, но под контролем основного Комитета, и выполнявший специальные функции по содействию женской славянской школе, помощи славянским девочкам, учившимся в других учебных заведениях, а также по сбору пожертвований.

Дела в Комитетах решались, как правило, коллегиально. На заседаниях обсуждались вопросы о распределении стипендий, о направлении средств и книг тем или иным славянским школам, церквям и монастырям. Собрание Комитета слушало отчеты и утверждало расходование средств, ему же докладывалась переписка, имевшая место в период между двумя заседаниями. В таком же порядке обсуждались различные записки, намечавшие очередные задачи Комитета, и т. п.

Естественно возникает вопрос: все ли дела становились предметом гласного обсуждения? При сравнении опубликованных протоколов Московского и Петербургского комитетов с их подлинниками не обнаружены пропуски, а замечены лишь мелкие редакционные отличия. Все, что гласно обсуждалось, становилось достоянием печати. Другое дело те вопросы, которые решались неофициально или в неконституционных органах Комитета. Отражение их в официальном делопроизводстве найти можно далеко не всегда, тем более, что ряд таких вопросов рассматривался в частных совещаниях и был предметом забот отдельных членов.

Когда в 1861 г. в Сербии началась военная подготовка в связи с обострением отношений на Балканском полуострове, возник вопрос о займе. Аксаков и славянофилы приняли живое участие в этом деле. Был достигнут огромный успех. Правительство готово было предоставить Сербии бессрочный и беспроцентный заем (900 000 руб.). Но в последний момент сербский князь отказался от него, поскольку заем имел официальный характер, тогда как Михаил просил о займе частного порядка. Мысль о частном займе была решительно отвергнута Аксаковым, потому что частные средства могли быть пущены лишь в качестве начального толчка. Невозможен был заем и от имени Славянского комитета, так как «в употреблении денег должен быть дан подробный отчет Комитету»¹⁶⁹.

Таким же неформальным порядком разрешались не только политические вопросы. Это характерно для стиля деятельности Комитета, в котором не существовало строгих бюрократических форм и отношений. Уже после того как Аксаков отказался от обязанностей секретаря, в начале 1863 г. он писал Раевскому: «Вот один юноша болгарин Перфанов, учащийся в Москве, заболевший и отправляемый Славянским комитетом на родину. Укажите ему адреса болгар венских и сдайте его на попечение им. Если нужно

¹⁶⁹ «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV, стр. 53.

немножко пособить ему деньгами, пособите»¹⁷⁰. Являясь формально рядовым членом, Аксаков в данном вопросе дает задание заграничному представителю Комитета, на что формально он не имел права.

Можно отметить и еще одну черту. Вопросы о назначении пособий решались на собраниях Комитета, но наблюдались случаи, когда решения выносились и единолично, лишь с последующим доведением до сведения Комитета.

Между Комитетами существовала взаимная связь, не одинаковая в разные моменты их существования. В период организации новых Комитетов отношения были тесными, но чем более креп отдел, тем он становился независимее. Наиболее прочно были связаны Московский и Петербургский комитеты, особенно в первые годы существования последнего. Это объясняется целым рядом причин: Московский комитет нуждался в помощи петербуржцев для связи с правительственными учреждениями и лицами; между этими организациями не было четкого разграничения круга ведения, как было по отношению к Киевскому комитету. Но связи никогда не носили характера подчиненности одного Комитета другому, оба сохраняли полную независимость, не согласовывали своих действий и оказывали взаимную финансовую поддержку, совместно кредитуют отдельные начинания. Связи осуществлялись путем переписки и поездок.

Комитеты стремились к сохранению самостоятельности, как видно из письма члена Петербургского комитета Н. А. Тизенгаузена к Н. А. Попову от 28 декабря 1875 г., написанного в связи с разработкой устава: «Петербургский отдел, стремясь к сохранению нравственной связи с Москвою, колыбелью славянской идеи, вместе с тем желает сохранить ту самостоятельность, которой он до сих пор пользовался в отношении распоряжения средствами своей кассы, направления своей деятельности и права непосред-

¹⁷⁰ «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV, стр. 80.

венного сношения со всеми властями и учреждениями»¹⁷¹.

Независимостью дорожили еще и потому, что Комитеты неодинаково смотрели на ближайшие задачи своей деятельности. Внутренняя свобода открывала каждому из них возможность действовать в избранном направлении. В Московском комитете на первом месте стояла благотворительная деятельность. Однако и в Москве отношение к ней не всегда было одинаковым. После Славянского съезда, в феврале 1868 г., Н. Попов представил в Комитет предложение ежегодно повторять съезды и усилить сближение славян в области умственной и литературной жизни. В Комитет в это время вступили новые члены, которые поддерживали Н. Попова и отвергали благотворительность. Сам Попов не отказывался от нее вполне, но считал необходимым придать ей иной характер. В его записке совершенно отсутствуют указания на помощь церквам, а говорится о помощи учащимся в России, об устройстве школ в славянских землях и поддержке тех из них, которые существуют на народные пожертвования, о помощи преподавателям русского языка в славянских землях и славянам, подвергшимся преследованиям за услуги, оказанные своему народу¹⁷².

Новые члены, которые одно время вышли из Комитета в знак протеста против его благотворительного характера¹⁷³, за небольшим исключением (к ним относится В. И. Даль), несколько позже снова вступили в Комитет и должны были признать его благотворительный характер. Некоторые, правда, решительно отвергли благотворительную деятельность Комитета, но ничего не достигли в области литературной взаимности. «Еще более оказалось между новыми членами Комитета таких, которые благотворительную деятельность ставили выше другой. Число

¹⁷¹ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 55, л. 70 об.

¹⁷² Там же, д. 49, «Переписка...», л. 17 об.

¹⁷³ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Н. Попова, 11/XI 1870 г.

таких членов увеличилось с 1868 года до 1872 года в значительной степени и потом остановилось»¹⁷⁴.

В Петербургском комитете, в отличие от Московского, преобладало тяготение к литературной деятельности. «...наши отделы должны тратить свои, пока еще копейные, средства не столько на выдачу пособий и стипендий проживающим у нас славянам, сколько на пропаганду славянской идеи в России, на поворот убеждений русского общества на правильный путь»¹⁷⁵. «Литературный панславизм» был свойствен Петербургскому и Киевскому комитетам. В первом это течение возобладало с 1870 г., в Киеве оно взяло решительный перевес над сторонниками благотворительности и воспитания славян в России с самого начала.

Такие расхождения в понимании путей осуществления задач Славянских комитетов, побуждавшие к сохранению самостоятельности, не устраняли, однако, потребности во взаимной координации действий. Координация осуществлялась в частых встречах руководителей Московского и Петербургского комитетов, более редких встречах представителей Московского с деятелями Киевского и Одесского обществ и в постоянной переписке между ними. Только однажды состоялся съезд представителей всех обществ. Он происходил летом 1874 г. в Киеве во время заседаний археологического съезда. Эти совещания носили совершенно частный характер и, насколько можно судить по немногим указаниям, на них подвергся обсуждению вопрос о направлении дальнейшей деятельности Комитетов. По-видимому, большинство участников совещаний являлось сторонниками литературной деятельности, но были ли приняты какие-либо решения, остается неясным. Во всяком случае события, разыгравшиеся вскоре затем, толкнули и сторонников благотворительности и приверженцев славянской пропаганды в совершенно

¹⁷⁴ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 28. «Протоколы заседаний Московского славянского комитета», л. 26 об.

¹⁷⁵ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 73. «Переписка...»; «Первые 15 лет...», стр. 271.

иную, всегда казавшуюся заманчивой, но недоступной область чисто политической деятельности, о чем, конечно, на съезде и речи быть не могло.

Говоря об организации Славянских комитетов, следует остановиться на их внешних отношениях и связях. Комитеты находились в непосредственных сношениях с Азиатским департаментом. Через него производилась переписка с русскими консулами за границей, через него шла отправка денег, через константинопольское посольство и русскую консульскую сеть переправлялись книги и вещи. Иногда посредниками были и другие представители официального мира. Так, Киевский комитет вел свои сношения с Галицией через начальника холмской учебной дирекции Ф. Г. Лебединцева, брат которого состоял членом Комитета¹⁷⁶.

Азиатский департамент давал некоторые направляющие указания по отдельным вопросам. В 1869 г. в связи с которским восстанием была прекращена начатая Петербургским комитетом подписка в пользу далматинцев и черногорцев¹⁷⁷. Причины этого, как легко понять, были чисто политические: поддержка повстанцев в чужой стране (Австро-Венгрия) была неудобна. В 1872 г. было предложено не упоминать в отчетах заграничных агентов — и русских и иностранных подданных¹⁷⁸. Департамент знакомился с отчетами Комитетов и сообщал свое впечатление о них¹⁷⁹. Через него Комитеты передавали в соответствующие страны свои пожелания о порядке направления учащихся¹⁸⁰. Департамент обращался

¹⁷⁶ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 15. «Протоколы торжественного открытия и заседаний Киевского отделения славянского благотворительного общества», л. 3 об.

¹⁷⁷ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Н. Попова, письмо гр. П. Голенищева-Кутузова от 8/III 1869 г. Об этом восстании см.: В. Н. Кондратьева. К истории восстания в Боке Которской в 1869 г. Уч. записки Института славяноведения АН СССР, т. XVI. М., 1958.

¹⁷⁸ ЦГИАМ, ф. 1750. «Письма от учреждений и разных лиц за 1872 г.», л. 39.

¹⁷⁹ См. Н. Попов. Ук. соч., вып. I, стр. 45.

¹⁸⁰ ЦГИАМ, ф. 1750. «Переписка за 1874 г.», л. 19.

в Комитеты с просьбой устроить того или другого из славян в школу¹⁸¹, он нередко указывал, каким славянским школам необходимо оказать помощь.

Нередко константинопольское посольство и консулы обращались в Комитет, прося о материальной поддержке школам, либо отдельным лицам, или об устройстве кого-либо в русские учебные заведения. Они сносились по этим вопросам чаще через Азиатский департамент, хотя бывали случаи прямых обращений. Непосредственно в Комитет обращались консулы со своими пожертвованиями и собранными ими деньгами; так поступали Петкович, К. Леонтьев. В случае недоразумений консулы обращались в Комитеты непосредственно. Например, консул в Сараеве Кудрявцев получил уведомление, что ему для местных нужд будет переведено 350 руб., но затем Комитет употребил деньги иначе. Не зная этого, Кудрявцев истратил в счет ожидаемых денег на пособие арестованному архимандриту, священнику, вернувшемуся с галер, уволенным турками учителям и неимущим жителям, которые должны были платить «войнину» (военный налог), другие средства¹⁸².

Руководящие деятели Комитетов находились, кроме того, в личных отношениях с представителями министерства иностранных дел. Погодин и Аксаков состояли в неофициальной переписке с директором Азиатского департамента Е. П. Ковалевским; Н. Попов обычно встречался с послом в Константинополе Н. П. Игнатьевым при его проездах через Москву.

Таким образом, связи с министерством и его деятелями были многообразны, что давало ориентировку и в событиях и в желаниях министерства. В Петербурге немалую роль в этом отношении играл А. Ф. Гильфердинг. Выделялись также широтой своих связей в официальных кругах В. И. Ламанский и др.

¹⁸¹ ЦГИАМ, ф. 1750. «Переписка за 1874 г.», л. 101; дело за 1872 г., л. 6.

¹⁸² Там же, дело за 1869 г., л. 29—30.

Другим посредствующим звеном было Одесское болгарское настоятельство, через которое шли посылки за границу. Едва ли не наиболее важным контрагентом Комитетов за границей был протоиерей посольской церкви в Вене М. Ф. Раевский. Он являлся посредником Комитетов в сношениях с отдельными представителями славян и с различными организациями. Он был информатором о настроениях славян, подыскивал корреспондентов в славянский отдел «Дня» и т. п.¹⁸³

В близких отношениях с Московским комитетом находился болгарин по национальности, драгоман константинопольского консульства и журналист Тодор Бурмов. Через него Комитет передавал деньги на поддержку выходивших в Константинополе болгарских журналов (например, «Читалище»), через него передавались советы Комитета относительно характера взаимоотношений болгарских и сербских церковных деятелей в пограничных епархиях и др.¹⁸⁴. Посредническую роль в ряде случаев играл полковник русской службы И. Кишельский (болгарин). Время от времени Комитет посылал за границу своих представителей. В начале деятельности Комитета в 1858 г. в Болгарию был послан А. В. Рачинский, который затем совершил повторную поездку. Он занимался церковным вопросом, знакомился со школьным делом¹⁸⁵.

В 1860 г. заграничную поездку совершил Аксаков, побывавший в Хорватии, Черногории, Сербии, Далмации. Аксаков стремился завязать двоякого рода связи: с русскими консулами и с видными славян-

¹⁸³ «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV.

¹⁸⁴ Болгарский исторический архив при Гос. б-ке им. В. Коларова. София (БИАДБВК), ф. 16, III, I п. 8.

¹⁸⁵ Напечатанные Н. Поповым в его брошюре (стр. 34—41) документы, будто бы исходившие от агента Комитета, т. е. Рачинского, представляют в действительности донесения посла в Константинополе Лобанова-Ростовского директору Азиатского департамента, первое — от 19/IV, № 130, второе — от 25/IV 1859 г., № 142. При публикации опущены обращения и заключительная часть.

скими деятелями. Эта задача была выполнена вполне удачно.

Во время своих заграничных научных командировок выполняли поручения Комитета Н. А. Попов, В. И. Ламанский, А. С. Будилович и др. Кроме того, использовались поездки болгар и других славян, возвращавшихся на родину или получавших заграничные назначения в русском дипломатическом ведомстве (например, Даскалов, Савва Филаретов).

Все это свидетельствует о том, что Комитеты не были непосредственным органом министерства иностранных дел, хотя и действовали под его наблюдением и отчасти руководством. Это была общественная организация, стоявшая близко к министерству, связанная с ним в своей внешней деятельности. Но во внутренних своих делах Комитеты были вполне свободны и практически бесконтрольны. Связь с министерством отчасти ограничивала и связывала, но в значительной мере помогала, придавая Комитету значение, которого он никогда не получил бы при своих скудных средствах и малых возможностях.

Своеобразное положение Комитетов давало им возможность выступать за пределы тех задач, какие были перечислены в основном конституционном документе. Между представителями министерства иностранных дел в странах Балканского полуострова и Комитетом могли устанавливаться непосредственные и личные отношения, они могли значительно видоизменять характер связей Комитета. Таким образом, сама организация Комитета содержала в себе возможности отклонения деятельности Комитета от предначертанных ему задач. А то обстоятельство, что круг деятелей министерства и других правительственных органов и круг членов Комитета вербовался преимущественно в одной и той же социальной среде — дворянской, что Комитет впитал в себя представителей в значительной мере тех же идеологических течений, какие существовали в рядах чиновников и деятелей правительства, облегчало возможность сближения людей из правительственного аппарата с Комитетом и его деятеля-

ми, своеобразное положение которых не давало возможности определить, являются ли они частными лицами или представителями министерства. Если же учесть то, что было установлено при анализе состава членов организации, если иметь в виду наличие среди них значительного количества панславистов всех разновидностей и немалую славянофильскую группу, достаточно сплоченную и солидарную, то не может вызвать изумления попытка этих элементов осуществить свою далеко не во всем тождественную с правительственной политическую программу. И сферой, в которой могли происходить подобные трения или осложнения, являлась, конечно, не повседневная их благотворительная и учебно-воспитательная деятельность, а возможная и, по самому характеру данной организации неизбежная, деятельность политическая. Если и само воспитание славян в России только наполовину было делом педагогическим, а в другой своей части представляло задачу политическую, то помощь славянским деятелям, славянским организациям и т. д. — это была уже политическая деятельность. Но она была неотъемлема от задач Комитета.

* * *

Деятельность Славянских комитетов протекала в соответствии с тем, как данный Комитет определял свою ближайшую задачу и путь ее реализации. Московский, Киевский и Одесский комитеты, при наличии указанных выше различий в их направлениях, считали основной своей задачей помощь культурному развитию славянских народов.

Петербургский комитет, не отвергая этой цели, подчеркивал и вторую — внедрение славянской идеи в сознание русского общества. Но так или иначе первая задача была основной и общей для всех Комитетов. Формы, в которых она осуществлялась, были различны.

Московский славянский комитет содержал на свои средства и средства благотворителей, а также

за счет пособия от министерства народного просвещения славян, обучавшихся в учебных заведениях Москвы. Комплектовался состав учащихся различно. На комитетские стипендии попадали лица, самостоятельно приехавшие в Россию. С ходатайствами о приеме на стипендии обращались местные славянские деятели и духовные и светские, дипломатические чиновники и консульские агенты, Азиатский департамент и частные лица, как русские, так и из числа зарубежных славян. За первые десять лет существования Московского славянского комитета он содержал 46 учащихся, из них:

в семинариях и духовных академиях	7
в военных училищах	2
в художественных школах	2
в Московском университете	35

Помимо того, Дамское отделение Комитета организовало при Алексеевском монастыре женское училище, где, однако, были стипендии не от Комитета, а лишь за счет частных пожертвований. О национальном составе учащихся полных сведений у нас нет. Они имеются за первое десятилетие для Московского комитета. В это время подавляющее большинство составляют болгары, сербы встречаются редко, за период 1858—1868 гг. их общее количество не превышает 10% числа учащихся славян. Очевидно, болгарские связи Комитета, наличие Одесского настоятельства — все это способствовало преобладанию болгарского элемента.

Петербургский славянский комитет за время с 1868 по 1893 г. обучил 196 славян, из них 133 болгарина, 59 сербов, 18 черногорцев и 7 герцеговинцев¹⁸⁶. В это число входили учащиеся Военно-медицинской академии, Петербургского и Московского университетов, Технологического института, духовных академий и семинарий и др. Номенклатура учебных заведений в статистической сводке, которой мы пользуемся, весьма разнообразна. Помимо названных учебных заведений, где обучалась основная

¹⁸⁶ ГИАЛО, ф. 400, оп. I, д. Iа, л. 1—7.

масса славян, встречаются Комиссаровское техническое училище, родовспомогательное заведение, педагогические курсы, юнкерское училище, Лесной институт, Академия художеств, Петровская сельскохозяйственная академия и др.

В отношении Киевского комитета мы не располагаем сводными данными. Сведения за отдельные годы указывают — 2—6 человек учащихся-стипендиатов в год¹⁸⁷.

Одесское славянское благотворительное общество также давало в год стипендии 5—6 учащимся-мужчинам и, кроме того, содержало так называемый «питомник». Это была квартира-общежитие для славянских девочек. Основан он был в 1871/72 отчетном году по инициативе Н. А. Новосельского. В первый год там жило всего три девочки. К концу 70-х годов это учреждение выросло и явилось основной формой помощи Одесского общества образованию славян. Это видно из сравнения данных о расходах. В 1878 г. на пособия было затрачено 1314 руб., а на «питомник» — 6746 руб.¹⁸⁸. Указаний об общем числе воспитанников Комитета наши материалы не содержат.

Комитеты заботились об известном отборе учащихся, требуя рекомендаций и отзывов. Ими являлись ходатайства учреждений и отдельных лиц¹⁸⁹ или решения местных общин. Образцом этого последнего может служить приговор Скорутской общины близ Разлога, которая решила послать в Россию девочку и подготовить из нее учительницу. Она избрала для этого «момчето (девочку. — С. Н.) на наций съотечественник х. Никола Книгопродавца»¹⁹⁰.

¹⁸⁷ См. Н. А. Ригельман. О значении общения нашего со славянами и средствах Комитета за 1873 г. Киев, 1874; «Киевлянин», 1874, № 20.

¹⁸⁸ «Отчет о деятельности Одесского славянского благотворительного общества им. св. Кирилла и Мефодия за 1871/72 г.», Одесса, 1872; то же за 1878. Одесса, 1879.

¹⁸⁹ В переписке Герова отмечена активность Рачинского, направлявшего своих «любимцев кукушан» («Из архивата на Н. Герова», т. I, стр. 797).

¹⁹⁰ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 174. Свидетельства разного характера, л. 18.

Смысл таких рекомендаций (а они обычно сопровождают кандидатов, посылаемых по вызову), помимо отбора кандидатов, заключался в необходимости ограничивать наплыв учащихся. Недостаточные средства Комитетов не позволяли принимать всех приезжавших. В комитетской переписке мы не раз встречали просьбы не посылать учащихся без предварительного согласия Комитета или жалобы по поводу невыполнения этих пожеланий. Так, в августе 1871 г. Н. Попов сетовал: «Одесскому обществу писано было три раза, чтобы оно не посылало сюда молодых славян не спросясь; но так как оно не имеет определенной цели, кроме простой помощи всем прибывающим откуда бы то ни было недостаточным славянам, то стараясь от них отделаться, они никогда не будут спрашиваться нас. Остается обращаться в общество с формальной бумагой за подписью председателя. Точно также писано было и разным консулам, чтобы не визировали паспортов не сносясь с нами. Остается просить о том Азиатский департамент»¹⁹¹.

Нам известно несколько случаев, когда отказ или запрещение касались приезда целых групп учащихся. Причина всегда была одна — отсутствие денег. И эта причина была тем существеннее, что изыскать средства было возможно только за счет частных лиц. Никакие бюджетные позаимствования из министерских сумм не могли иметь места. Не говоря уже о министерстве народного просвещения, средства которого были крайне недостаточны, даже в министерстве иностранных дел все кредиты на помощь и содержание учащимся славянам составляли всего 3500 руб.¹⁹² Невозможно было и перераспределение наличных средств Комитета. Стипендия составляла 20 руб. в месяц. Надо сказать, что для студенческого бюджета, особенно русского студента, это была совсем не малая сумма. Но для студентов-славян эта сумма была недостаточна; их бюджет предусматривал

¹⁹¹ ЦГИАМ, ф. 1750. Письма от учреждений и частных лиц за 1871 г., л. 33.

¹⁹² Там же, то же дело за 1874 г., лл. 107—108.

повышенные расходы на теплое платье и некоторые другие надобности. Вот почему болгары жаловались на условия жизни. «Что касается здешних болгар, которые учатся, скажу вам, что жизнь их не очень хороша. Многим отказали давать средства к жизни, так что многие ходят голодными и не знают что делать. Кто хочет не голодать в Москве, пусть не приезжает без денег или определенного места»¹⁹³.

Слышались, правда, сетования и с другой стороны. Секретарь Московского комитета Н. Попов в 1874 г. просил, чтобы казначей не выдавал учащимся денег взаймы. Некоторые получили «по 20 р. от Комитета, по 20 р. от Ленешкиных на то же, да на книги 20 р. ...Но мне положительно известно, что немалая часть этих денег употреблена на пряники, прогулки и т. п. удовольствия. Давать им впредь значит развращать их»¹⁹⁴. Но и эти слова Попова по существу говорят о недостаточности средств учащихся славян.

Экономические трудности вызывали планы поселения учащихся болгар группами, но предложения эти отклонялись Комитетом как вредные с точки зрения учебной: поселенные вместе болгары были бы лишены повседневной практики в русском языке. У министерства народного просвещения возникали предположения расположить учащихся славян в более подходящих для них климатических условиях. В 1861 г. предполагалось средства, дававшиеся Московскому комитету, направить на содержание учащихся в учебных заведениях юга России, но так как Комитет оказался не в состоянии увеличить свой расход на 1500 руб. для продолжения помощи 44 учащимся в Москве, то от этого плана пришлось временно отказаться¹⁹⁵. Он был осуществлен спустя два года. В феврале 1863 г. Азиатский департамент разослал циркуляр русским консулам о преобразовании Одесского лицея в Новороссийский университет, об открытии в Николаеве гимназии и казенного пан-

¹⁹³ «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 372—373.

¹⁹⁴ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 55. «Переписка...», л. 19.

¹⁹⁵ См. Н. Попов. Ук. соч., вып. 2, стр. 6—7.

сиона при ней на 40 учеников, куда и был начат прием молодых славян¹⁹⁶. Вопрос, чему и как обучать славян, обсуждался многократно. Я. Ошмянцев написал специальную записку «О положении учащихся здесь болгар», в которой протестовал против обучения южных славян в заведениях закрытого типа и ставил вопрос об увеличении стипендий за счет пожертвований на церковные вещи, ризы и пр. Ошмянцев высказывался за изменение постановки учебного дела, отказ от формальных экзаменов по некоторым предметам и т. д.¹⁹⁷

В 1860 г. Погодин сетовал, что из обучения в России ничего не получается, так как в результате славяне перестают быть сербами, болгарами и т. д., уклоняются от возвращения на родину, делаются русскими консулами и хотя приносят пользу, но уже в качестве русских чиновников. В связи с этим он ратовал за пересмотр программы обучения славян. Погодин считал излишним преподавание латинского и французского языков, теории вероятностей, теории уголовного права и др., предлагая ограничить курс обучения славянскими языками, историей славян, Греции, Турции, географией, статистикой, начатками естествознания. «Надо осветить только несколько голову, возбудить, умеючи, любопытство, сообщить общие понятия о состоянии Европы, посеять семена образования. Для науки, дисциплины, для системы придет после свой черед»¹⁹⁸. Обучать славян Погодин предлагал не в Москве, а на юге — в Одессе или в Крыму.

Спустя десять лет тот же вопрос вновь рассматривался в Комитете. Докладчиком был Н. Попов, который отмечал: «Необходимость сосредоточить воспитание славян в какой-либо одной или много двух, трех местностях, большая важность для них

¹⁹⁶ «Документи за българската история», т. I. София, 1931, стр. 310. Позже, в 1867 г. казенный пансион был закрыт и вместо него открыт частный пансион Минкова.

¹⁹⁷ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Погодина, IV.

¹⁹⁸ М. П. Погодин. Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878, стр. 7.

среднего, чем высшего образования, — представляются теперь несомненными. Эти две истины уже вполне сознаны и Азиатским департаментом».

«Впрочем и помимо мнений официальных лиц мы из собственной практики в последние годы могли убедиться, что исключительное назначение с нашей стороны стипендий славянам, поступающим при нашем же ходатайстве в здешний университет, не приносит надлежащих плодов». Они обычно плохо подготовлены, их принимают и переводят по снисхождению. Окончившие высшие учебные заведения, особенно историко-филологический, математический, юридический факультеты, не хотят возвращаться на родину. Даже двое окончивших медицинский — остались земскими врачами. Остаются в России не из-за турок, а из нежелания возвращаться к бедной и элементарной жизни. Человек с гимназическим образованием менее требователен, и окончившие Николаевскую гимназию охотно едут на родину. Попов не предлагал крутой ломки, но думал, что впредь следует поступать так: «Не принимать никого в число своих стипендиатов из поступающих в университет без надлежащего испытания, иметь известное число стипендиатов в пансионе г. Минкова, а для лучших его воспитанников предоставить несколько стипендий для образования в здешнем университете», к тому же учившиеся в Николаеве обнаруживают и в университете лучшие успехи, чем остальные».

Поездка Н. Попова по Турции убедила его в наличии большого числа желающих учиться в России. Надо этим пользоваться для отбора. Отбирать же надо мальчиков 10—13-летнего возраста, успешно учившихся в местной школе и избранных общиной не более одного от общины. Избранные должны быть осмотрены врачом и иметь направление от консула¹⁹⁹.

С этими мнениями близко совпадала точка зрения

¹⁹⁹ Доклад Н. Попова в заседании Славянского комитета 18/X 1870 г. Н. Попов. Славянский пансион в Николаеве. «Московские университетские известия», 1870, кн. 9, стр. 443—444, 446.

Одесского настоятельства, развитая в записке 1864 г., где указывалось, что болгары учатся не тому, что им нужно в Болгарии, так как их не ожидает чиновничья карьера. Население Болгарии состоит из земледельцев, ремесленников, купцов; образование им нужно полезное в быту: знание бухгалтерии, умение вести коммерческие книги, знакомство с французским и итальянским языками. Сравнивая болгар, учившихся в Западной Европе и в России, настоятельство отдавало преимущество первым, так как они приобретают «наружный вид порядочности», знание языков, чего не усваивают в России, но что необходимо образованным болгарам.

Практический вывод заключался в предложении помещать болгар в коммерческие училища, технологический институт, земледельческие училища (Горы-Горецкое) ²⁰⁰.

Подобные пожелания относительно технического образования для болгар слышались со стороны настоятельства и позже.

Помимо указанных вопросов, был еще один, привлекавший внимание Комитетов, считавших, что обучение в России далеко не всегда давало желательные результаты. Нередко учащиеся усваивали не славянофильскую, а враждебную славянофильству идеологию. Учащиеся славяне, вращаясь в среде русской учащейся молодежи, подвергались воздействию передовых демократических идей, влиянию новой материалистической философии. Известно, что Петко Каравелов зачитывался книгами по статистике, политической экономии, рабочему вопросу, сочинениями Фейербаха, Бюхнера, Ренана. Французская революция была эпохой, которая страстно интересовала его. Он перенял обычный облик студента-«нигилиста» — с косматой бородой, шотландским пледом и т. п. ²⁰¹. Брат его — Любен Каравелов за чтение со-

²⁰⁰ ЦГИАЛ, ф. Палаузовых, д. 31, бумаги Одесского настоятельства, л. 4—5.

²⁰¹ С. Радев. Строителите на съвременна България, т. I. София, 1910, стр. 32—33.

чинений Герцена попал под падзор полиции²⁰². Он имел даже столкновение с руководством Комитета, которое дало заимообразно некоторую сумму денег на издание его книги «Памятники народного быта болгар». Хотя эта сумма далеко не покрывала издержек, руководители все же хотели, чтобы это издание считалось изданием Комитета. Каравелов в письме к И. С. Аксакову дал резкую отповедь, протестуя против попытки Комитета присвоить это издание. Он подчеркивал, что в его книге нет «никаких мистических учений», что, издавая ее, он не рассчитывал на одобрение Комитета, а полагал, что на нее обратят внимание люди науки и знания. Не ограничиваясь личным вопросом, Каравелов протестовал и против содержания славянского отдела «Дня» и против самого учения славянофилов, имеющего мало общего с интересами южных славян²⁰³.

Васо Пелагич, позже выдающийся сербский революционный демократ и один из родоначальников социализма в Сербии, учился при содействии Славянского комитета в Московском университете в 1863/64 г. Здесь он читал произведения Чернышевского, Добролюбова, Писарева и Герцена. Знакомство с революционно-демократической литературой оказало огромное влияние на мировоззрение Пелагича и последующую его деятельность²⁰⁴. После возвращения из России он принял участие в создании Сербской оmlадины²⁰⁵, а немного позже в восстании в Боснии 1875—1878 гг. Интересно, что Пелагич поддерживал связи со Славянским комите-

²⁰² МОИА, ф. 16, оп. 133, 1860 г., № 33, и за последующие годы по 1865 г. Преувеличенное значение этому факту дает Н. Кондарев. Идеологията на Любен Каравелов. София, 1957, стр. 56—57.

²⁰³ См. И. Г. Клиничаров. Любен Каравелов. Биография. София, 1925, стр. 52—53.

²⁰⁴ С. Бесаров и Ђ Ристо. Васо Пелагич. Живот и рад. Београд, 1953, 1953, стр. 24.

²⁰⁵ Союз сербских просветительных и студенческих обществ, в котором большинство принадлежало либералам, но имелось и революционно-демократическое крыло.

том и после отъезда из Москвы и обращался к нему с просьбой о присылке сочинений Дрэпера и др.

К сожалению, в нашем распоряжении очень мало данных, говорящих о значении передовых русских идей для стипендиатов Славянских комитетов. В силу этого мы не можем точнее выяснить степень влияния разных идейных течений на славян. Письмо одного из учившихся в Москве болгар Павла Высковского к Н. А. Попову, где он осуждает сторонников революционных идей, свидетельствует о широком влиянии на болгар «космополитической» (как он ее называет) идеологии. «Узнали бы московские болгары, что я вам писал этого (так! — С. Н.), поспешили бы своими рекомендациями проповедывать меня за русского шпиона (так! — С. Н.) и агента панславистской пропаганды, которая по ихнего мнения (так! — С. Н.) имеет цель порусить и завоевать болгар...»²⁰⁶.

Но нельзя не отметить и другого явления. Влияние панславистских кругов на учащихся славян также несомненно имело место. Сошлемся в качестве примера на упоминавшегося уже Л. Каравелова. При всем его сознательном стремлении отгородиться от славянофилов, славянофильство оставило на нем известный отпечаток²⁰⁷. Биограф Каравелова Боян Пенев отмечает черты славянофильского влияния в рассказе «Турецкий паша», они обнаруживаются в статье Л. Каравелова о «Южно-славянской библиографии», известные колебания в сторону славянофильства отмечаются и позже²⁰⁸. Можно назвать К. Жинзифова, С. С. Бобчева, испытавших на себе значительные воздействия славянофильства, и др. И все же следует признать, что влияние панславистской идеологии на учащихся славян было

²⁰⁶ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Н. Попова. Письмо без даты, относящееся к 1872 г.

²⁰⁷ Это признает и Н. Кондарев. Ук. соч., стр. 42. Подробнее об этом говорит акад. М. Димитров. За деинността и идеите на Любен Каравелов. «Исторически преглед», 1954, № 2.

²⁰⁸ См. Б. Пенев. Любен Каравелов. София, 1936, стр. 98—102.

значительно слабее, чем влияние на них русской демократической мысли или либеральных идей. Панславистские теории предлагали вовсе не то решение проблемы освобождения славян, какое вытекало из реального положения последних. Вот почему влияние славянофильства и других видов панславизма проявлялось чаще всего не в форме всестороннего усвоения доктрины, а в заимствовании каких-либо отдельных элементов ее. Так, у Каравелова славянофильство сказалось, как думает глубокий знаток его идеологии акад. М. Димитров, в восприятии ряда общих идей: славянское объединение, общеславянское самосознание и т. п.²⁰⁹

Отмечавшиеся факты идейного воздействия революционных кругов беспокоили руководителей Комитетов, которые, особенно в Москве, искали противодействия влиянию революционной среды в близком общении с учащимися. Последние являлись нередкими гостями на заседаниях Комитета; кроме того, мы знаем о посещении учащимися Погодина, Хомякова, Аксакова, которые встречали их как гостей и вели с ними беседы²¹⁰. Ошмянцев помогал Константину Герову и другим изучать французский язык. К. Геров писал брату: «Г. Я. Ошмянцев так добр ко всем нам особенно ко мне и Теодору Запрянову, что никогда и ничем мы не сможем ему отплатить. Он готов сделать все, что может для нас, и в дальнейшем»²¹¹.

Учащихся привлекали к участию в русской печати, и можно назвать ряд печатных выступлений стипендиатов Комитета. Иногда это отдельные книги, чаще журнальные статьи, а также переводы на родные языки русских сочинений. Мы можем назвать Л. Каравелова, К. Жинзифова, Х. Даскалова. В. Поповича, К. Миладинова, К. Вязанкова, М. Дринова

²⁰⁹ См. акад. М. Димитров. За деиността и идеите на Любен Каравелов. «Исторически преглед», 1954, № 2, стр. 7—9.

²¹⁰ «Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 465, 493, 525 и др.; Н. Барсуков. Погодин, ч. XV, стр. 99.

²¹¹ «Из архивата на Н. Геров», т. I, стр. 421, 431.

как авторов оригинальных или переводных работ. Это заметное участие студентов в литературной деятельности показывает, что Комитет не только не ограничивал учащихся славян рамками чисто учебной жизни, но стремился помогать их культурному росту и содействовал их национальным задачам публикацией статей, которые все были посвящены тем или иным вопросам, близким их авторам. Живя в Москве, студенты не отрывались от задач и вопросов, возбуждавших интерес на родине. Но несомненно, что и проблематика статей (например, большое внимание уделялось церковной борьбе в Болгарии) и самая постановка вопроса в них, определявшаяся позицией редакции «Дня» или другого подобного издания, представляла собою известный способ идеологического воздействия на учащихся славян, способ внушения им известного понимания путей решения национального вопроса в родной стране. Все это вполне понятно, поскольку Комитеты стремились подготовить людей для последующей работы на родине и хотели в этих людях видеть своих соратников.

Комитеты стремились противодействовать желаниям отдельных из обучавшихся в России славян остаться в воспитавшей их стране. В 1868 г. Московским комитетом было даже принято об этом специальное решение, ставившее «непременным условием возвращаться на родину по окончании обучения в России для занятия мест народных учителей»²¹². Одесский комитет, чтобы помочь учащимся не отрываться от интересов жизни родины, создал славянскую библиотеку²¹³. Тем же целям служили сообщения учащихся, делавшиеся в заседаниях Комитетов, о положении учебного дела на родине, о методах

²¹² «Протокол от 9/XII 1868 г.», «Московские университетские известия», 1868, № 9. Такова же была позиция и русского правительства. См. циркуляр Азиатского департамента от 24 октября 1869 г. «Документи за българската история», т. I, стр. 504—506.

²¹³ См. Б. Богичич. Об устройстве славянской библиотеки при Одесском славянском благотворительном обществе. Одесса, 1870.

преподавания, какие они будут применять в дальнейшем.

Окончившие русские учебные заведения в большинстве возвращались на родину. Исключением являлись такие лица, как Жинзифов и Станишев, ставшие учителями в Москве, Даскалов, поступивший на русскую дипломатическую службу, Дринов, получивший профессию в Харьковском университете, Кирков, ставший земским врачом, и некоторые другие. Из числа стипендиатов Комитета вышло несколько выдающихся деятелей: уже названный Дринов, хотя и прожил большую часть жизни в Харькове, был членом и председателем Книжного дружества в Браиле, а после 1878 г. министром народного просвещения освобожденной Болгарии, он явился основоположником болгарской исторической науки; Любен Каравелов, известный писатель, публицист и общественный деятель; брат его Петко—крупный деятель освобожденной Болгарии; К. Миладинов, один из издателей болгарских народных песен, видный национальный деятель и борец против унии, жизнью заплативший за преданность народному делу: К. Жинзифов, значительный болгарский поэт и русский публицист по болгарским делам, уже называвшийся выше В. Пелагич. Остальные стали на родине рядовыми работниками по своей специальности: учителями языков и истории, физики и математики, врачами, юристами, священниками, живописцами и т. д.

В ноябре 1870 г. при Славянском комитете образовалось Дамское отделение, основной его целью было образование южнославянских девиц. Его возникновение и задачи были одобрены министром народного просвещения гр. Д. А. Толстым и директором Азиатского департамента П. Н. Стремоуховым, обещавшим отделению свою поддержку. Новая организация нашла отклик: Общество поощрения трудолюбия предложило помочь обучению учащихся изготовлять церковные облачения и предметы; Попечительный о бедных комитет заявил о намерении открыть вакансию в Усачевско-Чернявском училище, чтобы помещать на нее учащихся по назначению

Дамского отделения; одну девицу решили бесплатно принять в Мариинское училище, а член отделения Е. А. Лермонтова выразила желание на свой счет содержать одну учащуюся в женской гимназии.

Но главным мероприятием отделения было открытие женской школы. Мысль о ней была высказана Н. А. Поповым еще в октябре 1870 г.²¹⁴ Содействие митрополита Иннокентия, епископа Дмитровского Леонида и игуменьи Алексеевского женского монастыря помогло ее созданию. Епархиальное начальство вступило в переписку с сербским митрополитом, который высказал пожелание, чтобы в числе двенадцати учащихся девиц было от трех до пяти сербок из княжества. Выяснив, что идея создания такого училища встречает одобрение в южнославянских странах, московский митрополит в мае 1871 г. утвердил образование училища и поручил викарию епископу Леониду вести переговоры с Комитетом. Духовное начальство наметило срок открытия школы (сентябрь 1871 г.) и запросило Комитет о программе преподавания.

Славянский комитет обратился с вопросом о желательном круге обучения и укладе в создаваемом учебном заведении к Одесскому настоятельству, южным славянам, находившимся в Москве, ряду лиц за границей. Учебный план Комитет хотел строить в соответствии с желаниями заинтересованных кругов. Ответы были получены от Одесского настоятельства, болгар М. С. Дринова и Н. Б. Бончева (Москва), Ф. С. Стояновой-Бурмовой (Константинополь), директора Фундуклеевской гимназии в Киеве А. Н. Линниченко, И. К. Кишельского в Одессе, боснийского корреспондента Комитета (фамилия неизвестна), М. Лебедевой (по происхождению сербки из Пешта).

Все ответы были согласны в основных пунктах. Они говорили о необходимости элементарного образования. «Иностранные языки считаю для юго-славянок, по крайней мере при теперешних обстоятель-

²¹⁴ См. Н. Попов. Славянский пансион в Николаеве. «Московские университетские известия», 1870, № 9, стр. 453.

ствах, совсем излишними», — писала Лебедева²¹⁵. Кишельский предлагал создать два отделения в школе: общеобразовательное с четырехлетним курсом обучения, не считая подготовительного класса, и специальное — для взрослых — с педагогической и акушерской специальностями. Босвийский корреспондент предлагал ограничиться курсом «средних классов русских гимназий». Только одна Стоянова-Бурмова высказалась за образование в полном объеме женских гимназий. Самым обстоятельным был ответ Дринова-Бончева, где давались не только общие соображения, но предлагался готовый учебный план с недельной сеткой часов по всем предметам обучения. Так как этот проект вполне соответствовал общему духу пожеланий всех других корреспондентов, он был утвержден Славянским комитетом с некоторыми поправками в отношении распределения часов на первом году обучения²¹⁶.

Все корреспонденты единодушно указывали на необходимость принимать учащихся в возрасте от 10—15 лет. Дринов-Бончев уточнял: «Не моложе 12 лет». Было решено принимать не старше 12 лет.

Вопрос о бытовом строе училища болгарскими и сербскими корреспондентами Комитета решался сходно. «Все французские и немецкие слишком утонченные манеры, которые вообще приняты в европейских женских училищах, но которые часто переходят в неестественные, считаю не только излишними, но даже вредными для юго-славянок ..., а вместо этих безделиц возьмем лучше: *ручные, но необходимые работы и хозяйство*»²¹⁷, — писала Лебедева. «В пансионе нужно учить всему, что может сделать их способными развивать хороший вкус и готовить хозяйек». Необходимо при этом «удалять от них все, что может возбудить в них желание быть барынями», —

²¹⁵ Н. А. Воспитательное заведение для южнославянских девиц в Москве. «Московские университетские известия», 1871, № 6, стр. 158.

²¹⁶ «Московские университетские известия», 1871, № 6, стр. 169, 170.

²¹⁷ Там же, стр. 158, курсив подлинника.

вторила Стоянова-Бурмова²¹⁸, рекомендовавшая даже в «хорошие семейства» вводить учащихся с осторожностью, чтобы не оторвать их от родины и свойственного ей быта. Очень подробно развивал ту же мысль Кишельский, указывавший на огромное значение в болгарском быту огородничества, садоводства, шелководства, ткачества и других домашних промыслов. А Одесское настоятельство рекомендовало посылать учащихся на кухню для приучения к хозяйству, стараться, чтобы они сами готовили себе белье и одежду. Все эти пожелания были зафиксированы Комитетом в решении, где говорилось: «С вышеизложенными мнениями касательно обстановки в школе, простоты жизни и хозяйственных занятий распорядительное собрание Комитета вполне соглашается»²¹⁹.

В согласии с полученными мнениями Комитет решил создать при училище библиотеку из русских, сербских и болгарских книг. В соответствии с пожеланиями сербского митрополита Михаила устанавливалось соотношение числа учащихся по национальности: из двенадцати девочек шесть болгарок, три сербки из княжества и три — из Боснии и Герцеговины. Цель школы определялась так, как ее намечало большинство ответов: «...приготовление народных учительниц для турецких славян».

Были и разногласия между корреспондентами Комитета. Из Боснии рекомендовали: «Хорошо будет, если в число их (учащихся) попадут девицы из зажиточных и уважаемых семейств; им легче будет по возвращении на родину исполнять обязанности и надзирательниц и учительниц в народных женских школах»²²⁰. Противоположный взгляд высказали Дринов и Бопчев. «Лучше всего было бы, по нашему мнению, предоставить выбор девиц существующим в Болгарии женским обществам, которым хорошо было бы предложить со стороны Комитета в руководство при этом следующие правила: 1) выбирать бед-

²¹⁸ «Московские университетские известия», 1871, № 6, стр. 159.

²¹⁹ Там же, стр. 171.

²²⁰ Там же, стр. 166.

ных девиц, которые могли бы посвятить себя служению делу народного образования...»²²¹. Этот вопрос не нашел отражения в решении Комитета, но, как увидим из дальнейшего и как ясно из самой программы обучения, ставка была сделана не на обеспеченные слои, могущие дать своим дочерям более широкое образование, а на неимущие.

Учреждая школу, Комитет хотел ее организовать так, чтобы она удовлетворяла потребностям и нуждам славян. Соответствие между пожеланиями корреспондентов и решением Комитета лучше всего свидетельствует именно о таких намерениях последнего. Для управления делами школы был создан совет в составе игуменьи Алексеевского монастыря, председательницы Дамского отделения и секретаря Комитета.

Монастырь предоставил для училища деревянный одноэтажный дом с мезонином, взял на себя отопление, освещение, содержание дома в чистоте, обеспечил прислугой. Нашлись две руководительницы в добровольном порядке (А. П. Языкова и Е. В. Ушакова), была приглашена одна штатная учительница (Иверонова). Митрополит назначил на содержание школы ежегодное пособие в 900 руб., Комитет — 100 руб. на первоначальные расходы, 179 руб. на приспособление дома и 85 руб. на путевое содержание девочек-сербок. В дальнейшем на долю Комитета падали расходы по содержанию педагогического персонала, приобретению учебных пособий и т. д., не покрываемые пособием митрополита и других лиц²²². Материал на платье и белье для учениц пожертвовали московские фирмы: В. Д. Аксенов с братьями, П. и С. М. Третьяковы и В. Д. Коншин, И. И. Четвериков и Е. И. Николаева. Учебники были присланы: сербские — сербским министерством народного просвещения, болгарские — Золото-

²²¹ «Московские университетские известия», 1871, № 6, стр. 168.

²²² «Протокол заседания Славянского комитета 31/X 1871 г.», «Московские университетские известия», 1871, № 8, стр. 181—182.

вичем (из Константинополя), русские — Д. И. Иловайским, И. Г. Соловьевым и А. И. Глазуновым.

Комплектование школы учащимися вызвало значительную переписку с Болгарией; кандидатки-болгарки прибывали медленно. Всего легче и проще разрешился вопрос о сербских девочках. К концу октября их приехало пять²²³. Алексеевское училище просуществовало до ликвидации Московского комитета.

Помогая подготовке квалифицированных деятелей балканских народов, Комитет одновременно оказывал помощь наличным школам и содействовал открытию новых в Болгарии, Боснии и других местах. Инициатива в данном случае исходила или от русских дипломатических и консульских чинов, или из среды местного населения. С первых же своих шагов Комитет очень широко поддержал училище в Кукуше, куда было послано 3000 руб. Такая крупная сумма не была случайностью. Определяющим обстоятельством было значение Кукуша как центра униатской пропаганды. Его население после сопротивления своему «владыке» вступило в унию за обещание поставить архиерея-болгарина²²⁴. Болгарские деятели в Константинополе отправили в Кукуш Иллариона Макарипольского, возвратившего кукушан в православие. В том же направлении шли заботы Комитета о Кукушском училище. В специальном послании Комитет писал: «Мы уверены, что, имея средства к образованию, вы не увлечетесь пагубным подражанием презрению собственных простых животворных начал, а напротив, свои родные начала разовьете и возведете на ступень... на которую не удалось поставить народ болгарский вашим предшественникам, любившим чужое — византийское и римское более своего родного славянского и гром-

²²³ Две из них затем предназначались к продолжению образования в Мариинском и Усачевско-Чернявском училищах.

²²⁴ См. П. Ников. Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, б. г., стр. 102.

кую славу более прочного внутреннего устройства.

Ромей жгли ваши книги, враги христиан разоряли ваши семейства, западные хотя под видом общечеловеческого образования поселить у вас тот разврат²²⁵, который точит их общества. И те, и другие, и третьи делали дурно: не подражайте им...

Берегитесь тех иноверцев, которые, изучив язык болгарский, работают под видом развития болгарской независимости, болгарской письменности, над разорением связи вашей с православно-славянскими преданиями»²²⁶. А за этими общими указаниями шли специальные советы о ведении школьного дела. Указывая на пример Пловдивского училища, Комитет предупреждал против траты училищных капиталов на церковную борьбу. Кукушан призывали не гнаться за роскошью училищного помещения и внешности, лишь бы было прочно и просторно. Комитет просил держать его в курсе дел училища, обещал прислать книг и указать хороших учителей.

Пособия меньшего размера были даны училищу в Пловдиве²²⁷, вновь образовавшемуся училищу одного из православных монастырей в Далмации, училищу при монастыре Житомысличе в Герцеговине и др.

Иногда, как и в других вопросах, поддержка того или другого училища шла не непосредственно от Комитета, а от кого-либо из членов его, но через Комитет. Так, в 1869 г. член Петербургского комитета Н. А. Киреев принял на себя и своих наследников обязательство выплачивать ежегодно по 750 руб. на содержание женской школы в Сараеве²²⁸. В том же году член Петербургского комитета Посохов пожертвовал средства на устройство и содержание школы в Герцеговине в течение трех лет. Правда,

²²⁵ «Индиферентизм, безразличие в деле веры, моды и развитие общественной жизни в ущерб быту семейному». — *Примечание подлинника.*

²²⁶ Н. Попов. Из истории Славянского благотворительного комитета, вып. 1, стр. 42—43.

²²⁷ В 1858 г. — 300 руб. («Документи за българската история», т. I, стр. 63).

²²⁸ «Первые 15 лет...», стр. 29.

организация школы затянулась на ряд лет и пожертвование реализовано не было ²²⁹. Число примеров индивидуальных пожертвований могло бы быть увеличено.

Комитет не только предоставлял средства; в Болгарии он принимал непосредственное участие в направлении школьного дела. В 1858 г. Комитетом был командирован туда болгарин Василий Чолаков, окончивший Киевскую духовную семинарию. Ему было поручено познакомиться с рядом болгарских школ в Габрове, в Шумле, в Пловдиве. Комитет стремился найти пути укрепления Пловдивского училища. В связи с этим Чолакову поручалось побывать в Рилском монастыре и выяснить, сможет ли монастырь наблюдать за школой. Проектировалось даже создать в монастыре семинарию. Предполагалось и другие монастыри (Зографский) привлечь к помощи этому училищу ²³⁰. Такое внимание именно Пловдивскому училищу, а не какому-либо другому, например знаменитому в истории школьного дела в Болгарии — Габровскому, могло бы показаться странным и даже необъяснимым, если бы мы исходили только из русского материала. Разъяснение этому мы находим в материалах архива Герова. Геров по окончании Решельевского лицея отправился в Пловдив, где с помощью своих родственников основал, на завещанный для этого капитал, школу, которой дал имя просветителей Кирилла и Мефодия. Школа должна была готовить учителей и священников. В течение трех лет Геров преподавал там, затем передал заведование брату, но интереса к училищу не потерял. Перейдя на дипломатическую службу, Геров был консулом в Пловдиве и продолжал наблюдать и заботиться о своем детище. Герову пришлось выдержать борьбу с местным митрополитом, который, видя в училище один из центров болгарского национального движения, пытался повредить ему и донес о противоправительственных замыслах

²²⁹ ГИАЛО, ф. 400, оп. I, д. 8, л. 1—4.

²³⁰ См. Н. Попов. Ук. соч., вып. I, стр. 23—25.

его попечителей. Училище удалось отстоять, но большая часть его средств была истрачена. Геров принимал различные меры, чтобы найти средства для училища. Он старался влиять на русского посла Лобанова-Ростовского²³¹, он воздействовал на частных лиц. Об этом говорит сохранившееся в его архиве письмо, адресованное неизвестному русскому корреспонденту, названному только по имени. В нем мы читаем: «Уменьшение его средств, и прежде недостаточных для содержания его... увеличение расходов, последовавшее от нового устройства, которое надобно было дать заведению, ставит попечителей в затруднительное положение тем более, что из местных источников нет возможности удовлетворить все потребности... А так как это училище лучшее в Болгарии и на нем полагается много надежд, то я позволю себе присоединиться к попечителям его и вместе с ними покорнейше просить ваше превосходительство о продолжении вашего благотворительного попечения в пользу этого заведения, побуждая к принятию участия в нем других благотворительных господ, которыми так изобилует русский народ»²³².

О том же говорит переписка Герова с представителями болгарской буржуазии: Х. Георгиевым, Тошковым, которых он привлекал к поддержке училища, его агитация среди пловдивских болгар²³³. Когда в Пловдиве было создано училище католической пропаганды, Геров убедил своего родственника пожертвовать деньги на организацию болгарской женской школы²³⁴.

Герову пришлось отстаивать идею создания центрального училища именно в Пловдиве, а не в Тырнове, как хотели бухарестские болгары, ссылавшиеся на историческое значение древней болгарской столицы. Геров противопоставлял этому взгляду положение Пловдива в центре населенных болгарскими землями, что должно облегчить распространение обра-

²³¹ «Документи за българската история», т. I, стр. 100.

²³² «Из архивата на Н. Геров», т. I, стр. 444, 521, 973.

²³³ Там же, т. II, стр. 404.

²³⁴ «Документи за българската история», т. I, стр. 401.

зования. Привлекая средства болгарских и русских жертвователей, Геров добивался направления на поддержку Пловдивского училища средств, ассигнуемых русским правительством, хотя и не встречал в официальных сферах сочувственного отклика. Уже позже, в 1865 г., Геров нашел поддержку своим планам со стороны русских консулов в Одрине (Адрианополе) Золотарева и Ступина. Первый принял на себя в период поездки в Москву хлопоты перед Славянским комитетом, а второй — в министерстве иностранных дел ²³⁵.

Геров заботился о привлечении в училище лучших преподавателей болгар, приглашая, например, Бурмова, а если бы тот не согласился, — «другого, достойного такой работы». В школе преподавали французский и греческий языки. Геров следил за успехами учеников и результатами экзаменов, сам выписывал для школьной библиотеки книги из России ²³⁶ и просил Комитет о присылке книг. Московским агентом Герова был пловдивский уроженец студент К. Кесяков. Внутри Комитета известную поддержку Геров имел в лице А. В. Рачинского ²³⁷.

Нашлась агентура и у противников Герова. Среди московских студентов оказалась целая колония тырновчан. Самым влиятельным среди них был близкий к Хомякову и И. С. Аксакову Даскалов. Кроме того, тырновскими уроженцами были Петко и Савва Марковы, Камбуров, Боньев, Петров, Теодорович. Они усиленно поддерживали мысль о необходимости создать центральное болгарское училище в Тырнове и принимали меры, чтобы заручиться ходатайством об этом со стороны тырновских чорбаджиев ²³⁸.

Среди болгар в России существовали и иные мнения, представленные, например, Н. Х. Палаузовым,

²³⁵ Азиатский департамент дал пособие, в размере 400 руб. (1862 г.). «Из архива на Н. Геров», т. II, стр. 350.

²³⁶ «Из архивата на Н. Геров», т. I, стр. 44, 211, 237, 266, 384, 466, 629; т. II, стр. 140, 196.

²³⁷ Там же, т. II, стр. 239.

²³⁸ Там же, т. I, стр. 797.

который то склонялся в пользу Габровского училища (для представителя одесских болгар это понятно), то доказывал необходимость открытия центрального училища в Константинополе²³⁹. Наконец, Чолаков, посланный агентом Комитета, занимал уклончиво-выжидательную позицию²⁴⁰.

Разногласия в среде болгар заставили Комитет в этот момент удержаться от решения о поддержке Пловдивского училища и ближе ознакомиться с положением дел. Не принял Комитет такого решения и после, так как у него не оказалось 6200 руб., необходимых для этого²⁴¹. Спустя 10 лет, в 1868 г. состоялось решение Комитета, согласно которому все пособия учебным заведениям Балканского полуострова должны направляться в соответствии с указаниями сербского митрополита Михаила и Одесского болгарского настоятельства.

На направление средств для поддержки того или иного училища оказывали влияние и официальные указания. В январе 1872 г. секретарь Петербургского комитета Будилович писал Попову о Сараевской женской школе: «Азиатский департамент, сербский митрополит и др. обращают внимание на серьезные последствия, которые могут произойти от закрытия этой школы в самом центре католической и протестантской пропаганды на православном Востоке»²⁴². Немного позже посол в Константинополе гр. Игнатьев возбудил вопрос о поддержке герцеговинских народных школ, очень нуждавшихся в средствах. В апреле 1873 г. Азиатский департамент, на основании донесения консула в Мостаре, просил направить пособие Невесиньской школе. Такая же просьба повторилась в следующем году²⁴³.

Из Болгарии, помимо указанных голосов, раз-

²³⁹ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 352. Письмо члена Одесского болгарского настоятельства, л. 1 об.

²⁴⁰ См. Н. Попов. Ук. соч., вып. I, стр. 26.

²⁴¹ Там же, стр. 29.

²⁴² ЦГИАМ, ф. 1750. «Переписка с учреждениями и лицами... за 1872 г.», л. 3.

²⁴³ ГИАЛО, ф. 400, оп. I, д. 8, л. 22, 75.

давались и другие. Болгары жаловались: «В Константинополе устроили мы месяцев шесть тому назад училище, чтобы отвлечь молодых болгар от католических училищ, но, кажется, и оно недолговечно, потому что нет²⁴⁴ средств содержать его»²⁴⁵. Но ни Московский, ни другие Славянские комитеты (Петербургский, Киевский) не были в состоянии удовлетворить все эти указания и запросы. Славянские комитеты со своими ничтожными бюджетами были явно бессильны помочь славянским школам. Вот почему часть такого рода забот, а также и расходы на образование славян, принимали на себя ведомства, за счет которых, как это видно из некоторых указаний, существовали некоторые балканские школы²⁴⁶. Но и у министерства просвещения средств было мало.

Однако помощь, оказывавшаяся Комитетом, имела свое значение. Комитеты поддерживали разные школы — болгарские, хорватские, сербские, но больше внимания они уделяли все же болгарским. Это и понятно, так как поддержка школ в Болгарии была только частью ряда мероприятий, при осуществлении которых постоянно имелась в виду внутренняя греко-болгарская борьба и деятельность иноверческой пропаганды, имевшая вполне определенное политическое значение. Греко-болгарская борьба сильно отражалась на положении школ. В опубликованном Н. Поповым (по свойственной ему манере — без дат и указания авторов) документе, автором которого, возможно, был Г. Крыстевич, читаем:

«Мужских училищ почти в каждом большом селе есть по одному, но начинают их уже закрывать, потому что патриарх предписал, чтобы архиереи назначили им учителей греков, а училища можно иметь только эллинские. Это еще более содействует

²⁴⁴ В напечатанном тексте слова «нет» и «что» переставлены.

²⁴⁵ См. Н. Попов. Ук. соч., вып. I, стр. 44.

²⁴⁶ Например, в Охриде. См. И. Снегаров. Град Охрид. «Македонский преглед». София, 1928, кн. 3, стр. 72.

англичанам успевать в своих намерениях (имеется в виду протестантская пропаганда)»²⁴⁷.

Чтобы помочь училищам стать центрами национальной борьбы, Комитет старался снабдить их литературой. Так, в 1862 г., чтобы помочь болгарам «оспаривать против греков права болгарской церкви с историко-теологической точки зрения»²⁴⁸, были посланы книги. Посылка книг производилась в Пловдив, училища Далмации и другие места. Значительная часть книг, шедших в Болгарию, направлялась Одесскому настоятельству или Константинопольскому посольству, откуда они затем распределялись по отдельным училищам. Книги отправлялись не только в школы, но в читальни (библиотеки), местные матицы.

Однако и в этой отрасли своей деятельности Комитеты были ограничены недостатком средств. Лишь изредка они имели возможность делать закупки книг. Так, были куплены учебники на болгарском языке, составленные священником В. Я. Михайловским по курсу православного богослужения; они были дешевы, продавались со скидкой, а с точки зрения задач Комитета были чрезвычайно важны. Но чаще всего для создания книжного фонда Комитеты обращались к частной благотворительности. Жертвователями являлись и члены и не члены Комитета, частные лица, редакции журналов, книгопродавцы. Нередко жертвовали свои сочинения авторы: С. М. Соловьев, Д. И. Иловайский, Погодин и др. Некоторые редакции («Русская беседа») давали комплекты своих журналов за все годы, в других случаях это были отдельные комплекты журналов, случайные книги, которые не всегда удовлетворяли получателей. От последних поступали просьбы выслать сочинения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, отцов церкви, издания духовных академий²⁴⁹. Известный боснийский деятель архимандрит В. Пелагич просил «Исто-

²⁴⁷ Н. Попов. Ук. соч., вып. I, стр. 44.

²⁴⁸ «Отчет Комитета за 1861 г.», «День», 1862, № 17.

²⁴⁹ «Протоколы Комитета от 9/XII 1868 г.», «Московские университетские известия», 1868, № 9.

рию славянской литературы» Пыпина и Спасовича «Историю умственного развития Европы» Дрэпера, сочинения Адама Смита, Писарева, обзор современных конституций и т. п.²⁵⁰.

Бесплодными были длительные переговоры с Синодом по поводу предоставления богословской литературы. Обер-прокурор гр. Толстой обещал создать книжный склад при Одесском настоятельстве, но в 1868 г. настоятельство жаловалось, что обещание осталось невыполненным. Комитет вновь обратился в Синод²⁵¹, но последний отказался от этой идеи из-за отсутствия средств²⁵².

Всего более жертвовалось учебников, и запросы школ Комитет удовлетворял больше всего. Идеологическую помощь национальной борьбе славян литературой Комитет осуществлял плохо. Этому препятствовал недостаток средств. И внутри Комитета и в печати временами раздавались голоса недовольства деятельностью Комитета в этом отношении. Передовая «Русских ведомостей», принадлежащая, как полагаем, перу Н. Попова, упрекала Комитет в посылке исключительно духовных книг, а из научных сочинений — только работ о русских и славянских древностях. «Но можно ли удовлетвориться таким скудным даром в столь важном деле? Русское общество в этом отношении должно бы иметь громадное преимущество перед всеми иностранными. Русский язык ближе и удобопонятнее для народной массы у западных и южных славян, чем другие иностранные языки; и между тем наши комитеты и в этом отношении не могут достойно удовлетворить своей задаче. В этом, конечно, виноваты не они, а равнодушные и беспечность русского общества»²⁵³. Тем более приобретают интерес другие виды деятельности Комитета в области идеологической борьбы.

²⁵⁰ ЦГИАМ, ф. 1750. «Переписка... за 1872 г.», л. 73.

²⁵¹ «Протокол от 27/IV 1868 г.», «Московские университетские известия», 1868, № 5.

²⁵² «Документы за българската история», т. I, стр. 22, 129, 133—134, 153—156, 186 и ряд других; ЦГИАМ, ф. 1750, д. 79. «Переписка...», л. 29.

²⁵³ «Русские ведомости», № 29 от 5/II 1874 г.

С начала издания журнала «Болгарские книжицы» Московский комитет заинтересовался им и в одном из первых своих заседаний ознакомился с запиской об этом издании, составленной Рачинским. Автор давал в ней очерк состояния болгарской письменности и по поводу закрытия австрийской цензурой болгарской газеты, выходившей в Новом Саде («Българска дневница») замечал: «Как ни поразительны справедливые жалобы болгар на своих духовных, сделавшихся и гражданскими притеснителями, — вмешательство австрийской цензуры еще поразительнее: казалось, что благоприятнее было бы для латинства, как не раздор между паствою и пастырями в православной церкви, тем не менее латинство, в тайне возбуждая этот раздор, явно верное своему началу, принимает путем гражданским сторону душителей в вопросе возрождения народности». Записка указывает на интенсивное развитие ересей в Болгарии, на борьбу латинского элемента с греческим в средние века, на сохранившуюся любовь к народности и славянскому языку, которые спасли в Болгарии православие. «Без православия и без славянской речи нет для Болгарии народности». Далее шли обычные славянофильские фразы о неизбежной утрате самобытности при погоне за общечеловеческим в культуре, о примере этого, представляемом западными славянами.

Записка содержит обзор первого номера издания. Рачинский заканчивает его указанием, что славянам опасна не латинская или протестантская пропаганда, а неразборчивая переимчивость, обезличивающая человека. Для противодействия этому он полагает необходимым организацию училищ в самой Болгарии. Издателям же «Книжиц» он желает успеха при условии верности принятому принципу «основывать образование народа на слове божием». «Желаем также, чтобы оно ответило ожиданиям нашим: найти в нем образец для самостоятельного развития народа на началах, завещанных ему собственною его историею»²⁵⁴.

²⁵⁴ Н. Попов. Ук. соч., вып. I, стр. 6—23.

Вслед за тем во второй половине 1858 г. в Болгарию отправился тот же Рачинский, который, помимо поручений по школьным делам, имел таковые и по вопросу национально-церковной борьбы. Чрезвычайно большой интерес представляет единственный сохранившийся документ, относящийся к обстоятельствам его отъезда. Это — письмо Рачинского к Бахметьеву, в котором он настаивает на своем отъезде в Болгарию. Мотивы для того он выдвигает следующие: положение дел в Болгарии все ухудшается, католическая пропаганда пустила корни, поощряет распри с греческой иерархией, борьба болгар против засилья греков в церкви побуждает обращаться по церковным делам, минуя патриархию, к Порте; болгарские же деятели готовы воскрешать опасные исторические примеры, напоминающие опыт унии, имевший место в XIII в. Вопрос об унии он считает основным; тем более, что обстановка для успехов ее благоприятна. Несмотря на тягу болгар к России, здесь к ним относились в ряде случаев невнимательно. После Крымской войны старались привлечь болгар в Россию, но агенты западной пропаганды действовали в самой Болгарии и, пользуясь народным невежеством, обещали вместе с унией народную независимость. Запутывали положение и голоса из России: Даскалова, шевелившего «гнилые раны некоторых фанариотов, выставляя их как общую черту всего греческого духовенства», Палаузова (чиновника министерства народного просвещения), утверждавшего во втором номере журнала «Болгарские книжицы», что уния — присоединение к Риму без отказа от догматов православия. «Что естественнее, — спрашивает автор, — для Болгарии, угнетаемой турками, утесняемой греками... как не броситься в объятия западных..!»

Однако, как можно предполагать на основании дальнейшего текста, в Комитете не было единства по данному вопросу, и Бахметьев был склонен бездействовать до того, как будут получены новые сведения от архимандрита Петра. Это очень интерес-

ное указание. Архимандрит Петр был настоятелем посольской церкви в Константинополе в 1859—1860 гг. Вот что писал он обер-прокурору Синода в ноябре 1858 г.: «По дороге из Петербурга в Одессу узнал я, что в Москве общество славянофилов до неразумия сочувствует делу славян вообще и болгарам в особенности. Оно в своих суждениях и планах основывается только на требующих подтверждения словах сомнительных эмиссаров»²⁵⁵. И в первых письмах и в дальнейших действиях Петра ясно определилась его склонность к греческой ориентации в церковном вопросе. Стремления болгар он изображал противными интересам церкви. Позиция Петра была ясна славянофилам. В цитированной записке Рачинского читаем: «В прилагаемых у сего записках²⁵⁶ я излагаю обстоятельства и потребности настоящей минуты. Не откажите им во внимании, ради того, что, вот, мол, о. архимандрит Петр возвратился и привезет нам свежие известия. О. Петр болгар не знает, а болгары уже знают его по Киевской семинарии»²⁵⁷. В числе доводов в пользу своей поездки Рачинский указывал на возможность получить сведения, которые бессильна добыть официальная дипломатия. Славянофильские деятели Комитета поддержали Рачинского, и он был послан в Константинополь.

В турецкой столице агент Славянского комитета действовал совместно с представителем русской дипломатии кн. Лобановым-Ростовским, помогая ему в переговорах с Д. Цанковым, издателем действовавшей в пользу унии газеты «Болгария». Но у Цанкова были долги католическим монахам — в их типографии печаталось издание. Нужно было или выкупить его, или создать новую типографию. Вопрос шел о 10 000 франков! Их не было в бюджете мини-

²⁵⁵ Н. Попов. Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю. «Исторический вестник», 1886, август, стр. 276.

²⁵⁶ О каких записках идет речь, выяснить не удалось.

²⁵⁷ Н. Попов. Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве, вып. I, стр. 29. Письмо написано в августе 1858 г.

стерства иностранных дел; их не мог найти и Славянский комитет.

«Болгария» выпускалась Цанковым до 1863 г., когда произошли известные события, связанные с делом Иосифа Сокольского. Отречение униатского патриарха и осуществленное с помощью русской дипломатии бегство его в Россию подрывало развитие униатского движения. Таким образом, попытка оказать воздействие на направление болгарской журналистики натолкнулась на те же препятствия, что и другие начинания Комитета.

Однако интереса к церковному вопросу Комитет не утратил, только теперь это был интерес более платонического характера. Комитет собирал материалы о положении в Болгарии, о настроениях болгар, вел с ними переписку. Особенно пристально он стал наблюдать за болгарскими делами после 3 апреля 1860 г., когда произошел разрыв болгарских церковных руководителей с Константинопольской патриархией, обостривший вообще интерес к этому вопросу. Комитет заслушивал сообщения болгарских константинопольских газет, приходившие письма. Он испытывал воздействие представителей русской болгарской колонии, его убеждали повлиять на Синод, чтобы последний внушил патриарху мысль о необходимости уступить требованиям болгар. «Обнаружившееся движение болгар к достижению природной иерархии остановить никаким образом нельзя, и напрасен будет труд решиться предлагать им подчинение или примирение с греками. Фанариоты опротивели болгарам. Если в политическом мире, в случае каких-либо неурядиц в каком-нибудь государстве... великие державы посылают ноты и внушения правительствам... то почему бы теперь... святейшему Синоду нашему не вмешаться в это дело и своими благоразумными советами внушить патриарху константинопольскому удовлетворить, по возможности, требованиям болгар...»²⁵⁸. Московские

²⁵⁸ Н. Попов. Из истории Славянского комитета, вып. 1, стр. 56—57.

болгары представили краткую историческую справку, где доказывали исконные права на независимость Охридской архиепископии, сохраненные и царем Борисом²⁵⁹. Знали в Комитете и о тех небольших уступках, какие в это время склонна была принять патриархия.

В начале 1861 г. Комитет обратился к константинопольским болгарам с посланием, где сетовал на несогласия славян с греческими пастырями, возникшие из законного, но дурно направленного стремления к возрождению уснувших народных начал. «Мы были бы не искренни, если бы выразили несочувствие к такому возрождению, но наученные опытом мы убеждены, что не путем толчков и порывистых движений, печатных глумлений и легких суждений должно идти в деле, столь важном, каковы церковное управление и вероисповедание... Мы будем надеяться, что подобные распри не возобновятся, а случившиеся уже исправятся другими путями, путем посредничества, взаимных уступок и мирного соглашения»²⁶⁰.

Это был путь, по которому шла в то время русская дипломатия и руководивший ею в значительной мере в области церковных дел Синод. Для церковных кругов и их позиции в это время характерны два положения, высказанные авторитетным руководителем в этом вопросе, московским митрополитом Филаретом, который писал:

«Стремление болгар к церковной независимости не имеет ли целью независимость политическую? Вероятно, есть между болгарам мечтатели о сем; но не видно сей черты в общем их движении.

Если же и предположить, что в их церковном движении кроется политическая мысль, неужели православная церковь обязана пещись о том, чтобы православный народ оставался в рабстве турецком вечно,

²⁵⁹ Н. Попов. Из истории Славянского комитета, вып. 1, стр. 60.

²⁶⁰ «Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке». СПб., 1886, стр. 221 (от 30/XII 1860 г.).

или, лучше сказать, до истребления его, над которым, очевидно, трудятся теперь магометане»²⁶¹.

По поводу события 3 апреля 1860 г. Филарет говорил: «...надобно прежде всего построить мост приличным посредничеством и указать Иллариону, что требование особого патриарха — чрезмерно, что достаточно самостоятельного митрополита, избираемого болгарским духовенством, что прекращение поминания имени патриарха — важное нарушение порядка, что ему нужно со смирением просить снисхождения. А патриарху надо бы указать, что отпадение болгар провозглашено, что или нужно оказать им снисхождение, или ждать окончательного отпадения, что нужно спешить, дабы не допустить последнего»²⁶².

Московский славянский комитет занял ту же позицию, какую занимал авторитетный иерарх и руководящие дипломатические круги. Она была несколько иной, чем позиция болгарской буржуазии. Различие заключалось в том, что у болгарских буржуазных деятелей доминировала политическая точка зрения на вопрос, тогда как у русских официальных и церковных представителей — церковная, хотя политическое ядро вопроса сознавалось вполне отчетливо.

Позже интерес к болгарской церковной борьбе не в меньшей степени захватил Петербургский комитет, в котором по этому вопросу выступал Т. И. Филиппов. В заседании 5 мая 1870 г. он прочел специальный доклад о фирмане, создавшем болгарский экзархат, где доказывал целесообразность созыва собора для рассмотрения греко-болгарской борьбы²⁶³. Во взглядах Филиппова собственно славянофильские взгляды возобладали над чисто церковными. Синод отверг мысль о вселенском соборе на

²⁶¹ «Собрание мнений и отзывов Филарета...», стр. 61.

²⁶² Там же, стр. 204. О позиции русской дипломатии см. у Никова. Ук. соч., стр. 140—143.

²⁶³ Т. И. Филиппов. Решение греко-болгарского вопроса. Сб. статей «Современные церковные вопросы». СПб., 1882.

вполне разумных основаниях: он опасался не только появления, но углубления раскола, что было бы весьма вероятным результатом собора. Возможно, что именно в связи с такой позицией Синода точка зрения Филиппова не встретила общего одобрения Петербургского комитета ²⁶⁴.

В целом надо сказать, что интерес Комитетов к греко-болгарской борьбе и их участие в ней на протяжении 60—70-х гг. идет по ниспадающей линии. Никакого практического влияния на ход дел Комитет не оказал, если не считать чисто моральной поддержки дела защитников национальной церкви. И это слабое влияние Комитета на ход дел вполне понятно вследствие уже не раз отмечавшейся слабости его возможностей и средств.

Московский комитет оказал услугу сербской церкви. Она возбудила вопрос о создании в Москве специального подворья по образцу многочисленных греческих подворий для связи и представительства. Понятно, что учитывалось значение подворья для сбора и доставки в Сербию пожертвований. Комитет оказал самую горячую поддержку этому делу в сношениях с Синодом и в получении под Сербское подворье земли и здания до того пустовавшей маленькой церкви (отведены в 1872 г.) ²⁶⁵. Немного позже появилась мысль о создании подобного подворья болгарской экзархии, но двойственность канонического положения болгарской церкви помешала осуществлению этого плана.

Помимо церковной области, в деятельности Комитета была еще одна сторона, привлекавшая большое внимание: это — пропаганда идеи славянской взаимности и панславизма. Если в области национально-церковной борьбы первое место занимал Московский комитет, то пропаганду и издательскую деятельность во главу угла ставили комитеты Петербургский и Киевский.

²⁶⁴ «Первые 15 лет...», стр. 86.

²⁶⁵ Большая переписка по этому вопросу имеется в делах Московского славянского комитета и в архиве Н. Попова.

Первый из них даже принял в ноябре 1870 г. решение об определенном процентном соотношении разных видов своих расходов, причем расходы на издание литературы в России, поддержку литературной деятельности славян, пропаганду русского языка должны были составлять 60% бюджета²⁶⁶. Петербургский комитет сосредоточил внимание в первую очередь на литературно-пропагандистской работе и вел ее и печатным и устным словом. Через одно-два заседания Комитет заслушивал доклады главным образом на исторические, литературные, реже — на более близкие к современности темы. Ламанский, Гильфердинг, Миллер, Будилович, изредка Бестужев-Рюмин, Л. В. Березин упоминаются в протоколах в качестве докладчиков. Большинство сообщений касалось славянских вопросов, но ими круг чтений не ограничивался. Ставили доклады и по русской истории и по русскому фольклору. Значительная часть этих докладов публиковалась затем в изданиях Комитета. При всем разнообразии тем доклады эти идеологически были близки между собой. Содействуя распространению знаний о славянстве, они в то же время способствовали пониманию прошлого и настоящего славян в славянофильском плане. Форма, какую избрал для этого Петербургский комитет, была гораздо эффективнее и доходчивее до читателя и слушателя, по сравнению с такой же пропагандой Московского комитета путем печатания протоколов и отчетов. Петербургский и Киевский комитеты своими славянскими сборниками и ежегодниками немало сделали для популяризации истории и литературы славян, а также славяноведения в его славянофильском варианте.

Однако Петербургский комитет, гораздо более умеренный и значительно более осторожный в проявлении своих чисто политических симпатий, чем Московский, отвергал предложения касательно политической пропаганды за границей. Когда в 1870 г. кто-то из Белграда обратился в Комитет, прося по-

²⁶⁶ «Первые 15 лет...», стр. 99.

собия на издание фадеевского «Мнения о восточном вопросе», Комитет отклонил эту просьбу с указанием, что «означенное сочинение посвящено вопросам политическим, не входящим в круг деятельности Славянского благотворительного комитета»²⁶⁷.

Пропагандируя славянскую взаимность, Петербургский и Киевский комитеты обращались прежде всего к русскому читателю и слушателю. Надеялись, что и славяне станут читать издания Комитетов. Для этого старались завязать сношения со славянскими матицами и другими организациями, стремились привлечь славянских авторов к участию в своих изданиях. Так, предпринимая «Славянский сборник», Петербургский комитет уполномочил А. С. Будиловича вступить в соглашение с матицами и отдельными лицами о доставлении статей. Считали, что подобное издание с участием славян «будет служить к возбуждению и поддержанию непрерывных умственных связей с нашими единоплеменниками, к взаимному напоминанию и ознакомлению. Мы втянем незаметным образом в нашу литературную деятельность славянских писателей и дадим им место у себя, наряду с нашими писателями»²⁶⁸. Привлекая славянских писателей и ученых, сторонники «литературного панславизма» заботились отчасти о распространении сведений о славянстве в России и о России среди славян, но особенно думали о воспитании славянских авторов. Участвуя в подобном издании, «писатель-славянин... невольно отрешается от своей, нередко обособленной; узко национальной жизни, возвышается духом до идеи всего славянского мира, духовно приобщается ко всему славянству»²⁶⁹, короче говоря, проникается идеями панславизма. Вот почему Комитеты считали возможным мириться с дефицитностью своих изданий, но с мень-

²⁶⁷ ГИАЛО, ф. 400, оп. I, д. 1, л. 34.

²⁶⁸ Там же, д. 4, л. 44—45.

²⁶⁹ Там же, д. 4; «Краткий отчет о восьмилетней деятельности издательской комиссии СПб. отдела Славянского благотворительного комитета со времени ее учреждения в 1869 г.». СПб., 1877, стр. 5.

шим равнодушием относились к постоянному заполнению складов, где оседали плохо расхोдившиеся книги ²⁷⁰.

Комитетам в разной степени удавалось осуществить свои стремления. Петербургский «Славянский сборник» стал заметным в славистической литературе изданием, где помещались исторические, этнографические, историко-литературные и т. д. статьи. В нем участвовало известное количество авторов — зарубежных славян, но они оставались в меньшинстве, а главное, мы бы не решились назвать ни одного, кто своим участием в этом издании «воспитался» бы в желательном для Комитета духе.

В то же время Славянские комитеты стремились к распространению за границей среди славян русского языка и «литературного панславизма». В этих целях финансировался издававшийся в Вене журнал «Славянская заря», выходивший на русском языке и защищавший не только литературный, но и политический панславизм. Журнал просуществовал менее двух лет и не успел завоевать себе определенной аудитории.

В тех же целях в Вене как центре, где было много учащейся славянской молодежи, было создано общество «Русская основа», главным организатором и руководителем которого был М. Ф. Раевский. Общество имело читальню и содержало преподавателя русского языка. Однако, как и все комитетские начинания, оно влачило жалкое существование из-за недостатка средств, и Раевскому не раз приходилось

²⁷⁰ Так, в 1874 г. Петербургский комитет, издавший к этому времени названную брошюру Гильфердинга, его же брошюру о Гусе, книжки Ф. И. Успенского «Первые славянские монархии» и Будиловича «Чехия и Моравия», жаловался: «Все эти книги, несмотря на их достоинства и интерес, продаются крайне тихо и только загромождают наш склад». Через два года встречаем жалобу из Киева, где руководитель издательского дела Н. Задерацкий затратил свои деньги при выпуске «Славянского ежегодника», добыв их под вексель, «а Киев — место далеко не благоприятное для славянских предприятий, едва купил 100 экземпляров» (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 73, л. 56).

угрожать закрытием «Основы» в случае невысылки денег. Образовавшись в 1868 г., общество в первой половине 70-х гг. превратилось в клуб, преимущественно галичан, и первоначальной задачи — объединения всех австрийских и прочих учащихся-славян — не достигло²⁷¹.

Комитеты поддерживали издания словенского писателя М. Маяра²⁷², который в своих журналах стремился к сближению славянских языков. Делал он это при помощи «общеславянского» языка, некоторое представление о котором может дать следующее определение цели журнала «Slavjan»: «Slavjan» трудится условно, да бы славянска племена далье отдаливалася него ближалася, он припоручует при всяком удобном случаи узаемност славянску и говорит о славянстве, о народе славянском и старается славянска племена ближе мед собой сознамити и их сближити»²⁷³. Но журнал не отказывался печатать и статьи на русском языке.

Для распространения среди славян русского языка в таких центрах скопления славян-студентов, как Вена, устраивались занятия по русскому языку. Комитеты стремились популяризовать не только русский язык, но и кирилловский алфавит как в изданиях, названных выше, так и с помощью выпуска специальной книжки Гильфердинга «Общеславянская азбука».

Было принято специальное постановление Петербургского комитета, чтобы не менее четверти тиража было разослано в славянские земли, а остальные — в русские высшие учебные заведения, для библиотек и раздачи студентам. Рассылались и дру-

²⁷¹ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 21, л. 3 об; Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Н. Попова, 14/1 1871 г. и др.

²⁷² М. Маяр (Mažar), (1809—1892) — участник иллирийского движения, сотрудничал в журнале «Коло». Ст. Врза — собиратель народных песен; стремился к созданию единого южнославянского языка; с 60-х гг. вел пропаганду общеславянского языка, создававшегося им из элементов разных славянских языков.

²⁷³ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 55. «Переписка...», л. 26.

гие издания Комитетов — сборник о славянском съезде, отдельные книги, брошюры. Легко и удобно рассылались издания, для выпуска которых имелись специальные пожертвования или иные средства. Обычно же издания Комитета лишь в малом количестве проникали за границу.

В ряде случаев Комитеты поддерживали славянские газеты или журналы. Иногда их выбор обусловливался указанием чинов министерства иностранных дел. Так, отмечая возбуждающее влияние на славян которского восстания 1869 г., консул в Рагузе (Дубровник) А. С. Ионин просил помочь далматинскому журналу «Narodny List», издававшемуся И. Данилой²⁷⁴. Выдавались пособия отдельным лицам, пострадавшим от преследования австрийского или турецкого правительства, семьям деятелей и т. д. Размер всякого рода пособий был незначителен. Периодическим изданиям выдавались 100—300 руб. в год, отдельным лицам — еще меньшие суммы. А между тем обращения были постоянными. Просили о помощи на издание журналов и газет, стихов и этнографических альбомов, научных работ и памфлетов. Одни просили поддержать борьбу против карарджичевой орфографии, другие — помочь театру. Значительная часть просьб не удовлетворялась, прочие — в малом размере. Так же обстояло дело и с ходатайствами о посылке книг; Комитеты могли посылать лишь пожертвованную литературу, которая не могла удовлетворить многообразные потребности и запросы из славянских земель.

* * *

Особого рассмотрения требует вопрос о политической деятельности Комитетов, так как здесь всего

²⁷⁴ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Н. Попова, 30/VI 1869, 5/III 1870 г. Данило Иван (1820—1895) — хорватский публицист из Далмации, собиратель народных песен. За поездку на Славянский съезд в Москву в 1867 г. был подвергнут тюремному заключению. В 70-х гг. был депутатом Далматинского собора.

больше путаницы, явившейся в значительной мере результатом использования западноевропейской и американской литературой сообщений современной печати, сознательно извращавших действительность, и даже целых собраний подложных документов о деятельности Комитетов ²⁷⁵.

Нам представляется целесообразным начать рассмотрение вопроса с анализа издания «Les responsabilités», так как даже в новейшей литературе этот сборник используется как вполне доброкачественный. Так, вышедшая в 1927 г. работа Гайда ²⁷⁶ изображает деятельность русской дипломатии на Балканах в начале 70-х годов, в частности в Болгарии, на основе данных рассматриваемой публикации и приходит к выводу об огромной роли Комитетов во внешней политике России. Деятельность Игнатьева он характеризует также на основе этого издания. Такие авторы, как Геррис и Леритье ²⁷⁷, использовали в своих трудах работу Гайда и восприняли его ошибки. Некоторые исследователи относятся к рассматриваемому сборнику с сомнением ²⁷⁸, но эти сомнения восходят к сомнениям современников появления «Les responsabilités». Так, еще Синклер признавал сборник подделкой. Он возник, по словам одной газеты, на которую Синклер ссылается, не приводя ее названия, из документов, купленных турецким послом в Париже Халиль-пашою у чиновников русского посольства в Вене. Но Синклер отвергал это мнение и подозревал самого Халиль-пашу в изготовлении фальшивки ²⁷⁹. Русские дипломаты не сомневались,

²⁷⁵ «Les responsabilités», 2-me edition, revue corrigée et augmentée. Janvier, 1877, Constantinople.

²⁷⁶ См. А. Гауда. A diplomatic history of Bulgaria from 1870 to 1886. Univ. of Illinois, 1927.

²⁷⁷ D. Harris. Britain and the Bulgarian horrors of 1876. Chicago, Illinois, 1939, p. 7; Driault et Lheritier. Histoire, diplomatique de la Grece, v. II.

²⁷⁸ В. Самнер. Russia and the Balkans 1870—1880. Oxford, 1937, p. 681.

²⁷⁹ См. Т. Синклер. Восточный вопрос прошедшего и настоящего. СПб., 1878. T. Sinclair. A defense of Russia and the christians of Turkey, v. I, p. 59.

что сборник состоит из «апокрифических депеш»²⁸⁰, но расходились в определении фальсификатора. Так, Нелидов (поверенный в делах в Константинополе) доносил, что сборник напечатан при содействии Халиль Шериф-паши, а документы куплены у «банды фальсификаторов», которая несколько лет эксплуатировала доверие дипломатии²⁸¹, за спиной же Халиль-паши стоял великий везирь²⁸²; консул в Сараеве А. Н. Кудрявцев считал фальшивку фабрикацией австрийского консула в Сараеве²⁸³.

Мы можем смело утверждать, что Синклер и русские дипломаты были правы в определении сборника «*Les responsabilités*» как подлога. Но Синклер ошибался относительно происхождения документов и касательно их покупки у русских дипломатических чиновников. Заблуждался он и в вопросе о роли Халиль-паши, который именно после выхода этого сборника был сделан послом в Париже и, как утверждал Нелидов, по выбору великого везира, удовлетворенного выходом этого издания²⁸⁴.

Второе, константинопольское, издание этой книги, которое мы имели в руках и на титульном листе которого читаем: «*Les responsabilités. Janvier, 1877. 2-te édition, revue, corrigée et augmentée. Constantinople*», открывается предисловием (ко второму изданию), указывающим, что задача издания — стать средством важного политического нравоучения²⁸⁵. Оно отмечает, что в европейской печати раздался только один голос, заподозривший аутентичность издания, но название этой газеты, увидевшей в публикации лишь видимость правды, не приведено. В опровержение сомнений указывается невозмож-

²⁸⁰ ЦГВИА ВУА, оп. I, д. 4^с, л. 162.

²⁸¹ Там же, л. 54.

²⁸² Там же, д. 7^с, л. 278.

²⁸³ Там же, л. 102.

²⁸⁴ Там же, л. 278.

²⁸⁵ Кроме двух константинопольских изданий брошюры, имеются издания, выпущенные в Париже, Булони, и английский перевод. G. Giacometti. «*Russians work in Turkey*». London, 1877.

ность даже для лиц, прекрасно знающих Восток, дать такое количество имен и деталей, относящихся к разным областям, какое приведено в издании.

За предисловием помещен ключ к шифру. Дело в том, что при издании документов в них оставлены фамилии только второстепенных лиц нерусского происхождения, хотя и многие мелкие персонажи указаны лишь буквенными обозначениями, связь которых с их подлинными именами не всегда может быть открыта. Буквами X, Y, Z обозначены русские послы в Константинополе, Вене и директор Азиатского департамента министерства иностранных дел. Обозначением Mgr с числом звездочек от одной до пяти зашифрованы русский император, наследник, великий князь, черногорский князь и египетский хедив.

Небольшое введение к документам указывает, что издание подводит итог ответственности, оно признает наличие недостатков в турецком управлении, но подчеркивает, что русские чиновники и солдаты в Польше в 1862—1863 гг. совершали еще большие жестокости. Что же касается Турции, то здесь ответственность падает на других. После франко-прусской войны враги Турции начали против нее серьезные действия, доказательством чего являются публикуемые ниже документы.

Эти последние распадаются на несколько групп. Первыми помещены письма русского посланника в Константинополе к послу в Вене, затем идет переписка консулов с комитетом в Вене, письма Венского и Центрального комитетов, письмо черногорского князя к русскому великому князю. Последний документ — письмо русского посла в Константинополе к египетскому хедиву.

Цель издания, лишь смутно намеченная в предисловии, отчетливо сформулирована в политических комментариях, которыми сопровождаются каждый раздел сборника и каждый документ. Здесь утверждается, что Константинополь стал центром интриг, которым обязаны своим появлением и герцеговинское восстание и болгарские зверства. А публикуемые документы доказывают, «что лица, облеченные

высоким дипломатическим рангом (mandat), организовывали и руководили заговором, что все консулы по их приказаниям... руководили всеми деталями выполнения, что могущественные разветвления (affiliations) тайных обществ, имеющих центр (Société-mère) во вне, покрывали Турцию и пограничные страны частой (étroit) сеткой, что эти общества переписывались с послами, предписывали консулам и повиновались князьям...»²⁸⁶. Это и составляло баланс ответственности.

Обращает на себя внимание большое количество документов, исходящих от русского посла в Константинополе, т. е. Н. П. Игнатьева. Сборник явно хочет представить его в качестве центра и двигателя политических интриг.

Сказанного совершенно достаточно, чтобы судить о назначении издания. Его политическая задача в острый момент декабря 1876 — января 1877 г. — время Константинопольской конференции и ее краха — ясна. Это был один из аргументов турецкого правительства в борьбе против русских попыток добиться реформ. Нет нужды в реформах, раз недовольство в бунтующих провинциях создается злобедной рукой иностранных агентов.

Сборник очень хорошо характеризует позицию Турции в этот период и является непосредственным дополнением к другому сборнику, выпущенному турецким правительством в то же время и так же, как рассматриваемый, направленному против России. Мы имеем в виду специальное издание «Русские зверства»²⁸⁷, где дан подбор документов о русских «жестокостях» в Крыму, помещены жалобы мусульман Казани, черкесов и др. Все эти документы исходят от лиц, живших в Константинополе.

Известно, как медленно поддавалась Турция европейскому давлению относительно осуществления реформ на Балканском полуострове, как старалась

²⁸⁶ «Les responsabilités», p. 17.

²⁸⁷ Atrocités russes. Documents soumis à la Conférence de Constantinople. Constan. 1 janv, 1877.

ограничиться словесными обещаниями, как окончилась неудачей Константинопольская конференция и другие подобные попытки. Вряд ли может возникнуть сомнение, что в такой жгучий момент именно официальные турецкие круги могли быть заинтересованы в появлении подобного издания, и не случайно мы не встречаем на титульном листе указания на издателя. Наконец, если это были подлинные документы, кто, кроме турецкого правительства, мог располагать ими? Кажется, нет никакой необходимости обставлять это положение добавочными аргументами.

При чтении комментариев к документам очень резко бросается в глаза грекофильская тенденция политического сопровождения отдельных писем. В письме русского посланника в Турции от 4 (16) ноября 1872 г. упоминается иерусалимский патриарх Кирилл, возбудивший против себя негодование греческих кругов своей позицией на церковном соборе 1872 г., где он не солидаризировался с прочими греческими иерархами, провозгласившими болгарскую схизму. Кирилл был свергнут с патриаршего престола. В комментариях так формулируется позиция греков-фанариотов: «Верные правам своей церкви, они негодуют, что преосвященный Кирилл, патриарх Иерусалима, хотел поставить свою — в послушание московскому митрополиту»²⁸⁸. Турецкое правительство признало болгарский экзархат, которого не желали признать греки. Русское правительство и Синод и в этот момент и не один раз позже указывали греческому духовенству на целесообразность мирного решения вопроса. Только фанариоты могли быть заинтересованы в акцентировании спорных вопросов греко-болгаро-русских отношений, да еще в таком запоздалом. А фигура патриарха Кирилла раздражает комментатора всякий раз, как только встречается ему. Только фанариотская рука могла написать, что Кирилл, «составляющий славу русской церкви, неизбежно причиняет греческой лишь стыд»²⁸⁹. Толь-

²⁸⁸ «Les responsabilités», p. 20.

²⁸⁹ Ibidem, p. 35.

ко туркофильствующий фанариот мог обвинять Россию в стремлении расчленить греческую церковь²⁹⁰, только из этого круга, ослепленного ненавистью к болгарам, мог в такой напряженный момент звучать голос о денежных связях славянского духовенства с Россией²⁹¹.

Есть и другая особенность в комментариях этого издания. Уже отмечено упоминание Польши и польского восстания в вводной части книги. Польскими же мотивами она и кончается. Речь идет о положении Польши, о сообщении Орлова на Парижском конгрессе относительно предположений русского правительства амнистировать поляков, о недостаточности амнистии. Автор обнаруживает знакомство с парижскими изданиями польской эмиграции, цитирует их, чтобы внушить мысль о жестокости русских мер в Польше и цинизме русского правительства, о невозможности союза с Россией, так как союз был бы соучастием с русским правительством²⁹².

Нет ничего удивительного в обеих тенденциях книги. Важная роль греков-чиновников в учреждениях турецкого правительства известна, связи польской эмиграции с турецкими государственными деятелями — также. Не приходится удивляться поэтому наличию греко-фанариотской и польской тенденций сборника. Они отчетливо свидетельствуют о руках, готовивших рассматриваемое издание.

Переходя к анализу самих документов, следует отметить особое внимание издания к деятельности Комитетов.

Наиболее часто упоминается Венский комитет (Comité de Vienne). К этому названию никаких определений не прилагается.

Также без всяких определений фигурирует Центральный комитет в Петербурге, относительно которого указывается, что председателем его является «его императорское высочество», это же лицо называется *Auguste président*. Упоминается Московский

²⁹⁰ «Les responsabilités», p. 84.

²⁹¹ Ibidem, pp. 92, 94.

²⁹² Ibidem, pp. 136—140.

комитет, протокол которого, помещенный в сборнике, называет имена Погодина, открывшего заседание, секретаря Нила Попова, кн. В. А. Черкасского. В тексте фамилии обозначены буквами. Документы перечисленных организаций приведены. В самих документах, кроме того, упоминаются: Киевский комитет, сербское общество «Млада Србадия», сербское же «Освободительное общество» («Société libératrice»), организационный комитет на Афоне, Комитет национальной инициативы в Боснии, болгарский Бухарестский комитет. Между первой и второй группами комитетов существует связь. «По распоряжению его Высочества Венскому комитету, — читаем мы, — надлежит немедленно послать одного из своих членов в Крагуевац для руководства собранием основных кружков национальной инициативы»²⁹³. В дальнейшем разъясняется, в каком смысле должен действовать представитель Венского комитета. Центральный комитет давал предписания открывать новые агентства²⁹⁴. Венский комитет посылает белградскому консулу 1400 руб. для раздачи²⁹⁵. Консул в Скутари по указанию Московского комитета передает деньги и молитвенники призьренскому епископу²⁹⁶. Центральный комитет рассылает циркуляры по поводу предстоящего свидания трех императоров²⁹⁷, снабжает сербов оружием²⁹⁸. Таким образом, деятельность Комитетов оказывается чрезвычайно широкой и разнообразной.

Наибольшее доверие, правда, лишь на первый взгляд, внушает извлечение из протокола Московского славянского комитета, который, однако, не называется славянским. В нем упоминаются имена людей, действительно связанных с Комитетом. Говорится об учреждении стипендий в школе при Алексеевском монастыре — указание, не вызывающее особой на-

²⁹³ «Les responsabilités», p.115.

²⁹⁴ Ibidem, p. 99.

²⁹⁵ Ibidem, p. 79.

²⁹⁶ Ibidem, p. 93.

²⁹⁷ Ibidem, p. 97.

²⁹⁸ Ibidem, p. 47.

стороженности, но рядом мы читаем, что по окончании заседания началось заседание «действительных членов политической секции Комитета», но о существовании подобной не имеется абсолютно никаких указаний. Названная «политическая секция» якобы рассматривала бюджет Комитета. Поражают такие данные: 1. Упоминается правительственное ассигнование в размере 66 666 $\frac{2}{3}$ (субсидии подобного размера правительством Комитету никогда не давались). 2. В расходной части бюджета указано, что стипендии выдаются 216 учащимся в университетах и специальных школах, а общая сумма их равняется 21 600 руб. (в действительности число учащихся в университете в это время не достигало 20, а правительство вело переписку с Комитетом, стремясь прекратить выдачу обычных 1500 руб.²⁹⁹). 3. Указаны обычные расходы на постоянных агентов в славянских провинциях Австрии и Турции, число их — 65 человек, затрачиваемая сумма — 13 000 руб., а также чрезвычайные расходы на эмиссаров в Болгарии, Галиции, Богемии и Закарпатье (Russie hongroise), наконец, секретные расходы председателя на основании § 12 устава — 1680 руб.

Здесь все неверно. Никаких постоянных агентов за границей Московский славянский комитет не имел, и эти пункты бюджета представляются фантастическими.

Никакого определенного устава в 1872 г., к которому отнесен документ, Комитеты не имели; все денежные дела решались в собраниях Комитета. Устав действительно выработывался, но утвержден он был позже, а опубликован в 1877 г. Таким образом, ссылка на параграф устава представляет собой совершенный вымысел и явно обличает руку, ничего общего с Комитетами не имевшую.

Очень характерна дробная цифра 66 666 $\frac{2}{3}$. Известно, что ни рубли, ни копейки на трети не дробят.

²⁹⁹ См. Н. Попов. Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве, вып. 2, стр. 7.

лись; данный пункт показывает незнание с русским денежным счетом.

Если приведенные соображения дают все основания заподозрить подобный документ, то иные данные позволяют установить его подложность. В русской печати был опубликован протокол Московского комитета, соответствующий приведенному. Это протокол заседания 26/IX—8/X 1872 г., открытого чтением воспоминаний Погодина о Гильфердинге. Начало подлинного протокола совпадает с рассматриваемым текстом. Но в изложении решений, принятых в память Гильфердинга, имеется отступление: один из пунктов постановления выброшен.

В подлинном протоколе, далее, идет справка о состоянии сумм, а за ним сообщение секретаря о числе учащихся в Москве славян. Это место передано общей и не отличающейся точностью формулировкой. Вместо того чтобы продолжать дальнейший текст, «*Les responsabilités*» на этом разрывает документ заявлением, вложенным в уста Погодина, о закрытии заседания и приглашением членов «политической секции» перейти в зал секретных заседаний. После того приводится фантастический бюджет, а кончается этот протокол «секретного заседания» действительным продолжением подлинного протокола, но только в редакции составителя. В подлинном протоколе сказано, что Попов представил фотографическую карточку болгарского экзарха Антима и сообщил о нем биографические сведения, которые будут напечатаны. В сборнике это краткое сообщение расширено. Прибавлено, что портрет прислан с благословения экзарха, что единодушно решено издать портрет и распространять среди друзей «святого болгарского дела», что он будет распространен среди известных людей *de la Slavie*. Заканчивается в тексте константинопольского издания протокол так: решено «послать экзарху при посредстве императорского посольства в Константинополе благодарственное письмо с уверениями в братских чувствах русского народа к турецким славянам и особенно болгарам, которые

держат высоко и твердо знамя славян против фанариотов»³⁰⁰.

Произведенное сопоставление: 1) показывает подложность разобранного документа, 2) вскрывает, что фальшивка создавалась путем переделки подлинного документа, 3) подтверждает вывод, сделанный на основе анализа комментариев о явной греко-фанариотской тенденции составителей, вложенной в «документ».

В других случаях документы фабриковались полностью. В качестве примера укажем «дишифрант» депеши Центрального комитета консулу в Салониках ст 14 (26)/XI 1872 г.³⁰¹. В нем идет речь о вещах совершенно фантастических: создании тайного комитета на Афоне в так называемом Руссиконе, т. е. русском Пантелеймоновском монастыре, с задачей снабжать оружием и деньгами партизан и с конечной целью, покрыв Афон русскими и болгарскими колониями, изгнать оттуда греков. Одна черта показывает источники и основу создания данного «документа». В 1870 г. в этом монастыре вместо игумена-грека был избран русский иеромонах Макарий (Сушкин). Константинопольские греки объявили это избрание «панславистской махинацией», заговорили о стремлениях России поработить греков на Афоне, патриархия не хотела его утверждать. Спор дошел до Порты, и русскому послу гр. Игнатьеву стоило немалых трудов поддержать кандидатуру Макария³⁰². Этот скромный монах, не рассчитывавший вызвать такую бурю, указан в рассматриваемом сборнике как председатель зловредного «Комитета».

Подложными следует признать все документы, относящиеся к Центральному комитету в Петербур-

³⁰⁰ «Les responsabilités», p. 103. Подлинный протокол, «Московские ведомости» № 244 от 30/IX 1872 г.

³⁰¹ Ibidem, pp. 74—76.

³⁰² См. А. А. Дмитриевский. Граф Н. П. Игнатьев, как церковно-политический деятель на православном Востоке. СПб., 1909, стр. 199; его же Русские на Афоне. Очерки жизни и деятельности игумена русского Пантелеймоновского монастыря св. архимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895.

ге. Петербургский комитет никогда не носил названия Центрального, а в то время, о котором идет речь, он именовался «Санкт-Петербургским отделом Славянского благотворительного комитета». Он не играл руководящей роли в отношении других Комитетов. Наконец, руководителем и председателем его в это время был не член правящей династии, анонимный великий князь, а избранный после смерти А. Ф. Гильфердинга И. П. Корнилов³⁰³. Подложными являются и документы Венского комитета, так как никакого отделения или чего-либо подобного Славянские комитеты в Вене, как и нигде за границей, не имели. Совершенно извращены в сборнике отношения русских консульских агентов и Славянских комитетов. Если внимательно вчитаться в «документы», окажется, что консулы в Турции, Сербии подчинялись не послу в Константинополе, а таинственному Венскому комитету. Достаточно даже небольшого знакомства с организацией русской консульской и дипломатической службы, чтобы признать данное измышление малоудачным. Короче говоря, с какой бы стороны ни подходить к этому материалу, видно, что составители его были мало знакомы с отношениями, которые они изображали, когда дело выходило за круг вопросов, связанных с жизнью Турции.

Да и в турецкой жизни составителям сборника лучше всего известна сфера дел греческой церкви. Очень плохо в документах видна подлинная жизнь Боснии, которая отражена лишь сообщениями о поездках анонимных агентов. Связь с Сербией показана лишь упоминаниями Омладины. Омладина выступает под именем «Млада Србадија» — органа, выходившего в Белграде и прекратившегося в 1872 г. Сама Омладина уже распалась, сербское правительство препятствовало деятельности Омладины³⁰⁴. Но даже если бы данная организация и продолжала су-

³⁰³ Гильфердинг был председателем по 20 июня 1872 г., Корнилов — с 24 сентября 1872 г.

³⁰⁴ См. С. Јовановић. Влада Милана Обреповића, књ. I. Београд, 1926, стр. 132—133; Ј. Скерлић, Омладина и њена књижевност. Београд, 1906.

ществовать, связи ее с русскими агентами были бы сомнительны. Достаточно напомнить, что виднейший омладинский публицист В. Йованович в своих брошюрах всегда выступал против России и русской политики³⁰⁵. В. Йованович был представителем правого либерального крыла Омладины; левое же крыло, возглавлявшееся Светозаром Марковичем, еще решительнее осуждало политику царского правительства. Следует далее иметь в виду отрицательное отношение представителей Омладины к стремлениям Комитетов. Эти стремления проявились на Московском и Пражском славянских съездах, о чем говорится в следующей главе.

Наконец, едва ли не наиболее интересная особенность сборника — почти полное молчание о Болгарии и болгарских Комитетах. Ведь как раз в 1872 г., к которому относятся «документы», представленные в сборнике, состоялось нападение одного из руководящих деятелей Болгарского революционного комитета Д. Общего на почту, его арест и раскрытие всей болгарской комитетской организации. Очевидно, публикация этих сведений, рисующих борьбу не фантастических русских агентов, а подлинных болгарских организаций и деятелей, противоречила задачам издания.

Данный сборник документов в части, относящейся к деятельности Славянских комитетов и русских консулов, представляет фальшивку, составленную на основе частично подлинных, частично сфабрикованных документов. В злободневных эпизодах константинопольской жизни, как в указанных случаях с Пантелеймоновским монастырем или патриархом Кириллом, составители, по-видимому, опирались на известную своими антирусскими и антиславянскими подлогами «Neue Freie Presse». Вероятно, к этому источнику восходят указания о председательствовании в Петербургском комитете великого князя, а так-

³⁰⁵ См. V. Јовановиќ. Les serbes et la mission de la Serbie dans l'Europe d'Orient. Paris, 1870. См. также: В а с а Ч у б р и л о в и ћ. Истрија политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958, стр. 249—255.

же документы, упоминающие Ристича. Дело в том, что эта газета в связи со Славянским съездом 1867 г. оповестила мир о создании Панславистского комитета в Петербурге, возглавляемого великим князем Константином Николаевичем. В 1872 г. она опубликовала ряд фальшивок о заговорщической деятельности Ристича.

Составители использовали опыт подобного же константинопольского издания «Phare du Bosphor», которое в 70-х годах занималось публикацией искаженных протоколов Московского славянского комитета. Деятельность этой газеты в данном направлении засвидетельствована константинопольским корреспондентом «Московских ведомостей» Стояновым-Бурмовым, писавшим: «Третьего дня (корреспонденция помечена 15 ноября 1872 г. — *С. Н.*) газета «Phare du Bosphor», перепечатывая речь, сказанную в заседании Славянского благотворительного комитета в Москве 11 мая сего года секретарем оного Н. А. Поповым, не только позволила себе перефразировать подлинник сообразно своей цели, но и приписала автору речи слова, которых он не говорил». Искаженная речь была прокомментирована. «Эта речь, — говорит редакция, — показывает нам, что Центральный комитет в Москве основан исключительно для возрождения болгар и что экзарх кир — Анфим посвящен в тайну дальнейших намерений московских панславистов. Нужно ли говорить, какие это дальнейшие намерения?..»³⁰⁶.

Несколько сложнее обстоит дело в отношении частной переписки русских дипломатических представителей в Константинополе и Вене. В наших руках нет материала, который позволял бы осуществить текстуальную сверку. Однако содержание опубликованных писем свидетельствует об их неподлинности. В письме, датированном 23 ноября 1872 г., Игнатъев просит Штакельберга разрешить вопрос о посылке агентов в Албанию при помощи мифиче-

³⁰⁶ «Московские ведомости» № 308 от 5/XII 1872 г. О том же в письме к Н. А. Попову от 7/XII 1872 г. Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. М., 3602.

ского Венского комитета³⁰⁷. В другом месте говорится, что консульские чины были связаны с лицами, совершившими нападение на почту в Русуке³⁰⁸. Известно, что экспроприация денег членом болгарского революционного комитета Д. Общего была совершена не только без участия русских консулов, но и без согласия других членов самого Комитета. В одном из помещенных в сборнике писем Игнатъев выражает убеждение, что русский посол в Вене читает турецкие газеты³⁰⁹, хотя он не владел турецким языком. Можно было бы привести еще ряд подобных же мест в рассматриваемых письмах. Но и указанные вполне ясно свидетельствуют, что «письма» подобного рода не могли выйти из-под пера Игнатъева. Они созданы для дорисовки образа коварного заговорщика и интригана, каким изображают русского посланника в Константинополе уже разобранные выше «документы» сборника.

«Итог ответственности» турецкое правительство подводило наспех; руки, выполнявшие заказ Порты, готовили документы, заботясь лишь об их остроте. Было важно произвести необходимый эффект в напряженный момент борьбы. Но и тогда уже сборник производил странное впечатление, что видно из отзывов печати.

Однако только сейчас мы можем, отправляясь от проделанного выше разбора, вполне уверенно заявить, что сборник документов, вышедший под названием «*Les responsabilités*», — фальшивка, изготовленная султанским правительством в период Константинопольской конференции при помощи греков — чиновников Турции и при содействии польской эмиграции. Наши выводы, полученные в результате анализа сборника «*Les responsabilités*», подтверждают в значительной мере данные, которыми располагало русское константинопольское посольство. Мы уже привели сведения, сообщавшиеся Нелидовым А. М. Горчакову. Об участии в подготовке документов

³⁰⁷ «*Les responsabilités*», p. 29.

³⁰⁸ *Ibidem*.

³⁰⁹ *Ibidem*, p. 42.

польской эмиграции, находившейся в Турции, прямо говорит одна из депеш Нелидова, указывающая, что документы «сфабрикованы знаменитой польской конторой (Okšha et C-ie) с помощью некоего Джокометти, бывшего секретаря Халиль Шериф-паши, а теперь находящегося на жалованьи у Митхад-паши»³¹⁰. Мы расходимся с Нелидовым лишь в определении роли греков, на которую он не обратил внимания.

В связи с таким результатом исследования сборника, представления, имеющиеся в исторической литературе, о русской заговорщической деятельности в Турции, о тайнственных агентах, посылаемых Комитетом, построенные на основе «документов» данного издания, следует признать не соответствующими исторической правде.

Изображать политическую деятельность Славянских комитетов следует на основе подлинных документов, а не подложных. Это мы и попытаемся сделать.

Прежде всего следует признать, что вся деятельность Комитетов имела определенно политическую направленность, но ни самый характер организации, ни фанансовые возможности, ни условия, существовавшие в султанской Турции, ни направление русской политики не позволяли Комитетам действовать так, как изображают это сфабрикованные в пропагандистских целях сборники подложных документов. Хотя Комитеты постоянно обнаруживали интерес к деятельности собственно политической, они не могли развернуть ее сколько-нибудь широко. И не все Комитеты в отношении политической деятельности были одинаково активны. Первое место среди них занимал Московский комитет. Об этом говорит имеющаяся в делах Московского комитета записка Н. Герова³¹¹, посвященная характеристике положения

³¹⁰ ЦГВИА ВУА, оп. I, д. 6^с, л. 90.

³¹¹ См. Н. Попов. Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве, стр. 112—116.

населения в районе Пловдив — Битоль. К ней приложена специальная записка о гайдучестве. Она рисует приниженность болгар, отвыкших сопротивляться турецким насилиям и мстить за обиды, и попытки некоторых деятелей возродить гайдучество. Автор считает, что хорошо организованным гайдучеством можно достигнуть следующего: 1) «Привести народ к сознанию собственных сил и приготовить его в самое короткое время к предстоящему перевороту»; 2) лишить турок предводителей, после чего нетрудно будет справиться с остальными; 3) создать затруднения правительству противодействием сбору податей и отобранием казенных денег при перевозке их; 4) появляясь в разных местах, ослабить турок, заставляя их производить постоянные переброски войск с места на место. При всех этих возможных результатах гайдучество — удобная форма борьбы, не вызывающая больших затрат и пользующаяся поддержкой населения³¹².

Немного позже Комитет познакомился с одним из представителей повстанческой борьбы на Балканах. В 1863 г. в русское консульство в Эрзеруме прибыл бежавший из заключения боснийский воевода

³¹² Авторство Н. Герова устанавливается следующими данными. Н. Геров в 1862 г., когда составлена записка, был консулом в Филиппополе. Н. Попов отмечает, что записка составлена лицом, проехавшим «от Пловдива (Филиппополя) до Монастыря (Битоли)» (Из истории Славянского благотворительного комитета, вып. I, стр. 112). В переписке Герова с М. А. Хитрово — в то время консула в Битоле — имеются два письма, одно от 1 июня 1862 г., второе от 14 июля того же года. Предшествующая переписка говорит о состоявшейся поездке Хитрово в Пловдив по приглашению Герова. После того Геров решил ехать в Битоль. Об этом решении говорит первое из указанных писем Хитрово, опасаясь, что его письмо не застанет Герова, «если вы уже приводите в исполнение обрадовавшее меня Ваше обещание посетить Битолю». В следующем письме читаем: «С того самого времени, как мы с Вами расстались, я все рыскал» («Из архивата на Н. Геров», т. II, стр. 669—670). Свидание состоялось не в самой Битоли, а около нее, как явствует из того же письма, но это не расходится с данными, сообщаемыми Поповым.

Еич, схваченный со своим отрядом при переходе из Австрии через турецкую границу (1860 г.) и осужденный на 15-летнюю каторгу. Это был первый представитель четников в Московском комитете. Мы не знаем, велись ли с Еичем какие-нибудь переговоры, но в отправке его в Сербию Комитет участие принимал и снабдил деньгами на дорогу.

Самыми яркими и крупными фактами политической деятельности Комитетов являются следующие.

В 1860 г. И. С. Аксаков совершил поездку в Вену и по Балканскому полуострову. Он познакомился с уроженцем Дубровника Матием Баном, сербским писателем, игравшим в истории Сербии политическую роль, не раскрытую еще в должной мере в литературе. Выяснена его причастность к кружку кн. Михаила в последний период правления Милоша и к публицистическим выступлениям этого кружка³¹³. Из нашего материала видно, что в событиях начала 60-х годов Бан принимал непосредственное участие. Сейчас еще трудно вполне охарактеризовать его как политического деятеля. М. Ф. Раевский считал его болтуном, отчасти лгуном, человеком не совсем добросовестным в денежных делах, способным на двойную политическую игру, не отрицая при всем этом его политического значения³¹⁴. Элемент политического авантюризма чувствуется в действиях и письмах Бана, но известно и то, что он длительное время сотрудничал с И. Гарашаниным по насаждению в Боснии тайных организаций для подготовки восстания и присоединения ее к Сербии³¹⁵.

План, участником которого был Бан и который исподволь начал осуществляться, был планом создания широкой сети нелегальных повстанческих ор-

³¹³ Краткая биография и очерк литературной деятельности см. J. Скерлић, «Историја нове српске књижевности Београд, 1921, стр. 199—201. С. Јовановић. Друга Влада Милоша и Михаила. Београд, 1923, стр. 383.

³¹⁴ Отд. рукописей Б-ки им. Салтыкова-Щедрина (далее — РОБСЦ), бумаги Аксакова, № 287, 16/IV 1861 г.

³¹⁵ М. Екмћић. Pokušaji organizovanja ustanka u Bosni 1860—1862 godine. Godišnjak Istoriskog društva Bosne u Hercegovine, god. IX, 1957, Sarajcvo, 1958, стр. 80.

ганизаций, охватывающих Хорватию, Словению, Далмацию, Боснию, Герцеговину, даже Болгарию и Северную Албанию. Всеи этой сетью должен был руководить Центральный комитет в Белграде, находящийся в связи с сербским правительством. О делах организации, опиравшейся на беглецов из Боснии был осведомлен митрополит Михаил, являвшийся его тайным покровителем. Уже после того как дело было начато, о нем сообщили кн. Михаилу, поддержавшему и одобрявшему инициаторов ³¹⁶. Так или иначе сербский князь был поставлен перед совершившимся фактом начала деятельности организации.

Основой организации являлись агентства («агнции»), состоявшие из агента, имевшего резиденцию на границе, и курьера, совершающего поездки по турецкой территории. Каждое агентство имело свой район действия (две нахии), в пределах которого должно было обеспечить полное руководство движением, чтобы оно не могло возникнуть помимо Комитета и его агентов.

В числе задач стояла борьба с иностранным (очевидно, имеется в виду австрийское) влиянием. Правда, в этом отношении упрек М. Ф. Раевского, что Бан способен брать деньги и служить двум странам, был справедливым, — организация не брезговала и австрийскими деньгами, полученными от консула. Большие надежды возлагались на эмигрантов — босняков и болгар, живших в Сербии, которые должны были составить кадры для формирования повстанческих отрядов. Эмигранты делились на три категории по их пригодности для дела. Бессемейные, годные быть только рядовыми «солдатами», должны были жить своим трудом; эмигрировавшие с семьями должны были работать, но им оказывали поддержку местные общины; наконец, будущим командирам отрядов выдавалось содержание из сумм, полученных от австрийского консула. Последние объединялись в небольшие группы и жили для большей экономии вместе.

³¹⁶ РОБСЦ, бумаги Аксакова № 64 от 5 (17)/XI и 28/XII 1860 г.

В заседании Комитета 4(16) ноября 1860 г. было решено издать популярные брошюры «Правила» (Maximes) войны» и «Партизанская война», а также брошюры о дисциплине и других военных вопросах; Бану было поручено добыть карты и револьверы; были распределены должности казначея, архивариуса, секретаря. Действия организации были начаты, таким образом, на австрийские деньги. Это значило, что австрийская рука в той или иной степени будет направлять дело в дальнейшем.

Как раз в начале данного предприятия. (июль 1860 г.) о нем узнал И. С. Аксаков. Как видно из писем Бана к последнему, их свел вопрос о деньгах. Австрийских дукатов было явно недостаточно, Комитет не смог бы развернуть свою организацию и работу без средств, и Бан повел переговоры на этот счет с Аксаковым, обещавшим свою поддержку. Последний немедленно написал в Москву, прося собрать при помощи купцов «славянский фонд»³¹⁷, а независимо от этого поставил в известность о начале деле М. Ф. Раевского, консула в Белграде А. Г. Влангали и посланника в Вене В. П. Балабина. По-видимому, в августе Аксакову удалось передать Бану 3000 руб. Уехав из Белграда, он передал все связи с Баном Раевскому, которого просил «поддерживать их в надежде»³¹⁸ на получение новых средств. Что такое обещание было дано, видно из довольно настойчивого письма М. Бана к И. С. Аксакову, где говорится о наличии средств до конца года и необходимости к началу 1861 г. иметь «une autre somme de 10 000 roubles»³¹⁹.

Однако быстро найти средства Аксакову не удалось, тем более, что до конца 1860 г. он был с братом К. С. на острове Занте и лишь после смерти последнего в январе 1861 г. вернулся в Россию. Тут выяснилось, что Балабин поставил в известность о нача-

³¹⁷ «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, стр. 468.

³¹⁸ «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV, стр. 35, 52.

³¹⁹ РОБСЦ, бумаги Аксакова № 64, 5 (17)/IX 1860 г.

Разница в цифрах объясняется желанием Бана получить 20 000 руб. в два срока.

том деле министерство иностранных дел в лице Е. П. Ковалевского и рассказал о нем А. Д. Блудовой. Однако министерство ничего не предприняло до тех пор, пока князь Михаил не обратился с просьбой о предоставлении ему займа. Комитет министров под председательством Александра II решил вопрос положительно³²⁰; Балабин и Аксаков считали дело решенным и на новые просьбы Бана отвечали ссылкой на разрешенный сербскому правительству заем.

Хотя заем был бессрочный, беспроцентный и на значительную сумму (900 000 руб.), сербское правительство им не воспользовалось, опасаясь, что это раскроет всю затею перед скупщиной, которой не сообщить о займе было невозможно³²¹; но и объяснить назначение займа было затруднительно. Бан продолжал просить денег и у Аксакова и у Влангали, но безрезультатно. «Денег у нас нет ни полушки и взять неоткуда. Так и пишите Влангали и Бану, — сообщал И. С. Аксаков М. Ф. Раевскому. — Я... всегда говорил и писал, что частными средствами дело итти не может. Частные средства могли только пустить дело в ход, дать ему толчок настолько, чтобы «увлечь правительство сербское и русское на путь положительного содействия». Это и исполнено нами...»³²².

Затея не удалась. Но Бан показал большую готовность действовать рука об руку с русским правительством, представителем которого он считал Славянский комитет. Раевский заботился, чтобы Бан не порвал отношений с Аксаковым окончательно³²³. Переписка Бана с Аксаковым время от времени продолжалась и позже.

Что поддерживал в данном случае Аксаков, а в его лице Московский славянский комитет? Какие цели преследовал Бан и Комитет, от имени которого он действовал?

В одном из писем к Аксакову Бан излагал программу своей организации в следующих чертах. Соз-

³²⁰ РОБСЦ, бумаги Аксакова, № 62 от 12/I 1861 г.

³²¹ «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV стр. 52.

³²² Там же, стр. 52—53.

³²³ РОБСЦ, бумаги Аксакова, № 101 от 10/V 1861 г.

дается южнославянская федерация в составе трех основных ветвей: сербы, хорваты, болгары, имеющие каждая свою национальную автономную территорию и участвующие в равном количестве в общем правительстве. Провозглашается равенство православной и католической церквей, но католики приглашаются к переходу в православие. Постепенно хорваты примут кириллицу. Южнославянская федерация будет частью общеславянской конфедерации. Этим он стремился привлечь славянофилов к поддержке своих планов. Бана интересовал вопрос, окажется ли эта программа приемлемой для русского правительства и «московской национальной партии». Но он прямо заявлял о невозможности союза Москвы, Загреба и Белграда, если Москва останется на почве «Послания сербам»³²⁴ и о неизбежной в этом случае изоляции России от славянского мира³²⁵. Задача, как ее изображал Бан, состояла якобы в объединении сербов и хорватов и совместных действиях с Россией; он говорил о том нравственном действии, какое будет иметь равная забота России о православных сербах и католиках-хорватах³²⁶. По-видимому, письмо вызвало недовольство Аксакова³²⁷, но это не заставило его отказаться от участия в начатом деле.

История отношений с организацией М. Бана разочаровала И. С. Аксакова главным образом потому, что «они тянут к нам»³²⁸. В итоге данного опыта Аксаков пришел к выводу, что демократические группы сербов гораздо ближе к России, чем партия великашей. Однако он готов был всемерно помочь и попытке несимпатичной ему группировки, раз она вела к освобождению славян от турецкого ига. Аксаков прекрасно понимал, что материальные связи с русским правительством открыли бы последнему возможность влиять на политику Сербии, и потому он

³²⁴ А. С. Хомяков. Соч., т. I, изд. 4. М., 1911, стр. 374—404.

³²⁵ РОБСЦ, бумаги Аксакова, № 64 от 28/XII 1860 г.

³²⁶ Там же, от 16 (28)/I 1861 г.

³²⁷ «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV, стр. 46.

³²⁸ Там же, стр. 52.

так возмущался «грубостью и глупостью» кн. Михаила, отклонившего русский заем.

Фигура И. С. Аксакова заслонила собой в истории отношений с Баном Славянский комитет. Это было естественно, так как легальная благотворительная организация не могла открыто вести переговоры с тайной политической организацией. Но в своих действиях Аксаков выступал как представитель Комитета³²⁹, и Бан вел с ним переговоры как с представителем «московских патриотов». Вот почему данный эпизод должен занять место в истории политической деятельности Московского славянского комитета. В нем наметились и некоторые черты политической тактики Комитета, которые в развитом и несколько измененном виде повторятся пятнадцатью годами позже. Денежная и организационная слабость Комитета не могла позволить ему предпринять самостоятельные действия, самочинную поддержку подготовлявшегося движения на Балканах. Все делалось в секретном порядке, но из-за отсутствия собственных средств обращение к правительству было неизбежным. Толкнуть правительство к поддержке замышляемой инсurreкции — такова была задача и роль Комитета. Но осуществить этого не удалось.

В несколько иной форме подобная же попытка была повторена в 1867 г., в период организации Балканского союза. Сербия завязала переговоры с болгарской эмиграцией, в которых участвовал русский консул в Бухаресте. В декабре 1866—январе 1867 г. сербы договорились с буржуазной болгарской организацией в Бухаресте — «Добродетельной дружиной» об участии болгар в борьбе и дальнейшем устройстве будущего объединенного государства. «Добродетельная дружина» была тесно связана с Одесским болгарским настоятельством. Через посредство его Славянскому комитету стало известно о переговорах³³⁰. В Бухарест был послан Н. Н. Раевский, куда он прибыл в начале апреля 1867 г. Одесское настоятельство

³²⁹ «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV, стр. 57 и др.

³³⁰ ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 458.

помогло ему установить нужные связи в Бухаресте. Он познакомился с положением дел, ориентировался в различиях «молодых» и «старых» и отдал предпочтение «молодым»³³¹, учитывая их стремления к освобождению от турецкого ига. Эмиссар Славянских комитетов принял живое участие в болгарских делах и составил в Константинополе, куда он приехал затем, записку об организации партизанской борьбы в Болгарии. Он проектировал вести набор волонтеров при помощи городских комитетов, которые должны быть созданы, отправлять оружие через Сербию, Румынию, через Варну и Бургас, где следовало иметь специальных агентов. Болгарию Раевский предлагал разделить на округа, во главе которых должны были находиться опытные офицеры — болгарские, сербские и русские. Из числа офицеров должен быть выделен главный начальник для руководства всем делом. Чтобы получить для восстания сразу ряд опорных точек, Раевский проектировал отправку нескольких сот черногорцев — людей, привыкших к боевой жизни, — почин которых послужил бы толчком для дальнейшего развития восстания. Раевский предлагал воздерживаться от налетов на турецкие деревни, стараться сблизиться с местным населением и вести борьбу только с турецкими военными отрядами, транспортом и т. п.³³² Приезд Раевского произвел большое впечатление на болгар, и без того пристально следивших за ходом событий³³³, а руководство Одесского настоятельства отправило Аксакову благодарственное письмо за внимание к болгарам и специальную выписку о положении в Болгарии³³⁴.

В распоряжении Славянского комитета не было

³³¹ Здесь под именем «молодых» имеется в виду «Тайный комитет» И. Касабова, в котором всегда была группа, усилившаяся после опубликования «Мемоара» о дуализме, стремившаяся к организации восстания в Болгарии (И. Касабов. Мойте спомечи от възраждането на България с революционни идеи. София, 1905).

³³² ГИМ, ф. 123, св. 7.

³³³ ЦГИАЛ, ф. Палаузовых, письма Каракановского к С. Н. Палаузову.

³³⁴ ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 458.

средств для организации широкой борьбы болгар с турками. Среди славянофилов не оказалось единства в вопросе восстания. Кошелев говорил о несвоевременности его в силу хозяйственных и финансовых трудностей России³³⁵, и в этом поддерживал его Ламанский, который, кроме того, не верил в возможность общего движения на Балканах. «Признаюсь откровенно,— писал он Аксакову,— все эти турецкие дела, мне кажется, начинаются слишком рано. Им одним с турками ни за что не совладать. Говорят: турок мало и если христиане встанут с единодушием. То-то это если... Требовать согласия и единства от обывателей Балк(анского) полуострова можно только при незнании или пренебрежении его географии... Я не только не верю в союз греков с сербами, но и в дружбу болгар с сербами и даже в согласие греков и сербов между собой в отдельности»³³⁶. Из Бухареста Раевский послал докладную записку Д. А. Милютину о необходимости посылки русских офицеров в Сербию, но она не произвела желательного автору впечатления³³⁷. На всем протяжении 60-х годов, за исключением съездов 1867—1868 гг., это были самые крупные акты политической деятельности Комитетов³³⁸.

Таким образом, Московский славянский комитет, возникший в результате совпадения интересов бол-

³³⁵ ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, № 20.

³³⁶ Архив Академии наук СССР, ф. 35, № 1727.

³³⁷ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Милютин, № 8033. Русское правительство, содействовавшее созданию Балканского союза, принимало некоторые меры на случай возможного развития событий. С ведома Н. П. Игнатьева, одесского генерал-губернатора Коцебу и, вероятно, Д. А. Милютин в Николаевском арсенале готовили отправку партии оружия в Болгарию. Однако затем подготовка была приостановлена. Возможно, что это было связано с неудачей четы Ф. Тотю (ЦГИАМ, ф. 730, д. 970, л. 9 об.).

³³⁸ Кроме того. Комитеты принимали участие во встречах и приемах приезжавших представителей славян. Так, в 1869 г. был устроен прием сербскому митрополиту Михаилу, приезжавшему на юбилей Киевской академии, в 1869 г. поднесена сабля черногорскому князю Николаю и прочтен адрес, в 1872 г. устроен прием Божидару Петровичу Негошу и т. п.

гарских буржуазных кругов русского правительства и стремления русских славянофильско-либеральных групп, явился родоначальником ряда аналогичных организаций. Социальный состав их членов был преимущественно дворянский; преобладание в руководстве Комитетов славянофильско-панславистских элементов, отражавшееся на всей их деятельности и идеологии, делало Комитеты реакционной организацией. При общности основных задач, отдельные Комитеты отличались друг от друга в практическом их осуществлении.

Учебно-воспитательная работа Комитетов способствовала образованию заметной группы славянской интеллигенции, деятельность которой имела положительное значение для культурного развития южных славян. При этом следует отметить, что влияние славянофильской идеологии на воспитанников Комитетов было незначительно. Интерес Комитетов к церковным делам православных славян, особенно болгар, вытекал из основных задач организации и стимулировался борьбой болгарских буржуазных кругов за национальную церковь.

Хотя основными задачами Комитетов признавалась благотворительно-учебная, церковно-просветительная деятельность, Комитеты не замыкали ее исключительно в этих рамках. Политические осложнения на Балканском полуострове привлекали внимание Комитетов, особенно Московского, пытавшегося поддержать борьбу славян против турецкого ига. Хотя в поддержке освободительного движения южных славян Комитет исходил из своих панславистских стремлений, объективно он действовал в направлении поддержки борьбы за освобождение южных славян от турецкого ига. Но не имея ни средств, ни агентов в славянских землях и лишь эпизодически выступая за пределы благотворительности, Московский комитет неизбежно становился в положение посредника, старающегося толкнуть русское правительство к поддержке начинающегося движения. Неудача попыток этого рода, делавшихся на протяжении 60-х годов, на ряд лет остановила их повторение.

ГЛАВА II

СЛАВЯНСКИЕ СЪЕЗДЫ

60-х годов

Славянским съездам 60-х гг. не посчастливилось в литературе вообще и в русской в особенности. Исследовательских русских работ не существует до сих пор. Немногое, что имеется, ограничивается беглыми характеристиками на основе опубликованных протоколов съезда 1867 г. в очерках А. Н. Пыпина «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878 г.; отдельное издание — СПб., 1918) да в статье А. Л. Погодина «Очерки из истории славянской взаимности», которая была напечатана в малоизвестном популярном журнале «Московский еженедельник» за 1910 г. (№ 20).

Пыпин дает общую характеристику съезда, как «платонического заявления пламенного сочувствия к славянству»¹, приводит выступление Ригера и заканчивает указанием значения съезда: «Он дал мало или никаких результатов для взаимного разъяснения вопросов славянской политической жизни: эти вопросы не были, да в наших условиях и не могли быть в программе съезда». Однако среди славян (западных) он пробудил интерес к России и русскому языку².

Погодин попытался обрисовать политические ус-

¹ А. Н. Пыпин. Панславизм. СПб., 1918, стр. 120.

² См. там же, стр. 124.

ловия в Австрии, которые определяли отношение к России отдельных славянских национальностей. Он указывал на сближение поляков с Австрией и на обострение отношений с ней у чехов. Роспуск чешского сейма являлся показателем этого. «Им нужна была Россия, какой бы ценой ни была куплена ее милость». Самый съезд «был выгоден обеим сторонам: он давал русским шовинистам повеличаться перед Европой могуществом и обаянием России, а славянам позволял рассчитывать на покровительство этой силы»³. В характеристике итогов съезда Погодин отмечал ослабление связей с Россией у поляков и галицийцев. Затем, перескакивая через десять лет, он указывал на тяготение сербов к Австрии после русско-турецкой войны и на развитие проболгарской агитации, завершившейся войной 1877 г.

В немецкой литературе следует указать книгу Фишеля «Der Panslavismus», представляющую собой полуисторическое, полупублицистическое произведение. Опирается она на материал публикации Н. Попова⁴ и изображает съезд как панславистскую затею⁵, не открывая, однако, ничего нового по сравнению с названными русскими авторами.

Вся указанная литература значительно устарела. Она говорит по преимуществу о съезде вообще и намечает некоторые черты, характеризующие участие австрийских славян, отпавляясь при этом от очень ограниченного материала. В ней ничего, кроме малоаргументированных суждений авторов, мы не имеем. Гораздо большее значение имеют работы чеха Казбунды⁶ и югославского (скопльского) профессора Прелога⁷. И та и другая посвящены одному вопро-

³ А. Л. Погодин. Очерки., «Московский еженедельник», 1910, № 20, стр. 38.

⁴ «Всероссийская этнографическая выставка и старецкий съезд 1867 г.». М., 1867.

⁵ См. А. Fischel. Ук. соч.

⁶ См. K. Kazbunda. Pout čechů do Moskvy 1867 a rakouska diplomacie. v. Praze, 1924.

⁷ См. M. Prelog. Pout slovanů do Moskvy roku 1867. v. Praze. 193.

су — поездке австрийских славян, ее ходу, причинам, последствиям. Прелог в большей мере, чем Казбунда, касается русских тем, но и он не занимается ими специально.

Казбунда впервые использовал для изучения вопроса материалы австрийских архивов. Благодаря привлечению документов австрийского министерства иностранных дел ему удалось показать неизвестный дотоле протест Австрии против съезда; им обнаружены в полицейских архивах письма участника съезда Вавры, адресованные тестю Сабине. Этот источник имеет огромный интерес и с точки зрения изучения взглядов, позиции и надежд чехов и с точки зрения характеристики русского общества в период съезда. В силу использования нового материала работа Казбунды является очень важной и не только для понимания участия чехов в съезде; идя вслед за Политом⁸, Казбунда признал, что поездка чехов на съезд была политической демонстрацией, направленной против дуализма, попыткой в борьбе против нового устройства Австро-Венгрии опереться на поддержку России.

Прелог сделал опыт привлечения более широкого материала. Он стремился показать отношение к съезду не только чехов, но и других славян. Ему это удалось в особенности для австрийских сербов и хорватов. Он использовал ряд местных газет, в частности хорватские, сербские и чешские; документы Загребского архива; в очень значительной степени он использовал работу Казбунды и опубликованные им материалы. Соглашаясь с Казбундой о смысле поездки славян в Россию, Прелог подчеркивает безрезультатность съезда: все вопросы остались нерешенными, и позже о них шли те же споры, что и раньше. Опираясь на слова И. С. Аксакова, он особенно подчеркивает значение съезда для России в качестве средства борьбы против немцев и немецкой партии в правительстве. Интересная в целом, работа Прелога, однако, повторяет иногда ошибки предшествующей ли-

⁸ Полит-Десапиу. Све досадашне беседе. У Новом Саду, 1883.

тературы. Так, говори о Славянских комитетах, он заимствует абсолютно неверные данные Фишеля об обстоятельствах их возникновения и целях⁹. Подобные мелкие недостатки (кроме работы Фишеля, в европейской литературе нет ничего, на что мог бы опереться Прелог) не ослабляют возбуждаемого этой книгой интереса. Характерно, что все работы, посвященные съезду 1867 г., совсем не говорят о Пражском съезде 1868 г. Очевидно, их авторы не знают о секретном совещании в Праге, стоящем в непосредственной связи с Московским съездом. До сих пор единственной работой о Пражском съезде остается статья Н. Попова¹⁰, в которой он, как и в «Всероссийской этнографической выставке», дает описание празднества, передает произнесенные речи. Если бы поверить автору, что дальше этого дело не пошло, тогда Пражским съездом не приходилось бы интересоваться. Однако обнаруженные нами в архиве Московского славянского комитета документы говорят как раз о том, что, независимо от официальных торжеств, составляло существо пражской славянской встречи. Эти новые данные заставляют связывать московский и пражский съезды как два этапа одного процесса, сущность которого будет выяснена в дальнейшем.

В советской литературе этот вопрос затронула Н. Д. Ратнер в статье «Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг.»^{10а}. Участию чехов в славянском съезде она посвятила специальный раздел, построенный на данных указанной уже выше литературы и чешских источниках (письма Ригера и др.). Автор подчеркивает сдержанность чешских участников съезда в отношении стремлений русских панславистов.

Вот основное, что дает нам новая литература.

⁹ М. P e l o g. Ук. соч., стр. 4.

¹⁰ См. Н. П о п о в. Пражский съезд 1868 г. и годовщина съезда в Москве. М., 1868, и в «Известиях Московского университета», за 1868 г.

^{10а} Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. XIV. М., 1956.

Особенностями ее является направленность внимания по преимуществу на вопросы политической жизни Австрии, подход к съезду с точки зрения австро-славянских проблем. Это позиция законная и, как мы отмечали выше, плодотворная, но она дает решение не основного вопроса, а частного и не всех групп проблем, какие возникают в связи со съездом. Итоги новых исследований, новый материал должны быть использованы, но вопрос следует ставить иначе. В съезде участвовало несколько элементов, поэтому должна быть выяснена роль каждого из них, их отношения к съезду и, конечно, вопрос о русском элементе в этой связи должен занять свое законное место.

Каким же кругом источников мы располагаем для этого? Как указано, для всех предшествующих работ, исключая исследования Казбунды и Прелога, основным и единственным источником служил изданный Н. А. Поповым вслед за окончанием съезда сборник описаний славянских торжеств¹¹. Одновременно с ним, в 1867 г., вышло другое описание съезда, но оно было менее документировано и носило черты агитационного произведения¹². В 1867 г. в Загребе появилось описание этнографической выставки, где давалась характеристика этнографических материалов и успехов русской этнографии¹³. В 80-е годы появляются воспоминания участников и делаются попытки характеризовать съезд. В 1883 г. в Новом Саде вышел сборник политических речей Михаила Полита-Десанчича, где тексты его выступлений сопровождались некоторыми фактическими комментариями¹⁴. Здесь была помещена перепечатка речей

¹¹ «Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г.». М., 1867.

¹² «Русский славянин». Первый всеславянский съезд в России, его причины и значение. М., 1867.

¹³ См. P. Matković. Moskovska etnographička izložba u svibnu 1867. «Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti». kn. 1. Zagreb, 1867.

¹⁴ Полит-Десанчић. Све досадашње беседе. Са повесничким цртама из сриске политичке борбе от года 1861—1883. У Новом Саду, 1883, стр. 81.

Полита по тексту сборника Н. Попова и содержалась общая оценка значения съезда как демонстрации против антиславянской политики Бейста. Вслед затем в Белграде появились записки Миличевича¹⁵, очень важный источник, сообщающий целый ряд подробностей, дополняющих данные сборника Н. Попова. Это особенно важно в отношении передачи разговоров, происходивших не в официальных, а в частных собраниях во время съезда. Позже вышли некоторые издания, отсутствующие в доступных нам библиотеках, например Милићевић «Из својих успомена», 1894—1897; Полит-Десанђић «Успомена», 1900; его же «Како сам своји век провео», 1923; а также использованная нами переписка С. Верковича¹⁶.

Помимо того, в ряде мемуаров, дневников, в эпистолярных материалах есть указания, кое в чем дополняющие наши сведения. Такими из опубликованных являются воспоминания Найденова¹⁷, записки Одоевского¹⁸, Сухотина¹⁹, воспоминания Агреновой-Славянской²⁰, Головина²¹, переписка Тютчева²²,

¹⁵ См. Милићевић. Етнографска изложба и словенски састанак у Москви 1867. Београд, 1884. Отрывок из этих воспоминаний есть в русском переводе: «Славянские гости у русского царя». «Русский архив», 1885, кн. 4.

¹⁶ См. М. Сперанский. Из переписки Ст. Верковича. «Македонский преглед», 1930, (VI година), кн. 2.

¹⁷ См. Н. Найденов. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903, вып. 2.

¹⁸ Дневник В. Ф. Одоевского. Текущая хроника и особые происшествия. «Литературное наследство», т. 22/24. М., 1935.

¹⁹ «Из памятных тетрадей С. М. Сухотина». «Русский архив», 1894, кн. IV.

²⁰ «Из воспоминаний О. Х. Агреновой-Славянской». «Новое время», 1908, 1 сентября.

²¹ См. К. Головин. Мои воспоминания, т. I. СПб., 1908.

²² Письма Ф. И. Тютчева жене. «Старина и новизна», кн. 19 (1915), кн. 21 (1916); К. Пигарев. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России. «Литературное наследство», т. 19/21. М., 1935.

Достоевского²³, Раевского²⁴. Из иностранных мемуаристов надо указать Леже²⁵.

Архив Московского славянского комитета не имеет никаких документов о съезде 1867 г., но зато здесь удалось обнаружить уникальный документ о съезде 1868 г., благодаря которому представляется возможность дать совершенно новую картину и по-новому осмыслить значение съезда 1867 г. Таким документом является письмо одного из участников Пражского съезда к Погодину, содержащее протокольную запись всего происходившего. В Московском областном архивном отделе Министерства внутренних дел удалось обнаружить материалы, относящиеся к организации этнографической выставки и отчасти съезда. Кроме того, нами использованы дневники Д. А. Милютина, А. А. Киреева, неопубликованная переписка кн. В. А. Черкасского, Ю. Ф. Самарина, М. Н. Каткова, Н. А. Попова и некоторых других.

Из опубликованных материалов важнейшим является сборник, составленный Н. А. Поповым. Его автор, как инициатор создания славянского отдела на выставке и член выставочного комитета, располагал рядом документов, которые он почти не использовал в издании. Вместо того он обратился к печати и специальной («Известия общества любителей естествознания») и общей (главным образом газетам, где давались систематические описания приемов и торжеств). Некоторые разделы (характеристики славянских гостей) написаны им; в других случаях материал, заимствованный из газет, редактирован и пополнен. Однако все выдержано в однородном хроникальном духе. Передача речей на заседаниях и банкетах не одинакова: есть стенографическая, есть и

²³ См. Ф. М. Достоевский. Письма, т. II. ГИЗ, 1930.

²⁴ А. Титов. Протоиерей Михаил Раевский (в своих письмах к О. М. Бодянскому). М., 1884. Оттиск из «Афиш и объявлений».

²⁵ См. L. Legér. Souvenirs d'un slavophile. Paris, 1905. Интересна его же книга: Le panslavisme et l'intérêt français. Paris, 1917.

Простая запись, в зависимости от источника, использованного в каждом отдельном случае. Обработка записей неоднородна. Запись заседания в Московском университете дана полностью по тексту отчета, напечатанного в № 18 «Современной летописи», лишь с иной разбивкой на абзацы. Запись заседания Общества любителей российской словесности дана со значительными сокращениями по сравнению с подлинным текстом. В одних случаях передается только общий смысл выступлений, в других — дается текстуальная передача их, однако и там, где издатель публикует подлинный текст, он не отмечает производимых в нем сокращений. Так, в тексте речи А. Майкова «О славяноведении в России», напечатанном Поповым, на стр. 312—321 исключено несколько абзацев, имеющих в протоколе заседания Общества любителей российской словесности²⁶, который является более полным и достоверным. В отдельных случаях мы знаем, что современная передача и следовавшая за ней публикация Попова давала не подлинный, а сокращенный текст. В одном из писем Вавры Сабине указывает, что речь Ригера была в пять раз длиннее, чем в печатном тексте²⁷.

Таким образом, основной источник, от которого приходится отправляться, не отражает адекватно важнейшей стороны съезда — речей, произносившихся на нем. Те же указания Вавры дают основания считать, что действительность была ярче ее отражения, что речи звучали сильнее и заостреннее, чем это представляет их текст, известный нам по сборнику Попова. Однако упрекать Попова за это не приходится. Это объясняется техникой записи речей, которая велась корреспондентами сербских, чешских, русских газет. Записи сверялись ими и в результате создавался общий отчет. Записи речей велись корреспондентом «Русского инвалида» В. Андреевым, чешские записывал Вавра, запись редактировалась ав-

²⁶ «Беседы в „Обществе любителей российской словесности“», вып. 2. М., 1868, стр. 11—19.

²⁷ См. K. K a z b u n d a. Ук. соч., стр. 136.

тором и поступала к корреспондентам²⁸. Таким образом, восстановление подлинного текста речей не представляется возможным. Приходится отправляться от корреспондентского отчета.

Попов использовал печать в значительной мере без всяких ссылок на нее. Вся книга представляет образец этого, хотя происхождение почти каждой страницы могло бы быть указано. Однако важнее, чем перечислять источники книги Попова, отметить приемы обработки им материала. Беря его из современной периодики, Попов редактирует текст. Например, на стр. 387—391 сборника напечатано описание посещения славянскими гостями Троице-Сергиевой лавры. Источник, как и в других случаях, не указан. Им является статья Н. С.²⁹ «Пребывание славян в Троицкой лавре» из № 19 «Современной летописи». Статья эта использовалась так: Три первых фразы отброшены. Вместо них написано гораздо более обширное вступление, где прославлен русский костюм служащих Ярославской железной дороги (косоворотка, поддевка, сапоги и т. д.), отмечена красота московских окрестностей и скорость поезда. Далее следует текст Субботина. Там, где автор говорит о впечатлении, произведенном на славян церковной службой, оставлено все, говорящее о глубине этого впечатления, и выкинуто такое место: «Впрочем во время службы некоторые из славян вышли из собора и гуляли по монастырю»... Далее автор замечает, что они могли получить полезные наблюдения, повидать массу богомольцев и тем дополнить виденное на этнографической выставке. В дальнейшем выпущено замечание о том, что в Академию гости входили поодиночке и группами, и это не позволило сделать общий торжественный прием. Выпущена часть авторского текста, содержащая указание, что лавру и ее достопримечательности осматривали только в течение двух с небольшим часов, что недостаточно для

²⁸ «Русский инвалид» № 143 от 25/V 1867 г.

²⁹ Полагаем — проф. духовной академии Н. И. Субботин.

получения надлежащего понятия о них. Отброшен конец статьи, где автор сообщает о разговоре с Палацким относительно раскола и книги Щапова о нем. Субботин отмечает, что сам он не присутствовал на обеде в гостинице, а также не был в Вифании и в Скиту. В сборнике Попова дается рассказ и об этих посещениях. Возможно, что автором является сам Попов, присутствовавший при этом.

В том же № 19 «Современной летописи» находится источник другого описания — вечера в Артистическом кружке³⁰. Статья «Летописи» сокращена. Выкинуто предположение, что славяне не все поняли в рассказах Горбунова, и конец статьи, указывающий, что все пели «Боже, царя храни». Таким образом, «Всероссийская этнографическая выставка» представляет собой своеобразный источник — частично документ, частично произведение, составленное при помощи ножниц и пера, кое-где дополняющее, кое-где сокращающее использованные источники. Проводя редакционную обработку, Попов усиливает славянофильскую окраску текста. Он стремится оттенить единодушие, крепость славянского единства. С этой целью он выбрасывает безобидное указание Субботина, что не все славяне выстояли полностью церковную службу, для многих (католики, протестанты) чуждую, а гуляли и смотрели монастырь и народ. Если же вспомнить зрелище, которое в свое время представляла Троицкая лавра с толпами богомольцев, стекавшихся со всех концов страны, с очередями жаждущих исцеления больных, — интерес к подобному зрелищу, (а видеть его можно было не во многих местах Европы) становится понятным. Но так как это нарушает замысел автора, которому хочется показать общий интерес к православному богослужению, он это место исключает. Что же касается пения «Боже, царя храни», то оно выбрасывается, чтобы не компрометировать гостей, в особенности австрийских. Тенденциозная обработка автором всего

³⁰ Статья Н. Пановского.

материала — характерная особенность данного источника, но тенденцией составитель окрашивает лишь описательную часть, точно цитируя из своих источников фактические сведения. Эти последние заимствуются главным образом из «Русского инвалида», «Голоса», «Московских ведомостей», «Современной летописи».

Недостатком рассматриваемого издания является малое внимание к вопросам организации съезда. Попов говорит о рассылке писем, но все указано им в очень общих чертах. Крайне мало показана роль М. Ф. Раевского. Много неясностей в разделах, посвященных проведению съезда. Так, говоря о приеме гостей в Москве, он отмечает образование двух комитетов, большей частью из членов Думы, на долю которых приходилась вся подготовка дела. Непонятными остаются функции Комитетов, их связь с Думой.

Все указанные особенности сборника Н. А. Попова отчетливо свидетельствуют, что при всей важности этого источника одного его совершенно недостаточно для создания сколько-нибудь отчетливого представления о съезде. Вот почему так неудачны были попытки авторов, опиравшихся только на этот источник, вот почему потребность в дополнительных материалах почувствовали Казбунда и Прелог, вот почему мобилизация возможно более широкого круга источников — важнейшее условие при исследовании вопросов истории славянских съездов. Особенности сборника Попова, о которых выше шла речь, побуждали, не ограничиваясь данными этого издания и другими источниками, обратиться также непосредственно к русской периодической печати. Она дополнила наши сведения рядом новых подробностей и вскрыла отношение различных групп русского общества к съезду и происходившей на нем идейной борьбе.

* * *

Современник съезда эмигрант из Белоруссии Ю. Клячко в известном памфлете «Le congrés slave

de Moscou et la propagande panslaviste»³¹ говорил, что превращение русской Этнографической выставки в общеславянскую было результатом событий 1866 года. Он утверждал, таким образом, что все предприятие с самого своего начала имело явно выраженную антиавстрийскую политическую направленность. Это утверждение неверно. Вопрос о русской Этнографической выставке получил свое начало еще в 1862 г., а мысль о создании на ней славянского отдела была возбуждена в 1865 г.³² Таким образом, установить антиавстрийское жало данного этнографического предприятия с первого его шага не представляется возможным. Думается, что никакой конкретной политической идеи, кроме абстрактно-славянофильских положений о славянской взаимности и славянском единстве, которые могут быть укреплены демонстрацией этнографического материала, кроме стремления наглядным материалом лишней раз напомнить о родстве и близости славянских народов, — не было. Еще 23 октября 1865 г. В. И. Ламанский писал из Петербурга Н. А. Попову: «Знаете, что бы надо устроить у Вас в Москве по случаю Этнографической выставки в 1867 г. — Во-первых, устроить несколько публичных чтений о славянстве. Вы бы прочли две-три лекции, я бы тоже не отказался, можно бы пригласить и Лавровского и пр. Во-вторых, — устроить в то время в Москве первый славянский съезд. По моей мысли, сообщенной предварительно некоторым чехам в Праге, напр., Эрбену и пр., написал потом Ткалац свою статью 1862 г. о съезде по случаю тысяч (елетия) памяти Кирилла и Мефодия. Но чтобы удалось это дело теперь, надо начать и провести его без шуму»³³. Ламанский советовал убедить членов выставочного комитета в необходимости приобрести славянские костюмы и провести соответствующую подготовку.

³¹ «Revue de deux mondes», 1868. № 1.

³² «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 5 и 22.

³³ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Н. А. Попова. М., 3602.

Непосредственным инициатором создания славянского отдела был проф. истории Московского университета Н. А. Попов, незадолго до организации выставки вернувшийся из путешествия по славянским землям. Он мотивировал свое предложение о создании славянского отдела тем, что славяне — ближайший предмет сравнительного изучения при исследовании русской народности и что три группы славян — поляки, болгары, сербы — оседло живут в России, а словаки заходят в качестве бродячих торговцев. Предложение Попова было принято, его ввели в состав членов выставочного комитета, поручили вступить в сношения со славянскими учеными обществами и лицами; по его предложению заграничным посредником в сношениях был утвержден М. Ф. Раевский, священник посольской церкви в Вене, постоянный агент в заграничных сношениях Славянских комитетов, славянофил, человек большой активности и организаторских способностей. Раевский развил широкую агитацию: в Вене была издана на немецком языке специальная брошюра о выставке³⁴, обращения выставочного комитета, инструкции о собирании материала были перепечатаны в славянских газетах³⁵. Уже существовавшие у славянофилов (при посредстве Славянского комитета) связи с русскими консулами в Турции были использованы для сообщения о выставке турецким славянам³⁶.

Все это повело к тому, что на выставку было прислано значительное количество материалов учеными обществами, матицами и отдельными, в том числе

³⁴ «Die Russische ethnographische Ausstellung in Moskau». Wien, 1866.

³⁵ О напечатанных в славянских газетах статьях по поводу Этнографической выставки имеются письма в архиве Н. А. Попова (Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. М., 3602).

³⁶ Посредничество консулов в связях с местными жителями вскрывается рядом материалов — данными фонда Организационного комитета (Политехнический музей) и некоторыми опубликованными источниками (см. М. Н. Сперанский. Из переписки С. Верковича. «Македонски Преглед», 1930, кн. 2, стр. 15. Есть указания и в «Из архивата на Н. Геров»).

коронованными, лицами, а еще бóльшая масса экспонатов была закуплена М. Ф. Раевским за счет Выставочного комитета. Н. А. Попов в организации выставки вел отчетливую великодержавную линию в связи с расширением великорусского и украинского (малорусского) отделов выставки, вторым по значению он предлагал сделать славянский отдел, так как «племена инородческие могут быть рассмотрены, как придаточные, обреченные на русификацию»³⁷.

На выставку приглашались представители русских ученых обществ, научных учреждений и высших учебных заведений. Казалось вполне естественным актом вежливости пригласить на выставку жертвователей и лиц, помогавших ее устройству. Так и решил Комитет. Организация приглашения была поручена Н. А. Попову и М. Ф. Раевскому. Они и здесь поступили решительно, и приглашение провели широко, выйдя за пределы жертвователей³⁸. Приглашения шли фактически не из Комитета, именем его действовали славянофилы: Н. А. Попов, В. И. Ламанский, М. Ф. Раевский, которым помогал М. П. Погодин.

Московские славянофилы и Н. А. Попов, в частности, не были единственным двигателем подготовки съезда. Очень живое участие в ней принимал Петербург, откуда шли дополнительные письма и обращения. Это было уже отмечено В. Н. Кораблевым, говорившим, что хотя Славянский съезд был созван Московским славянским комитетом, все же «главную долю участия как и в подготовке съезда, так и в дальнейшей его судьбе принимали представители петербургской группы славянофилов — В. И. Ламанский и А. В. Фрейганг»³⁹. Однако, как нам представляется, существовало известное разграничение в деятельности этих двух центров. Московские славянофилы

³⁷ ГИАМО, Московский Политехнический музей, св. 2, д. 13, л. 23.

³⁸ Было разослано свыше 300 приглашений.

³⁹ В. Н. Кораблев. Людевит Гай. Труды Института славяноведения АН СССР, т. II, 1934, стр. 256.

и близкие к ним круги играли первенствующую роль, поскольку основные приглашения Выставочного комитета шли от них. В Москву звали главным образом москвичи и лишь частично — петербуржцы. Последние параллельно посылали приглашения приехать перед посещением выставки в Петербург, они отправляли железнодорожные билеты делегациям⁴⁰. Работа обоих центров протекала, по-видимому, довольно согласованно, хотя и не без некоторых трений⁴¹.

Что же касается вопроса об участии в организации съезда Московского славянского комитета, его, думается, нельзя решать так прямолинейно, как это делает В. Н. Кораблев. Архив Комитета не содержит никаких документов, относящихся к съезду. Н. А. Попов в это время не принадлежал к числу должностных лиц Комитета (он стал его секретарем с 1868 г., как бы выдвинутый успехом съезда). М. П. Погодин участвовал в подготовке съезда не в качестве главы Комитета, а как лицо, непосредственно знакомое с рядом славянских деятелей. Формального участия Комитет в созыве съезда не принимал и, конечно, не мог принимать по самому характеру своей организации. Съезд организовали славянофилы и М. П. Погодин, являвшиеся членами Комитета, однако сделали они это не в качестве членов Комитета. Не в качестве членов Славянского комитета выступали на съезде с речами М. П. Погодин, В. А. Черкасский, И. С. Аксаков, С. М. Соловьев, известный славянофил Ф. В. Чижов и др. Но и они, и другие, здесь не перечисленные члены Комитета, играли главную роль во время съезда. Наконец, как мы увидим, во время съезда шла большая закулисная работа, а в ней участвовали как раз члены Комитета.

Таким образом, хотя формально съезд был создан не Славянским комитетом, элементы, составлявшие

⁴⁰ «Голос» № 99 от 9 (21) апреля 1867 г.

⁴¹ Имею в виду недовольство И. С. Аксакова активностью Петербурга («И. С. Аксаков в его письмах», т. IV. СПб., 1896, стр. 92). Петербург опередил Москву в сборе средств для приема гостей — «Русский», 1867, № 15—16, стр. 228.

последний руководили созывом и проведением съезда. Организовывался съезд путем персональных обращений. Так, М. П. Погодин писал Ф. Палацкому, В. И. Ламанский — ряду лиц в Галиции, Чехии и др. В Белград были посланы телеграфные приглашения через имевшегося там русского консула⁴². Кроме того, приглашения печатались в славянских газетах. Стремилась явно к возможно более многочисленному приезду славян. И здесь уже — в такой подготовке съезда — нетрудно усмотреть более отчетливое, чем в момент подготовки Этнографической выставки, проявление стремления к широкой демонстрации славянских научных интересов и достижений, демонстрации сближения славян.

В ответ на московские приглашения началась враждебная кампания в австрийской, немецкой печати. Особенно резко выступали газеты «Presse», «Debatte», «Neue Freie Presse», отличавшиеся антирусским и антиславянским направлением. Они провозглашали поездку славян «панславистским сборищем» и предупреждали: «Побратимство на панславянской основе — это заговор против Австрии; кто в нем участвует, тот вызывает всю Австрию, и вопль негодования, — вот единственный ответ, который могут дать народы Австрии тем, кто примыкает к преступному покушению на ее существование»⁴³. Русское правительство обвинялось в возбуждении у чужих подданных (имелись в виду Австрия и Турция) стремления к отпадению. Одновременно с газетной шумихой в Вене действовал австрийский посланник гр. Ревертера в Петербурге. Он начал переговоры с кн. А. М. Горчаковым, но тот занял позицию невмешательства. Ревертера бросился к П. А. Валуеву, надеясь на его содействие, но последний попросил его сообщить имена лиц, приезд которых в Россию был бы нежелателен австрийскому правительству; он объяснял такое требование неосведомленностью и подчеркивал, что русское правительство «в стороне от

⁴² ГИАМО, ф. Политехнического музея, св. I, д. 2, л. 74.

⁴³ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 100.

этого этнографического эпизода». Валуевское заявление обезоружило австрийского посланника, которому оперировать списками было неудобно. Вскоре министр-президент и одновременно министр иностранных дел Австрии Бейст прислал ему инструкцию, которую рекомендовал прочесть А. М. Горчакову. В ней говорилось «о прославлении мнимой объединенной славянской национальности, которая хотя и утопия, все же — причина потрясений». Документ заканчивался предупреждением русскому правительству, чтобы оно не выражало удивления, если австрийское откажется от вмешательства в случае подобной манифестации в Галиции с участием подданных его величества русского императора. Намек был очень ясен. Австрийское правительство помышляло о контрдемонстрации. Указывалось и место, где она предполагалась, указывались те элементы, на каких думали играть: это были поляки. Недаром львовская газета «Dziennik Polski» заявляла, что выставка преследует политические цели, и восклицала: «Ложь — эта солидарность славянских племен под русским протекторатом»⁴⁴; недаром польская парижская эмиграция была также враждебна идее славянского съезда.

Но и такая угроза не подействовала на А. М. Горчакова. Он отвечал, что русское правительство совершенно в стороне от прославления мнимой объединенной славянской нации, что это делает известная партия, представленная московской печатью, что покровительствуемая императорским двором Этнографическая выставка не имеет ничего общего с утопиями этой партии. Он предупреждал, что правительство не может взять на себя ответственности за речи, которыми могут обмениваться представители различных областей, собравшиеся по данному поводу, и в ответ на заключительную часть бейстовской инструкции (по поводу проблематической манифестации в Галиции) выразил уверенность, что «в России найдется мало охотников принять в ней участие»⁴⁵.

⁴⁴ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 101.

⁴⁵ K a z b u n d a. Ук. соч., стр. 86.

Пойти в отношении славян на поводу у Австрии особенно в такой острый момент внутренней борьбы славянских народов Австрии дипломатия Горчакова не могла. Попытка дипломатического давления Австрии на Россию оказалась столь же неудачной, как опыт запугивания славян со стороны австрийской печати. Оставалось предоставить событиям идти их чередой и учесть совет, поданный Бисмарком. Германский канцлер по ознакомлении с вышецитированной инструкцией Бейста сказал, что он сделал бы так, что всякий участник Московского съезда был бы обвинен в государственной измене и арестован. Дальнейшее показало, что эта мысль была усвоена австрийским правительством, которое подвергло репрессиям ряд участников поездки по возвращении их из Москвы.

Пока происходили эти дипломатические сношения, шло формирование депутатий. Очень жаль, что чешская литература не разъяснила этого вопроса. Наши материалы не дают на него полного ответа, но указывают, что шли какие-то переговоры. В ранних (апрельских) сообщениях мы встречаем упоминание ряда лиц, не приезжавших в Россию, хотя они и названы как участники поездки. Так, первоначально назывались имена Ранке, Кубишты, которые затем в состав делегации не вошли⁴⁶. Очевидно, имел место стовор политических партий и других организаций о составе делегаций. Судя по характеру других австро-славянских групп, построенных приблизительно по одному принципу, делегатами были видные политические деятели, писатели, публицисты, а наряду с ними — неизвестные ни в политической, ни в литературной жизни купцы, землевладельцы, даже мещане; судя по проявившимся в отдельных делегациях попыткам создать представительство всех основных национальных областей (особенно это заметно в чешской и австро-сербской), в отборе представителей и в составлении этих депутатий принимали живое участие местные организации. В других случаях (это

⁴⁶ «Биржевые ведомости» № 97 от 11 апреля 1867.

имело место в Сербии и Черногории) крупную роль играло правительство. Черногорская депутация была вполне официальной, в сербской были официальные представители, были и неофициальные. Но интересно, что представительство ученых обществ имело официальный характер: депутат сербского ученого дружества Миличевич перед съездом был у кн. Михаила и у руководителя внешней политики Сербии И. Гарашанина за указаниями и директивами⁴⁷.

В итоге состав делегации оказался не тем, какой был приглашен из Москвы: в него были включены официальные представители и представители общественных организаций — Омладины. Однако правительственное воздействие на состав сербской депутации было, по-видимому, сильнее общественного. И состав ее не удовлетворил радикальные элементы, мнение которых высказал в письме к М. П. Погодину Л. Каравелов: «Почему это не выбраны депутатами со стороны Сербии г. г. Сретьковичь, Бошковичь, Драгошовичь, как историки и этнографы; Олимпий Васильевич, Влайковичь и пр. как люди ученые и передовые? Отчего, наконец, не выбран Димитрий Мاستичь, человек известный и любимый всеми сербами и вообще всеми южными славянами? Из выбранных теперь депутатов один только Шафарик достаточным образом может занять место представителя, да и он не серб, а чех, и никак не может быть представителем Сербии, ибо, как говорят, он слабо знает Сербию и сербов и занимается только своими науками. Тут, мне кажется, нужны народные люди, публицисты, но они не имеют средств»⁴⁸.

В конце концов в Россию в качестве славянских гостей приехал 81 человек. Если их расположить по национально-политическому признаку, то окажется, что на съезде было:

⁴⁷ См. М. Миличевич. Етнографска изложба и словенски састанак у Москви 1867 г. Београд, 1884, стр. 5.

⁴⁸ Центр. гос. лит. архив, ф. Погодина, письмо Каравелова от 27 апреля 1867 г., № 9231/094—696. Оpubл. в «Публицистика на Любен Каравелов» (1860—1869). София, 1957, стр. 577—578.

Чехов	— 27 чел.
сербов австрийских	— 16 »
сербов из княжества	— 12 »
хорватов	— 10 »
украинцев	— 4 »
словаков	— 3 »
словенцев	— 3 »
черногорцев	— 2 »
сербов-лужицан	— 2 »
болгар	— 1 »
кашубов	— 1 »

Таким образом, основную массу участников съезда дала Австрия — 62 человека, т. е. около 78%. Все славяне Австро-Венгрии, исключая поляков, прислали своих представителей. Второй значительный, хотя пропорционально меньший, отряд дала Сербия. Болгария была представлена одним делегатом турецких болгар и на главном митинге в Сокольниках — еще одним болгаринном, жившим в России.

Кто же были эти славянские гости и зачем они ехали в Россию?

Начнем рассмотрение этого вопроса с наиболее многочисленной группы — австрийских славян.

Чехи были представлены видными деятелями буржуазного национального движения. Во главе делегации стоял идеолог и вождь национальной борьбы, бывший председатель Славянского съезда 1848 г. в Праге, глава старочешской партии, автор федеративно-автономистской программы Ф. Палацкий. Рядом с ним выступал его зять и ближайший помощник в политической борьбе — Ф. Ригер. Если Ф. Палацкий был главным идеологом, то Ф. Ригер — основным практическим, политическим борцом старочехов. Юрист по образованию, он занимался экономическими вопросами и был одним из вдохновителей издания Чешской энциклопедии. К ним примыкали Ф. Браунер, участник движения 1848 г., стоявший на левом крыле старочешской партии, и главный старочешский журналист того времени, ранее склонявшийся к младочешской трактовке польского вопроса, — Ф. Скрейшовский. Эту руководящую группу старочешской партии окружали менее яркие политически,

по видные в других отношениях люди: философ и музейный деятель Вртятко, филолог-славист А. Паетера, знаток русского языка профессор Политехнической школы Коларж, выдающийся врач европейского масштаба И. Гамерник, вице-президент гимнастического общества «Пражские соколы», позже в 80-е гг., приматор Праги Черный, адвокат Матуш — в это время еще молодой человек, позже, после Ригера, вождь старочехов.

Вдвое менее численная группа младочехов также была представлена своими крупнейшими деятелями. Это были глава младочехов, издатель газеты «*Nagodny Listy*» Грегр, сотрудник этой газеты, знаток русского языка, переводчик Тургенева и других русских писателей — Вавра, бывший военный, крупный землевладелец и писатель барон Виллани.

Делегация включала ряд политически неопределенных, или аполитичных деятелей разного типа, которые отчасти симпатизировали славянофильству. Здесь мы встречаем поэта и консервативного историка, переводчика «Слова о полку Игореве» и «Начальной летописи» Эрбена, художника Манеса, юриста Ичинского, нескольких купцов, фабрикантов — лиц, по-видимому, включенных в делегацию в качестве представителей Моравии.

Словакия была представлена видными буржуазно-национальными деятелями — Есенским и Мудронем и католическим священником, поляком по национальности, Радлинским, сторонником сближения славянских языков с русским и усвоения последнего славянами в качестве средства литературного единства.

Австрийские сербы прислали трех своих крупнейших буржуазно-либеральных деятелей: М. Поли-та-Десанчича, А. Вукашиновича, И. Субботича. Полит-Десанчич, юрист по образованию, член Хорватского сейма был деятельным борцом за равноправие сербского и хорватского языков и за объединение сербов княжества и турецких с сербами Австрии в одно политическое целое. Полит вышел из оmlадинских кругов; свои взгляды на политическое положение

сербов и других балканских народов он изложил в брошюре «Народность и ее государственная основа» (1862), где писал: «Создайте Сербское, Болгарское, Валашское и Греческое государства, провозгласите Царьград союзным городом, и восточный вопрос — легко решен»⁴⁹. Полита вела в Москву его основная политическая идея — идея освобождения и объединения сербов, в России он искал возможной опоры для осуществления этой идеи. Полит не остановился перед необходимостью покинуть пост секретаря загребского суда, так как австрийские власти находили невозможным для австрийского чиновника поездку в Москву на Этнографическую выставку. Испытал он преследования и по возвращении со съезда.

Вукашинович был также депутатом сейма. Субботич, юрист по образованию, занимался вопросами истории литературы, был поэтом, издателем, общественным деятелем. Омладинский деятель первого поколения, он был избран в депутаты сейма Триединого королевства и вскоре занял пост его вице-президента. У Субботича были старые связи в официальных русских кругах. Когда праздновалось тысячелетие русского государства, в 1862 году, он был награжден в числе таких лиц, как В. Караджич, И. Хаджич, митрополит Михаил и др.⁵⁰ В письме, написанном по окончании съезда, кн. В. А. Черкасский рекомендовал его баронессе Э. Раден как очень образованного человека и так передавал политическую программу Субботича, излагавшуюся в Москве: «Субботич хочет объединить (*réunir en un faisceau*), и возможно скорее, Хорватию, обе Сербии (турецкую и австрийскую), Румелию, Герцеговину, Далмацию и даже Болгарию»⁵¹. Литераторами, подобно Субботичу, были граф Деде-Янкович, омладинский поэт и драматург Л. Костич, начинающий писатель Крестич. В депутацию входил и член Далматинского сейма архи-

⁴⁹ J. Скерлић. Омладина и њена књижевност. Београд, 1906, стр. 257.

⁵⁰ См. там же, стр. 185.

⁵¹ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, архив В. А. Черкасского, письма к Э. Ф. Раден, л. 5, письмо от 27 мая 1867 г.

мандрит Ковачевич, три священника, четыре купца и другие.

Хорватов представляли: знаменитый в прошлом вождь иллиризма Людевит Гай, незадолго до съезда скомпрометированный своими связями с австрийским правительством; издатель газет, один из выдающихся далматинских публицистов Данило Иван, издатель итальянской газеты «Il Nazionale», ратовавший за интересы южных славян, и хорватской «Narodni List»; литератор, издатель литературных газет на хорватском и немецком языках Лукшич; статистик, географ и этнограф, загребский профессор П. Маткович; фабрикант Лай, пожертвовавший ряд экспонатов не только на московскую, но и на парижскую выставку, поместивший в русской печати краткую характеристику народного быта Славонии⁵², и другие.

Из Словении приехал крупный местный деятель панславистского направления, католический священник Матия Маяр. Проповедник сближения славян, сторонник принятия хорватами и словенцами кириллицы вместо латинского алфавита, Маяр предпринимал попытки создать общеславянский язык. Два других представителя словенцев — Вильгар и Гудец также были литераторами.

Наконец, последняя австрийская группа — украинцев-галичан — была представлена известным львовским профессором-литературоведом Ф. Я. Головацким, русофилом, уволенным австрийским правительством за свое направление из университета. Другим видным ее участником был молодой писатель, русофил И. Ливчак, издатель поддерживавшихся славянофилами газет «Страхопуд», «Золотая грамота», после съезда предпринявший издание в Вене русского журнала «Славянская заря», который продержался несколько месяцев, пока Славянский комитет не прекратил его финансирование.

Сербы княжества возглавлялись официальным представителем сербского правительства — минист-

⁵² Народный быт в Славонии. «Современная летопись», 1867, № 16.

ром юстиции Петроньевичем, выполнявшим не раз в своей служебной карьере и дипломатические поручения. От Сербского ученого общества представителем был М. Миличевич, первый секретарь министерства народного просвещения, издавна в качестве корреспондента «Русской беседы» и «Русского вестника» связанный со славянофилами и М. Н. Катковым. Он прекрасно владел русским языком. Помимо своих русских корреспонденций, он напечатал ряд статей в сербских изданиях. От того же ученого общества прибыл его секретарь, словак по национальности, Янко Шафарик, племянник знаменитого словацкого историка и политического деятеля, занимавшийся сербской историей и литературой. За этими представителями официальных кругов и учреждений следовали частные лица. Милорад Медакович был одним из старейших сербских журналистов в австрийской Сербии. В силу преследований он переселился в Белград, некоторое время служил секретарем черногорского князя Данилы и написал две книги, посвященные черногорской истории и этнографии, которые были весьма популярными в сербских оmlадинских кругах 60-х гг. Медакович был известен, кроме того, своей попыткой свергнуть в 1845 г. сербского князя Александра Карагеоргиевича за его проавстрийские тенденции. Это была яркая фигура сербской национальной борьбы. В пору пребывания секретарем черногорского князя он завязал сношения с русским правительством; в России он бывал и до 1867 г. Художник и профессор начертательной геометрии Тодорович живо интересовался национальной сербской музыкой и пением. Представителем оmlадинской организации «Зора» являлся письмоводитель Джорджевич. Он был типичен для сербской молодежи 60-х гг., испытавшей на себе сильное влияние материалистической литературы этого времени. Медик по специальности, он в 1866 г. на Оmlадинской скупщине в Новом-Саде выступил с докладом «О важности естествознания», который затем был издан. В нем Джорджевич доказывал особое значение естественных наук, которые он противопоставлял спекулятив-

ной философии. В 1869 г. его драматический опыт «Народ и вельможа» получил полное одобрение идейного вдохновителя левого крыла Омладины, родоначальника сербского социализма — Светозара Марковича. Остальные сербские делегаты — адвокаты Петрович и Миленкович, врач Радивоевич и пр., — были людьми, не имевшими особого значения и не игравшими роли в составе делегации.

Еще более официальным, как указывалось, было представительство Черногории. От ее лица выступали тесть князя Николая, сенатор, начальник гвардии Петр Вукотич и сенатор, воевода церничский Илья Пламенац.

Из Болгарии прибыл врач И. Богоров, издатель и публицист, автор первого болгарского учебника географии. Выступал от имени болгар и живший в Москве поэт, публицист, сотрудник славянофильских изданий «День», «Москва» и катковских «Московских ведомостей» К. (Райко Жинзифов), один из выдающихся представителей болгарской колонии в Москве.

Сербов-лужичан представлял главный деятель лужицкого возрождения И. Смоляр, организатор лужицкой газеты, создатель ученого общества «Матицы», собиратель и издатель народных лужицких песен, организатор книжной торговли в Будишине. Смоляр имел еще до того связи в России, здесь он бывал в поисках поддержки и денег для национальных учреждений лужичан. Это был деятель, хорошо известный в славянофильских кругах. Смоляра сопровождал его молодой помощник — врач Дучман.

От кашубов приехал выдающийся знаток кашубского языка и народа Ценова.

Характеризуя состав славянских делегаций, следует указать, что среди них отсутствовали представители демократических и революционных течений и групп. Делегации формировались из либерально-буржуазных кругов, отчасти близких к официальным сферам (сербы княжества и черногорцы), входили в их состав немногие сторонники панславизма. Обращает на себя внимание незначительность числа при-

сутствующих болгар. Можно предполагать, что это объяснялось подчиненным положением болгар, находившихся под турецким игом, и их неорганизованностью. Пригласить же болгар-эмигрантов, вероятно, было неудобно по политическим причинам.

Приглашение славян началось с того, что решили позвать жертвователей, но их в действительности приехало всего человек пять, а остальная масса славян была вовсе не причастна к устройству выставки. Характерно, в частности, что, исключая Головацкого, пожертвовавшего на выставку ряд предметов, все главы делегаций и большая часть видных их участников к организации выставки и снабжению ее экспонатами никакого отношения не имели, совершенно так же, как не имели ничего общего со специальными вопросами этнографии. Подлинные этнографы были редкими единицами, да и то не в каждой делегации⁵³. У тех, кто в действительности приглашал (мы видели, что организационный комитет передоверил свои функции), и у тех, кто откликнулся на этот призыв, были, очевидно, какие-то особые мотивы звать и ехать в Москву. Какие же?

Проще и отчетливее всего формулировал эти мотивы комментатор политических речей Полита, сказавший, что для австрийских славян это была демонстрация против изречения Бейста, что славян надо прижать к стенке⁵⁴. То же говорит Казбунда, но он несколько более раскрывает это положение применительно к чехам. В феврале 1867 г. был распущен чешский земский сейм. В апреле был подан протест, под которым первым подписался Палацкий. Чехи протестовали против вводившегося австро-венгерского дуализма. Усиление Пруссии и слабость Австрии, выявившиеся в событиях 1866 г., внушали чехам опасение, что дуалистическая монархия распадется и ее

⁵³ «Указатель русской Этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете». М., 1867.

⁵⁴ «Све досадашь е беседе д-ра М. Полита-Десан и а са повесничким пргатам из српске политичке борбе от года 1861—1883. У Н. Саду, 1883, стр 81.

западная часть отойдет к Пруссии. Перед эвентуальной угрозой нового натиска германизма чехи обращали свои взоры к России. Они видели, что здесь осуществляются реформы, что в России стало значительно свободнее, чем раньше. Отмена крепостного права усиливала симпатии чехов к России и пробуждала стремление опереться на нее в случае наступления нежелательных событий. Это была своеобразная политическая демонстрация чешской буржуазии, имевшая целью добиться уступок от австрийского правительства. Об этих мотивах говорила и современная чешская печать, угрожавшая австрийскому правительству, «что австрийские славяне бросятся в объятия России»⁵⁵.

Таким образом, 1866 г. сыграл иную роль, чем думал Клячко. Не Россию он повернул к славянам, а последних к ней. И если перед чехами вопрос о дальнейших политических судьбах стоял уже в форме довольно конкретной — надо было заручиться поддержкой на случай возможной попытки немцев, — то перед другими австрийскими славянами он стоял в более общей форме. Ни сербы, ни хорваты не могли рассчитывать на конкретное содействие России в вопросах сербо-хорвато-венгерских отношений, но демонстрация близости и сочувствия величайшей славянской державы представлялась политически интересной. Не менее существенна была демонстрация поддержки со стороны России для галичан. Их заявление о единстве с русским народом могло бы прозвучать очень важным предупреждением Австрии.

Свои особые интересы были и у сербов княжества. 1867 г. был временем, когда старый вопрос о турецких гарнизонах в сербских крепостях приобретал особое и новое значение, — во-первых, в связи с тем, что зрела мысль о всеобщем восстании народов Балканского полуострова против турок; во-вторых, потому, что при содействии и поощрении русской дипломатии возникало важней-

⁵⁵ «Голос» № 76 от 17 (29) марта 1867 г.

шее оружие в грядущей борьбе — Балканский союз, во главе которого стояла Сербия. Для успехов союза дипломатическая поддержка России, изоляция с ее помощью западноевропейских держав была основной предпосылкой. Сербии, кроме того, была нужна финансовая помощь. Сербское правительство не могло упустить случая укрепить связи с Россией и послало своих представителей в Москву. От их деятельности в России ждали двойных результатов. Об этом ясно говорят беседы Миличевича в Белграде перед отъездом в Москву. Он побывал у князя Михаила, и тот вел с ним разговор относительно освобождения сербских городов от турецких гарнизонов; Миличевич отправился затем к Гарашанину и на просьбу научить, что нужно говорить, услышал ответ: «...если бы ты шел к князю Горчакову, я бы тебя сумел научить, что говорить; разве Палацкому, Ригеру, Каткову, Аксакову, Дашкову не знаешь что сказать? Ты должен знать это лучше»⁵⁶.

Миличевич был представителем сербской науки. В этом качестве он должен был общаться с организаторами выставки и другими славянами. Сербское правительство не считало нужным ограничивать или инстинктивно структурировать Миличевича в этом отношении. Но Гарашанин предвидел и другую возможность: в дальнейшем разговоре он поручил Миличевичу сказать русским, где будет нужно и удобно (т. е. ясно, что не в аудиториях съезда), что с болгарами установлены дружеские отношения и сербы им помогут по мере сил, что с Черногорией достигнуто полное соглашение, хотя она и не всегда слушает сербские указания, что хорваты, в силу испытываемой ими опасности, обращались к Сербии и получили совет держаться за свои права и беречь силы. Такую информацию надо было передать в официальные русские сферы. Выступление Миличевича оказалось бы тогда неофициальной поддержкой официальных представлений Петроньевича, который ехал в Россию со специаль-

⁵⁶ Миличевич. Ук. соч., стр. 5.

ным поручением вести переговоры о заключении займа⁵⁷. Петропьевича включили в состав делегации на съезд для маскировки основной цели его поездки, очень, как видим, далекой от научно-этнографических интересов.

Можно отметить наличие в составе делегации представителя оmlадинской организации «Зора». Это общество сербских студентов в Вене, которое стало единственной сербской организацией после того, как в 1865 г. поглотило «Задругу». Оно установило затем близкие отношения с хорватскими организациями, а с 1867 г. стало центром объединения всех славянских студенческих обществ: чешское, украинское, словацкое, словенское, хорватское студенческие «друштва» образовали с «Зорой» единый союз⁵⁸. «Зора» хотела установить связи с русским студенчеством, но удалось ей это в очень малой степени из-за отсутствия (в силу политических причин) легальной организации русской учащейся молодежи. Имея в виду наличие всеславянских тенденций в деятельности «Зоры», не следует их смешивать со славянофильством или панславизмом русского или чешского типа. В идеологии Омладины сербизм превалировал над славизмом. «Во-первых, я серб, а потом славянин», — так формулировал один из видных членов Омладины взгляды по этому вопросу. И по авторитетному свидетельству сербского исследователя Омладины, «это был девиз Омладины»⁵⁹. Омладинская часть делегаций сербов австрийских и княжества вдохновлялась надеждой на русскую помощь, идеей славянской взаимности⁶⁰. В 1863 г. омладинцы

⁵⁷ «Письма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу», кн. II. Београд, 1931, стр. 203—204.

⁵⁸ С. Скерлић. Ук, соч., стр. 99—101.

⁵⁹ Там же, стр. 183.

⁶⁰ Л. Каравелов, связанный с Омладиной, писал из Белграда М. П. Погодину: «Дай бог, чтобы эта выставка была сигналом любви, правды и братского славянского союза. А этого сигнала дожидаются все наши братья: хорваты, сербы, болгары и пр. и пр.». Центр. гос. лит. архив, ф. Погодина, № 9231/694—696.

отметили память Кирилла и Мефодия; в Москве Лаза Костич воспевал:

И наша нека види земља
Словенског братства живи знак
Нек разаспу кубета Кремља
По западу источни зрак.

Свои общеславянские симпатии Омладина выразила на Белградской скупщине 1867 г., когда признала других славян членами Омладины и приветствовала русских студентов в связи с прибытием на съезд.

Мотивы, вызвавшие поездку черногорцев, были близки побуждениям сербов. Они определялись политической обстановкой и планами Балканского союза, к которому Черногория присоединилась раньше других.

У некоторых славянских гостей были и личные мотивы стремиться в Россию. Так, Л. Гай, с конца 50-х гг. испытывавший острый финансовый кризис, всюду искавший средств и просивший поддержки, и в Москву ехал с этой целью. Чтобы поднять свой кредит, он поместил в «Современной летописи» различные свидетельства и отзывы, характеризовавшие его с самой положительной стороны как славянского деятеля. Однако еще до приезда Гая пришло извещение от М. Ф. Раевского, что Гай — австрийский шпион, получивший деньги от правительства Франца-Иосифа. Славянофилы чуждались его. На этот раз Гай не встретил уже и в Москве такого сочувствия, каким пользовался в свой первый приезд в 1840 г.⁶¹

Надо сказать, что славянская печать довольно ясно выражала интересы, побуждавшие славян к поездке в Москву. Чешская газета «Narodni Listy» — орган младочехов, писала: «Если будет к тому по-

⁶¹ См. П. Кулаковский. Иллиризм. Варшава, 1894, стр. 304; «Современная летопись», 1867, № 21; В. Н. Короблов. Людевит Гай. Труды Института славяноведения АН СССР, т. II, 1934, стр. 257.

вод, никто из чехов не поколеблется сказать, в Москве ли, в Петербурге ли, то же, что так часто говорилось и в Праге: что народ чешский не дозволит лишиться свою страну ее политической самостоятельности, что он не захочет в виду каких бы то ни было неожиданных событий, утонуть в немецком море... (Славяне) не замышляют заговора против Австрии... (В Москве) они лишь поздороваются между собой и, познав друг друга, познают мощный дух славянский, который растопчет своего супостата, как бы горд и упорен он ни был в своей ненависти»⁶². Хорватский «Розог» говорил: «Немцы желают и ищут согласия и дружбы с целым миром против славян, а для нас грех посмотреть на московскую выставку, познакомиться с людьми своего племени, и притом в такое время, когда Италия сплотилась в одно целое и когда родственная кровь влечет ее к союзу с Францией против прошлогоднего ее союзника, Пруссии, когда вся Германия объединяется и когда австрийские немцы с трибуны, с профессорской кафедры и из редакций газет заявляют во всеуслышание о своей симпатии к русскому народу, вопреки еще не высохшей крови жертв, павших под Садовой? Кто задумал и может ехать в Москву, того не остановит ярость венских газет, тот со спокойным духом станет между братьями, чтобы высказать им все свои скорби и печали... Славяне, наученные своим горьким опытом и уроками других народов, увидят, что и для них прежде всего необходима духовная связь, если только они желают отразить предназначенную им погибель»⁶³. Львовское «Слово» заявляло «с удовольствием, что органы печати всех славянских народов за изъятием галицких полономанов, приветствуют с чувством радости всякое проявление славянской взаимности, и тем более Этнографическую выставку, устроенную в настоящее время в Москве и доставляющую разным славянским племенам слу-

⁶² «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 101—102.

⁶³ Там же, стр. 102—109.

чай взаимно заявить свои народные чувства и внутреннее общение». Наконец, «Пештбудинские ведомости» считали австрийские протесты запоздалыми. «Русский народ, — говорилось в «Ведомостях», — глубоко почувствовал необходимость своим духом, своей литературой придти на помощь прочим славянским национальностям... братьям, которые, будучи подавлены гнетом противников, со своей стороны, сознают еще более необходимость почерпнуть новые силы... из неисчерпаемого, свежего источника русского славянства»⁶⁴. Эти голоса шли от австрийских славян, которым приходилось считаться с настроением и голосом австрийской печати и правительства. Сербским газетам полемизировать было не с кем; в них отчетливо звучала тема общей борьбы народов Балканского полуострова против турок, но, поскольку эти газетные высказывания не связаны непосредственно со съездом, считаем возможным их не приводить.

* * *

4 мая 62 славянских депутата вступили на русскую землю⁶⁵. С этого момента, по словам Субботича, путешествие превратилось в сплошной триумф. Действительно, славян принимали радушно. В городах, через которые они проезжали, создавались комитеты по приему гостей, устраивались обеды, проносились речи. В Варшаве в такой комитет входили два члена Московского славянского комитета — Драшусов и Витте, украинский писатель П. А. Кулиш, бывший кирилло-мефодиевец Белозерский, директор русской гимназии Орлов и др. В Ченстохове славян приветствовали губернатор Коханов и командир расположенной в окрестностях 10-й дивизии гене-

⁶⁴ «Биржевые ведомости» № 120 от 7 мая 1867 г.

⁶⁵ Палацкий и Ригер предварительно заезжали в Париж, где выясняли позицию французского правительства по отношению к Австрии и вели переговоры с представителями польской эмиграции. Кроме них, позже приехали сербы-лужичане, черногорцы и некоторые другие.

рал-лейтенант Глебов. В Гродно, где поезд стоял лишь 15 минут, его ждала толпа народа, гремела полковая музыка, пел хор песенников. В Вильно гостей встречали попечитель учебного округа, славянофил, позже председатель Петербургского славянского комитета И. П. Корнилов, В. П. Кулин, славянофил-историк Н. П. Барсов, славянофил генерал Н. И. Цылов, славянофил и член Славянского комитета А. В. Рачинский.

В Острове чиновники, купцы и другие жители поднесли делегатам хлеб-соль, в Пскове — то же, в Гатчине их приветствовали члены местной городской думы, кадеты гатчинского института, военный оркестр. Толпа кричала: «Слава!». Гости отвечали тем же. Так делегация с непрерывными обедами, речами, музыкой добралась до Петербурга.

В Петербурге также был организован комитет по приему гостей. Во главе его стал городской голова Н. И. Погребов, а в состав комитета вошла солидная группа лиц, бывших уже в то время членами Славянского комитета или вступивших в него вскоре после съезда, — крупный славист В. И. Ламанский, видный востоковед В. В. Григорьев, поэт А. Н. Майков, литературовед О. Ф. Миллер и др.⁶⁶

Встречи от границы до Петербурга были только введением к съезду, но по существу с них съезд уже начался, так как — это будет ясно из дальнейшего — по форме он и не был съездом, а большим и торжественным политическим турне. И уже на пути к Петербургу раздавались речи, в которых было намечено все то, что затем в разных вариациях говорилось в Петербурге и в Москве.

В Петербурге все приняло еще большие масштабы. Двухтысячная толпа встречала славян на вокзале, махала шапками, кричала: «Слава!». Она броси-

⁶⁶ Состав Комитета вызывал недовольство высокопоставленных панславистов. Таж, А. А. Киреев писал в дневнике: «Комитет, исключая Мирковича, составлен чорт знает из кого... никто из высшего круга не хотел принять участие в нем...» (Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник А. А. Киреева, К-4а, л. 51).

лась к выходявшим из вагонов, начались рукопожатия, объятия. Комитет по приему славян поднес хлеб-соль. На дворе вокзала толпа была еще гуще, приветствия продолжались все время, пока гости не сели в экипажи и не разъехались. У гостиницы их ждала другая толпа, которая осталась на улице и продолжала кричать: «Слава!», даже тогда, когда депутаты устраивались в своих комнатах и затем после необходимого после дороги туалета отправились обедать. Крики толпы заставили делегатов выйти на балкон и еще раз раскланяться. И так было не только в момент приезда. Австрийский посланник Ревертера верно, хотя в тоне издевки, передает общий характер отношения к славянским гостям: «Эти господа в настоящее время — львы Петербурга. Их возят с праздника на праздник, и на улице бегут за их экипажами, чтобы посмотреть на «славян». Похоже, что их никогда не видели, как будто их открыли на каком-то новом архипелаге Полинезии»⁶⁷. Ему все это казалось «национальным фарсом».

Большинство газет незадолго до съезда наполнилось сведениями о приезжающих гостях, хроникой подготовки к съезду и т. п. Биографии Палацкого, Ригера и другая информация появились в разных органах. Не только «Московские ведомости» и «Москва», но и «Голос», «Русский инвалид», «С.-Петербургские ведомости» стали проводниками и возбудителями славянских интересов. Ученый славист славянофил В. А. Макушев издал сборник отчасти вновь написанных очерков, отчасти ранее появившихся статей под названием «Задунайские и адриатические славяне», где в популярной форме излагалось прошлое и настоящее южных славян. Книга была рецензирована в журнале Погодина «Русский»⁶⁸. Для более узкого и близкого к Славянскому комитету круга, в недоступном широкому читателю издании — в «Чтениях общества истории и древностей российских» (в Москве) — был опубликован яркий, в пол-

⁶⁷ Kazbunda. Ук. соч., стр. 62.

⁶⁸ «Русский», 1867, № 15—16, стр. 236—238.

ном смысле слова, злободневный документ. Написанный еще в 50-х гг. трактат словацкого деятеля Людевита Штура «Славянство и мир будущего», яркий панславистский призыв к славянам сойтись и сомкнуться под русским самодержавным орлом, теперь, наконец, увидел свет. Он появился под редакцией и с примечаниями одного из видных деятелей по подготовке съезда В. И. Ламанского. Появление его в данное время не могло быть случайным: еще в 1865 г. Ламанский проектировал «устроить несколько заседаний и сговориться о дальнейших съездах, установить программу будущих совещаний и предварительных к ним работ»⁶⁹. Трактат Штура был опубликован за некоторое время до съезда. Он явился своего рода политической программой съезда и особенно для его русской части, обоснованием идеи славянского объединения и славянской взаимности. В силу большой близости к славянофильскому кругу идей мысли Штура могли быть легко усвоены близкими к славянофильскому мировоззрению лицами, а отсутствие ряда специфических для славянофильства черт, как преклонение перед стариной, церковность воззрений, и в то же время звучавшая у Штура теория славянского прогресса, его внимание к современным политическим отношениям и понимание их вне религиозной метафизики славянофилов — все это могло вызывать интерес в аудитории более широкой, чем славянофильская⁷⁰. Нам представляется, что издание сочинения Штура имело глубоко принципиальные основания и представляло нечто вроде опубликования программного документа, могущего, в силу указанных особенностей, служить основой для объединения в первую очередь русских, а затем и славянских участников съезда. И появление книги не прошло бесследно. Мысли, высказанные на страницах трактата Штура, мы встречаем затем на столбцах русских газет.

⁶⁹ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Н. Попова. М., 3602, письмо Ламанского от 23 октября 1865 г.

⁷⁰ См. Л. Штур. Славянство и мир будущего, изд. 2. СПб, 1909.

Таким образом, славяне появились в России после некоторой идеологической подготовки; их приезде предшествовала пропаганда, имевшая, как видно из сказанного, различные формы. И, если не учесть всего этого, трудно было бы понять тот вполне очевидный общественный интерес к съезду, к его участникам, который не мог не броситься в глаза австрийскому дипломатическому представителю. Было и стихийное увлечение, особенно проявлявшееся при встречах. «Энтузиазм был неподдельный и всеобщий. Мы друг другу жали руки, приветствовали от всей души. Простой народ разделял нашу радость»⁷¹, записывал 8 мая 1867 г., в день встречи, в своем дневнике А. А. Киреев⁷². Эта стихийность особенно проявлялась в народном сочувствии к славянам.

Но не следует, однако, думать, что славяне у всех вызывали только восторженный интерес. Имел место и интерес враждебный. Убежденный консерватор К. Головин в своих воспоминаниях рассказывает следующее: «Вдвоем с Мишей Веневитиновым, вообразившим себя тогда панславистом, мы ездили на Варшавский вокзал встречать приехавших. Далеко не изящной вереницей потянулись славянские гости. Особенно неумытыми и некультурными глядели южнотурецкие «братушки»; и ровно никакого родства с нами не видно было на их загорелых лицах, с черными, мало причесанными волосами. С турецкими славянами, по части некультурности, могли соревноваться и словаки. Но всех лучше были двое депутатов от совершенно онемеченных лужичан: так называемая «матица» прислала из «Будишина», как тогда было принято называть Бауцен, двух господ, именовавшихся господин Дейчман и г-н Немец. Крепко сомневаюсь, не были ли попросту евреями эти природные

⁷¹ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник Киреева, запись 8 мая 1867 г., л. 45.

⁷² О нем см. вводную статью к публикации писем Н. Киреева. С. А. Н и к и т и н. Письма и записки Н. А. Киреева о балканских событиях 1876 г. «Славянский сборник», М., 1948.

славяне»⁷³. Головин не был одинок. Это видно из полной негодования записи в дневнике А. А. Киреева по поводу толков о славянах, слышанных им у кн. Трубецкой: «Наш тупоумный и самозванный high-life⁷⁴... несет ужаснейшую чепуху!»⁷⁵. Были такие настроения и среди деятелей министерства иностранных дел: Жомини, Унгерн, как видно из того же источника, смотрели скептически на проявление славянских симпатий и не верили в «славянское дело»⁷⁶.

Отрицательное отношение к съезду в силу того, что он превратился в монопольное дело панславистов, существовало и в революционных кругах. На это с горечью жалуется в своем дневнике А. А. Киреев, свидетельством того же является одна из статей Н. К. Михайловского⁷⁷.

* * *

Славянский съезд начался. Поскольку предлогом созыва съезда была Этнографическая выставка в Москве, здесь разыгрались центральные сцены съезда. Но так как съезд, по замыслу своих инициаторов, не имел научного или политического характера с упорядоченными прениями по отчетливо сформулированным вопросам, так как посетители ехали не за тем, чтобы обсуждать какие-то доклады, наконец, в силу того, что воодушевление достигало чрезвычайного напряжения, съезд вылился в несколько беспорядоч-

⁷³ К. Головин. Мои воспоминания, т. I. СПб., 1908, стр. 198—199. В списках представителей лужичан фамилия Немец не указана. Кроме Смоляра, лужичан представлял Лучман. Иронические записи сохранил в своем дневнике В. Ф. Одоевский (Дневник В. Ф. Одоевского. «Литературное наследство», т. 22—24. М., 1935, стр. 232). Имели место подобные настроения и в других слоях общества, отразившиеся в воспоминаниях видного московского купца Н. Найденова.

⁷⁴ Высший свет.

⁷⁵ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник А. Киреева от 1867 г., л. 51.

⁷⁶ Там же, л. 46.

⁷⁷ См. Н. К. Михайловский. Аналитический метод в общественной науке. Соч., т. I, СПб., 1896, стр. 334.

ный обмен речами и приветствиями. Хозяева устраивали обеды, концерты, банкеты, вечера, и все это сопровождали многочисленные речи. Первыми речами обменялись за ужином в гостинице в день приезда славян (8 мая). На следующее утро гостям показывали достопримечательности Петербурга, вечером они были в театре — слушали оперу Глинки «Жизнь за царя». 10 мая были приняты Горчаковым официальные представители сербов, затем отдельно Палацкий и Ригер. Славяне осматривали Эрмитаж, Зимний дворец, Морской музей, были у всенощной в домово́й церкви гр. Шереметьева, а после нее у гр. Кушелева-Безбородко⁷⁸ на концерте и рауте, 11 мая на торжественном богослужении в Исаакиевском соборе по случаю дня памяти Кирилла и Мефодия, а затем на заседании Отделения русского языка и словесности Академии наук. В тот же день состоялся торжественный обед в зале Дворянского собрания. На другой день Палацкий и Ригер были приняты вел. кн. Константином Николаевичем⁷⁹ и вел. кн. Еленой Павловной. На следующий день вел. кн. Константин принял Ливчака и Головацкого⁸⁰. Сербы посетили генерала М. Г. Черняева. 12 и 13 мая славяне по очереди обедали⁸¹ у министра народного просвещения и обер-прокурора Синода гр. Д. А. Толстого. 14 мая они получили аудиенцию у императора. Состоялось еще несколько концертов и вечеров, после чего славяне отправились в Москву. В Москве действовали две комиссии из гласных городской думы, ведавшие разными вопросами приема гостей. Самое живое участие в ней принимали Ю. Ф. Самарин и М. П. Погодин. В частности, Ю. Ф. Самарин приглашал русских ученых и других лиц⁸² для участия в съезде. Комиссии ве-

⁷⁸ Издатель журнала «Русское слово» и др.

⁷⁹ Вторично славяне были ему представлены по возвращении из Москвы.

⁸⁰ Отдел рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник Киреева от 1867 г., л. 49.

⁸¹ Зал не мог вместить всех гостей.

⁸² Письмо Ю. Ф. Самарина А. Ф. Гильфердингу от 20 апреля 1867 г. (Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Архив Самарина. Сам. (IV—7/718).

дали размещением гостей, организацией обедов и заседаний.

В Москве славяне пробыли с 16 по 21 мая. Возвращались они в разное время поодиночке и группами. Если в Петербурге центральными моментами, помимо официальных приемов, были обеды в зале Дворянского собрания и у гр. Д. А. Толстого, то в Москве основными являлись заседание в университете и университетский обед, заседание Общества любителей российской словесности и митинг в Сокольниках (21 мая). Если в Петербурге прием носил более официальный характер, было много музыки и концертов, то в Москве славян охотно принимали в частных домах. Славяне нанесли визиты или побывали в гостях у М. П. Погодина, у славянофила А. И. Кошелева, кн. В. А. Черкасского (не раз), А. И. Левшина⁸³, М. Н. Каткова, соратника Каткова по газетной и другой деятельности П. М. Леонтьева, И. С. Аксакова, ректора университета С. И. Баршева, Н. В. Калачева⁸⁴, С. М. Соловьева, писателя В. Ф. Одоевского, попечителя учебного округа кн. Н. Менцерского, генерал-губернатора кн. В. А. Долгорукова. Независимо от этого, славяне-духовные, славяне-медики, славяне-филологи и историки посетили своих собратий по специальности. Посещение частных домов не было отвлечением от съезда, а наоборот — частью его. Здесь обсуждались те же вопросы, но только подчас гораздо откровеннее и подробнее⁸⁵.

Различие в характере приема в Петербурге и Москве имело свой смысл. Прием царем⁸⁶, вел. кн. Константином, А. М. Горчаковым и П. Н. Стремоуховым, обеды у гр. Д. А. Толстого — все это свидетельствовало о расположении и внимании русского прави-

⁸³ Государственный деятель и автор ряда исторических исследований.

⁸⁴ Управляющий архивом министерства юстиции, выдающийся археолог и юрист.

⁸⁵ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Архив В. А. Черкасского, дневник кн. Е. А. Черкасской, 1867 г. (отрывочные воспоминания). Черк. 100/13, копия, л. 27.

⁸⁶ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 230—231; М и л и њ е в и њ. Ук. соч., стр. 35.

тельства к славянам, хотя оно не давало никаких конкретных политических обещаний. В самом деле, царский прием был приемом обычным по бессодержательности, но из этого общего тона здесь могут быть выделены два момента. Во-первых, интерес Александра II к сербам, которым он заявил, что помощь сербам считает наследственным делом, выразил надежду, что им готовится в скором времени лучшая будущность, спросил, очистили ли турки Белград и сказал по этому поводу: «Я сделал, что мог»⁸⁷. По сообщению А. А. Киреева, Александр II обещал сербам послать на помощь русских офицеров. С переговорами по этому вопросу связывается уход в отставку М. Г. Черняева, который предлагал сербам свои услуги. Особенное впечатление на сербов произвели последние слова царя. Вот что пишет об этом А. А. Киреев: «Замечательно, что слова «До свидания, господа», сказанные государем совершенно без намерения, произвели на них громадный эффект». Это значит до свидания в Вене, в Царьграде... «На стену лезут! Мы их успокаиваем»⁸⁸. Вторым значительным моментом на приеме было внимание к чехам. Не только царь, но и императрица беседовала с Палацким и, отражая славянофильские настроения придворных сфер, сожалела, что у славян нет общей азбуки, одного правописания⁸⁹.

Свидание оставило у славян убеждение, что Александр II чрезвычайно доволен их приездом. В. И. Ламанский в разговоре с Ваврой объяснял ему, что причина этого — положение на Балканах, где могут начаться действия. Вавра замечал: «Религиозное направление, которое иногда приписывают восточному вопросу, не было бы своевременным и не вело бы к цели так, как народное направление. Необходимо для этого пробудить сознание соплеменности, родовой близости славян, особенно южных с русскими, и

⁸⁷ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 230—231.

⁸⁸ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник А. А. Киреева, запись 14 мая 1867 г.

⁸⁹ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 233.

мысль эта будет проповедываться в газетах болгарских и сербских с великой силой. Это толкование нам всем (чехам) здесь (представляется) очень естественным и правдивым»⁹⁰. Тяготение официальных кругов к южным славянам Вавра отмечает не раз. Говоря о чехах, нельзя не указать на их обостренный интерес к политическим вопросам⁹¹. Не один раз Вавра рассказывает в своих письмах о так называемом Константиновом плане. Он ловит слухи о нем из разных источников. Вавра записывает свои разговоры с М. Н. Катковым. План, в его передаче, заключается в образовании Западнославянской империи в качестве русской *secundogenitur*'ы⁹². В состав ее вошли бы земли на запад от Вислы, т. е. польские и чешские. Другое такое же государственное образование предполагалось на Балканах⁹³. Иезубера так же говорит о плане со слов «людей из свиты» великого князя (очевидно, речь идет о Кирееве). Ригер перед свиданием с А. М. Горчаковым говорил о своем намерении напомнить ему, что Александр I имел титул протектора славян, и позондировать, не восстановит ли Александр II этот титул⁹⁴.

Эти разговоры и надежды толкали чехов на визит к вел. кн. Константину. Можно совершенно уверенно утверждать, что разговоры о Константиновом плане — не фантазия, что и сам вел. кн. Константин и особенно его адъютант А. А. Киреев вели с чехами разговоры на политические темы. После разговора с

⁹⁰ K a z b u n d a. Ук. соч., стр. 122.

⁹¹ Эволюция политических взглядов в Чехии так характеризуется чешскими авторами: «Но славянские стремления не придерживались одной определенной линии: прежнее русофильство Юнгмана Марка и В. Гонки борется с более критическим пониманием славянства Гавличка, и спокойный австрославизм Палацкого уступает место романтике, мечтающей о слиянии с царской империей в могучую империю всеславянскую. Особенно в Словакии утопично надеются на вмешательство не только русских дипломатов, но и русского оружия». Я. Якубец, А. Новак. История чешской литературы, т. II. Прага, 1926, стр. 50.

⁹² Зависимого государства.

⁹³ См. K a z b u n d a. Ук. соч., стр. 134, 135.

⁹⁴ Там же, стр. 115.

Ливчаком и Головацким Константин отметил различие в стремлениях чехов и галичан. Первые держались исторической почвы в понимании вопроса о пределах будущего чешского государства, галичане выдвигали этнографическую основу, так как историческое право вело бы их к подчинению полякам. А. А. Киреев старался внушить собеседникам мысль об отсутствии у России стремлений к поглощению славян⁹⁵.

Эти данные русского источника подтверждают сообщения Вавры. Источник, относящийся к пребыванию славян в Москве, говорит о стремлении Ригера к слиянию Польши с Чехией⁹⁶. Таким образом, или имело место совпадение двух планов — чешского и вел. князя Константина, — или последний план был усвоен Ригером. Таков результат от общения чехов с представителями царского дома.

Сербы и чехи побывали у А. М. Горчакова, причем он принял отдельно от других славян Палацкого и Ригера. Послы чешского народа после своего неудачного посещения Парижа зондировали теперь почву в России. Чехи вынесли впечатление о превосходной осведомленности Горчакова относительно всего происходящего в славянском мире. Но разговор на темы, особенно важные для чехов, последних, по видимому, не удовлетворил; не удовлетворил он, очевидно, и Горчакова. Чехи подчеркивали, что надеются только на свои силы и старания в деле национально-культурного развития, и настаивали на первостепенном значении славянской литературной взаимности, а А. М. Горчаков замечал, что при наличии противодействия этого трудно достигнуть. Он указывал, что никогда не упускает из виду славянский

⁹⁵ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник Киреева, л. 47, 49.

⁹⁶ Недавно Н. Д. Ратнер высказала сомнение в том, что Ригер мог согласиться с Константиновым планом (Н. Д. Р а т н е р. «Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг. Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. XIV. М., 1956, стр. 173). Сомнение это нуждается в более убедительном документальном подтверждении.

прогресс. Вавра не передает ничего больше. Но, поскольку дальше он отмечает, что сербам А. М. Горчаков сказал многим больше⁹⁷, очевидно, что у чехов в результате переговоров с русским вице-канцлером осталось известное разочарование. А. М. Горчаков дальше очень общих обещаний, сочувствия и внимания в отношении подданных соседнего государства идти, естественно, не мог; он не был склонен к осуждению «Константинова» или какого-либо другого подобного плана, в том числе и ригеровского, которым чехи хотели толкнуть Россию к демонстрации, хотя и эффектной, но политически в лучшем случае бесплодной, а вероятнее, с точки зрения русских интересов, вредной⁹⁸. Сербам, по-видимому, Горчаков сказал больше, чем чехам. По сообщению Н. А. Попова, речь шла о той же традиции русской политики в отношении сербов, о которой говорил и Александр II. Но Горчаков говорил не только за себя: он обещал, что Россия будет «на страже интересов сербского народа» и впредь⁹⁹. Вавра приводит еще указание Горчакова, что славянский юг должен стать славянским, — намек на решение восточного вопроса и на необходимость единства и близости с Россией. Наконец, прямым доказательством русской поддержки Сербии и ее планов явился заем, ради которого и совершил свою поездку Петроньевич. Правда, реализация его затянулась до конца года, но заем был устроен¹⁰⁰.

Внимание официальных и придворных кругов к славянским гостям демонстрировалось присутствием принца Петра Георгиевича Ольденбургского на вечере у гр. Кушелева-Безбородко, выступлением гр. Д. А. Толстого в Дворянском собрании и обедами у него на дому. А. М. Горчаков в разговоре с сербами

⁹⁷ См. Kazbunda. Ук. соч., стр. 118.

⁹⁸ В дневнике Киреева читаем: «Горчаков рассказывает мне: Je ne me suis pas compromis avec ces messieurs!

Ригер говорил мне: «Il s'est borné a me faire écouter, et ne m'a presque rien dit» (л. 47, запись от 11 мая 1867 г.).

⁹⁹ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 185.

¹⁰⁰ «Писма Илије Гарацанина...», стр. 215.

объяснил причины официального устранения русского правительства от участия в торжествах тем, что народ и без того встречает радушно славянских гостей. Д. А. Толстой также отмечал общее сочувствие к славянам на всей русской земле. Это замечательное сочувствие, по его словам, лишено признаков подготовки и какого-либо политического расчета. Он говорил об исконных родственных связях славян, о необходимости научных связей как средстве сближения славян. Очень характерно, что он отмечал необходимость изучения славянами русского языка, хотя и не рекомендовал его в качестве общеславянского. Толстой закончил выражением уверенности в прочности этих связей, в великом будущем великого славянского племени¹⁰¹. Заявляя, что он выступает неофициально, Толстой тем не менее самым фактом своих выступлений открыто подчеркивал сочувственную по отношению к съезду позицию власти. Забыть, что Д. А. Толстой был членом правительства, было невозможно, именно Д. А. Толстому в качестве министра народного просвещения было уместно представлять от лица правительства на торжествах по поводу Этнографической выставки.

Сомневаться в том, что Д. А. Толстой выступал с ведома А. М. Горчакова и Александра II, не приходится. Об этом вполне ясно сообщает Ф. И. Тютчев в своем письме И. С. Аксакову: «Когда гр. Толстой, министр просвещения, просил разрешения принять приглашение на обед, даваемый славянами, ему было сказано: ты должен быть на этом обеде... Сам Толстой дает им обед у себя, разделив их на две категории за неимением места»¹⁰². Правительство в Петербурге тем самым открыто дало санкцию славянским приемам. Более того, можно установить известную эволюцию в отношении правительства к

¹⁰¹ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 186, 198—199.

¹⁰² Центр. гос. лит. архив, ф. Тютчева (из музея усадьбы Мураново), письмо Ф. И. Тютчева И. С. Аксакову от 10 июня 1867 г.

славянским празднествам. Первоначально правительство относилось к съезду с большой сдержанностью. Была запрещена поездка в Москву главному организатору выставки М. Ф. Раевскому, человеку в силу своих славянских связей бывшему на виду у австрийского правительства¹⁰³. Когда в период подготовки съезда «Трепов спрашивал государя, в какой мере допускать заявления въехать¹⁰⁴ славян, ему было отвечено: чем менее¹⁰⁵, тем лучше»¹⁰⁶. Затем, очевидно, тысячные толпы русских зрителей, проявления восторга и дружественные к России заявления славян сделали свое дело. Правительство пошло навстречу славянам в описанных уже приемах. А когда с запросом к Александру II обратился московский генерал-губернатор кн. В. А. Долгоруков, опасавшийся слишком пламенных восторгов по поводу прибытия славян¹⁰⁷ и спрашивавший, как принимать их, он получил ответ: «Comme moi même»¹⁰⁸. В. А. Долгоруков не знал, как понимать эти слова: «как меня» или «как я») ¹⁰⁹. Однако по получении известия о приеме в Зимнем дворце, у А. М. Горчакова, о торжествах в Петербурге, выражение это было истолковано так, что славян приняли по-королевски (kralovsky).

И тот факт, что прием славян оказался «королев-

¹⁰³ «Да! и над нами исполнились слова Христовы: «Мытари и любодейцы варяют ли в царстве Божиим». Кого не было на славянском пиру? А не было ни Бодянского, ни Раевского, ни Гильфердинга. Я как вол молотил из-за выставки, а брагу пить не пустили. Такова участь горькая всех трудов моих: трудись, но не смей показывать, что ты трудился, и выходит в результате, что ин есть сеяй, и ин есть жняй». (Письмо от 1 сентября 1867 г. А. Титов. Протоиерей Михаил Раевский в своих письмах к О. М. Бодянскому. М., 1884. Оттиск из «Афиш и объявлений», стр. 51—52).

¹⁰⁴ Неясно.

¹⁰⁵ Неясно.

¹⁰⁶ Центр. гос. лит. архив, ф. Тютчева (из музея усадьбы Мураново), письмо Ф. И. Тютчева И. С. Аксакову от 10 июня 1867 г.

¹⁰⁷ Из памятных тетрадей С. М. Сухотина. «Русский архив», 1894, № 4, стр. 602.

¹⁰⁸ K a z b u n d a. Ук. соч., стр. 95.

¹⁰⁹ Там же.

ским», не был удивительным не только в силу сигнала, шедшего от правительства, но и потому, что на встречу интересам правительства шли стремления славянофильских и панславистских кругов. Субъективно эти круги действовали не за страх, а за совесть, не ради правительственного сочувствия, но в силу искреннего сочувствия к славянам, и не только во имя тех целей, которые преследовало правительство и которые оно не стеснялось раскрывать (как это можно видеть из приведенных уже сообщений относительно «Константинова плана», положения на Балканах и пр.), но и во имя своих собственных целей, о которых славянофилы говорили в речах и писали в газетах. Правительство не могло действовать ради организационного объединения славян, для него был практически безразличен с точки зрения конкретных политических задач вопрос о языке, хотя славянофильски настроенная императрица и касалась близких к этому тем. Однако все, что делалось славянофилами, шло в желательном для правительства русле. Славянские комитеты со всей шумихой съезда лили воду на горчаковскую мельницу, хотя и заявляли подчас о своем стремлении идти дальше иными путями, чем правительство. Это и определяло взаимоотношения правительственных кругов и Славянского комитета в вопросах, связанных со съездом.

Что же касается славянских гостей, то их позиция в отношении русского общества не могла быть тождественной с отношением к правительству. Обращение к обществу было агитацией, через него можно было пытаться воздействовать и на самое общество, и на правительство. Съезд представлял собой ряд митингов, — безразлично, сопровождался они или нет питиями и яствами, — на которых обсуждался вполне конкретный круг вопросов (это и дает право всю совокупность собраний обозначить понятием съезда). Основными вопросами были: славянское единство и взаимность, общеславянский язык, освободительная роль России. Неразрывно с этой группой вопросов был связан организационный воп-

рос. Второстепенное значение имела польская проблема, хотя до московского выступления Ригер вел переговоры по польскому вопросу в Петербурге, в кругах, близких к вел. кн. Константину ¹¹⁰.

* * *

Обеды, концерты и другие празднества — такова внешняя сторона Славянского съезда. Но это не все: была и другая, внутренняя сторона. В то время как славяне интересовались чисто политическими вопросами, — это видно из всего предыдущего, — русская печать до начала съезда старалась доказать его аполитичность.

«Отечественные записки» А. А. Краевского писали: «После многих лет недоверия к нам и попыток создать себе самобытную политическую жизнь при посредстве иноплеменных государств, после эпидемии партикуляризма, ничем не уступающего партикуляризму немцев и приведшего их к полному бессилию, славяне начинают, наконец, понимать, что и для них, как для немцев, необходим объединяющий центр и что таким центром может быть только то славянское племя, которое сумело съиздавна выработать себе самостоятельную государственную жизнь, т. е. племя великорусское. В последнее время признаки такого сознания являются у славян все чаще и чаще, как в изменившемся к лучшему взгляде на Россию славянских либеральных журналов, так и в попытках сделать русский язык общим «культурным» языком всех славян. В такую минуту был особенно желателен лишенный всякого политического характера повод для поездки славянских представителей в Россию и Этнографическая выставка пришлась как нельзя более кстати» ¹¹¹.

«Московские ведомости», редактор которых М. Н. Катков был видным членом Московского славянского комитета, во имя русских интересов отрицали панславистские поползновения. «Русский на-

¹¹⁰ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник А. А. Киреева, л. 46.

¹¹¹ «Отечественные записки», т. 172 (23), 1867, стр. 61—62.

род, — писала газета, — ничего не выиграл бы от того, если какими-нибудь судьбами вошли в его государство те славянские народности, которые изнывают теперь под османским владычеством или мнутятся в разлагающейся Австрии; напротив, Россия ослабила бы свой государственный состав введением в него элементов, хотя и близких и родственных ей, но еще в доисторическую пору выступивших из племенного единства; она утратила бы всякую меру и стала в тягость себе...».

«России нужно не расширение своей территории, которая и без того безмерно громадна, и даже не приращение своего населения, которое и без того растет с пугающей всех быстротой; ей нужно, напротив, взаимодействие, которое возможно только между силами, существующими самостоятельно и отдельно, но на одной почве. Племенная связь еще жива и сильна между славянскими народами...», и им и России нужны не государственно-политические связи, а связи племенные ¹¹².

Итак, не завоевания, не территориально-государственное расширение, а племенная связь, племенное общение, ведущие к цементации славянского единства, внешним проявлением чего должен явиться единый славянский язык, — вот та цель, шагом к которой должен быть съезд. Это была целая программа, предложенная славянским гостям накануне их прибытия в Москву, т. е. накануне самого важного этапа съезда.

Славнофильская «Москва» оказалась в худшем положении, чем другие газеты. Она успела поместить одну статью о съезде в период подготовки его, а затем в самый интересный период — апрель — май 1867 г. — издание газеты было приостановлено ¹¹³. Вновь вернулась к этой теме газета лишь по окончании съезда. Хотя и неполно, но взгляд свой на задачи

¹¹² «Московские ведомости» № 105 от 13 мая и № 112 от 22 мая 1868 г.

¹¹³ М. П. Погодин усматривал в этом лучшее доказательство того, что правительство не участвовало в подготовке съезда («Русский», 1867, № 15—16, стр. 229).

съезда она выразила, и взгляд этот оказался близким к тому, что писали известные уже нам газеты: «Славянский мир немыслим вне России... вся сила славян в России... вся... ее собственная сила в славянстве»¹¹⁴.

Смысл съезда — в том, что славяне повернулись к России, оценили ее и отвергли те ошибки, какие делала раньше незрелая славянская интеллигенция, отворачивавшаяся от России. Долг последней — призвать славян к самостоятельной жизни, к неразрывному братству всех славянских народов с Россией. «Нет у России ни стремления к захвату, ни замысла на политическое преобладание: она желает только свободы духа и жизни славянским племенам, оставшимся верными славянскому братству. Она представляет им собою такую нравственную, а потому и политическую точку опоры, которая стоит всякой материальной помощи и вне которой нет им спасения»¹¹⁵. Связь с Россией нужна самим славянам.

Итак, задача съезда — не задача политического объединения, его цель — обновление у славян сознания своего славянского единства и укрепления духовной и нравственной связи с Россией. Обновленные, они вернутся вновь к их обычной борьбе с немцами, турками, мадьярами.

Основному направлению, намеченному цитированными газетами, в той или иной мере, с теми или иными отступлениями, следовали прочие («Биржевые ведомости», «С.-Петербургские ведомости» и т. д.).

В либеральном лагере отмалчивались «Русские ведомости», а радикальная «Искра» вышучивала съезд в такого рода стихах:

Славяне к нам в гости пожалуют...
Ух, выпьется сколько вина!
Обедами, спичами балуют
Приезжих у нас издавна¹¹⁶.

¹¹⁴ «Москва», № 77 от 7 июля 1867 г.

¹¹⁵ «Москва», № 69 от 28 марта 1867 г.

¹¹⁶ «Искра» № 16 от 7 мая 1867 г.

Однако, как ни упорно подчеркивала русская печать отсутствие политических целей и планов Славянского съезда, обойти вопрос об его возможных политических перспективах она не могла. Но подходила она к этому вопросу различно. Славянофильская «Москва» снимала этот вопрос с обсуждения. «Как сложатся со временем государственные отношения России к славянским племенам, вне России живущим, этого мы не знаем и не предрешаем, и составлять о том планы было бы теперь преждевременно и бесполезно»¹¹⁷, так как не вызрела в сознании сама мысль о славянстве. Только когда разовьется она, силы истории приведут к решению и политический вопрос.

Аксаковская уклончивая формула находила мало сторонников. Наметились две формы решения этого вопроса. Выразителями одного взгляда были «Московские ведомости» и отчасти «Отечественные записки», категорически отрицавшие желательность государственного слияния славян с Россией. «Не расширение государственной области, а расширение простора для человеческой жизни и развитие внутреннего благоустройства — вот истинно национальная потребность, ощущаемая всеми в России. Общение с близкими, но отдельными и независимыми народами одного языка всего успешнее могло бы способствовать ходу дела в этом направлении. Опасения всемирно-славянской монархии лишено всякого основания...»¹¹⁸.

«Отечественные записки» солидаризировались с катковской газетой. «Что мы рассчитываем на их помощь в борьбе с недоброхотством Европы к нам, — это несомненно; но именно потому-то для нас гораздо желательнее создание на наших западных и юго-западных границах независимых дружественных нам славянских государств, чем присоединение славянских земель к России. В первом случае между нами и Европой явится крепкий оплот; во втором, мы, напротив, придем в более близкое соприкосновение с враждебными нам национальностями»¹¹⁹. Но, отрекаясь от

¹¹⁷ «Москва» № 77 от 7 июля 1867 г.

¹¹⁸ «Московские ведомости» № 112 от 22 мая 1867 г.

¹¹⁹ «Отечественные записки», 1867, т. 172, стр. 110.

расширительных стремлений в данное время, журнал не устранил возможности, что в дальнейшем ход реформационных преобразований и развития России пробудит у славян желание стать членами русской семьи. Тогда Россия их не оттолкнет, но эта возможность еще так далека...

Гораздо реальнее считали ее «Биржевые ведомости». Россия, писала газета, с сочувствием следит за борьбой западных славян (имелись в виду чехи и украинцы), «но взамен того мы вправе ожидать, что и западные славяне будут проникнуты к нам такими же чувствами и выкажут эти чувства в отношении наших стремлений». Если у славян Австрии и Турции проснется сознание национальной связи, «тогда мы будем, по крайней мере, в значительной части их (обоих государств) народонаселения встречать друзей и союзников, которые поймут наши намерения и отнесутся к нам сочувственно». Россия получит возможность осуществить свою миссию; подобно Германии, она имеет право стремиться и прийти к национальному единству. «Великое славянское царство простирает свои крылья над всеми славянскими племенами»¹²⁰.

Но так или иначе, это были далекие планы и больше — мечты, чем перспективы; они могли появиться и быть высказанными в связи со съездом, но никакого непосредственного отношения к съезду не имели, так как подобные вопросы не могли быть ни поставлены, ни обсуждены на нем.

Практически дискутабельными и желательными для русского общества оставались два вопроса. Одним был вопрос о славянском единении, и, как мы видели, оно мыслилось как единение, в котором Россия служит опорным центром. Это был основной вопрос. «Со стороны славян желание опереться на Россию для самобытного развития своей национальной жизни, со стороны русских — стремление сблизиться со славянами, чтобы найти в них деятельных пособников и охранителей нашего гражданского перерождения, —

¹²⁰ «Биржевые ведомости» № 124 от 11 мая 1867 г.

вот сущность целей, вызвавших нынешний славянский съезд в России и придавших ему такую необыкновенную торжественность»¹²¹. С этим был связан второй вопрос. Славянское объединение славянское сближение должно опираться не на государственную основу, в силу всего изложенного, а на основу культурного, племенного общения. «Средство общения между людьми — есть язык... их (славян) языки не настолько разошлись и окрепли в своем разобщении, чтоб они не могли установить между собой непосредственное полное разумение», и эта близость вела к мысли о желательности объединения и сближения славянских языков или принятия единого славянского языка как базы славянского единства. «Опасения всемирной славянской монархии лишены всякого основания; но нельзя назвать лишенной всякого основания надежду, что язык славянского корня, рядом с языками латинского и германского корня, приобретает значение всемирное, в котором теперь уже нельзя отказать русскому языку»¹²². Русский язык как средство и основа славянского объединения — вот вторая, неразрывно связанная с первой задача.

Вполне очевидно, что хозяева и гости ждали и хотели получить от съезда далеко не одно и то же. В то время как представители славян искали решения конкретных вопросов политической жизни и разъяснения ближайших политических перспектив, русские деятели съезда задавались общими проблемами славянского единства и выдвигали такие вопросы, как вопрос о русском языке в качестве общеславянского, что в условиях национального подъема славян вряд ли могло встретить единодушную поддержку. Во всяком случае такое противоречие стремлений не могло не быть чревато последствиями.

Нельзя не отметить того обстоятельства, что печать старалась осветить те самые вопросы, которые, как мы указали выше, были основными во-

¹²¹ «Отечественные записки», 1867, т. 172, стр. 110.

¹²² «Московские ведомости», № 112 от 22 мая 1866 г.

просами съезда, что свидетельствовало о близости между ее руководителями и вдохновителями последнего. Этого нельзя понять, не учитывая того, что газеты, взгляды которых нас интересовали, находились по большей части в руках людей, в какой-то мере связанных с кругами, созывавшими съезд, с теми элементами, которые участвовали в Славянских комитетах. Одни из редакторов — М. Н. Катков, М. П. Погодин — являлись видными членами Славянского комитета, другие вошли в них после съезда: А. А. Краевский с 1868 г., К. В. Трубников с 1869 г. Пройти мимо этого также нельзя, как невозможно не обратить внимания на то, что съезд созывался как раз теми группами, которые составляли Славянский комитет. И общность основного направления взглядов виднейших представителей русской печати, которая установлена выше, не может не стоять в известной связи с этим обстоятельством.

Печать была использована для постановки программных вопросов съезда и для разъяснений гостям взглядов хозяев по этим вопросам. И нет возможности понять съезд и все происшедшее на нем в отрыве от этого в высшей степени важного источника.

* * *

По вопросу о славянском единстве и взаимности славянские гости выступали довольно согласно: содержание речей их за редкими исключениями было довольно далеко от мыслей, распространенных среди русских участников съезда. Ригер указывал, что славяне — первенствующий и обширнейший народ — не занял подобающего ему места. Он объяснял это раздробленностью славян, боровшихся порознь с рядом врагов. «Но вот взошло солнце взаимности славянской, и мы убедились, что мы все — единый народ, убедились, что, если мы станем друг друга поддерживать, мы будем народ великий не только числом своим, но и своими делами»¹²³. «В настоящем обществе

¹²³ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 180.

здесь, не видим ли мы уже осуществления славянского братства, — вторил Мудронь, — тут присутствует самый могущественный брат наш русс, здесь храбрый чех, молодецкий серб, терпеливый словенец, ныне обедневший, но всегда бодрый словак из-под угорских Карпат, — следовательно исполняется идея славянского братства»¹²⁴. Мысль о том, что славянское единство уже налицо, была общей идеей славянских гостей¹²⁵. Браунер и Ригер отвергли необходимость какого-либо более тесного единения, чем наличное. «Мы, собравшись все здесь, — говорил Браунер, — люди из различных племен славянских, составляем собою единое племенное целое как по языку, так и по крови». И сознание единства, отмеченного печатью самой природы, «не могут заглушить ни пространство, ни различие обычаев и говоров, ни разнородности исторических событий, климатических условий и политических союзов»¹²⁶.

Еще прямее и резче отвечал на русскую постановку вопроса Ригер. Он признал необходимость взаимной помощи, согласился с перспективой расцвета славянских народов, но отверг необходимость для этого реального объединения «телом и душою», объединения политического и культурного. «Славяне — один народ и... если мы убедимся в необходимости поддержать друг друга, то мы будем сильны»¹²⁷. Ригер подхватил — это очень важный факт, говорящий, что статьи русской прессы доходили до читателя, которому они назначались, — сравнение, использованное в статье Каткова: древнегреческие диалекты и их отношение к единству греческого народа. В то время, как М. Н. Катков подчеркивал в диалектах древнегреческого языка черты сходства, Ригер обратил внимание на их различие и указывал, что

¹²⁴ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 162.

¹²⁵ Исключение составили Головацкий и Полит. В словах первого звучала мысль о стремлении галичан к объединению с Россией, второй в неразвитом виде высказал план славянской федерации под русским верховенством.

¹²⁶ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 297.

¹²⁷ Там же, стр. 202.

при наличии различных наречий греки создали «прекрасный цвет просвещения», а олимпийские игры он изображал как периодические съезды, как путь взаимного общения. Он отверг единство культурно-политической жизни. «Если бы вы, господа, — говорил он, — слили все колокола ваши в один великий, огромный колокол, больший, нежели сам Иван-Великий, то конечно, звук этого богатыря-колокола был бы силен, но впечатление этого звука не было бы той гармонией колокольных звуков, которая возвещает нам Воскресение Христово! А какова красота в этом гармоническом ладе московских колоколов! Этот гармонический лад и есть единство»¹²⁸.

Еще резче, задорнее и несколько грубее отверг все возможности организованного политического единения представитель сербской Омладины Джорджевич, который особенно рекомендовал учреждение общества омладинского типа, с расширенной программой деятельности, с взаимным общением, которое соберет «духовное ополчение всех славянских народов»¹²⁹.

Только один голос прозвучал иначе, но и тот не совсем солидаризировался с русскими панславистами: это был голос Шафарика, который признал, что в России идея славянской взаимности сильнее, чем у других славян, хотя для славян она важна как залог спасения и счастливой будущности, а Россия настолько сильна, богата и многолюдна, что практически ей эта идея не нужна. И, отправляясь от этого, оставляя в стороне вопрос о традиции других славян, Шафарик сделал практический вывод: сильная Россия, владеющая славянской идеей, мыслью о спасительных последствиях славянского сближения, — она ее осуществит и превратит в дело. Он выражал надежду, что Россия возглавит славянские народы, будет заботиться об их судьбе и поведет к новой жизни в духе славянской народности¹³⁰.

¹²⁸ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 301.

¹²⁹ Там же, стр. 366.

¹³⁰ Там же, стр. 296 и 402.

Легко принять эти слова за солидаризацию с русской частью съезда, но что это далеко не так, видно из отношения Шафарика к другому, связанному с первым вопросу, — об едином языке. Он обошел русскую постановку этого вопроса, просто провозгласив убеждение, что «славянский язык и славянский народ в самом деле один»¹³¹, и тем примкнул к позиции чехов, которую Браунер выразил теми же самыми словами.

Ригер же, отводя русскую формулировку, отрицал необходимость какого-либо организационно-политического единства. В частной беседе общеславянский язык признал бесполезным Палацкий. Несколько позже он писал: «Все мы славяне, тем охотнее будем учиться русскому языку, чем более поучительного и утешительного будет нам представлять русская литература; но из-за этого мы никогда не покинем и не пренебрежем своим собственным языком и литературой. Сны об образовании и распространении одного языка всеславянского — суть сны и ничего более»¹³².

Отверг тезис об общеславянском языке и Джорджевич. Он признал такой язык бесполезной выдумкой. Каждый народ в своей истории приобрел особую физиономию, которая устраняет возможность какого бы то ни было поглощения одного народа другим, в том числе и языка его. А если бы это все же осуществилось, то повело бы только к созданию далекой от народа касты литераторов; даже если бы общеславянский язык был введен во все славянские школы, сколько бы прошло времени, прежде чем он распространился бы¹³³.

Интересно, что из всех сторонников общеславянского языка, а такими были: Радлинский, М. Майр,

¹³¹ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 379.

¹³² «Послесловие к Радгосту». Прага, 1872. Цит. по книге: А. Будилович. О литературном единстве народов славянского племени. «Славянский сборник», т. II, СПб., 1877, стр. 11.

¹³³ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 365.

Ливчак, Головацкий, Богоров¹³⁴, только Богоров прямо заявил: «Должна быть у славян и общая литература, и для этого мы уже имеем язык готовый, язык русский». Ливчак, бывший не только теоретическим сторонником этой идеи, но практическим ее осуществителем, в памятной книге купеческого клуба записал: *ria desideria*¹³⁵, чтобы русские купцы разнесли русский язык по земле южных славян. Субботичем было сделано утопическое предложение о создании трех литературных языков и письменностей — северо-западно-южно-славянских.

Наиболее единодушными гости и хозяева оказались в вопросе о России и ее освободительной роли в отношении славян. Если заключительные слова тютчевского стихотворения:

И слово — Царь-Освободитель
За русский выступит предел,

встреченные громом аплодисментов, если речи Со-

¹³⁴ Уже после съезда раздалось два голоса из среды сербов в пользу общеславянского языка. Один принадлежал Политу. «Я не боюсь, — писал он, — русского поглощения, ибо знаю упругость сербского народа. На вопрос о признании сербами и другими славянами русского языка общеславянским литературным языком можно отвечать различно. Но я полагаю, что славянам пимало не повредило бы принятие русского языка, по крайности в научной литературе. Рядом с мировыми литературами — немецкою, французскою, английскою — литературы малых народов не могут иметь мирового значения. Но в более тесном кругу, в среде своего народа, сербы и другие славяне могут, конечно, лелеять и развивать свой язык. Для больших же научных сочинений они принуждены будут рано или поздно принять русский язык» (П о л и т-Д е с а в ъ и ѳ. Рецимо коју. II. Сад, 1877. Цит. по книге: А. Будилович. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы, т. II. Варшава, 1892, стр. 346—347). Несколько раньше в том же смысле высказывался сербский панславист А. Орешкович, считавший, что в славянской федерации с русским царем во главе неизбежным «органом всех междуплеменных отношений» должен стать русский язык. Исключительность этих фактов, приводимых Будиловичем, всего лучше свидетельствует о малой популярности данной мысли в сербских кругах.

¹³⁵ Благочестивые пожелания.

колова, Преображенского и других могут быть признаны голосом русской стороны, то из среды славян мы слышим почти исключительно голоса славян южных: сербов и болгар. Было только одно чешское выступление на эту тему — тост Ригера в Московском английском клубе, где он провозгласил, что долг России — освобождение южных славян¹³⁶. Но Ригер говорил фигурально. Имеющийся у нас текст его речи не передает достаточно существа ее. По сообщению Вавры, речь Ригера была раз в пять длиннее опубликованного текста, и понятна она была в соответствии с замыслом оратора, метившего свой выпад в сторону Австрии. «Австрия для меня, — сказал после того один из участников съезда, — также Ислам, т. е. неметчина, другая же часть ее мадьярщина»¹³⁷.

Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что выступали горячее других сербы австрийские; из сербов княжества по этому вопросу говорил Миличевич, да и то в форме исторической оценки роли России как освободительницы Сербии¹³⁸. Полит этих тем касался пять раз и был наиболее ярким оратором. Думается, что это не случайно. Между правительствами русским и сербским существовала определенная договоренность по вопросу о действиях Балканского союза и позиции России. Сербам княжества на эти темы говорить было нетактично; это привлекло бы еще большее внимание к готовящейся войне балканских народов с Турцией. Но не затронуть этого вопроса было невозможно. Его поднял Полит-Десанчич. Вероятно, это объясняется сговором сербов между собой.

Полит ставил вопрос очень широко, и именно ему было удобно трактовать его в таком виде. «Надо же, наконец, — говорил он, — прекратиться господству одного племени над другим, как бы оно ни называлось — турецким, мадьярским или австрийско-немецким... Вопрос о судьбе славянства можем решать

¹³⁶ См. Будилович. Ук. соч., стр. 386.

¹³⁷ Kazbunda. Ук. соч., стр. 136.

¹³⁸ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 163.

теперь только сами мы, славяне, и в этом случае первая роль выпадает на долю России»¹³⁹. «Славянская Русь должна решить славянский вопрос. Первый же шаг к решению славянского вопроса есть решение вопроса восточного. А в этом вопросе почин принадлежит Сербии и народу сербскому. Расширение границ княжества сербского и обновление сербского царства — вот путь к решению славянского вопроса, который и состоит в братстве славянских племен под верховным главенством России»¹⁴⁰. Той же темы касался Крестич. Эти выступления встречали горячее сочувствие. Уже после съезда М. Н. Катков писал: «При тосте в честь князя Михаила в зале Московского университета совершилось по б р а т и м с т в о между представителями разных ветвей сербского племени, подобно тому, как почти в то же самое время совершалось в Загребе, Люблянах и Новом-Саде». Он отмечал, что Россия как государство не может принять непосредственное участие в борьбе, чтобы не вызвать европейской войны, но она знает, что освобождение славян «есть лучшее обеспечение плодотворного развития сил русского народа и лучшее ограждение самостоятельности, величия и славы русского государства»¹⁴¹.

В таких же тонах по болгарскому вопросу говорил Р. Жинзифов. «Болгарский народ вполне верит, что, когда наступит пора, а эта пора недалеко, великий русский народ с радостью поспешит на помощь ему для избавления его от многовекового тяжкого ига»¹⁴².

Какие же практические выводы делали славянские гости из развивавшихся ими положений? Ригер предложил созывать съезды славянских естествоиспытателей, историков, художников, экономистов. Этим путем, полагал он, в славянских странах «расширится наше братское самосознание и славянская

¹³⁹ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 208.

¹⁴⁰ Там же, стр. 399.

¹⁴¹ «Московские ведомости» № 147 от 5 июля 1867 г.

¹⁴² «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 372.

наука, а с нею и славянское просвещение»¹⁴³. Другой путь намечал Джорджевич, предлагавший организацию у всех славянских народов обществ, подобных сербским оmlадинским организациям. Они должны изучать народное поэтическое творчество, юридические обычаи, народную медицину, они обязаны стараться, чтобы всякий славянский народ изучал все славянские языки. Тогда все появляющееся в славянских литературах станет и общим достоянием. «Этимi средствами мы достигнем единства в направлении нашей литературы, т. е. все будет клониться к одной цели, к водворению единого духа во всех нас»¹⁴⁴.

Польский вопрос послужил поводом к знаменитой речи Ригера и его призыву к примирению. В том же направлении он говорил и во время частных встреч. Но и во время частных бесед он получал ответы, равнозначные данным в речи В. А. Черкасского и в московской печати¹⁴⁵.

Итак, почти по всем основным вопросам славянские гости и русские хозяева не нашли общего языка; каждый сохранил свои взгляды, и с тем большей силой и энергией русская сторона постаралась развить свою аргументацию. Она развертывалась не на съезде, а в частных разговорах и в газетах. Но в ней слышались различные голоса. Даже плохо знавшие русские отношения чехи различа-

¹⁴³ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 303.

¹⁴⁴ Там же, стр. 366.

¹⁴⁵ Катков писал: «Мы сожалеем о недоразумении, в которое вовлечен наш почетный гость... При всем желании быть справедливыми, наши соплеменники не всегда могут оценить надлежащим образом лица и вещи в России». Далее в статье говорится, что русским не приходится мириться с поляками, так как ненависти к ним даже не было во время восстания, что «в племенном отношении между русскими и поляками нет не только антагонизма, но и розни... Но поляк, как термин политический, есть естественный и непримиримый враг России... Лучшее, в тысячу раз лучшее, чем допускать польскую политическую национальность под Русской державой, было бы отпустить чисто польские части на полную волю» («Московские ведомости» № 113 от 23 мая 1867 г.).

ли ряд различных группировок среди русского общества.

Действительно, на съезде русская часть была представлена людьми неодинаковых, хотя и близких политических тенденций. Здесь были ярко консервативные фигуры — историк Д. И. Иловайский, М. Н. Катков, П. М. Леонтьев, славянофилы разных оттенков — И. С. Аксаков, В. И. Ламанский, поэт Ф. И. Тютчев, Н. А. Попов, О. Ф. Миллер и др., умеренные либералы — С. М. Соловьев, проф. Ф. И. Буслаев, были люди разных положений — от министра до среднего чиновника, профессора и военные, писатели и журналисты, священники и купцы. Здесь была вся правая русская общественность. Не было революционно-демократических элементов. В этом отношении характерно и верно по существу повторяющееся несколько раз в письмах Вавры замечание, что русских герценовского направления они все еще не встречали. Их нельзя было встретить отчасти по полицейским причинам, но они не пошли бы сюда, если бы и могли. «Я не могу удержаться от улыбки, — писал А. И. Герцен М. А. Бакунину, — читая наши стародавние мысли, разбавленные водой из Фонтанки и из Патриарших прудов, повторяемые на тысячу ладов на московских пирах, на петербургских обедах, на сходках и конференциях, в передовых статьях журналов и в речах злейших врагов наших. Иногда, как Тарас Бульба, я их не тотчас узнаю, все они прошли богословием и оделись в стихари, натерлись постным маслом и пропахли ладаном; самые светские из них в мундирных фраках разных ведомств. Согласись, Бакунин, что, помимо великой иронии, есть глубокое наслаждение в этом карнавальном зрелище чиновничьего обсуживания вопросов о Западе, о Востоке и православно-революционной пропаганде, имеющей цель поднять славян с хоругвью Кирилла и Мефодия»¹⁴⁶.

На съезде были только правые и умеренно либеральные элементы общественности да представители

¹⁴⁶ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. под ред. Лемке, т. XIX, стр. 384.

официальных кругов. Однако и среди них сказывались известные расхождения по вопросам, поставленным в связи со съездом. Представители либерального лагеря существенной роли на съезде не играли. Их имена упоминаются только в связи с официальными публичными выступлениями; в частных встречах, для московского этапа съезда столь важных, их участие незаметно. Это особенно относится к Ф. И. Буслаеву, чье участие в славянских торжествах было чисто официальным. Речи таких представителей этого крыла, как Ф. И. Буслаева, С. М. Соловьева, отличаются отсутствием злободневности и, насколько можно судить по таким источникам, как письма Вавры, записки Миличевича, особого впечатления не произвели. С. М. Соловьев говорил трижды: на университетском заседании, в Сокольниках и на университетском обеде. В первом случае, произнося приветствие от Археологического общества, он отмечал рост славянской археологии, видя одно из подтверждений этому в приезде славянских гостей¹⁴⁷. В Сокольниках он посвятил свое слово славянской розни и отверг ее, показав, что славяне не погибли в прошлом, что русские освободились от татарского ига, «прогремели перед изумленным миром Полтавской победой» и заняли почетное место в Европе, что чехи возродили истребленную иезуитами письменность, что Белград не стонет под турецкой пушкой. Разве это возможно при розни? — спрашивал С. М. Соловьев и отвечал: «Родные братья ссорятся из-за дележа; но время дележа для нас прошло, наступило время мены, благотворительной мены произведениями своего труда. Покинем же печальную мысль о славянской розни и будем уповать, что скоро, очень скоро чужие народы вместо славянской розни станут указывать на славянское примерное единодушие»¹⁴⁸.

¹⁴⁷ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 277.

¹⁴⁸ Там же, стр. 349. Характерно, что восточный вопрос, о котором С. М. Соловьев писал в газете «Москва» № 2 за 1867 г. (в полном виде статья напечатана в собрании сочинений Соловьева), не нашел себе места в его речах.

Столь же умеренным было выступление Ф. И. Буслаева, представлявшего на университетском заседании Общество древнерусского искусства. Охарактеризовав корни и показав славянские связи древнерусского искусства, он выразил искреннее сочувствие национальным интересам и стремлениям славян¹⁴⁹. Иные из представителей умеренно либерального течения, хотя и участвовали в торжествах, но речей не произносили, а к самим празднествам относились не без легкой иронии: «В этой трагикомедии, которая называется жизнью человеческой, бывают легкие интермедии в роде обедов, званых вечеров и пр. Вот и сегодня обед у гр. Толстого, министра народного просвещения — все для тех же славян»¹⁵⁰. Наконец, те из либералов, которые ни по служебному положению, ни по характеру научных занятий не были обязаны участвовать в съезде, у которых, в отличие от С. М. Соловьева, не было особого интереса к той или иной части славянской проблемы, — такие, как К. Д. Кавелин и ему подобные — игнорировали Славянский съезд или даже оказывались враждебными атмосфере, окружавшей его¹⁵¹. Это нашло вполне ясное отражение в статье «Русских ведомостей» по поводу ужина славян в Кокоревской гостинице, куда явилось двое незваных посмотреть на гостей и послушать речи. Они были выпровожены из зала членом Славянского комитета Четвериковым. Этот эпизод, нашедший освещение только в этой газете, дал ей повод заметить: «Кричат о народном приеме, об участии всего общества в чествовании гостей, — и чуть не в шею выталкивают неприглашенных, хотя и не требовавших прибора за столом»¹⁵².

¹⁴⁹ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 277. Этого настроения не следует смешивать с расположением к славянофильству. См. письма Ф. И. Буслаева к А. А. Краовскому. «Шестидесятые годы», изд. АН СССР, 1940, стр. 441.

¹⁵⁰ А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. II. СПб., 1905, стр. 335.

¹⁵¹ См., например, Письма Ф. М. Достоевского, т. II, стр. 80.

¹⁵² «Русские ведомости» № 59 от 18 мая 1867 г.

Славянофилы — И. С. Аксаков, В. И. Ламанский, О. Ф. Миллер, славист А. Н. Майков касались на съезде по преимуществу общих вопросов — славянской взаимности и единства. Одна из речей И. С. Аксакова была посвящена характеристике основателей славянофильства, их значению и съезду как реализации их идей¹⁵³. В другой речи он развивал два положения славянофильской теории. Во-первых, он говорил о значении славянского общения и братства для существования и жизни славянских племен и, намекая; по-видимому, на поляков, утверждал неизбежность гибели всякого племени, которое «по малодушию или по гордости... отвращается от братьев...»¹⁵⁴. Вторым тезисом этой речи было: «Миссия России — осуществить на земле славянское братство и призвать всех братьев к свободе и жизни»¹⁵⁵. Выступления И. С. Аксакова носили обычный для него туманный, и за обилием громких слов, неясный характер изложения. В ногу с И. С. Аксаковым шел Ф. В. Чижов, в длинной речи сожалевший об общеславянском грехе забвения народности; радуясь возрождению сознания славянской народности, он делал экскурс в прошлое русского славянофильства и чешского возрождения, а в итоге провозглашал славянское братство и равенство¹⁵⁶. Обоих дополнял В. И. Ламанский, подчеркивавший аполитичный характер Славянского съезда, необходимость общения и выражавший надежду, что съезд откроет новую эпоху в истории славянства; он славил славянофильских вождей, раскрывших призвание России, и вновь возвращался к мысли о взаимной пользе сближения и возможности решать все славянские вопросы силами самих славян¹⁵⁷. Дальше В. И. Ламанский говорил о развитии славянского самосознания в России и о превращении русского языка в общеславянский. Его заключительное слово при отъезде гостей вводи-

¹⁵³ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 251.

¹⁵⁴ Там же, стр. 341.

¹⁵⁵ Там же, стр. 342.

¹⁵⁶ Там же, стр. 352—355.

¹⁵⁷ Там же, стр. 205.

ло еще один новый момент: он стремился показать, что славянофильское направление, утверждающее наличие особых славянских целей, славянского призвания, имеет кредит у славян, доказательство чего видел в факте приезда славян в Россию. И в то же время он напоминал, что виденное ими во время посещения выставки должно привести к убеждению, что славянский вопрос в России перестал быть кабинетным, «вышел на улицу», стал всероссийским и даже всеевропейским¹⁵⁸. Подобно двум названным корифеям славянофильства, О. Ф. Миллер превозносил выдающихся славянских деятелей, призывал оросить слезами могилы К. С. Аксакова и А. С. Хомякова и подчеркивал различие жизненных принципов славянского и западного, немецкого миров¹⁵⁹. Близкими по характеру были доклады литературоведа П. А. Бессонова и А. Н. Майкова в Обществе любителей российской словесности¹⁶⁰.

Нет основания сомневаться, что все эти выступления были осуществлением определенной линии. Славянофилы уклонялись от открытой постановки вопросов, и, думается, что настроения, господствовавшие в славянофильском кругу, хорошо высказал Ф. И. Тютчев в своем письме к Ю. Ф. Самарину от 15 мая 1867 года, где он писал: «Все зависит от того, как славяне понимают и чувствуют свое отношение к России. В самом деле, если они, — а к этому весьма склонны некоторые из них, — если они видят в России лишь силу дружественную, союзную, вспомогательную, но, так сказать, внешнюю, то ничего не сделано, и мы далеки от цели. А цель эта будет достигнута лишь тогда, когда они искренне поймут, что составляют одно с Россией, когда почувствуют, что связаны с нею той зависимостью, той органической общностью, которые соединяют между собой все единые составные части единого целого, действительно живого. Увы, через сколько бедствий, вероят-

¹⁵⁸ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 459.

¹⁵⁹ Там же, стр. 216, 238.

¹⁶⁰ «Беседы в Обществе любителей российской словесности», вып. II. 1868, стр. 11—19, 22—29.

но, придется им прежде пройти, чем они примут эту точку зрения целиком и со всеми ее последствиями»¹⁶¹. Он считал необходимым провозглашение ее на съезде «в виде философской формулы».

В этом направлении и действовали славянофилы на съезде. Но обстоятельства сложились для них неблагоприятно, так как выход газеты «Москва» был приостановлен и то, что другие течения выражали со всей ясностью в своих газетах, славянофилы могли излагать лишь в частных собраниях, и устанавливая их мнения приходится по полунамёкам и полусловам. Только славянофильская поэзия не чуждалась конкретных вопросов, как бы изгоняемых из публичных прозаических выступлений. Из поэтических опытов слушатели могли узнать об освободительных планах России. Частично приводившееся тютчевское стихотворение говорило о намерении поддерживать славян:

— Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих,
Она расступится пред вами,
И как живой для вас оплот
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет...¹⁶².

Та же мысль еще прямее была высказана Б. Алмазовым:

— Лишь мы вас любим бескорыстно...
И только бог да Русь святая
Опоры руку вам дадут¹⁶³.

Поэты намечали и те два направления, куда будет брошена помощь. Тютчев указывал ее своим эпитафием, это была Австрия, ее же по преимуще-

¹⁶¹ К. Пигарев. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России. «Литературное наследство», т. 19/21. М., 1935, стр. 236.

¹⁶² «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 370.

¹⁶³ «Беседы в Обществе любителей российской словесности», стр. 31.

ству имел в виду и Б. Алмазов, который считал народы Запада опасней «свирепой Азии сынов». Иначе высказывался А. Н. Майков:

—Господни ангелы куют
Уж крест на храм святой Софии,
Повеял с Руси новый дух
В лицо Европы феодальной:
Она с тревогой смотрит вкруг,
С тоской глядит на север дальний ¹⁶⁴.

В более прямой форме подобные положения излагал М. Н. Катков, говоря, что русские никогда не хвастают, но не дадут погибнуть ни одному племени, и русский орел будет наблюдать за каждой пядью славянской земли ¹⁶⁵. То же самое заявил в Английском клубе профессор И. М. Соколов ¹⁶⁶. Эта мысль толковывалась славянам на частном собрании у кн. В. А. Черкасского усилиями М. П. Погодина, И. С. Аксакова, В. И. Ламанского, Ю. Ф. Самарина ¹⁶⁷. М. П. Погодин на прощальном обеде в Кокоревской гостинице заявил: «Нам ничего не надо от вас кроме любви... Устраивайтесь, как вам угодно, как сочтете себе за лучшее, и будьте уверены во всегдашней готовности помочь вам словом, делом, мышлением на пути добра и успеха, к пользе науки, просвещения, благосостояния гражданского и человеческого» ¹⁶⁸. Это было солидарное обязательство основной массы русских деятелей съезда.

Вопросы славянской организации трактовались на съезде широким кругом участников. Ректор Московского университета С. И. Баршев в своей «ектенье», как назвал его речь А. И. Герцен ¹⁶⁹, первым провозгласил, что «единство слова — самое крепкое

¹⁶⁴ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 207.

¹⁶⁵ K a z b u n d a. Ук. соч., стр. 124 (письмо Вавры).

¹⁶⁶ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 386.

¹⁶⁷ Там же, стр. 394.

¹⁶⁸ Там же, стр. 407.

¹⁶⁹ См. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. под ред. Лемке, т. XIX, стр. 337.

единство»¹⁷⁰. Секретарь Общества любителей российской словесности П. К. Щербальский выразился прямее: «Каждое из наших наречий да развивается своеобразно и независимо, но да принесут все они свои местные отличия и свой особый гений в общую сокровищницу всеславянского слова; да распространится над всеми этими наречиями один литературный язык, общий каждому образованному славянину от Адриатического моря и Праги до Архангельска и Тихого океана, и каждое славянское племя, к какому бы вероисповеданию оно не принадлежало и какова бы ни была форма его правления, да сделает этот язык органом взаимного общения»¹⁷¹. Профессор богословия Н. А. Сергиевский подкреплял эту мысль благочестивыми рассуждениями, а известный календарно-газетный издатель А. Гатцук дополнял требованием единой азбуки, т. е. кириллицы, и даже читал свою речь «на древнеславянском языке». Однако слова эти Н. А. Попов в своем сборнике поставил в кавычки, а самую речь дал просто по-русски¹⁷². М. П. Погодин, объединив оба положения, предлагал избрать один язык, с одной азбукой¹⁷³.

22 мая на обеде у попечителя учебного округа кн. Н. Мещерского, где были М. Н. Катков, П. М. Леонтьев, В. А. Черкасский, родственник последнего — П. А. Васильчиков, а из приезжих — Я. Ф. Головацкий, И. Ливчак, Миличевич и белградский обыватель Павлевич, вопрос об общем языке и именно русском был главным вопросом обсуждения. Категорически протестовал против этой затеи Миличевич, говоря, что Россия от этого ничего не выиграет, а сербам от того будет тяжело. П. М. Леонтьев же, поняв те выводы, какие для себя делал из этих речей Миличевич, стал доказывать отсутствие у русских за-

¹⁷⁰ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 259.

¹⁷¹ Там же, стр. 280; «Русский», 1867, № 21—22, стр. 331.

¹⁷² «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 304—305.

¹⁷³ Там же, стр. 339. То же не раз писал он на страницах «Русского» (1867 г.) (например, стр. 329).

хватнических стремлений, утверждая, что их желание — видеть славян свободными, живущими самостоятельной государственной жизнью, т. е. излагал взгляды «Московских ведомостей»¹⁷⁴.

Вопросы политической организации славянства не могли фигурировать во время публичного обсуждения. Они открыто были затронуты только в речи Д. И. Иловайского, выступавшего противником федерализма и заявившего, что история движется нациями, а не федерациями¹⁷⁵, и отчасти, на прощальном обеде С. И. Баршевым. Указывая на объединение Италии и происходящее объединение Германии, он говорил о грандиозности плана слияния славян в одно целое и находил его нереальным. Отрицая образование единого славянского государства, он признавал желательность духовного единения и сочувствия, «на котором основываются прочные союзы»¹⁷⁶. Понятно, что такие темы могли обсуждаться на собраниях частного характера. У Вавры осталось впечатление, что славянофилы, староруссы, как он, по распространенной на Западе привычке, именовал приверженцев М. Н. Каткова, и панслависты склонны по-разному решать этот вопрос¹⁷⁷. Однако данных о ходе обсуждения этой темы в нашем распоряжении не имеется. Мы только можем указать на то, что говорили газеты, где все эти вопросы излагали те же люди, что на съезде и в частных домах.

М. Н. Катков в «Московских ведомостях» категорически — мы это уже видели — отрицал захватнические цели русской внешней политики по отношению к славянам. Но он солидаризировался с панславизмом, определял его как племенное единство и замечал: «Но племенное единство есть единство языка и никакого другого значения не имеет». В такой постановке вопроса была определенная политическая мысль. Известно, что стремлениям к славян-

¹⁷⁴ М и л и ч е в и й. Ук. соч., стр. 63.

¹⁷⁵ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 309.

¹⁷⁶ Там же, стр. 401.

¹⁷⁷ См. К а з б у н д а. Ук. соч., стр. 119—120.

скому единству придавалось преувеличенное значение; австрийские газеты шумели о русских рублях, затраченных на подкуп славян. Это и учитывалось М. Н. Катковым. «Надобно было, — говорил он, — выставлять на первый план вопрос о языке и отвести в его область стремления к славянскому единству, чтобы эти стремления, не могущие иметь государственное значение, нашли естественную почву для своего развития. Только при этом условии панславизм перестает быть пугалом для окрестных народов, и только при этом условии он получает право жить и действовать»¹⁷⁸.

Возражая против чешской постановки вопроса, которая сводила славянские связи к культурному общению разноязычных и политически раздробленных славянских групп, М. Н. Катков говорил: «Единство духа, братство, нравственные связи и т. п. — все это прекрасно, но все это оставляет славян ни при чем; если же мы хотим сказать что-нибудь положительное, то должны просто сказать: язык»¹⁷⁹.

Своеобразные оттенки в тот же круг мыслей вносил «Голос» А. А. Краевского. Он упрекал тех, кто уклонялся от резкой постановки вопроса (т. е. славянофилов), и очень четко формулировал ряд положений: съезд убедил всех в необходимости панславизма, задачи, которого окончательно не определились, но взгляды на который наметились. Оказалось, что понимание панславизма, в связи с условиями существования, различно у русских, юго-западных и северо-западных славян. Для первых доминирует вопрос долга и чести народной, для вторых и особенно третьих — это вопрос существования. В связи с этим наметились три типа панславизма: политический, литературный и духовный. Первый стремится к политическому объединению в виде всеславянской державы или нескольких государственных федераций. Сторонники второго считают достаточным

¹⁷⁸ М. Н. Катков. Передовые статьи, 1867, стр. 298.

¹⁷⁹ Там же, стр. 264.

«соединение духовной деятельности славянства... с внешним выражением этого единства, со связующим славянство органом — всеславянским языком»¹⁸⁰. Третьи не видят нужды в органе, выражающем политическое и литературное единство, и понимают панславизм как духовное единство. Из всех этих видов «Голос» избирает второй, ставя в укор первому, что он не дает гарантии свободы, а последнему, что тот, хватаясь за свободу, упускает из виду единство.

Петербургская газета, подобно «Московским ведомостям», подчеркивала невозможность для России политического панславизма в силу его невыгодности, так как включение в состав государства народов, чуждых по формам быта и в других отношениях, оказало бы отрицательное влияние на состояние России и повело бы к различным недоразумениям. Но «Голос» шел дальше катковских «Ведомостей»: он признавал возможным политический панславизм вне России.

Убеждая в необходимости всеславянского, *eo ipso* русского, языка, газета А. А. Краевского ставила славян перед такой дилеммой:

В случае непринятия этого предложения:

1) «Панславизм невозможен... ни в какой форме: политического никто не захочет, а духовный — пустой звук, не имеющий теперь никакого реального содержания. Дело остается как было, а может и хуже пойти, потому что

2) Мы убедились, что наши братья — близорукие эгоисты, требующие жертв, но не несущие их...

3) Оставленные в отдельности славяне не могут соединиться между собой, потому что им не станет третейского судьи и нейтральной почвы, на которой они могут сделать взаимные уступки...

4) Их раздробленная литературная деятельность будет ничтожна по своим размерам... и по содержанию...»¹⁸¹.

¹⁸⁰ «Голос» № 163 от 15 (27) июня 1867 г.

¹⁸¹ «Голос» № 165 от 17 (29) июня 1867 г.

5) Разрозненные славяне будут растрчивать силы в борьбе с врагами и погибнут в борьбе, а духовно — в борьбе с равнодушием мира.

6) В истории они окажутся носителями идеи отжившего партикуляризма, неспособного возвыситься до идеи ассоциации. История осудит многоязычие в науке и литературе.

7) Славянство в культурном отношении окажется позади других народов.

В случае принятия:

1) Россия увидит, что славяне смотрят на нее не как на дойную корову, и будет рада видеть прибавление своих умственных сил.

2) На нейтральной почве русского языка могут помириться чехи и словаки, сербы и болгары, через несколько поколений славяне заговорят на одном языке, и ему будут учиться в Западной Европе.

3) На славянских съездах не будет нужно какого-либо другого языка.

4) «Несмотря на различие государственных рамок, в славянском мире будет открыта артерия, по которой будет совершаться процесс кровообращения в образовавшемся славянском организме, и излишек жизненных сил одной его части будет передаваться другой, где случайно может произойти застой в движении питательных соков».

5) Чехи и словенцы будут соперничать на книжных рынках с немцами и итальянцами.

6) Кругозор ученых и поэтов расширится до бесконечности; они будут говорить не от лица крошечных народов, а от имени славянского мира.

Россия не раз защищала славян. На Куликовом поле она выиграла потерянное на Косовом. Не раз повторялось это затем. Россия несёт свои обязанности, следовательно, имеет и свои права. Принятие всеславянского языка было бы жертвой со стороны славян — такой, на какую Россия имеет право и которая сулит возможности развития.

Гораздо меньше общеславянским языком занималась аксаковская «Москва». Именно славянофилов имел в виду «Голос», когда упоминал, что некоторые

считают неловким поднимать этот вопрос. «Москва» заговорила о нем только раз, да и то в статье не бывшего настоящим славянофилом Н. П. Гилярова-Платонова, напечатанной в период временного редактирования газеты Н. А. Поповым. И. С. Аксаков вопросом о языке не занимался, несмотря на вопль, с каким обратился к нему в период съезда Ф. И. Тютчев: «Вот что при первой встрече, при первом соприкосновении почувствовалось, — это отсутствие общего языка. Этот многовековой факт разразился каким-то неожиданным, сказочным, всех потрясающим открытием, всем как-то стало страшно неловко, — такую неловкость, кажется, чувствовали предки на другой день после столпотворения Вавилонского. Вот где ключ позиции, и им-то надо завладеть во что бы то ни стало. Надеюсь, что у Вас в Москве все усилия будут устремлены именно на это. Это для славянского дела, для славян вообще, будет вторым даром слова, без какого они в отношении друг к другу сами становятся настоящими немцами, и, к довершению позора, выходят из этой немоты не иначе как усвоением языка так называемых немцев»¹⁸².

Отношение к этому вопросу «Москвы» объясняется общей позицией И. С. Аксакова, провозглашавшего, что Россия «желает только свободы духа и жизни славянским племенам, остающимся верными и славянскому братству. Она представляет им собою такую нравственную, а потому и политическую точку опоры, которая стоит всякой материальной помощи и вне которой нет им спасения»¹⁸³. Но Россия еще не в силах решить славянского вопроса, так как не вся прониклась славянским сознанием, ее политика не стала вполне национальной, т. е. славянской, ее национальное самосознание остается только русским, тогда как «полнота русского народного самосознания» невозможна без сознания славянского происхождения¹⁸⁴. Сама Россия не поняла еще себя, как средото-

¹⁸² Центр. гос. лит. архив, ф. Тютчева, письма Ф. И. Тютчева И. С. Аксакову от 10 июня 1867 г.

¹⁸³ «Москва» № 69 от 28 марта 1867 г.

¹⁸⁴ «Москва» № 72 от 1 июля 1867 г.

чие славянского мира и не осознала своего призвания. И эти чисто русские недостатки препятствуют немедленной постановке практических вопросов славянского объединения. Однако обязанность России — «призвать все славянские племена к участию в самостоятельной жизни славянства. Пути, способы, средства, формы — нам неведомы и составляют тайну истории, но несомненно одно, что участниками этой жизни могут быть только племена, которые перетерпят до конца, устоят в борьбе с внешним врагом и с собственными искушениями и останутся верными завету славянского братства, следовательно, неразрывного братства с Россией»¹⁸⁵.

Воздержания И. С. Аксакова от резкой постановки вопроса вытекало из общих его взглядов и было связано с правильным пониманием обстановки, в которой происходил съезд. Вся сила аксаковской позиции дала себя знать в ответе на выпад одного из профессоров Харьковского университета, утверждавшего, что славянофилы — завоевательная партия. «На славянском съезде, — отвечала передовая «Москва», — со стороны русских не только не прорывались стремления к гегемонии над славянством, не только не было выражено желаний прибрать славян к рукам, но, напротив, употреблены были с русской стороны все усилия, чтобы рассеять в славянах предубеждение против завоевательных похотей России»¹⁸⁶.

Точка зрения И. С. Аксакова в той или иной степени разделялась другими славянофилами. О. Ф. Миллер еще в 1865 г. писал по поводу «Обзора истории славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, что он согласен с упреками А. Н. Пыпина, говорившего, что у славянофилов проглядывает стремление к русской гегемонии. «Столько же правды, — писал он, — по-моему, и в его насмешках над указыванием славянам обязательного для них усвоения русского языка. Не нам, ни под каким

¹⁸⁵ «Москва» № 77 от 7 июля 1867 г.

¹⁸⁶ «Москва» № 170 от 3 ноября 1867 г.

видом, не нам самим, особливо же после всех наших прежних «специальных» грехов, твердить и натверживать славянству об этом»¹⁸⁷. И, несмотря на то, что Н. А. Попов и В. И. Ламанский расходились с И. С. Аксаковым¹⁸⁸ и были еще до съезда пропагандистами общего языка, на съезде даже они ограничивались смутными намеками и общими лозунгами.

Руководящее значение в обсуждении этого вопроса играли другие, указанные выше элементы. Упорно на протяжении всего съезда М. П. Погодин повторял свою мысль об установлении единого славянского языка и азбуки. То же он писал и по отъезде славянских гостей. Но к мотивам языкового порядка он прибавлял и другие. «Я оставил давно панславистские (всеславянские) мечтания и давно не думаю ни о каких соединениях, но, смотря на славян, я невольно чувствовал, что это — радиусы, которые должны стремиться к одному центру, если не хотят потерять своей народности». Иначе им не сохранить даже самого своего существования. Какую форму примет объединение славян — это М. П. Погодин отказывался предвидеть, считал не исключенной возможность возникновения союза швейцарского типа, но на этом не настаивал¹⁸⁹.

С вопросом о славянском единстве был связан организационный вопрос. Надо было установить какие-то формы связей, продолжать созывы съездов, поэтому в Москве состоялось заседание комитета по организации съездов. В него вошли: М. П. Погодин, И. С. Аксаков, М. Н. Катков, Н. А. Попов, славист П. А. Лавровский, Н. Б. Бугаев¹⁹⁰, Я. Ф. Головацкий, И. Субботич, М. Полит, Ф. Палацкий, Ф. Ригер,

¹⁸⁷ О. Ф. Миллер. Славянство и Европа. СПб., 1877, стр. 64.

¹⁸⁸ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, архив Н. А. Попова, М., 3602

¹⁸⁹ «Русский», 1867, № 25—26, стр. 390.

¹⁹⁰ В тексте Вавры — Богенев (K a z b u n d a. Ук. соч., стр. 129). Бугаев — профессор математики в Московском университете, после съезда вступил в Славянский комитет. Вероятно, его и имеет в виду Вавра,

Г. Эрбен. На заседании комитета Палацкий произнес речь, в которой доказывал необходимость пробуждения славянской солидарности. Славяне, говорил он, дадут отпор чужой руке, которая хотела бы взять их за горло. Австрийское правительство думало, что чешское движение замрет, лишенное поддержки и помощи, но чехи просуществовали. Мы уже, говорил он, даже не ручеек; перед нами лежит славянское море. Славянское единство понималось Палацким в виде учено-литературного общения и содействия развитию славянской солидарности. После Палацкого Н. А. Попов говорил о чешско-русской любви. Шли, по-видимому, споры о возможности придания славянскому общению более осязательной формы, но на деле все ограничилось решением о созыве периодически (не реже раза в два года) всеславянских съездов. «На этих съездах, — говорилось в решении, — будут подвергаться свободному обсуждению различные вопросы в видах научного, литературного, художественного и вообще нравственного сближения славян¹⁹¹. Местные съезды должны были готовить эти вопросы.

Это был минимум, о котором удалось договориться. Сторонники русской гегемонии в славянском движении — М. Н. Катков и др. — выдвигали проект создания общеславянской организации — Всеславянской матицы¹⁹², но он не встретил сочувствия ни чехов, ни сербов. Поэтому вопрос о более тесном организационном сближении был отложен.

Этим постановлением ограничилась положительная работа съезда.

Итог его не вполне удовлетворил участников; причины неудовлетворенности были различны. Часть славян была недовольна поверхностным знакомством

¹⁹¹ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 410.

¹⁹² Характерно, что в печати эта мысль была поддержана либеральными «С.-Петербургскими ведомостями». «Если когда-нибудь литературным языком будет признан в славянстве язык русский, то разве только при существовании славянского общества вроде Матицы, но Матицы не русской только, а всеславянской» («С.-Петербургские ведомости» № 163 от 15 июня 1867 г. В. М. — «Из славянских земель»).

с Россией. Когда во время своего пребывания в Москве, — вспоминал позже О. Ф. Миллер, — некоторые из наших славянских гостей захотели, освободившись от обедов с речами, от осмотра разных достопримечательностей и т. п., выехать из столицы, чтобы заглянуть, хоть налетом в деревню, — тогда почувствовался, говорили, немалый переполюх между некоторыми из русских — переполюх от того, что Русь таким образом должна была представиться нашим братьям не только с торжественной, но и с будничной своей стороны»¹⁹³. Как параллель к этому можно напомнить приводившиеся уже неоднократно заметки Вавры, что русских герценовского лагеря видеть не удалось. Ощущение неполноценности наблюдения и знакомства с Россией имело место у славян.

Близкое соприкосновение со славянофилами иногда вызывало раздражение приезжих славян. Последним не нравился поучительный тон славянофилов, непонимание ими местных условий, незнание славянской жизни, литературы и т. п. Миличевич говорил московским студентам: «Мы много сил употребляем на ознакомление с вашей литературой; но надо бы и вам познакомиться с сербской, особенно с ее народной поэзией». Он советовал избирать для путешествий славянские страны, что позволило бы познакомиться с их жизнью¹⁹⁴. Миличевич же не без досады рассказывает в своих записках два характерных случая. Будучи у А. И. Кошелева, он разговорился с дочерью А. С. Хомякова, которая судила вкривь и вкось о сербских делах, о князе Михаиле. «Я ей рассказывал все что есть, и как оно есть, но она не поверила — она все знает! Эти фанатические «православные» часто впадают в смешные ошибки, не видят в своем глазу бревна, а замечают соринку в чужом! В ихней церкви много католических особенностей, а они боятся, что мы окатоличимся! Хорошо заботиться о своем, но думать и

¹⁹³ О. Ф. Миллер. Ук. соч., стр. 84.

¹⁹⁴ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 330.

доказывать, что сербство дороже русскому, чем сербу, это не только смешно, но это — настоящая обида так много страдавшему народу»¹⁹⁵. В еще большей степени раздражил Миличевича В. Мещерский. Во время посещения Троице-Сергиевской лавры он заподозрил православие Миличевича, так как тот, по его мнению, недостаточно горячо молился и мало положил земных поклонов у мощей¹⁹⁶.

Особое значение, придававшееся славянофилами религиозному моменту, в связи со съездом проявилось вполне и открыто. У православного серба Миличевича оно вызывало раздражение, у католика, австрийского посланника гр. Ревертера — усмешку. «Многие удивляются, — писал он, — что среди 70 приглашенных имеется только 11 православных. Графиня Антуанетта Блудова не перестает изумляться»¹⁹⁷. Один из петербургских корреспондентов М. Н. Каткова (А. М. Гезен) сообщал ему, сетуя на славянофилов: «Некоторые из южных славян и чехов говорили мне, что они замечают в русском обществе большую склонность к прозелитизму и что об этом надобно жалеть потому, что подобные стремления могут оттолкнуть многих из них от России, особенно южных славян, между которыми теперь, благодаря общности политических интересов, господствует совершенное единодушие, несмотря на различие вероисповеданий»¹⁹⁸. Миллер заметил: «Многие у нас обижались, что внимательно приглядываясь ко всему на Руси, наши, особенно западные, соплеменники старались себе уяснить, насколько мы европейцы. Но ведь это значило между прочим и уяснить себе, насколько мы способны к борьбе с Европой, насколько мы владеем ее же средствами, чтобы оказаться такой силой, которой только в состоянии она уступить при своем политическом реализме. Наши западные соплеменники, ближе нас знакомые с

¹⁹⁵ Миличевич. Ук. соч., стр. 65.

¹⁹⁶ См. там же, стр. 67.

¹⁹⁷ Kazbunda. Ук. соч., стр. 62.

¹⁹⁸ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, архив Каткова, Кат. 20, л. 82 об.

европейскими своими соседями, лучше нас понимали, что европейская проповедь гуманных начал — это такая поэзия, которой не совсем-то поддается в Европе действительность с ее верховным началом — выгодой. Вот нашим соплеменникам и важно было узнать, в какой мере мы в состоянии не только идеально увлечься правым делом славян, но и практически устоять в благородном своем увлечении, т. е. сумеем доказать правоту этого дела при помощи материальной силы, вооруженной всеми усовершенствованиями современного «кулачного права»¹⁹⁹.

Славянам был показан Кронштадт и русские военные суда, но разговоры на конкретные темы, не только военного порядка, были бесплодны. Корреспондент «Русского инвалида», все время соприкасавшийся со славянами по своей работе в пресс-бюро съезда, замечал, что сербские журналисты стремились сговориться о совместных действиях сербской и русской печати против Турции. «На этот счет могло бы быть многое условлено в недавнее посещение. Почему же оно не условлено? Скажем прямо, что иные из них уехали с упреком нам, что не было времени переговорить о многом, что мучит и занимает их. Но разве в лице и говоре каждого русского не читали они, когда речь заходила о политике: «Теперь не время!» И точно не время было думать о турках и немцах, когда тут еще славяне знакомились впервые со славянами»²⁰⁰.

Последнее из указанных частных разочарований подводит нас вплотную к основному и главному. Понимание ближайших задач и нужд славянского единения, славянской политики и конкретных вопросов оказалось у участников съезда — русских и приезжих — различным с начала и до конца. Отсюда и разочарование со стороны русских. Говоря о существовании съезда, «Голос» замечал: «Характер был в о с

¹⁹⁹ О. Ф. Миллер. Ук. соч., стр. III—IV.

²⁰⁰ «Русский инвалид» № 177 от 29 июля 1867 г. В. Андреев. Славянский съезд в России.

клицательный — больше из междометий; цели — разные препинательные: кому хотелось политики, кому языка, а кому просто духа; результаты, наконец, пока очень вопросительные, а общее впечатление — недоумение»²⁰¹. Но газета спешила оговориться, что это впечатление — не решающее, все зависит от восприятия всего происшедшего славянами, и заявляла, что съезд не кончился, а только начался.

Русские панславистские круги не хотели примириться с неудачей. Они ясно понимали, что поставленные ими цели и формы их реализации полностью отвергнуты подавляющим большинством славян, но принять это поражение и признать его не желали; они решили борьбу продолжать. И именно об этом говорил в цитированной передовой статье «Голос».

Возможность для этого представилась через год, когда в связи с закладкой чешского театра в Праге на торжество были приглашены депутаты из разных славянских стран. Россию представляли В. И. Ламанский, А. Наронович, член Петербургского славянского комитета, и В. Губин, один из тех студентов, которые во время съезда посещали славянских гостей, в описываемое время — корреспондент «Московских ведомостей» в Праге. На этот раз русская делегация была делегацией Славянского комитета и то, что на съезде 1867 г. не выступало на первый план и открывалось лишь из сопоставления всех данных, теперь обнаружилось вполне отчетливо. Центром, объединявшим все панславистские течения, был Славянский комитет, он и выступал на секретном съезде 1868 г. с предложением попыток создать общеславянскую организацию. При этом на сей раз И. С. Аксаков и его сторонники участия в деле не приняли.

4—5 (16—17) мая 1868 г. произошла торже-

²⁰¹ «Голос» № 166 от 18 (30) июня 1867 г.

ственная закладка театра²⁰², а независимо от нее в Стромовке, близ Праги, состоялось секретное совещание под председательством Сладковского, где, кроме русских представителей, присутствовали чехи: Ригер, младочехи Грегр, Чижек, Кучера, Вавра, главный вождь младочехов — Сладковский, склонный к сближению с Россией (ради чего в 1869 г. он принял православие); сербы — Субботич, Крестич, Куюнджич²⁰³, Павлевич, Костич, Копать, Гершич. Заседание открылось вступительной речью председателя Сладковского, который, отмечая, что с Московского съезда прошел год, выражал желание, «чтобы мысль о славянской взаимности не загинула»²⁰⁴, указывал, что без русских никто не сможет действовать, и предлагал устраивать съезды и создать комитет по образцу Московского. Мнения разделились. Грегр высказался безусловно в пользу создания центрального Славянского комитета, опирающегося на сеть местных комитетов. «Мы должны также посредством этих комитетов позаботиться о выработке политического славянского языка и развитии славянской политики». Ригер занял уклончивую позицию. Сначала он признал желательным центральный комитет, который «должен быть не чисто политическим, не чисто литературным, а лишь объединением духовным», но как только против мысли о создании центра выступил Чижек, Ригер вновь взял слово. На этот раз он говорил о политических трудностях и препятствиях со стороны правительства для деятельности комитетов и настаивал, что «главная задача наша — обмен идей». Русские по-

²⁰² Подробное описание связанных с этим торжеств дано в корреспонденции В. Губина в «Современной летописи» № 17 за 1868 г. «Из Праги» и в статье Н. А. Попова в «Московских университетских известиях».

²⁰³ Милан Куюнджич — сербский оmlадинский поэт и философ. Радикал по политическим взглядам, он был организатором первых в Сербии воскресных школ и активным сотрудником газет «Србија» и «Млада Србадија», краткую характеристику его литературной деятельности дает Скерлич (ук. соч., стр. 540—542).

²⁰⁴ ЦГИАМ, ф. 1750, д. № 16 лл. 1—7.

пытались отстоять свой план. Наранович недоумевал, кто же при отсутствии центрального комитета будет созывать съезды. Губин считал, что «он (комитет. — С. И.) может быть подвижным, удаляющимся с того места, где всего более усиливается партикуляризм славянский или начинается преследование правительства и вообще реакция против славянского объединения», на самый же крайний случай предлагал признать центральным Московский комитет.

Сербы дружно отвергали идею центрального комитета, полагая достаточным существование местных комитетов и периодические съезды, однако разошлись между собой в определении характера будущей деятельности. Субботич отстаивал аполитичный характер общеславянской программы. Куюнджич возражал: «Уж если нужны комитеты, то они должны быть основаны на либеральных началах; иначе вовсе пусть не будет их. Нам славянам — не век жить в оковах, да и не по характеру несвободные учреждения». Это выступление побудило Кучеру дать отповедь оmlадинскому оратору. «Мы не произведем революции, — возражал он, — не объявим панславистской борьбы правительствам австрийскому и турецкому. Пусть они доживают свой век. Мы сосредоточим наше внимание на нуждах и потребностях славянских народов, которых так много. Но местные комитеты нужны, так как обеспечат организацию, без чего все останется по-старому».

В итоге обсуждения мысль о создании центрального комитета была отвергнута, признаны необходимыми местные комитеты. Имена трех лиц, кому каждый местный комитет поручал внешние сношения, должны были быть сообщены М. П. Погодину; решено было созывать периодические съезды; ближайший был назначен на следующий, 1869 год, в Белграде. Переговоры с сербским правительством о разрешении съезда поручались Погодину и сербскому комитету.

Губин счел решение победой русской точки зре-

ния. «Как ни отнекивались от центрального комитета люди, по преимуществу, старых феодально-федеральных партий, а все-таки высказались за него и отчасти за признание таковым Московского комитета, что видно из решений. На молодую либеральную, демократическую партию в славянских землях, кажется, можно больше полагаться, хотя нельзя вполне доверяться». Однако это было не так. Возражения против центрального комитета были сопротивлением «гегемоническому панславизму» русских, так как было ясно, что существование подобного комитета на территории Австрии или Турции невозможно. Оставалась тогда только одна возможность — пребывание его в России.

Решение Стромовского совещания в действительности было вторым поражением русских Славянских комитетов с их панславистским руководством. Для славян, которых Славянские комитеты собирались вести за собой, оказались одинаково неприемлемыми их общие задачи, и практические из них выводы, и организационные формы движения. И если первый удар нанесли старочехи и представители сербской Омладины, второй и окончательный пришелся со стороны младочехов и тех же сербских омладинцев. Чехи и сербы были наиболее сильные и тяготевающие к России группы из числа представленных на съезде групп. И обе они значительно разочаровались в своих надеждах на Славянские комитеты в России. В крупной попытке широкой внешнеполитической акции, какой были съезды 1867—1868 гг., в стремлении реализовать руководящее и главенствующее положение России в среде прочих славян, о чем согласно учили и славянофилы, и заграничные панслависты, как Л. Штур, и русские панслависты из реакционного и либерального лагерей, Славянский комитет потерпел поражение. Это был первый результат, и в этом было основное значение съездов. Попытка выйти практически, в своей политической деятельности, на европейскую арену и занять положение гегемона в славянском движении окончилась крахом для русского великодержавного панславизма.

Хотя славяне частично разочаровались в возможности осуществления своих политических надежд при помощи России, хотя съезд не побудил австрийское правительство капитулировать перед славянской демонстрацией в Москве²⁰⁵, хотя славяне и отвергли предложение Славянских комитетов, все же съезды принесли не только разочарование. Вавра был поражен и потрясен виденным; он признал, что «Москва — действительная резиденция панславизма»²⁰⁶. А по возвращении в Прагу он издал брошюру «Hlas o slovanske jednotě», где признавал необходимость не только литературного, но и политического объединения славян. Однако, и Вавра несколько иронизировал над Гамерником, для которого «Россия — небо, царь — бог-отец, Константин — бог-сын, Толстой — дух-святой, Горчаков — святой Петр, русская Академия — собор святых, а все русские — ангелы»²⁰⁷. Грегр на страницах своего Dennik'a констатировал, что чехи воодушевлены русскими, а брат его Юлий возвратился с убеждением, что русские сохранили много остатков патриархального славянского быта и что в основе русских социальных отношений доминируют демократические черты. Он признавал, что России принадлежит самая блестящая будущность в Европе и что русский народ неизмеримо ближе к чехам, чем поляки²⁰⁸.

Палацкий отмечал успехи и прогресс России; он отличал русских националистов, в которых нет славянского духа, от русского народа. А этот последний, по его мнению, близок к чехам. Палацкий, в частности, находил общее у гуситов и раскольников. Свои взгляды Палацкий вместе с Ригером заявили и открыто в полемике против Бейста в 1868 г. Таким образом, и вождь старочехов и младочехи выражали

²⁰⁵ Z d T o b o l k a. Politické dejiny ceskoslovenského národa od R. 1848 az. do dnesní doby, díl II Praha, 1933, стр. 157.

²⁰⁶ K a z b u n d a. Ук. соч., стр. 127.

²⁰⁷ Там же, стр. 130.

²⁰⁸ P r e l o g. Ук. соч., стр. 144.

свои симпатии России и русскому народу, хотя и чувствовали недоверие к русскому правительству, по мнению Палацкого, расположенному к славянам чисто платонически.

Младочехи были сильнее захвачены влиянием русского панславизма, чем старочехи. В связи с подготовкой празднования юбилея Я. Гуса в 1868 г. было устроено предпразднество, обнаружившее несогласие и раскол в среде чешских политических деятелей. Возникла мысль о создании нового комитета по организации торжеств в составе Сладковского, Кучеры, Э. Грегга, Вавры и других, и предполагалось во время праздника обсудить вопрос о признании русского языка дипломатическим языком славян. В этом смысле высказывались оба Грегга, Сладковский, Кучера²⁰⁹. В чешской среде жил так называемый «Константинов план», и Ригер защищал идею франко-русского союза с тем, чтобы Россия и Франция общими силами создали Чешское королевство с Вячеславом Константиновичем во главе. Существование этой идеи поддерживалось угрозами немецкой печати, ряд представителей которой заявлял: «...если чехи теперь действительно хотят восстановить солидарность с восточными славянами, если они среди надвигающегося славянства станут колом в немецком теле, то Германия имеет полное основание принять участие в воспрепятствовании этому процессу» («Силезская газета») ²¹⁰. С осуществлением этого плана Ригер связывал введение русского языка: лет через 20 после воссоздания Чешского государства, по его мнению, распространится и русский язык. Первое было для него условием второго ²¹¹.

Отдельные славянские группы признавали возможным опираться для реализации своих целей на Славянские комитеты. Так, в мае 1869 г. Н. А. Попов получил от словацкого деятеля Д. Фея-Раковского

²⁰⁹ ЦГИАМ, ф. 1750, д. № 16, л. 13—14.

²¹⁰ «Московские ведомости» № 129 от 13 июня 1867 г.

²¹¹ ЦГИАМ, ф. 1750, д. № 16, л. 13—14.

письмо с приглашением на собрание словаков в Будинских горах²¹². «Не мешало бы, Нил Александрович, если бы московские клубы или кто-нибудь из Москвы хотели удостоить это собрание своего внимания (так!) — словаки были всегда поборниками взаимности славянской. Это бы немного обеспокоило мадьяр». В этой же связи можно отметить факт посылки американскими чехами адреса Александру II.

Фрич, выступавший перед съездом с протестом против поездки чехов в Россию, начал действовать и теперь. Он завязал полемику с Браунером и обвинял участников съезда, что они скомпрометировали чешский народ в глазах демократии²¹³. А. Браунер отвечал, что если бы Фрич и Герцен побывали в России, то увидели бы, что там наступила эра прогресса и русский народ перестал быть пассивным²¹⁴. Поездка в Россию и совпавший с ней выстрел Березовского окончательно убили полонофильство чехов, и только Фрич усиленно поддерживал связи с поляками ради противодействия чешскому руководству, определявшему господствующее направление в политических кругах.

Интерес славянства к России отразила и печать.

²¹² Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, архив Н. А. Попова, письмо от 14 (26) мая 1869 г.

²¹³ Находившийся в период съезда и после него за границей Ф. М. Достоевский писал А. Н. Майкову 26 октября (7 ноября) 1868 г. из Милана: «По-моему, друг мой, нам слишком гоняться за славянством не надо, т. е. слишком! Надо, чтобы они сами к нам пришли. После Славянского съезда в Москве некоторые из славян же, возвратясь к себе, подшучивали свысока над русскими за то, что «руководствовать другими взялись и как бы импонировать славянам, а у самих-то еще что и какое малое самосознание» и т. д. и т. д. И поверьте, что многие из славян в Праге, например, судят нас с совершенно западных точек зрения, с немецкой и французской, и даже может быть удивляются, что у нас славянофилы, например, мало заботятся об общепринятых нормах западной цивилизации. Так, что нам, например, гоняться-то бы подождать за славянами. Изучать — дело другое; помочь тоже можно; но брататься лезть не надо, но только лезть, потому что братьями их считать и как с братьями поступать с ними, несомненно, должно» (Письма Достоевского, т. II, стр. 43).

²¹⁴ См. P r e l o g. Ук. соч., стр. 140.

«С этого времени, — говорят историки чешской литературы, — начинают звучать в чешской литературе и публицистике все чаще и чаще идеи русского славянофильства, в особенности его младшей ветви, заменившей церковно-религиозные идеалы национальными и культурно-политическими»²¹⁵. «Narodní Noviny» писали, что в России господствует политическая свобода не меньшая, чем в Австрии. Они же рекомендовали изучение русского языка как языка многочисленного и сильнейшего славянского народа²¹⁶. Журнал «Posel z Prahy» в майском номере (№ 63) напечатал пространное письмо в редакцию, где доказывал целесообразность изучения русского языка. Словацкие «Пещь-Будинские ведомости» настаивали на необходимости изучения русского языка²¹⁷.

Оживились и окрепли научно-литературные связи. Вторая половина 60-х гг. дает значительные отложения эпистолярного материала в архивах русских славистов. Переписка с Патерой, Эрбеном, Колоусеком, издателем «Slavische Blätter» Лукшичем и др. занимает большое место в архивах русских славистов. Славяне интересуются русскими журналами, книгами, библиографией²¹⁸. Из разных мест к секретарю Московского славянского комитета Н. А. Попову поступали запросы относительно словарей и литературы. Распространялось изучение русского языка. Один из русских корреспондентов Н. А. Попова сообщал ему из Вены: «На моих глазах в течение этих 9 месяцев совершилась уже огромная перемена: два общества — чешское и словацкое — принялись учиться по-русски и теперь уже члены их читают и гово-

²¹⁵ Я. Якубец и А. Новак. История чешской литературы, ч. II. Прага, 1926, стр. 50.

²¹⁶ «Современная летопись» № 21, 1867 г.; «Московские ведомости» № 128 от 12 июня 1867 г.

²¹⁷ В. И. Ламанский. Распространение русского языка у западных славян. «Журнал министерства народного просвещения», июнь 1867 г.

²¹⁸ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, архив Н. Попова, М., 3602, письма 1867—1869 годов.

рят по-русски»²¹⁹. Интерес к русскому языку коснулся и взрослых и молодежи. Гимназист из Скутеча (Чехия) сообщал о создании гимназического союза для изучения славянских литератур и истории и просил русских книг; в конце письма он интересовался возможностями приехать учиться в Россию²²⁰.

Были своеобразные бытовые проявления русских симпатий. Кое-где в пражских магазинах появились русские вывески, в одном магазине (Неффа) завели даже орган, наигрывавший «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан»²²¹; в частных домах распространились маленькие шарманки, игравшие русский гимн. Брат известного словацкого деятеля П. Кузмани-Владислав, купивший в 1879 г. имение, решил выстроить для украинцев, живших в имении, русские избы и выписал через Н. Попова рисунки и чертежи их²²². Но пестрота проявлений этих симпатий свидетельствует об отсутствии глубокой общественной основы для них и о сосредоточении интереса к России главным образом в кругу политических и научно-литературных деятелей. Вне этого круга мы находим лишь отраженное влияние, проявлявшееся в указанной поверхностной форме²²³.

Огромное впечатление произвела Россия и на

²¹⁹ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, письма кв. Н. Енгальчева от 22/IV, 14/VII 1867 г.

²²⁰ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, архив Н. Попова, М., 3602, письмо от 3 сентября 1869 г.

²²¹ «Современная летопись» № 29, 1868 г.

²²² Отд. рукописей Б-ки им. Ленина архив Н. Попова, М., 3602, письмо от 4 июля 1868 г.

²²³ Чешский корреспондент «Современной летописи» отмечал, что чехи, «высказывая расположение к России, таят, под весьма прозрачным покровом, временный и случайный политический расчет, в силу которого им хочется своим кажущимся сближением с Россией просто запугать немцев, достигнуть своих политических целей, а затем, пожалуй, и проститься со своими друзьями и, быть может, даже перейти во враждебный лагерь, если окажется в том выгода; попадают и такие господа, которые говорят о пользе союза с Россией только ради материальной силы России и дают чувствовать превосходство своей культуры, просвещения, социальных отношений» («Современная летопись» № 29, 1868. Р. Н. Из Австрии).

южных славян. В восхищении от её неодолимой силы, богатства и возможностей вернулся на родину Субботич²²⁴. Венская «Debatte» обвиняла в русофильстве хорватов и называла Матковича, Коржинка и других представителями этого течения, а хорватский бан Раух побуждал кардинала Гавлика опубликовать обращение к духовенству, направленное против панславизма.

В загребском «Розог» появилось несколько статей Мишкатовича, который приехал позже других участников славянской делегации, но оставался дольше в России. Он протестовал против неосновательных силетен немецких газет, будто Этнографическая выставка и Славянский съезд — интриганская затея русского правительства. Он отмечал участие общества и полное отстранение правительства, руководящие деятели которого подозрительно смотрели на славянофильские затеи²²⁵.

В архиве Н. А. Попова сохранилось хорватское письмо за двумя неразборчивыми подписями, где речь идет о борьбе хорватов против Австрии и о желательности русской поддержки²²⁶. Милутинович, один из участников съезда, просил русской поддержки в борьбе против караджичевской орфографии, которая уводит все дальше «от всеславянского вожделенного единства»²²⁷. Другой участник поездки в Россию, Миличевич, писал Н. А. Попову: «последствия всеславянского съезда еще по сю пору не видены и не оценены. Я не буду поминать тот радостный трепет сердца, который чувствую каждый раз при помысле о Петербурге или Белокаменной Москве, а просто укажу на свой писемный (так! — С. Н.) стол, на котором теперь лежит множество книг русских, составляющих самый драгоценный вклад для меня и всей моей деятельности»²²⁸. Подоб-

²²⁴ P r e l o g. Ук. соч., стр. 140.

²²⁵ Там же, стр. 151.

²²⁶ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, архив Н. Попова, М., 3602.

²²⁷ Там же, письмо от 23 октября 1869 г.

²²⁸ Там же, письмо от 4 марта 1869 г.

по чехам, сербы просили русских словарей, интересовались книгами о русской и украинской литературе²²⁹. Однако среди южных славян симпатии к России оказались также неглубокими и, как следовало ожидать, имели оттенок политического расчета. Полит, произносивший на съезде горячие речи, характеризующий в своих воспоминаниях съезд как единственное в истории явление все же выступил в «Заставе» по поводу враждебных славянам статей и утверждал, что Россией владеют немцы и что сербы все не могут понять, что русские и дома не хозяева²³⁰. А в пражской «Politik» (июль 1867 г.) он писал: «Нас упрекают за симпатии к России; но эти симпатии имеют границы: если когда-либо Россия станет угрожать самостоятельности Сербии, она встретит в сербах врагов еще более ожесточенных, нежели в поляках»²³¹.

Известный французский славист Л. Леже в момент возвращения хорватских участников съезда 1867 г. был в Загребе, видел возвратившихся из Москвы и так формулирует их мысли: «Хорваты ищут и находят симпатии к австрийским славянам; они не считают нужным отказываться от тех, какие в России предлагает так называемая партия славянофилов»²³².

По-видимому, значительное влияние съезд оказал на Черногорию. Известны представления французского консула в Цетинье, действовавшего совместно с Австрией против панславизма²³³. О расположении к русской молодежи говорило приглашение русских на оmlадинскую скупщину в Белград, при-

²²⁹ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, архив Н. Попова, М. 3602, письма архимандрита Ковачевича от 15 февраля 1868 г. и издателя «Knjizevna Zabava hrvatskosrbska» от 2 мая 1869 г.

²³⁰ «Современная летопись», № 9, 1869.

²³¹ Цит. по статье Р. Н. «Из Австрии». «Современная летопись» № 29, 1868.

²³² См. L. Legér. Le panslavisme et l'intérêt français. Paris, 1917, p. 232.

²³³ В. Ћорђевић. Црна Гора и Аустрија 1814—1894, стр. 257.

ветствие по адресу русских представителей и предоставление одному из них слова для доклада о правах женщин²³⁴.

Все же, несмотря на приведенные факты, следует сказать, что у южных славян отклики на съезды были слабыми; это, может быть, отчасти объясняется условиями их политического бытия, а в большей мере той обостренностью политических стремлений, какая была характерна для южнославянских настроений 1867 г., и тем политическим поворотом²³⁵, какой последовал в политике сербского правительства со второй половины того года.

Таким образом, нельзя говорить, что Славянские съезды прошли бесследно для славян. Они показали славянам, что в России существует тяготеющее к славянам общественное течение, но оно базировалось на чуждой славянам идеологической основе. Славяне были разочарованы в непосредственных политических последствиях встречи, свидетельством чего был крах попыток русских панславистов. Но надежды, которые появились в связи с поездкой в Москву, надежды, возникшие в условиях борьбы против угнетателей, стали основой для широко распространенных, хотя и неглубоких симпатий к северным братьям. Встретившись с русской действительностью, познакомившись с русской художественной и научной литературой, славяне приобрели интерес к изучению России и русского языка. При явной политической неудаче съезды явились все же толчком к сближению славян и к укреплению межславянских общественных связей.

* * *

Что касается России, то укоренилось мнение, что съезд не имел для нее никакого политического значения. Такую мысль высказывают авторы специаль-

²³⁴ См. Скерлић. Ук. соч., стр. 184.

²³⁵ См. С. Јовановић. Друга влада Милоша и Михаила. Београд, 1923, стр. 237—258.

ных работ о съезде — Казбунда и Прелог; она настолько вошла в оборот, что часто ее не считают нужным и доказывать²³⁶. О какого рода политических последствиях идет речь у этих авторов? Казбунда и Прелог говорят о внешнеполитических результатах съезда, о влиянии его на положение австрийских славян, на австро-русские отношения в связи со славянским вопросом, но не упоминают о значении его для политической жизни России. Что имеет в виду Пигарев, остается неясным.

Можно сказать одно: мы видели, что съезд не был делом русского правительства, а был организован деятелями Славянского комитета, действовавшими по собственной инициативе. Было бы странно в этих условиях ожидать от съезда прямых внешнеполитических результатов. Взаимоотношения России с другими государствами лежали вне компетенции съезда и кругов, его созвавших. Чтобы установить и правильно оценить последствия съезда, вовсе не сюда должно быть направлено внимание. Результатов этого фактора общественной истории надо искать в общественной сфере.

Можно прежде всего отметить, так как это само бросается в глаза, наличие широкого интереса к славянам и славянскому вопросу, выразившегося в массовых встречах и манифестациях славянской взаимности. Нельзя не остановиться на живом обсуждении вопроса о славянах и славянском съезде в русской печати, где нашли свое выражение различные точки зрения. Реакционно-помещичья «Весть», ориентированная на дружбу с Германией, смотрела на славянские торжества иронически: «Несколько славян, известных и неизвестных, никем впрочем не выбранных и ни на что не уполномоченных, приехали в Москву, на Этнографическую выставку. Сказано много речей, больше поэтических. Выпито много шампанского. Несколько уличных мальчигов крича-

²³⁶ К. Пигарев. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России. «Литературное наследство», т. 19/21, М., 1935, стр. 238.

ли «живио» и «слава». Возражая аксаковской «Москве», утверждавшей, что славянский вопрос стал жизненным для России вопросом, «Весть» продолжала: «При соприкосновении с русской действительностью панславистический бред, вопреки красноречивых ораторов, мальчигов, выучившихся кричать живио, и даже толпы зевак, разбился в пух и прах, потерял всякую возможность быть даже далекою мечтой, обратился просто в ничто»²³⁷. Считая панславистские мечты бредом сумасшедшего, газета не могла пройти мимо самого факта. Она хотела дискредитировать его в глазах своих читателей, с одной стороны, подчеркивая, как мы видели, неудачу съезда, с другой — внушая мысль о ложном политическом пути, на который становятся панслависты. Газета предупреждает, что ориентироваться на славян было бы ошибочно и опасно. «По нашему мнению, политические интересы России очень ясны: поддерживать во всей силе политическую связь с пограничными державами, которая уже в течение ста лет обеспечивает спокойствие нашей западной границы, и наблюдать, чтобы в случае падения Турции, на ее развалинах не составилось какое-либо сильное государство — славянское или греческое, православное или неправославное — все равно, которое бы захватило в свои руки ключ Черного моря, Босфор. Больше, по нашему мнению, нам ничего не надобно»²³⁸.

Люди, чуждые славянским интересам, были в разных слоях общества, и реакционно-помещичья «Весть», понимая это, апеллировала к ним. Она обратилась к московскому купечеству и спрашивала, что общего у купеческих интересов с панславистским безумием? Она правильно направляла свой удар. Уже позднее в своих записках один из московских купцов Н. Найденов подтверждал чуждость московского купечества славянскому воодушевлению. Он писал: «В 1867 году городским управлением, по случаю

²³⁷ «Весть» № 76 от 5 июля 1867 г.

²³⁸ «Весть» № 74 от 30 июня 1867 г.

прибытия в Москву на Этнографическую выставку представителей славянских народностей, были устраиваемы торжества, в том числе праздник в Сокольниках; основанием этого было сближение славян, которому имелось в виду придать также политический характер, хотя это сближение и исходило из увлечения славянофилов»²³⁹.

Если кругам, представленным «Вестью», были чужды интересы к славянскому вопросу, то этого нельзя сказать о демократах. Лучше всего это видно на примере А. И. Герцена, писавшего в «Колоколе»: «Успеха этнографическому всеславянскому съезду мы желаем от души»²⁴⁰. Однако А. И. Герцен считал, что съезд был затеей русского правительства. Уже после съезда, в связи с осложнениями на Крите и неудачными выступлениями чет Филиппа Тотю и Панайота Хитова в Болгарии, он говорил: «Ох, вы, болгары, на русское правительство надейтесь, а на Омар-пашу посматривайте... Москворецким красноречием и невскими посулами худо отвечать пулям и огню»²⁴¹. Сочувствие к славянам сплеталось с недоверием к царскому правительству.

Очень четко те же мысли выражал Н. П. Огарев, писавший М. А. Бакунину: «...я вижу глубокое различие между панславизмом и освобождением славянских народов, ибо панславизм — всего только филологическая фантазия, тогда как освобождение изпод турко-австро-мадьярского гнета становится исторической необходимостью и требованием гуманности». Рано или поздно Россия придет на помощь освобождению славян. Это освобождение Огарев связывал с крестьянской революцией²⁴². Такую же позицию занимал и М. А. Бакунин, утверждавший:

²³⁹ Н. Найденов. Воспоминание с виденном, слышанном и испытанном, вып. 2. М., 1903, стр. 69—70.

²⁴⁰ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. под ред. Лемке, т. XIX, стр. 312.

²⁴¹ Там же, стр. 353, 384, 387.

²⁴² «Литературное наследство», т. 63, М., 1956, стр. 156—157.

«Все это официальное кокетничанье со славянами отвратительно»²⁴³.

Подобные голоса не могли звучать в то время в России так открыто. Только радикальная «Искра» отрицала политическое значение съезда, говоря: «При встрече славян на Варшавской железной дороге наши богатые патриоты и фельетонисты кричали славянам «слава», а те отвечали, улыбаясь самодовольно и подумывали: что-то теперь про нас скажет Австрия и Турция? Что-то скажет Франция и Англия? А в сущности, что же они могут сказать-то? Ну, на кадках мол, стояли — большие ничего. Особенной опасности для Австрии во всем этом не представлялось»²⁴⁴. Результаты же съезда журнал изображал в следующих иронических словах, подчеркивавших мысль о провале съезда: «Славяне, вероятно, очень довольны нами. К сожалению, я не могу того же сказать о нас... Мы ожидали увидеть приехавших наших братьев униженных и оскорбленных, пришедших к нам поучиться уму и разуму, подивиться нашему величию и силе... Мы увидели не людей мудрых, любящих порядок, а людей диких, любящих независимость. Мы говорим им: давайте составим единое стадо; а они нам в ответ: покорно благодарим, — членами стада мы быть не желаем... И своя своих не познаша»²⁴⁵.

Позиция либеральной печати была иной, чем панславистской. Для нее было характерно отмежевание от панславизма²⁴⁶, подчеркивание преимуществ европейского конституционализма, что не давало оснований презирать Запад даже при наличии преследований славян в Австрии: «Все же существуют славянские газеты, которые открыто критикуют и порицают действия министерства, все же существуют и действуют славянские ассоциации, все же славяне

²⁴³ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 303.

²⁴⁴ «Искра» № 18 от 21 мая 1867 г., стр. 218.

²⁴⁵ «Искра» № 21 от 11 июня 1867 г., стр. 255.

²⁴⁶ «С.-Петербургские ведомости» № 145 от 28 мая 1867 г.

едут к нам»²⁴⁷. Для либералов было характерно осуждение открытой захватнической политики: «Не всегда нужно иметь длинные руки, какими гордились Капетинги, собиратели французской земли, чтобы притянуть к себе что-нибудь; магнит притягивает без рук, одною силою своих внутренних качеств, а потому-то и мы думаем, что и в славянском вопросе, как и во многих других вопросах политики, лучшим ее орудием всегда останется хорошее и широкое развитие внутренней жизни общества и государства»²⁴⁸.

Либералы провозглашали примат русских политических целей, а не славянских: «...славянский мир может соединиться с нами, но он должен знать (и это он хорошо знает), что границы в этом соединении будут не славянские, а опять русские... Славянами, мы все, славяне, родились, русскими же мы сделались после величайших вековых трудов и браней; вот почему нельзя требовать от нас, чтобы в своей политике мы были прежде славянами, а потом русскими»²⁴⁹. Либеральная печать выступала с признанием русско-славянских связей как предпосылки реализации политических интересов России и славян: «Мы необходимы славянам. В свою очередь, и славяне необходимы нам. Для нашей торговли и политического значения необходим свободный выход из Босфора и дружественные отношения с странами придунайскими. Всего этого мы можем достигнуть только в тесном союзе с южными и западными славянами. Поэтому пусть укрепляется дружба, и за первым приездом славян следуют другие»²⁵⁰.

Таким образом, в момент съезда и в ближайшее к нему время либеральная печать рассматривала его как явление значительное и могущее иметь практические последствия. Лишь значительно позже под влиянием развития панславизма и боязни осложнений с Германией «С.-Петербургские ведомости» при-

²⁴⁷ «С.-Петербургские ведомости», № 147 от 30 мая 1867 г.

²⁴⁸ «Вестник Европы», 1867, кн. 2, «Историческая хроника», стр. 4.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ «С.-Петербургские ведомости» № 147 от 30 мая 1867 г.

близились в своей оценке к «Искре» и в 1871 г. писали: «Лобызанья и милованья братьев-славян, с бесконечными живью, здравио и слава и т. п. оценены всеми мыслящими людьми по достоинству, как праздная детская забава, как несносный, но невинный вздор, не влекущий за собою равно никаких последствий и не имеющий никакого значения». Но на Западе этому было придано значение, и немцы введены в заблуждение. «Мистификация вышла полная. Махающих картонными мечами немцы приняли за действительных рыцарей всеславянского ордена; а эти мнимые рыцари, видя, что их считают за настоящих, сами этому поверили и почувствовали себя силою...». В действительности — все мираж, пуф²⁵¹.

Однако враждебные и скептические в отношении съезда голоса заглушались хором сочувственных голосов. Они шли из круга, близкого к Комитетам. «Весь этот прием славян, речи и особенно стихотворение Тютчева охватило меня восторгом: потянуло каким-то благодатным воздухом. Против силы вещей итти нельзя. Славянская волна охватила нас, и надо ожидать великих знаменательных событий», — писал в своем дневнике С. М. Сухотин²⁵². То же говорилось в фельетоне, опубликованном в «Голосе»: «Съезд не был политической демонстрацией в полном смысле этого слова, но имеет полное право называться политическим событием огромной важности как потому, что должен иметь серьезное влияние на дело славянского единства, так и потому, что он расшевелил наше общественное мнение и довел публику до таких заявлений, о которых еще недавно, казалось, нельзя было и мечтать». Дело, по мнению «Голоса», затеянное небольшим сравнительно кружком людей, преданных идее славянского единства, сделалось всеобщим достоянием, настроение этого кружка сообщилось сначала всей образованной русской публике, а за ней и народу. До того народ не знал о

²⁵¹ «С.-Петербургские ведомости» № 89 от 2 апреля 1871 г.

²⁵² «Из памятных тетрадей. См. Сухотина». «Русский архив», кн. IV, 1894, стр. 662.

славянах — теперь «сознательно откликается на братание с ним славян». Это особенно проявилось в Кронштадте. Ни кронштадский, ни сокольнический праздник не пройдут бесследно. Каждый простой человек захочет узнать о славянах, а узнав, станет пропагандистом сведений о них в широких народных массах²⁵³.

Почти в тех же выражениях говорила об этом результате съезда «Москва»: «Величайшим благом последствием посещения нас славянами было то, что славянский вопрос в самой России перешел в общественное ведение и сознание, от отвлеченного стал действительным, реальным, из области книжной спустился в жизнь». «Тридцать тысяч народа.., обдегавших павильон, где давался московский пир на весь мир славянский в лице его представителей и приветствовавших вынесенную к ним хоругвь с изображениями св. Кирилла и Мефодия, приобщились разом к познанию своего кровного и духовного братства с славянами»²⁵⁴.

Народный характер торжества подтверждал и М. Н. Катков, о том же говорили «Биржевые ведомости», начавшие для удовлетворения интереса к славянам помещать статьи по истории и современному быту славян. В тех же целях «Русский инвалид» публиковал подробные биографии участников съезда. «С.-Петербургские ведомости», далекие от панславизма, печатали статьи на славянские темы²⁵⁵. Отмалчивались только «Русские ведомости». В качестве первого результата съезда для России можно констатировать проявление славянских интересов в широком общественном кругу.

На этом фоне произошло событие, имеющее большое общественное значение. Славянский съезд был моментом, когда Славянские комитеты выступили в качестве панславистской организации. Об этом го-

²⁵³ «Голос» № 153 от 4 (16) июня 1867 г. «Вседневная жизнь».

²⁵⁴ «Москва» № 72 от 1 июля 1867 г.

²⁵⁵ «С.-Петербургские ведомости», 1867, № 126, 129, 131, 147 и др.

ворят всё приводившиеся ранее факты: опубликование работ Штура, широкое обсуждение вопроса о панславизме газетами, находившимися в руках лиц, связанных с Комитетами, попытка практически разрешить задачи панславистской политики, дальнейшая борьба на съезде 1868 г., наконец, попытка создания органа для пропаганды панславистских идей²⁵⁶. Московский славянский съезд — момент, когда Славянский комитет, зародившийся в качестве благотворительной организации, проявил, наконец, свой подлинный характер и свою политическую сущность. Только теперь разъяснилось, что именно объединяло разнородные элементы, которые входили в его состав. По-видимому, известная общность мнений имела уже в момент его зарождения. В дальнейшем, в силу постоянного соприкосновения, происходило все большее внедрение панславистских идей в сознание участников этой организации; ко времени съезда панславизм стал ясно выраженной идеологией Славянских комитетов. Славянские комитеты выступили в качестве русской панславистской организации, в которой славянофилы представляли одно из течений и в тот момент не самое влиятельное. Таков был второй результат съезда.

Но при этом имело место интересное явление в области идейной эволюции. Теперь, когда вопрос о панславизме вышел наружу, оказалось, что о панславизме больше говорят не славянофилы, а представители других общественно-философских воззрений, и обнаружилось, что понимают они панславизм отнюдь не одинаково. Это было вполне естественно. Позиции славянофилов были давно и вполне ясны. Они были сформулированы в документах, своевременно не получивших гласности, но хорошо известными представителям славянофильского течения, о

²⁵⁶ Письмо Н. Ф. Щербины В. И. Ламанскому от 19 сентября 1867 г. «Русская мысль», кн. II, 1915, стр. 134. Таким органом явились «Русско-славянские отголоски» под редакцией В. К. Иванова, просуществовавшие, однако, очень недолго.

них заявлялось публично в славянофильских газетах.

Мы видели, как остро ставила вопрос о литературном панславизме и русском языке как общеславянском газета «Голос». Эту позицию она отстаивала и в дальнейшем, хотя оказалась вынужденной кое в чем ее видоизменить. В момент окончания съезда «Голос» требовал от славян немедленного принятия его понимания славянской взаимности и русского языка. Позже он признал: «Уяснилось пока одно, что все мы убедились в его (панславизма. — С. Н.) необходимости, сознали существование каких-то еще не определившихся, не формулированных, но уже предчувствуемых и отчасти постигаемых общих всем нам интересов, целей и задач, хотя, надо признаться, что в ближайшем их определении мы пока еще расходимся, что пройдет еще несколько славянских съездов, прежде чем мы, наконец, согласимся в значении для славянского мира термина «панславизм»²⁵⁷. Сам же «Голос» понимал панславизм как единственную организационную форму, как «рамку», в которой «может, до поры до времени, отстоять свою целостность славянский мир, пока сам не начнет движения наступательного; он не есть что-нибудь мечтательное, сочиненное, фантастическое, а народная борьба за существование, борьба нового мира со старым, за признание своих прав на историческую самобытность; наконец, это приговорительная работа истории над будущностью человечества»²⁵⁸. В понимании газеты славяне стояли перед выбором: или остаться славянами, для этого нужно было всеславянское объединение и общий язык, а затем, по-видимому, и более тесная форма близости, или поглощение западной, т. е. немецкой, стихией. Вне этих двух путей было только уничтожение.

Хотя «Голос» в своих статьях подчеркивал, что разногласия в вопросе о характере славянского объединения происходят между разными группами

²⁵⁷ «Голос» № 163 от 15 (27) июня 1867 г.

²⁵⁸ Там же, № 161 от 13 (25) июня 1867 г.

славян, и тем самым как бы утверждал единство понимания вопроса русскими; хотя «Русский инвалид» прямо говорил об единстве²⁵⁹, хотя «Московские ведомости» ни звуком ни выдавали расхождений в русском лагере, эти разногласия существовали и секрет их был выдан «Биржевыми ведомостями» К. В. Трубникова (член Петербургского комитета с 1869 г.), которые выступили с защитой политического объединения славян. Надо сказать, что газета рассуждала логично. Она заявила протест против неискренности русских газет, отрицавших — мы это видели — политический характер съезда. «Биржевые ведомости» признавали, что не научные и социальные интересы собрали славян, а политические, и, не обвиняясь, заявили: «Соединение всех членов этой группы, если можно в одно тело, должно быть целью политических стремлений славян. Мы смотрим на эти стремления как на совершенно законные и согласные с принципом национальностей»²⁶⁰.

Правда, в дальнейшем этой вполне четкой и ясной позиции газета не выдержала, однако для отступления у нее были особые причины, позволяющие заподозрить искренность ее последующих заявлений. В «Revue des deux mondes» появилась статья Ю. Клячко, и против нападок, заключенных в ней, «Биржевые ведомости» решили защитить правительство. Передовая статья «Биржевых ведомостей» отрицала участие правительства в Славянском съезде и несколько иначе формулировала свою позицию: «Исходную точку славянского вопроса нужно искать не в политике кабинета, а в единстве происхождения и интересов славянских народов, единстве интересов не только в области наук, но и в общественной жизни, даже в области практической жизни, торговли и промышленности. Такой «панславизм» не грозит ни одному правительству, ни миру Европы; его политическая сторона, так сказать, исчезает за гуманитар-

²⁵⁹ «Русский инвалид» № 177 от 29 июня (11 июля) 1867 г.

²⁶⁰ «Биржевые ведомости» № 138 от 25 мая 1867 г.

ной»²⁶¹. Через несколько дней газета, отступая еще дальше, оказалась в споре сама с собой. Отмечая разные взгляды на панславизм и выделяя два из них — стремление к политическому и стремление к культурно-нравственному единению, — газета упрекала сторонников первого взгляда в увлечении. Самый же взгляд, осуждаемый ею, она формулировала так: «Теперь уже прямо высказывают иногда, что все славяне должны составить одну политическую семью, одно царство, которое будет грозить Европе»²⁶². Легко видеть, что как раз этот взгляд, от которого она отрекалась теперь, газета защищала тремя месяцами раньше. Может быть, было бы неинтересно проследить конъюнктурные колебания взглядов газеты, если бы они не вели нас к одному важному наблюдению. Запутавшись в непосредственном определении желаемого понимания панславизма, «Биржевые ведомости» перешли к более общим вопросам и посвятили специальную статью противоречиям Запада и Востока²⁶³. Эта статья чрезвычайно характерна: она показывает, что газета обратилась к поискам обоснования своего панславизма и обрела его в славянофильском понимании противоречия двух миров. Для нас особенно важно это ощущение необходимости обоснования, поиски теории, показывающие внутреннюю неустойчивость и брожение в панславистских кругах и объясняющие последующие факты развития этой идеологии.

Таковы были итоги съезда для панславистских кругов — итоги большого значения.

Что касается русского буржуазно-дворянского общества в целом, то увлечение съездом, даже в кру-

²⁶¹ «Биржевые ведомости» № 232 от 1 сентября 1867 г.

²⁶² Там же, № 241 от 10 сентября 1867 г. Эта статья была встречена недовольством со стороны организатора московской выставки В. А. Дашкова, писавшего 19 сентября 1867 г. Н. А. Попову из Берлина о статье Клячко и ответе «Биржевых ведомостей», который он признавал слабым: «Взгляните на статью и на ответ и не надо ли отвечать что-либо посерьезнее?» (Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, архив Н. А. Попова, М., 3602).

²⁶³ Там же, № 292 от 31 октября 1867 г.

гах им захваченных, прошло довольно быстро. Когда к концу июня того же 1867 г. стало известно о репрессиях австрийского правительства в отношении Субботича и Полита, возникла мысль о сборе денег для оказания им помощи. В письме к М. П. Погодину И. С. Аксаков говорил о невозможности собрать деньги, так как мешает глухое летнее время²⁶⁴. Однако прошли месяцы, а настроение общества не обнаружило большего расположения к славянам. Зимой того же года кн. В. А. Черкасский послал И. С. Аксакову пожертвованные им, Н. А. Милютиным и кн. П. Е. Черкасским (племянником В. А. Черкасского) 225 руб., сопровождая их такими словами: «Судя по получаемым номерам «Москвы» и «Московских ведомостей», почин этот не будет лишней, ибо вы кажется до сих пор и пяти копеек не собрали... Признаюсь, это равнодушие общества, непосредственно следующее за множеством пропитых и проеденных по поводу славян нынешнюю весной денег, есть нечто весьма позорное». Он жаловался дальше на неудачность своей попытки побудить к пожертвованию И. С. Тургенева и заканчивал так: «О прочей баденской публике русской и не говорю ничего; я даже и не пробовал...»²⁶⁵.

Сознательные славянские симпатии устойчиво держались лишь в сравнительно узком кругу. Однако Славянский съезд 1867 г. не прошел бесследно для широких слоев русского общества, которое узнало много нового о славянах и обнаружило к ним значительный, хотя и преходящий, интерес. В тайниках общественного сознания остались какие-то следы славянских увлечений 1867 г. Они объясняют ту

²⁶⁴ Центр. гос. лит. архив, ф. Погодина, № 9231/8-62, письмо от 3 июля 1867 г.

²⁶⁵ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Черкасского, копия письма Черкасского Аксакову от 21 ноября (3 декабря) 1867 г. Попытки сбора денег в пользу славян, пострадавших от репрессий австрийского правительства, по-видимому, выходили за пределы близкого к Славянским комитетам круга, как можно думать на основании беглого замечания в письме М. А. Маркович Д. И. Писареву. «Шестидесятые годы». Изд. АН СССР, 1940, стр. 170.

мощную реакцию русского общества, по преимуществу средних и низших кругов его, на призывы к славянской солидарности, которая обнаружилась восемью годами позже.

ГЛАВА III
СЛАВЯНСКИЕ КОМИТЕТЫ НАКАНУНЕ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

1877—1878 гг.

Восточный кризис второй половины 70-х гг. представляет собою явление настолько значительное, что интерес к нему, проявленный литературой, вполне понятен. Однако в истории его развития слабее всего изучена русская сторона вопроса. Эта мысль за последнее время не раз повторялась в англо-американской литературе, давшей ряд крупных исследований проблемы¹. В самом деле, кроме работы С. С. Татищева², статей М. Н. Покровского³, статей А. Л. Попова⁴, да отдельных сочинений по истории войны, как книга П. Гейсмана⁵ и некоторые другие, в нашей литературе нельзя указать ни одного исследова-

¹ Особенно В. Н. Sumner. *Russia and the Balkans 1870—1880*. Oxford, 1937.

² С. С. Татищев. *Император Александр II, жизнь и царствование*, т. II, СПб., 1914.

³ М. Н. Покровский. *Дипломатия и войны царской России в XIX в.* 1914.

⁴ Вступит. ст. к сб. «Авантюры русского царизма в Болгарии», М., 1935; «Внешняя политика самодержавия в XIX в. в «кривом зеркале» М. Н. Покровского» в сб. «Против антимарксистской концепции Покровского». АН СССР, 1910, ч. 2 и др.

⁵ См. П. Гейсман. *Славяно-турецкая борьба 1876—1878 гг. и ее значение в истории развития восточного вопроса*. СПб., 1887.

ния, посвященного данной проблеме. В силу этого остаются неразъясненными некоторые стороны дипломатического развития кризиса и еще менее освещенным участие русского общества в событиях 1875—1878 гг. В этой связи нельзя не отметить статью И. В. Козьменко «Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 г.»⁶, где освещен один из вопросов проблемы.

Между тем все, кто касался этой эпохи, в той или иной мере затрагивали вопрос о роли русского общества, в том числе Славянских комитетов в событиях. Так, В. Рюстов лишь попутно отметил участие Веселитского в Суторинских переговорах⁷. В небольшой книжке А. Фелькнера⁸, вышедшей в начале военной борьбы и представляющей первую попытку сводки газетных данных и опубликованных официальных документов, автор в связи с рассказом о сербско-турецкой войне отмечал «горячее сочувствие» к делу славян «всех слоев русского общества»⁹.

II. Гейсман в уже названной книге остановился специально на деятельности Славянских комитетов по посылке добровольцев в Сербию, интересуясь этим в плане изучения хода и результатов сербско-турецкой войны. Он признал деятельность Комитетов неудовлетворительной, так как они гнались за количеством отправляемых лиц, не производя отбора их по моральным признакам. А. Терехов указывал, что сбор пожертвований в пользу герцеговинцев начался в августе 1875 г., что главная часть приношений шла от «простого и бедного люда», что из его среды вербовался основной контингент добровольцев в Сербию. Характеризуя событие, Терехов отмечал независимость общественного движения помощи славянам от

⁶ «Вопросы истории», 1947, № 5.

⁷ См. В. Рюстов. Война в Турции в 1875 и в 1876 годах. СПб., 1876, стр. 89.

⁸ См. А. Фелькнер. Славянская борьба 1875—1876 гг. Историч. очерк восстания балканских славян, черногорско-сербско-турецкой войны и дипломатических отношений с VII 1875 по I 1877 г. СПб., 1877.

⁹ Там же, стр. 177.

правительства и влияние его на ход правительственной политики ¹⁰. Ристич в своей «Дипломатической истории Сербии» разбирает ход военных действий и деятельность Черняева, но мельком коснулся и роли русского общества, отметив, что мировая история не знает примеров такого участия, какое проявил русский народ ¹¹. А. Корнилов в своей истории общественного движения при Александре II поставил вопрос о взаимоотношении общества и правительства в событиях 1875—1877 годов. Он признал, что правительство не хотело войны, общество же без различия направлений, от Каткова до революционеров включительно, стремилось на помощь славянам ¹².

С. Татищев в названной работе также отмечал всеобщее одушевление, готовность всех сословий и званий к жертвованиям. Он отмечал значение двух организаций — Славянских комитетов и Красного креста — главных сборщиков пожертвований и организаторов помощи. Но, в отличие от Корнилова, он готов признать наличие в русском обществе немногих голосов, расходившихся с общим мнением, но оставшихся неуслышанными ¹³.

М. Н. Покровский в статье «Восточный вопрос от Парижского мира до Берлинского конгресса», опубликованной в «Истории России в XIX в.», изд. Граната, считал главной силой в событиях 1875 и последующих годов Бисмарка. Он вошел в соглашение со славянофилами, но какими? — Покровский их называет «высокопоставленными» — императрица ли это Мария Александровна, брат которой, по мнению Покровского, был посредником в соглашении, или

¹⁰ См. А. Терехов. Исторический очерк движения России на Балканский полуостров. СПб., 1888, стр. 87.

¹¹ См. Ристич. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност 1875—1876, т. I. Београд, 1896, стр. 157.

¹² См. А. Корнилов. Общественное движение в России при Александре II. М., 1909, стр.

¹³ См. С. С. Татищев. Император Александр II., т. II. СПб., 1911, стр. 293.

кто-либо еще (наследник?) — неизвестно. Если он имеет в виду царицу, то такое толкование лишено всякой реальной основы, ибо не так велика была ее роль в дальнейших событиях.

Покровский отрицает наличие сколько-нибудь широкого сочувствия славянам в России и сводит его к «широкой агитации» славянофилов. Он отрицает наличие «националистического славянского движения в 1876 году на Балканском полуострове»¹⁴, обнаруживая незнание с состоянием политической жизни Сербии. Покровский не различает в должной мере расхождений во взглядах и позициях отдельных русских дипломатов и, говоря о развитии линии дипломатических отношений, оставляет в тени Австрию. Есть в его статье мелкие ошибки, например, неверна цифра добровольцев.

Покровский дает яркий, но в основных своих линиях неверный очерк отношений на Ближнем Востоке, что в значительной мере определяется тем, что основным источником для написания его работы явились воспоминания Ю. Карцова, не всегда достоверные. Сетон-Ватсон в работе о роли Боснии в международной политике мимоходом бросает утверждение, что общественное мнение вынудило царя выступить с ультиматумом Порте и это спасло Сербию от турецкой оккупации¹⁵; попутно о значении русского общества говорит Чубрилович¹⁶; оба автора не ставят себе задач исследовать проблему.

Подробнее останавливается на рассматриваемом круге вопросов С. Иованович в истории правления Милана Обреновича. Опираясь на многочисленные сербские источники, он пытается осветить роль русского общества в связи с историей сербо-турецкой войны и деятельностью Черняева. Эта книга содер-

¹⁴ См. М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX ст. М., 1923, стр. 258.

¹⁵ См. R. W. Seton-Watson. The role of Bosnia in international Politics (1875—1914). Proceedings of the British Academy, 1931, v. XVII, p. 352.

¹⁶ См. В. Чубрилович. Босански устанак. Београд, 1930.

жит ряд интересных наблюдений, хотя с автором далеко не во всем можно согласиться¹⁷.

Первым, кто сделал попытку подойти к вопросу более специально, был К. А. Пушкаревич. В основу своей статьи «Балканские славяне и русские „освободители“»¹⁸ он положил материалы архива Петербургского славянского комитета. И это выделяет данную небольшую работу из остальной литературы. Но Пушкаревич оказался полностью во власти представлений «школы» Покровского. Статья его в гораздо большей степени превратилась в памфлет, написанный на основе архивных документов, чем в серьезное исследование. Ее вводная часть свелась к повторению статьи М. Н. Покровского. Пушкаревич не дал себе труда сколько-нибудь глубоко изучить огромный архивный фонд Комитета, а оперировал несколькими, хотя и интересными, но вырванными из общей связи документами. Публицистический характер работы отчетливо выявляется в опровержении таких бесспорных положений, как то, что борьба на Балканах не была борьбой православия с исламом, или в доказательствах тезиса, что восстание в Боснии и Герцеговине не явилось результатом «панславистического энтузиазма». Сама картина отношения Славянских комитетов к балканским событиям дана в столь обобщенном виде, что ни различия в отношении к сербам, герцеговинцам, болгарам, ни споры по этому вопросу автором не показаны. Есть в статье и некоторые ошибки вроде утверждения, что «Аксаков писал громовые статьи против русской дипломатии»¹⁹, тогда как просмотр первого тома сочинений И. С. Аксакова мог бы показать, что ни одной статьи в эти годы им написано не было, так как не существовало такого органа, в каком он мог бы писать.

При всех своих недостатках статья Пушкареви-

¹⁷ См. С. Јовановић. Влада Милана Обреновића, књ. I, Београд, 1926.

¹⁸ Труды Института славяноведения АН СССР, т. II. Л., 1934.

¹⁹ Там же, стр. 208.

ча — первая попытка подойти к вопросу на основе знакомства с материалом.

Названная выше статья И. В. Козьменко широко использует русскую периодическую печать и новый архивный материал частного происхождения. Автор прослеживает отношение к Апрельскому восстанию в Болгарии различных кругов русского общества, главным образом славянофильских и близких к ним. В статье удачно намечены основные линии вопроса. Козьменко удалось установить ряд новых моментов относительно позиции Славянских комитетов в это время. Однако в статье рассмотрен только один из вопросов. Недостаточная изученность проблемы в полной мере оправдывает предлагаемую ниже попытку изучения ее на более широком круге источников.

* * *

Вторая половина XIX века — время развития капиталистических отношений как в самостоятельных странах Балканского полуострова (Сербия, Греция), так и в подвластных Турции областях, период усиления национальной борьбы, с особой силой проявившейся в Болгарии, Боснии и Герцеговине.

Усиливавшееся национально-освободительное движение в подчиненных Турции областях жестоко подавлялось турецким правительством, турецкими землевладельцами — спахиями. Это вело к дальнейшему обострению национальных и социальных конфликтов. За период с конца 50-х и до начала 70-х гг. в Боснии и Герцеговине не раз вспыхивали восстания; нападения отдельных отрядов (чет) на вызывавших недовольство населения местных турецких правителей и землевладельцев и в этих областях и в Болгарии были частым явлением.

На рубеже 60-х и 70-х гг. в Болгарии возникла разветвленная сеть тайных организаций — революционных комитетов, готовивших освободительное восстание против турецкого ига. Центры национальной борьбы существовали и в городах Боснии. Между

деятелями национального освобождения различных областей устанавливались связи; появилась мысль об общем восстании угнетенных славянских народов против турецких угнетателей.

В Боснии и Герцеговине исподволь велась пропаганда в пользу восстания. Оно едва не началось осенью 1874 г. в связи со столкновением в Подгорице (современный Титоград), где христианин убил главу местных мусульман, в ответ на что последовало избиение христиан.

1874 г. был неурожайным на всем Балканском полуострове, в результате чего резко ухудшилось положение крестьян и обострились социальные и национальные противоречия. В Боснии и Герцеговине, где земли находились в руках турецких феодалов, а крестьяне были феодальными арендаторами земель, положение крестьян было исключительно тяжелым. Турецкое правительство, несмотря на бедствия крестьян, увеличило десятину. Это усиливало напряженность положения. Герцеговинские беженцы все в большем количестве шли в Черногорию, ища там сочувствия и поддержки. Поездка Франца Иосифа в Далмацию весной 1875 г. и агитация католического духовенства об обращении к нему за помощью усиливали волнения. Тем не менее турки весной 1875 г. предприняли попытку собрать в Боснии и Герцеговине налоги и недоимки за прошлые годы. Это также вызвало возмущение крестьян. Сбор недоимок был предоставлен откупщикам, как это нередко делалось и раньше.

Едва появились откупщики, как в горах Герцеговины стали собираться отряды, новые толпы беженцев направились в Черногорию. 23 июня (5 июля) 1875 г. один из гайдуцких отрядов напал на турецкий караван на дороге Мостар-Невесинье, убил нескольких турок и унес часть товаров. Спустя некоторое время новое столкновение произошло у Крекова²⁰. Борьба разрасталась. В ночь с 3 (15) на 4 (16)

²⁰ См. В. Чубриловић. Босански устанак. Београд, 1930, стр. 70.

августа началось восстание в Боснии. Классовая борьба обезземеленных кметов-сербов против турецких землевладельцев была не только широким аграрным, но и национально-освободительным движением.

Повстанцы встретили сочувствие со стороны Сербии и Черногории, с которыми они давно поддерживали связи, так как оба эти княжества стремились к объединению южных славян.

Восстание в Боснии и Герцеговине привлекало к себе внимание и европейских держав, волнения в турецких землях всегда являлись поводом для постановки вопроса о наследстве «больного человека», как звали тогда султанскую Турцию. Но соперничество держав в решении так называемого Восточного вопроса приводило к различиям в их тактике и позиции; различия эти определялись интересами отдельных стран. Для Австро-Венгрии восстание южных славян представляло опасность, так как оно могло усилить и без того имевшееся недовольство ее многочисленных славянских подданных. Поэтому австро-венгерское правительство стремилось к сохранению Турции и было враждебно освобождению подвластных ей южных славян. Оно заявило Порте, что считает восстание внутренним делом Оттоманской империи и не будет вмешиваться и стеснять ее в применении военных мер против восставших. Однако в господствующих кругах Австро-Венгрии была и другая группа, стремившаяся при удобных обстоятельствах захватить западную часть Балканского полуострова.

Русское правительство стремилось помочь славянскому движению, рассчитывая тем самым восстановить свой престиж, подорванный Крымской войной. Но оно было связано соглашением с Австро-Венгрией и Германией (Союз трех императоров), в котором русская дипломатия видела способ обезвредить австро-германскую близость. В то же время сближением с Австро-Венгрией Россия пыталась получить союзника против Англии, активно действовавшей в это время в Средней Азии. Соглашение с Австро-Венгрией предусматривало сохранение sta-

tus quo и невмешательство в дела на Балканах. Оно связывало русское правительство, которое считало необходимым действовать в контакте с австро-венгерским. Еще в августе 1875 г. русский канцлер Горчаков сообщил в Вену свой взгляд на положение в Боснии и Герцеговине; он полагал, что восставшим областям следует предоставить автономию. Боясь упустить дело из своих рук, австро-венгерский канцлер Андраши согласился на совместное выступление, но вынудил русское правительство ограничить свою программу. Так появилась известная нота Андраши Турции (30 декабря 1875 г.), которая содержала минимальную программу реформ в восставших областях, одобренную всеми великими державами.

Программа Андраши не получила поддержки повстанцев, так как не давала им никаких реальных гарантий; она не решала основных вопросов восстания — аграрного и национального. Начались длительные дипломатические переговоры, излагать ход которых здесь нецелесообразно, так как они не раз излагались в литературе. Важно заметить лишь то, что вплоть до середины 1876 г. царское правительство твердо держалось своей линии действий в контакте с державами Союза, которая была поколеблена событиями, разыгравшимися на протяжении апреля — июня 1876 г. Этими событиями были: восстание в Болгарии, подавленное турками с исключительной жестокостью, вызвавшей в России движение негодования против усмирителей и сочувствия восставшим, и последовавшее в июне 1876 г. выступление Сербии и Черногории против Турции. С этими событиями и связано рассматриваемое ниже общественное движение в России, в стране, только что вступившей на путь капиталистического развития; в стране, где буржуазия была настолько еще слабой, что буржуазные реформы 60-х гг. и главная среди них — крестьянская — были осуществлены руками дворянства, что привело к сохранению многих остатков феодализма; в стране, где до недавнего времени безраздельно господствовало дворянство и где только начинала пробивать себе путь противостоявшая дво-

рянско-правительственной идеологии независимая идеология революционного демократизма, а революционное движение могло существовать только в нелегальной форме; в стране, где рабочий класс только формировался, а вчерашний крепостной мужик был опутан сетью остатков феодальных отношений.

Если иметь в виду, что и в крестьянской и в рабочей среде не существовало никаких организационных или идеологических центров, что «Южно-российский союз рабочих» был разгромлен в 1875 г., а «Северный союз русских рабочих» еще не существовал, что значительная часть революционеров, ушедших в народ весной 1874 г., к концу того же года была арестована и привлечена к следствию, которое спустя два-три года завершилось знаменитыми процессами 193-х и 50-ти, станет понятным, что организационно оформленное участие народных масс в движении сочувствия славянам проявиться почти не могло. Народные массы участвовали в нем только в форме благотворительной — своими пожертвованиями. В период войны Сербии и Черногории против Турции активно выступает народ, ясно проявляется его сочувствие борющимся южным славянам, его готовность к поддержке этой борьбы и материальными средствами и личным участием. Но слабость и неорганизованность этого массового движения способствовали ограничению и использованию его организациями дворянско-буржуазной общественности — Славянскими комитетами.

Из русских периодических изданий первым отметил восстание в Боснии и Герцеговине «Одесский вестник», который поддерживал связь с балканскими странами и считал дошедшие слухи преувеличенными, но признавал возможность восстания из-за насилия и произвола турецких властей²¹.

Вторым отозвался редактировавшийся генералом в отставке, членом Петербургского славянского комитета М. Г. Черняевым панславистский «Русский

²¹ «Одесский вестник», 4 июля 1875 г. Здесь и в дальнейшем даты выхода газет даны по старому стилю.

мир», поместивший 8 июля перепечатки из иностранных газет о столкновении у Невесинья ²².

В конце июля «Голос» писал о своем полном сочувствии к восставшим, о непомерном податном гнете и жестокостях турок и призывал к помощи пострадавшим ²³. Получив в ответ на свой призыв несколько пожертвований, «Голос» в фельетоне либерального публициста Г. К. Градовского (Гамма) упрекал московских славянофилов и Славянские комитеты в недостаточной активности в оказании помощи борющимся славянам. «Ей-то (Москве.—С. Н.), льющей колокола для Праги и хранящей в своих древних стенах главный контингент деятелей на пользу славянства, как же не стыдно?» ²⁴.

И «Голос» был прав в своей насмешке. Он справедливо отмечал бездействие Славянских комитетов. В них господствовала уверенность, что восстание в Боснии и Герцеговине — дело рук Австрии, которая «под эгидой дружбы с Россией, старается забрать в свои руки Восток». «„Больной человек“ умрет, когда угодно это будет Западу, а не нам, и Европа не воспротивится присоединению Боснии и Герцеговины к Австрии» ²⁵. Сомнениям политического вождя славянофилов И. С. Аксакова относительно характера и источников движения соответствуют записи в дневнике видного славянофила Ф. В. Чижова, бесцветные и лишенные ясности в отношении к вопросу ²⁶.

²² «Русский мир», 8 июля 1875 г.

²³ «Голос», 25 июля 1875 г.; 24 августа 1875 г.

²⁴ «Голос», 29 августа 1875 г.

²⁵ Письмо И. С. Аксакова Е. А. Черкасской 22—24 июля 1875 г. «Переписка И. С. Аксакова с кн. В. А. Черкасским (1875—1878)». Подгот. И. В. Козьменко. «Славянский сборник». М., 1948, стр. 142.

²⁶ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник Ф. В. Чижова. Нельзя не отметить, что подобное отношение существовало и в некоторых сербских кругах. Митрополит Михаил писал Н. А. Попову: «Австрия подняла восстание в Герцеговине несвоевременно для нас и вас с целью, чтобы потеряли мы и вы. А когда (у) видела, что решится не по ее расчетам, тогда завела интриги». Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. 239, п. 13, д. 48. Письмо от 28 января 1876 г.

Однако дальнейшее течение событий побудило славянофилов пересмотреть свою позицию. На изменение позиции и славянофилов и некоторых других общественных групп повлиял прежде всего сам ход дел в охваченных восстанием провинциях.

В середине июля начались переговоры между Петербургом и Веной по вопросу о выступлении держав Союза трех императоров. Они завершились представлениями Порте, в результате которых была послана консульская комиссия для переговоров с вождями повстанцев. Попытка эта кончилась полной неудачей. В связи с этим в конце августа — начале сентября обнаружился ряд новых тенденций в русском обществе.

Петербургский славянский комитет обратился в министерство иностранных дел с просьбой о разрешении производить сборы по всей империи в пользу герцеговинцев²⁷. Александр II разрешил. Комитеты начали сборы. Министр внутренних дел известил об этом всех губернаторов специальным циркуляром. С этого момента (разрешение было дано 25 августа) дозволялись спектакли, вечера и даже публикации о сборах в «Полицейских ведомостях». Славянофилы из этого решения правительства сделали следующий вывод, так сформулированный И. С. Аксаковым: «Я полагаю, что самому правительству нужна поддержка общественного мнения, нужна в том смысле, что оно может перед Европой указывать на необходимость утишать возбуждение умов и внутри себя «законные сочувствия населения» и проч. и даже возвеличивать через это собственные заслуги по части самоотвержения»²⁸. Действуя в соответствии с мыслью Аксакова, М. Г. Черняев, по соглашению с И. С. Аксаковым, послал русскому послу в Константинополе гр. Н. П. Игнатьеву эффектную телеграмму с сообщением о панихиде по-

²⁷ Нелегально в июне 1875 г. был начат сбор пожертвований в пользу герцеговинцев в Одессе, в кружках, связанных с Южнороссийским союзом рабочих.

²⁸ «Переписка И. С. Аксакова с кн. В. А. Черкасским». «Славянский сборник», стр. 146.

убитым герцеговинцам в присутствии многочисленных молящихся. Этим славянофилы хотели дать русскому послу в руки оружие для переговоров с турецким правительством. «Видите-де, с чем нам приходится считаться, торопитесь уступками»²⁹. Однако жертвования поступали слабо. Как признавал сам И. С. Аксаков, их было бы во сто раз больше, если бы собирали на поддержку восстания, на оружие, а не на лекарства и кукурузу.

Безрезультатность официальной политики привела «Русский мир» к мысли о необходимости вооружения и военной подготовки Сербии ввиду возможной для нее опасности турецкой оккупации³⁰. Если раньше (в начале августа) «Русский мир» скептически оценивал возможную роль Сербии в предстоящих событиях, то теперь он все чаще обращался к вопросу о Сербии, обсуждал достоинства и недостатки князя Милана в качестве организатора «всеобщего пожара»³¹. Газета в то же самое время вступила в горячую полемику с официозом министерства иностранных дел «Journal de St. Pétersbourg», а также поддерживавшими его «Новым временем» и «Голосом». Обсуждался вопрос о возможности реформ в Турции. Отражая линию, проводившуюся русской дипломатией, «Journal de St. Pétersbourg» высказывал полное доверие к замыслаемым реформам, о которых говорило турецкое правительство. Газета Черняева возмущалась этим и недоумевала, выражает ли «Journal» взгляд министерства

²⁹ «Переписка И. С. Аксакова с кн. В. А. Черкасским». «Славянский сборник», стр. 146.

³⁰ «Русский мир», 22 августа 1875 г.

³¹ «Русский мир», 16 сентября 1875 г. В этом отношении характерно, что телеграмма, аналогичная посланной Игнатьеву (о панихиде и широком сочувствии в России к герцеговинцам), была послана и в Сербию 15 сентября 1875 г., равно как письмо историка Д. И. Иловайского митрополиту Михаилу. В этом письме выражалось пожелание приветствовать князя Милана с новым шагом в развитии Сербии («Русский мир», 12 октября 1875 г.; Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник Ф. В. Чижова, запись 15 сентября 1875 г., ф. 332, п. 3, д. 3, л. 115).

иностранных дел. «О «великодушных намерениях» Порты и «зрелости» мусульманского общества к реформам не решаются говорить в настоящее время даже самые ярые приверженцы османлисов»³². «Русский мир» полагал, что русским дипломатам неспособность Турции должна быть известна лучше, чем другим.

Высказывая так ясно свое разногласие с правительством в вопросе о реформах в Турции, «Русский мир» не скрывал и другого расхождения. Мы видели, как боялся Австрии и ее поползновений на Балканах Аксаков. Столь же отрицательно относилась к ней газета Черняева. Указывая, что сближение с двуединой империей стеснительно и неудобно для России, газета призывала «отделаться как-нибудь от этого «союза», при помощи которого австрийцам хотелось бы чужими руками жар загребать»³³.

Наконец, «Русский мир» был единственной в это время газетой, призвавшей русский народ не ограничиваться денежной помощью герцеговинцам. Указывая, что в рядах последних есть представители всех наций — от подданных Франца Иосифа до гарибальдийцев, — газета с грустью замечала, что там нет «только сынов великой славянской державы». Подобно «Голосу», «Русский мир» упрекал в бездеятельности Славянские комитеты. «Пуускай иностранцы враждебно относятся к русскому панславизму, — мы сами можем пока признавать еще неосуществимую выражающуюся в этом слове историческую задачу нашего государства, — но заглушать в себе, ради иностранной враждебности, коренное народное чувство... было бы... нелепо и преступно». Газета обращалась к русскому обществу с призывом прямо и твердо высказать свои действительные симпатии³⁴.

Это заявление газеты нельзя оторвать от той попытка, какую в это время предпринимал Черняев

³² «Русский мир», 18 сентября 1875 г.

³³ «Русский мир», 24 сентября 1875 г.

³⁴ «Русский мир», 26 августа 1875 г.

при поддержке Аксакова и его друзей, — попытки стать в ряды борющихся герцеговинцев и увлечь за собой других. Черняев намеревался поехать в восставшие области в составе отряда из 10 офицеров и 50 солдат. Своим помощником Черняев хотел взять В. В. Комарова — своего соратника по «Русскому миру», отставного офицера, как и он сам.

Помимо того, предполагалось захватить вооружение на 500 человек, чтобы снабдить им повстанцев. Примерная смета, составленная для выяснения необходимой материальной базы этой экспедиции, предусматривала расходы (включая содержание личного состава отряда в течение трех месяцев, медикаменты и пр.) в сумме 70 тыс. руб. Со своим проектом Черняев обратился к И. С. Аксакову, отнесшемуся к нему весьма сочувственно. В это время последний ожидал развертывания больших событий. «Если только не удастся дипломатии удержать теперешний status quo и заставить Герцеговину и Боснию удовольствоваться каким-то нахальным вздором, — быть громам и быть ударам! — писал он кн. В. А. Черкасскому. — Теперь всего бы нужнее возбуждать общественное мнение у нас в России»³⁵. Отправка Черняева могла бы быть средством к тому. И. С. Аксаков начал хлопоты по сбору средств для экспедиции, так как Московский славянский комитет со своим ничтожным бюджетом не мог осуществить этого мероприятия. Сбор пожертвований в пользу герцеговинцев составлял в Москве к этому времени всего около 3 тыс. руб. Деньги надо было искать на стороне, и, как всегда в таких случаях, Аксаков обратился к московским купцам через посредство Ф. В. Чижова. Последний отнесся к проекту Черняева с сомнением. Предприятие казалось ему недостаточно серьезным, но он все же решил помочь ему. Переговоры с видным московским купцом Ляминым, а также с известными фабрикантами — Морозовым и Хлудовым не дали значительных результатов. «Сколько ни вдумы-

³⁵ «Переписка И. С. Аксакова с кн. В. А. Черкасским». «Славянский сборник», стр. 145—146.

ваюсь, — замечал Чижев в дневнике, — мне кажется, что успеху не может быть даже оттого, что мы немногие, взявшие на себя провести это дело, сами не верим его успеху и даже его дельности»³⁶. Экспедиция не состоялась.

Рассказанный эпизод показывает, как мало доверия получила в купеческой среде задуманная Черняевым экспедиция и как чужда была мысль о ней московской буржуазии. Он свидетельствует, что осенью 1875 г. лишь небольшая часть русского общества — славянофилы — пыталась непосредственно вмешаться в ход событий на Балканах. Но эта попытка имела ограниченный характер и общественной поддержки не получила.

* * *

Цитированное выше письмо И. С. Аксакова показывает, что движение в Герцеговине рассматривалось Славянскими комитетами первоначально как австрийская провокация.

Этим объясняется, что единственные общественные организации, которые могли отозваться на герцеговинские события, — Славянские комитеты — выжидали для начала своей деятельности официального разрешения и только с конца августа — начала сентября приступили к сбору пожертвований. Тогда были повешены кружки на некоторых центральных улицах Петербурга, в учреждениях и немногих торговых помещениях. Начались сборы в церквах, было намечено организовать чтение лекций и т. п. Но все это первоначально давало очень незначительные результаты. Между тем обнаружилось, что бедствия герцеговинцев были весьма значительны, и Петербургский комитет ассигновал 3 тыс. руб. для помощи им из основного своего капитала³⁷.

³⁶ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник Ф. В. Чижева, запись 19 сентября 1875 г., ф. 332, п. 3, д. 3, л. 117 об.

³⁷ «Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества». СПб., 1883, стр. 334.

Первый месяц сбора дал немного и в Москве. «Я открыл подписку, но собрал еще немного, тысяч около трех, — писал И. С. Аксаков кн. В. А. Черкасскому. — Но я ее двину и раскатаю колокол»³⁸. В первых числах октября Московский славянский комитет опубликовал воззвание сербского митрополита Михаила, послание черногорского митрополита Иллариона и свое обращение. Документы эти были напечатаны в «Московских епархиальных ведомостях», в газетах и в виде отдельной листовки³⁹.

Помимо Славянских комитетов, призывы к пожертвованиям сделали Главное управление общества Красного креста и Синод. Последний дал распоряжение пересылать деньги Петербургскому славянскому комитету, и значительные средства направлялись туда. Собирали также белье, чай, сахар, сухари. Даже в провинциальных городах сборы давали столько, что «еженедельно отвозили на железную дорогу по несколько тюков с этими предметами»⁴⁰. Московский славянский комитет пересылал много таких пожертвований.

Однако сделанная в октябре 1875 г. попытка Петербургского славянского комитета расширить сферу сборов и привлечь к этому делу земства вызвала решительное противодействие правительства. Шеф жандармов генерал-адъютант А. Л. Потапов довел до сведения царя о попытке Комитета. Александр II приказал воспрепятствовать этому. Управляющему Азиатским департаментом Мельникову было поручено вызвать председателя Петербургского комитета И. П. Корнилова и сделать ему соответствующее внушение. Одновременно Александр II распорядился представить ему доклад о распространении на Славянский комитет общих правил об об-

³⁸ «Переписка И. С. Аксакова с кн. В. А. Черкасским». «Славянский сборник», стр. 146.

³⁹ «Московские епархиальные ведомости», 5 октября 1875 г.; ТИАЛО, ф. Петербургского славянского комитета, д. 18, л. 17—18.

⁴⁰ Н. П. Карцов. Из прошлого. Личные и служебные воспоминания, ч. I. СПб., 1888, стр. 475.

ществах и о подчинении его ведению министерства внутренних дел ⁴¹.

В условиях подъема революционной борьбы в России призывы Комитета к активной поддержке борющихся за свободу славян были расценены правительством как «весьма усиленная и неуместная агитация». Оно попыталось ее пресечь, но не могло этого сделать сразу. С одной стороны, приходилось считаться с фактом общественного сочувствия славянам, с другой — бюрократическая система решения таких вопросов препятствовала быстрому его окончанию. Прошел еще известный промежуток времени, ознаменовавшийся важными событиями, прежде чем Славянские комитеты были поставлены в подчинение министерства внутренних дел, что весьма сузило и ограничило их деятельность.

Независимо от русских благотворительных мероприятий и раньше их — еще в августе (16/28) 1875 г. — в Париже был создан Международный комитет помощи повстанцам. Его председателем был сербский митрополит Михаил, вице-председателем — хорватский католический епископ И. Штроссмайер, но наиболее активным деятелем его являлся Г. С. Веселитский-Божидарович. Дед последнего выехал из Герцеговины и поселился в России. Отец Гавриила Сергеевича был генералом русской службы, сам он учился в Пажеском корпусе, служил некоторое время в гвардии, в начале 60-х гг. учился в Гейдельберге, недолго служил по министерству иностранных дел, жил же по преимуществу за границей и являлся корреспондентом различных газет.

Международный комитет стал главным органом помощи восставшим. После его организации Веселитский действовал то в Париже, то в Дубровнике, бывал в Белграде, Цетинье и других местах, снабжал беженцев и повстанцев продовольствием, одеждой и т. п. Русский консул в Дубровнике А. С. Ионин передавал ему деньги, поступающие из России. Рассчи-

⁴¹ ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1875, д. 84, л. 19, 23—24, 84.

тывая получить помощь для больных и раненых, Веселитский вступил в сношения с Центральным комитетом Красного креста в Женеве, но сначала получил отказ, так как помощь герцеговинцам рассматривалась комитетом как содействие мятежникам против законного правительства. Затем Женевский комитет согласился направить своих делегатов в Черногорию, поскольку большая часть раненых находилась там. В Капель-Нуово, в Рисано (Рисан) удалось организовать госпитали.

Русское общество Красного креста также послало в Черногорию госпитальный отряд для помощи герцеговинцам. Во главе его отправился член Петербургского славянского комитета кн. П. А. Васильчиков, одновременно являвшийся и уполномоченным Славянских комитетов. В декабре 1875 г. отряд прибыл в Дубровник, где задержался для организации дела и закупки продовольствия. Затем отряд разбился на три части, из которых две основные направились в Цетинье и Грахово, а небольшая группа осталась для помощи беженцам в Дубровнике.

С первых же шагов П. А. Васильчиков ощутил своеобразную двусмысленность своего положения. Случайные встречные на улице требовали у него денег, так как у них «нема пушки» (т. е. ружей). Когда Васильчиков отсылал их к русскому консулу, они все же продолжали поджидать его на улице. «Положение мое как русского главаря становится известно», — писал он в своем дневнике⁴². В январе отряд двинулся в Черногорию.

В Цетинье Васильчикову пришлось стать членом местного Благотворительного комитета (Одбора) для распределения русских пожертвований. Организация эта вызвала недовольство русского консула А. С. Ионина как недостаточной активностью, так и плохой отчетностью. Первые же заседания Одбора привели Васильчикова в затруднение. «Я положительно член инсурреционного комитета, — писал он, — что

⁴² Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник П. А. Васильчикова, ф. 45, п. III, д. 5, л. 85.

меня очень озабочивает, так как я считаю свою обязанностью воздерживаться от всякого прямого содействия восстанию и ограничиваться одною строго благотворительностью, одною помощью эмигрантам»⁴³. Два соображения руководили Васильчиковым в попытке сохранить такое положение: отчасти он опасался компрометации (в качестве представителя «Красного креста») участием в делах восстания, но едва ли не главной причиной была нехватка средств для ведения войны с Турцией. Плохо чувствовал себя Васильчиков в Одборе и в силу невозможности контролировать расходы. Денежный счет велся то на австрийские ассигнации, то на звонкую монету; в отчетах система счета не указывалась, деньги выписывались на вымышленные расходы, а в действительности шли на восстание.

В заседаниях Благотворительного Одбора происходили столкновения. От Васильчикова требовали денег на содержание прибывших для участия в восстании гарибальдийцев, на питание повстанцев. Попытки противодействия этим требованиям не вели ни к чему, и деньги приходилось давать. Отказы в требованиях на значительные суммы вызывали недовольство и черногорцев, и герцеговинцев. Из-за недостатка поступающих из России средств возникали неприятности с секретарем Одбора — Ковачевичем. Сам князь Николай просил денег на содержание повстанцев. Положение осложнялось обстоятельством, которого не предвидел ни Васильчиков, ни посылавшие его. «...Мое княжество признается... — записывал он в дневнике, — что меня очень конфузит.» Черногорцы и герцеговинцы смотрели на княжеский титул Васильчикова, как на что-то реальное, и принимали его за фигуру, имеющую в России политическое значение⁴⁴.

Благотворительная миссия Васильчикова воспринималась герцеговинцами и черногорцами как поли-

⁴³ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник П. А. Васильчикова, ф. 45, п. III, д. 5, лл. 166—167.

⁴⁴ Там же, III/6, л. 14—14 об.

тическая. От представителя России, посланца официальных кругов, каким считали Васильчикова, ждали реальной поддержки восстания. Между тем она осуществлялась в незначительной степени, что вызывало недовольство. Через полтора месяца после приезда Васильчиков вышел из состава Одбора, а в мае 1876 г. уехал в Россию. Незадолго до его отъезда произошло убийство французского и германского консулов в Салониках. По этому поводу Васильчиков записал интересный разговор, отразивший чаяния черногорцев. При отъезде Васильчиков сказал, намекая на убийство французского и германского консулов в Салониках: «вот было бы хорошо, если бы турки как-нибудь захватили меня на границе, отсекли бы мне голову, и это обстоятельство заставило бы Россию принять деятельно сторону герцеговинцев и черногорцев против турок». На это последовал ответ члена Благотворительного Одбора, видного черногорского деятеля, воеводы М. Врбицы: «Ах, если бы этим можно бы было вызвать помощь России! Я бы сам отсекаю вам голову»⁵⁴.

В обстановке пылавших политических страстей стремление к прямому выступлению Черногории против Турции сдерживалось давлением держав. Черногорцы и герцеговинцы надеялись на безоговорочную поддержку со стороны русского правительства; контраст между их ожиданиями и намерениями «Красного креста» и его представителя был разителен. Взаимное охлаждение было предопределено всем ходом событий.

Одновременно с Васильчиковым действовали другие представители России. Одним из них был русский консул в Дубровнике — А. С. Ионин. Он распределял деньги, которые направлялись Славянскими комитетами. Эта функция, выполнявшаяся Иониным до приезда Васильчикова, продолжала оставаться за ним и по его отъезде. Ионин покупал продовольствие, но и это имело большое политическое

⁵⁴ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник П. А. Васильчикова, IV/19, л. 3 об.

значение, раскрытое им самим: «До сих пор (письмо относится к 5 (17) декабря 1875 г.—*С. Н.*) все strictement употреблялось по мирной части восстания — за исключением весьма немногих сумм. Но и мирная помощь немного помогала и непосредственно Петку Павлову (так! Пеко Павлович — один из видных герцеговинских воевод.—*С. Н.*) и tutti quanti, ибо им тоже приходится кормить гостей из Рагузы и Черногории в особенности (т. е. повстанцев.—*С. Н.*)»⁴⁶. Но к Ионину, как официальному представителю России, не предъявлялись те требования, какие выдвигались герцеговинскими и черногорскими руководителями в отношении специально прибывшего лица, да еще носившего княжеский титул. Людям, плохо знавшим русские отношения и порядки, естественно было считать Васильчикова представителем царского правительства, прибывшим инкогнито, хотя он таковым вовсе не являлся.

Третьим видным русским деятелем в Черногории и восставших областях, выступавшим в качестве представителя Международного комитета помощи, был названный выше Г. С. Веселитский-Божидарович. Надо сказать, что материальная помощь из западноевропейских стран была невелика и скоро стала иссякать. Между тем о ходе сборов в России И. С. Аксаков писал: «Сбор течет упорной струей несмотря ни на что, ни на безденежье, ни на правительственное безучастие и дипломатическое его отношение к делу»⁴⁷. Так как потребность в средствах была велика, Веселитскому хотелось укрепить симпатии русского общества к борющимся южным славянам и готовность к материальным жертвам. С другой стороны, после неудачи переговоров консульской комиссии и вручения Порте ноты Андраши в кругах, связанных со Славянскими комитетами, возникло стремление оказать известное общественное давление на русские правительственные сферы.

В январе 1876 г. Веселитский явился в Петербург

⁴⁶ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 77.

⁴⁷ Институт русской литературы АН СССР, Пушкинский дом, ф. 3, оп. 2, л. 67, 7 ноября 1875 г.

в качестве представителя Международного комитета помощи. Связи в высшем свете открыли ему доступ в правительственные сферы. Он был принят товарищем министра иностранных дел Н. К. Гирсом и наследником, великим князем Александром Александровичем, который был сторонником активизации русской политики. 1 января состоялся доклад Веселитского в Петербургском славянском комитете, а на следующий день его принял министр иностранных дел А. М. Горчаков. Надо сказать, что по дороге в Петербург Веселитский побывал в Вене у русского посланника Е. П. Новикова, которому вручил записку о герцеговинских делах. Она была переслана Горчакову и доложена Александру II в присутствии наследника. На докладе император спросил, знает ли Горчаков Веселитского, тот ответил отрицательно, а наследник заявил, что знает его. Тогда Горчакову пришлось пригласить Веселитского.

На свидании присутствовали Н. К. Гирс и директор Азиатского департамента министерства иностранных дел П. Н. Стремоухов. Разговор касался герцеговинских дел. Горчаков, который ставил себе задачу мирного разрешения боснийско-герцеговинского вопроса⁴⁸, указал, что основой решения вопроса должна быть нота Андраши, и настаивал, чтобы повстанцы покорились и сложили оружие. «Возвратитесь к ним, — говорил Горчаков Веселитскому, — как можно скорее и объясните им, что я сейчас объяснил вам, — важность защиты, которую они могут найти в благосклонном участии к ним великих держав, и опасность их дальнейшего упорства, могущего лишить их этой защиты, как и уже выхлопотанных для них выгод. Старайтесь привести их к принятию этих реформ и к подчинению воле Европы»⁴⁹.

⁴⁸ Дневник Д. А. Милюткина, т. I, М., 1947, стр. 225.

⁴⁹ Г. Веселитский-Божидарович. Моя политическая миссия. Государственный исторический музей. Архив (в дальнейшем — ГИМ), ф. 368, д. 47. Опубликованные в Париже воспоминания Веселитского (G. de Weselitsky-Bojidarovich. Dix mois de ma vie. Paris, 1929) содержат более подробный вариант рассказа.

Горчаков обещал Веселитскому поддержку русских дипломатических представителей. Но Веселитский указал, что повстанцы не сложат оружия без определенных условий. Необходим предварительный вывод турецких войск; необходима автономия. Горчаков отвечал, что Австрия не потерпит соединения Боснии и Герцеговины. В итоге разговора Горчаков принял формулировку Веселитского, касающуюся автономного устройства Боснии и Герцеговины: «отдельное провинциальное управление». Таким образом, одна из задач, какие ставил себе Веселитский, была решена. Он мог явиться в Герцеговину как представитель русского канцлера. «Я не успел вполне достичь главной цели поездки, — писал он из Петербурга корреспонденту газеты «Русский мир» в восставших областях П. А. Монтеверде, — но обеспечил возможность достижения после моего отъезда (по-видимому, речь идет о денежных средствах. — С. Н.); достиг и весьма многого, о чем не гадал и чем, я надеюсь, вы будете довольны»⁵⁰.

Свиданием с Веселитским и данным ему поручением Горчаков совершил серьезную политическую ошибку с точки зрения проводившейся им политической линии. Веселитский был горячим сторонником освобождения Герцеговины и Боснии. Он стремился к их полной самостоятельности, а по отзыву неприязненно настроенного к нему А. С. Ионина будто бы рассматривал себя в качестве естественного претендента на новый княжеский престол⁵¹. Сговариваясь с Горчаковым об умиротворении повстанцев, он в то же время вел переговоры со Славянским комитетом о финансировании закупки оружия. И если Веселитский принимал предложение канцлера, то лишь потому, что видел единственное спасение герцеговинцев в принятии предложения об умиротворении с условием вывода турецких войск. Это позволило бы в дальнейшем действовать более решительно⁵².

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. Монтеверде, д. 2, л. 7 об.

⁵¹ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 76.

⁵² Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник А. А. Киреева, 1869—1876 гг., ф. 126, п. 6, л. 114 об.

После пребывания в Петербурге Веселитский поехал в Москву, где обязанность ввести его в московское общество принял на себя И. С. Аксаков. Веселитский был принят влиятельными представителями московского дворянского круга — Мещерскими, Н. Г. Трубецкой, О. П. Орловой и др. Но ряда московских дворянских семей в это время не было в городе (Черкасских, Бартеневых, Самариных, Уваровых, Батюшковых и др.), что уменьшало эффект и материальные результаты пребывания в Москве. «Про купеческую знать и говорить нечего, — писал И. С. Аксаков свояченице Е. Ф. Тютчевой, — после крушения Ссудного банка и в виду грозящего взыскания 15-ти купеческим крупным домам в 7 миллионов, она озлобилась и отстранилась от всякого общественного дела»⁵³. Однако и в Москве, как и в Петербурге, были устроены доклады и лекции Веселитского. Для близких к Аксакову людей не было секрета в том, что Веселитский прекратил свои отношения с Международным комитетом помощи и собирает деньги «прямо на восстание»⁵⁴, опираясь на распространявшиеся им сведения о сочувствии этому Александра II и наследника. В сборе денег принял живое участие Ф. В. Чижов. Но в Москве отклик на призывы Веселитского был на этот раз значительно меньший, чем в Петербурге, куда он затем вновь вернулся.

Вторичное пребывание Веселитского в Петербурге, даже по словам далекого от всяких симпатий к славянам К. Головина, подогрело общее настроение.

Головин писал: «...была чистосердечная струя самого искреннего энтузиазма. Движение особенно подогривала очень умная женщина, графиня А. Д. Блудова, которая... умела заражать сердца и в своей гостиной в Зимнем дворце умела собирать вокруг себя бурную молодежь и убеленных сановников, политических попов и благочестивых дам, говоривших пла-

⁵³ Центр. литархив, Мурановский фонд, 21 января 1876 г.

⁵⁴ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник Ф. В. Чижова, 1876 г., п. 3, д. 4, л. 9 об.

менные славянофильские речи на отборном французском языке»⁵⁵.

Прием Веселитского в официальных кругах оказал влияние на увеличение ассигнований Славянских комитетов: Петербургский ассигновал 60 тыс. руб., Московский — 30 тыс. руб. На эти деньги должно было быть закуплено 2 тыс. ружей (по другим данным — 3 тыс.⁵⁶) и 3 млн. патронов. «Минист(ерство) иностр(анных) дел знает, что мы посылаем оружие, но игнорирует нас» (*à la Savour*), записывал в своем дневнике А. А. Киреев⁵⁷.

Из Петербурга Веселитский уехал в Черногорию, куда он привез письмо князю Николаю от А. М. Горчакова. Затем он принял участие в суторинских переговорах предводителей герцеговинских повстанцев с австро-венгерским представителем и генерал-губернатором Далмации Г. Родичем, состоявшихся 23—26 марта (4—7 апреля) 1876 г. На первой встрече произнес речь Родич, изложивший существо ноты Андраши, на второй — Лазарь Сочица вручил Родичу письменный ответ с требованиями герцеговинцев. В Суторине выступил и Веселитский, изложивший пожелания Горчакова и раздавший вождям подарки. Через своего агента — корреспондента газеты «Русский мир» Монтеверде — Веселитский разъяснял, что сказанное им не его личная точка зрения. «Уверьте вождей положительнейшим образом, — писал он, — что я нисколько не желал уговорить их подчиниться туркам или вообще согласиться на мир с ними. Я говорил так только по желанию князя Горчакова, чтоб показать, что Россия хочет мира заодно с другими державами. Сам же я помогал и всегда буду помогать им в войне. Так, они скоро получат ружья, патроны, пушки, муку»⁵⁸.

⁵⁵ К. Головин. Мои воспоминания, т. I. СПб., 1908, стр. 298—299.

⁵⁶ Письмо Г. С. Веселитского И. С. Аксакову из Цетинье 27/II—10/III 1876 г. ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, л. 12.

⁵⁷ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник А. А. Киреева, ф. 126, п. 6, л. 115 об.

⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. Монтеверде, д. 2, л. 7 об.

Здесь же в Суторине вожди восстания вручили Веселитскому подписанное 29 предводителями полномочие представлять их в переговорах с державами. Оно было использовано в переговорах, которые вел Веселитский в Вене, а затем в Берлине во время свидания здесь трех канцлеров 29.IV—1.V (11—13.V) 1875 г. Рассказывая об этом, он изображал свою роль как весьма значительную, но все, что мы знаем о свидании и участии в нем Веселитского от А. С. Ионина и других лиц, заставляет отнести эти рассказы за счет того «фокусничества», которое, по отзыву Ионина, Веселитскому не было чуждо. Никакой заметной роли в переговорах Веселитский не играл.

Что же дала помощь Славянских комитетов, представителем которых был Веселитский? Каковы итоги русской денежной помощи герцеговинцам, оказанной при посредстве Комитетов?

Общая сумма всех сборов и пожертвований, переправленных в Герцеговину и производившихся самими Славянскими комитетами, Красным крестом, редакциями газет и т. д., составила, по данным Славянских комитетов, на 25 декабря 1875 г. 360 тыс. руб.⁵⁹ Эти средства увеличились в значительной степени уже в 1876 г. И тогда значение их стало особенно велико. «В январе месяце прекратились пожертвования из Франции, — писал Веселитский в середине 1876 г., — в апреле из Швейцарии, в июне и из Англии. Одна Россия остается верною несчастным славянам, но и ее средства едва были в состоянии спасти жизнь убежных в Черногорию»⁶⁰. Нет сомнения, что приведенная цифра ниже действительных сумм, переведенных на помощь боснякам и герцеговинцам, так как в 1876 г. сборы производились на славян вообще, и из них также известная часть средств шла на герцеговинцев, но характер отчет-

⁵⁹ «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». СПб., 1876, стр. 491—492.

⁶⁰ ГИАЛО, ф. Петербургского славянского комитета, д. 18, л. 31 об.

ности Комитетов не позволяет выявить ее размеры ⁶¹. Бесспорно только одно, что русские средства были основным источником поддержки герцеговинцев. Русское общество помогало и вооружению повстанцев. К тем сведениям о ружьях и патронах, какие приводились выше, можно прибавить сведения о закупке и доставке Монтеверде пушек, с большим трудом провезенных через австрийскую таможню ⁶². Тот же Монтеверде набрал корсиканцев и сербов, которые должны были стать артиллеристами. Другое дело, что в условиях горной партизанской войны артиллерия эта очень плохо использовалась. Но закуплена она была на русские добровольно собранные деньги.

Чтобы показать партнерам по Союзу трех императоров свою непричастность к этой помощи, русское правительство стремилось устранить возможность каких-либо подозрений относительно поддержки им восстания. Консульским чиновникам, известным своими связями или идейной близостью к членам Славянских комитетов, было строжайше запрещено встречаться с представителями последних. Такое указание было дано, например, секретарю русского консульства в Дубровнике С. В. Шаховскому. Но как раз на таких лиц подобные приказы не оказывали действия. Для запретных встреч «избирают» *terrain neutre*, — замечал по этому поводу хорошо осведомленный А. А. Киреев. Своеобразное положение дипломатических чиновников, в ряде случаев вынужденных, как например консул А. С. Ионин, выполнять поручения Славянских комитетов, превращало их нередко, вопреки предупреждениям министерства иностранных дел, в неофициальных агентов Славянских комитетов. Последние своей поддержкой повстанцев, пусть не всегда удачной и достаточной, способствовали расширению освободительной борьбы.

В этом одна из причин той двойственной позиции,

⁶¹ «Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества», стр. 362. Ср. И. С. Аксаков. Соч., т. I, стр. 227—230.

⁶² Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. Васильчиковых, V/21, л. 34.

какой характеризовалась деятельность многих русских дипломатических и консульских представителей на Балканском полуострове в эти напряженные годы.

Русское общество выражало свое отношение к освободительной борьбе в Боснии и Герцеговине не только через печать, пожертвования и деятельность Славянских комитетов. Самое значительное проявление сочувствия и братской поддержки проходило минуя Славянские комитеты. Мы имеем в виду поездки русских в Герцеговину для непосредственного участия в вооруженной борьбе повстанцев.

Этот вопрос нами уже освещался⁶³, и, так как он отвлек бы от основной темы, мы к нему здесь возвращаться не будем.

* * *

Восстание в Боснии и Герцеговине не осталось одиноким. Вскоре после начала его последовало восстание в Болгарии (Старозагорское). Поражение его не остановило дальнейших попыток к борьбе против Турции. Момент для выступлений представлялся особенно выгодным, так как борьба могла одновременно разворачиваться в разных частях Балканского полуострова. Болгарские революционные комитеты готовили новое восстание.

Еще до Апрельского восстания между руководителями Славянских комитетов и болгарскими деятелями существовали связи. Болгарские революционные комитеты искали в России денежной поддержки. Посредником явился кишиневский исправник, болгарин по национальности, И. С. Иванов, который связался с членами Петербургского комитета и, по-видимому, в частности с Н. А. Киреевым. Когда в декабре 1875 г. на Герцеговинской комиссии Петербургского комитета обсуждался вопрос о помощи боснякам и

⁶³ С. А. Никитин. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг. Сб. Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957.

герцеговинцам, член Комитета Н. А. Киреев говорил о необходимости помнить и об освобождении Болгарии. Но позиция Комитета и его председателя кн. А. И. Васильчикова была отрицательной. Возможность успеха восстания представлялась крайне сомнительной.

Вслед за тем в январе или начале февраля 1876 г. полковник И. К. Кишельский отправился в Бухарест, где имел встречи и переговоры с деятелями болгарских комитетов, в помощь им издал «Руководство по ведению партизанской борьбы»⁶⁴. Кишельский решил принять активное участие в восстании и вернулся в Россию, чтобы оформить выход в отставку. Проездом в Петербург он побывал у И. С. Аксакова, которому сообщил о ходе подготовки. В это время в распоряжении Аксакова была специальная сумма (2 тыс. руб.), пожертвованная на восстание и вскоре после свидания с Кишельским пересланная им Одесскому комитету, непосредственно участвовавшему в подготовке⁶⁵. 3 апреля Кишельский был у военного министра Д. А. Милютина, просил отставки, но получил отказ. Отказ мотивировался не только отрицательным отношением к просьбе Кишельского самого Милютина, указывалось, что кн. Горчаков и государь выразили такое же мнение. Правительство не хотело в этот момент возбуждения болгарского вопроса, так как не утратило надежды на мирное разрешение осложнений в Боснии и Герцеговине⁶⁶, чему болгарское движение могло помешать.

Еще до разговора Кишельского с Милютиным был возбужден вопрос о поддержке болгарского восстания Петербургским славянским комитетом. В конце марта (27-го) 1876 г. в Петербурге на квартире Н. Киреева состоялось совещание Герцеговинской комиссии Петербургского славянского комитета с

⁶⁴ См. И. К. Кишельский. Руководство за успешен бой с турците. Букурещ, 1876. Предисловие помечено 20 февраля 1876 г.

⁶⁵ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. М., 3602, 1876—1878 гг. Письмо Аксакова к Попову, б/д.

⁶⁶ Дневник Милютина, т. II, М., 1948, стр. 41.

болгарами, одним из которых, возможно, был И. С. Иванов, другим — полковник И. К. Кишельский. Обсуждался вопрос о восстании, его размерах и значении, возбуждать ли его как диверсию, или как большое серьезное восстание. Болгары настаивали на последнем.

Однако и на этот раз комиссия осталась при прежнем мнении. Считали, что поднимать восстание в Болгарии для отвлечения турок от Герцеговины и Боснии значило бы бесплодно жертвовать жизнью многих людей, сделать же «нечто действительное» за отсутствием денег считали невозможным. Сомнительным представлялся успех восстания и в международно-политическом плане, так как это грозило бы постановкой вопроса о разделе Европейской Турции. Предполагали, что это вызвало бы сопротивление западных держав. Через 10 дней совещание повторилось, и было решено для ориентировки послать в Берлин, где в это время происходило совещание руководителей внешней политики стран «Союза трех императоров» (Россия, Австро-Венгрия, Германия), Н. А. Киреева и И. П. Печаткина. Там они встречались с русским консулом в Черногории А. С. Иониным, Г. С. Веселитским-Божидаровичем. Но ничего выяснить относительно Болгарии им не удалось⁶⁷.

Относительно Герцеговины представители Славянских комитетов пришли к выводу о невозможности дальнейшей поддержки там, так как позиция А. С. Ионина отличалась от позиции Комитетов. Ионин считал политическую независимость Боснии и Герцеговины неосуществимой и хотел бы присоединения ее к Черногории. Поскольку помимо Ионина поддерживать движение в Герцеговине было невозможно, пришлось бы подчиниться его стремлениям. Не желая этого, Киреев пришел к выводу о необходимости направлять все средства в Боснию и, частично, в Болгарию.

⁶⁷ См. И. В. Козьменко. Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 г. «Вопросы истории», 1947, № 5, стр. 96.

В то же время деятели болгарских революционных комитетов поддерживали связи с русскими военными деятелями, близкими к Славянским комитетам. К. Цанков и И. Кишпельский обращались с письмами к полковнику Раевскому в Севастополь. Раевский разработал план помощи болгарскому освободительному движению в виде военного обучения молодежи, денежной помощи и т. д. и писал о том командующему южной армией генералу Семене и начальнику его штаба генералу Горемыкину⁶⁸.

В то же время мысль о целесообразности помощи борющимся за свободу южным славянам не только деньгами, бельем и т. п., но и прямым участием в их борьбе начинала приобретать широкое признание. Сведения о военной подготовке в Сербии привлекали к себе особое внимание. В феврале 1876 г. полковник Н. Н. Раевский — человек, близкий славянофильскому кругу, — запрашивал М. Г. Черняева, не обращалось ли сербское правительство с просьбой о присылке офицеров⁶⁹. Отправился в Москву и сам Черняев для переговоров о поездке в Сербию. В Москве он вел переговоры с руководителями и членами Славянского комитета И. С. Аксаковым, П. Н. Батюшковым, Н. А. Поповым, которые не возражали против плана Черняева.

Москва оказалась центром, где приходилось решать этот вопрос, благодаря двояким причинам. Черняев опасался явиться со своим проектом в Петербургский славянский комитет в силу более официального характера и близости этого комитета к правительственным сферам, что могло повести к неудаче задуманного⁷⁰. В то же время в Москве находилось созданное при непосредственном участии и помощи Московского славянского комитета сербское

⁶⁸ См. Александр Бурмов. Към историята на руско-българските връзки през 1876 г. Известия на Института за Българска история, т. 1—2. София, 1951, стр. 85.

⁶⁹ ГИМ, ф. М. Г. Черняева, св. 12, 67 220/183.

⁷⁰ Ошибочную трактовку обстоятельств отъезда Черняева дает G. H. Rupp. A. Wavering friendship: Russia and Austria, 1876—1878. Cambridge, 1941, p. 107—108.

церковное представительство — подворье, то есть то посредствующее звено, которое давало возможность легко снестись с Белградом и узнать точку зрения сербского правительства. Эта миссия выпала на долю Н. Дурново, раньше хлопотавшего об открытии подворья, а в это время бывшего по поручению Славянского комитета заведующим хозяйственным управлением подворья и находившегося в сношениях с митрополитом Михаилом. Ему было поручено выяснить отношение сербского правительства к приезду Черняева. В ответе митрополита Михаила говорилось о дружественных отношениях Сербии с Черногорией, Грецией, Румынией, о надежде справиться с турками в случае невмешательства держав. Митрополит касался вопроса о снабжении оружием и считал возможным закупить его в Австрии, говорил о неудаче переговоров о займе в Западной Европе. Письмо заканчивалось припиской о том, что сообщение Дурново передано сербскому министру иностранных дел И. Ристичу, который ответил: «Правительство ничего не имеет против приезда Черняева, но предпочло бы видеть в Сербии Р. Фадеева»⁷¹. Митрополиту Михаилу было отправлено новое письмо, где говорилось, что Фадеев не приедет, в ответ на это письмо было дано согласие на прибытие Черняева⁷².

Незаконным путем был получен заграничный паспорт и передан Черняеву. Местом поездки была указана Палестина. В гостинице Черняев сообщил, что уезжает в Петербург, что и напечатали газеты 9 апреля, а в действительности он 7-го числа выехал в противоположном направлении и в день появления газетного сообщения уже переезжал границу. Все эти предосторожности были приняты потому, что русское правительство не сочувствовало выступлению Сербии и Черногории, поскольку еще сохранило надежду на мирное разрешение вопроса⁷³. Тем более оно не могло

⁷¹ По-видимому, имея в виду близость Р. Фадеева к правящим сферам.

⁷² См. Н. Дурново. К истории сербско-турецкой войны 1876 г. «Исторический вестник», т. II, 1899, стр. 533-534.

⁷³ Дневник Д. А. Милютина, т. II. М., 1949, стр. 53.

сочувствовать самочинной поездке Черняева, которая могла осложнить положение ⁷⁴.

Черняев побывал в некоторых румынских городах, где мог встретить болгар, и вел с ними переговоры об их участии в борьбе. Он договорился с К. Цанковым о том, что в Бухаресте необходимо создать центр, объединяющий болгар. Вскоре возобновило свои действия «Болгарское человеколюбивое настоятельство», являвшееся по существу своей деятельностью не благотворительной, а политической организацией ⁷⁵. Оно занялось подготовкой и вооружением чет для посылки в Болгарию. Предполагалось, что во главе четы станет воевода Ф. Тотю, но он отказался и уехал в Сербию, тогда воеводой был назначен Хр. Ботев.

Спустя две недели после образования «Човеколюбивого настоятельства» в Бухарест приехали Н. А. Киреев и И. С. Иванов. Киреев принял активное участие в обеспечении Настоятельства деньгами на закупку оружия. Накануне выступления четы Ботева Н. А. Киреев писал своему брату А. А. — адъютанту вел. кн. Константина Николаевича и также члену Петербургского славянского комитета, прося о срочной высылке 5 тыс. руб. для уплаты за купленный «лен», как в конспиративных целях он обозначал оружие, и дополнительно 15 тыс. руб. ⁷⁶. Через несколько дней деньги эти были присланы через посредство кишиневского исправника И. С. Иванова ⁷⁷.

По приезде в Сербию Черняев ощутил, какие большие надежды возлагают на него сербы, и увидел, что «у них для войны недостает многого и прежде всего денег». Он обратился к Аксакову с просьбой помочь сербам, не получившим займа ни во Франции,

⁷⁴ Милютин сообщает, что Черняеву было запрещено уезжать в Сербию. Там же.

⁷⁵ См. А. Бурмов. Към историята на руско-българските връзки през 1876 г. Известия на Института за Българска история, т. 1—2. 1851, стр. 87—89.

⁷⁶ С. А. Никитин. Письма и записки Н. А. Киреева о балканских событиях 1876 г. «Славянский сборник». Изд. Библиотеки им. Ленина. М., 1948, стр. 111.

⁷⁷ ЦГИАЛ, ф. 651, оп. I, д. 909, л. 1.

ни в Бельгии, ни в Голландии. Надо добиться или размещения в России сербского внутреннего займа или заключить в России внешний заем под обеспечение его государственным имуществом Сербии (леса-ми и рудниками)⁷⁸, — писал он.

8 мая 1876 г. орган М. Г. Черняева «Русский мир» писал: «Сербия и Черногория не только не потеряли своего значения оттого, что ими перестали заниматься в Европе (в связи с подготовкой Берлинского меморандума.—С. Н.), но, напротив, в настоящую минуту эти княжества сильнее, чем когда-либо, держат в своих руках все нити, от которых зависит фактическое разрешение вопроса о судьбах турецкого славянства...». Теперь нет мотивов сдерживать князей Милана и Николая. Европа не будет помогать им, но и не будет препятствовать выполнению народами Сербии и Черногории их долга. «Участь подвластных туркам райев зависит теперь всецело не только от них самих, но и от единоплеменной им Сербии, с которою в этом отношении неразрывно связана, как известно, и Черногория.. Некоторые весьма существенные признаки доказывают положительно, что Сербия сознает важность настоящего момента для выполнения лежащей на ней задачи»⁷⁹. В конце статьи, так ясно говорившей о близком выступлении Сербии против Турции, указывалось, что Черняев находится в Белграде, где встречен сочувственно.

Русская славянофильская и либеральная печать, хотя и увидела в сербско-турецкой войне новую гирию, положенную на весы славянского дела, и выражала надежду, что она перетянет европейское противодействие освобождению славян, не давала, однако (за небольшими исключениями), никаких прямых обещаний от имени России.

Отношение русского правительства к возможности сербского выступления не было твердым и до конца последовательным. Горчаков и Александр II во всех официальных правительственных заявлениях выска-

⁷⁸ ГИМ, ф. М. Г. Черняева, св. 6, 29 апреля 1876 г.

⁷⁹ «Русский мир», 8 мая 1876 г.

зывались против вступления сербского правительства в войну, хотя считали необходимой подготовку Сербии к войне. Очевь хорошо эту позицию отражает надпись Александра II на перлюстрированном письме издателя «Голоса» А. А. Краевского известному публицисту А. Д. Градовскому. Одобряя статью последнего «Россия и славяне», Краевский 27 июля 1876 г. писал: «Продолжайте вариировать на одну и ту же тему: «энергическое вмешательство России в славянское дело», — только, бога ради, не военное. — У нас о войне не хотят и слышать и собираются преследовать карами эту мысль в печати. — Мне удалось слышать такое изречение (от лиц достоверных, собственноушно слышавших его): Я изо всех сил стараюсь улаживать мирное разрешение дела, а печать хочет меня ссорить с Европою: это нельзя допустить». Ознакомившись с письмом, Александр II написал: «Весьма здравые мысли и совершенно согласные с моими»⁸⁰. Однако в царской семье не было единого мнения. Царица, как сообщает осведомленный свидетель, возмущалась наивностью русской дипломатии⁸¹ и ее действий.

Что касается местных агентов русского дипломатического ведомства, то в их отношении к вопросу была известная двойственность — это было неизбежно при наличии внутренней борьбы в правительстве и отсутствии твердой линии министра иностранных дел, не чувствовавшего полной уверенности в устойчивости взятого им курса. В этом отношении интересны два сообщения, относящиеся к одному и тому же лицу. Консул в Белграде А. Н. Карцев писал 31 мая 1876 г. в Константинополь послу графу Н. П. Игнатьеву: «Я пробыл в Эмсе три дня и вывез оттуда глубокое убеждение, что прямые и самые святыя интересы наши требуют, чтобы мы как можно больше отклонялись от всякой солидарности с славянским движением. Действительно, стоит ли нам порождать против себя коалицию целой Европы и,

⁸⁰ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 4, д. 444 (секр. архив), л. 1.

⁸¹ Дневник Д. А. Милютина, т. II, стр. 43, 46.

быть может, сохрани Бог, рисковать повторением несчастий 1853-го года.

Проникнутый этим убеждением, делаю все возможное для удержания сербов от войны. Они обещают мне блюсти мир до последней крайности, но в то же время продолжают военные свои приготовления с усиленной деятельностью. Продолжают вербование волонтеров... и каждый день стоит им слишком дорого, чтобы можно было надеяться на обращение княжества к мирной политике»⁸². Действительный смысл этого письма хорошо разъяснил родственник консула, Ю. С. Карцев, который записал рассказ А. Н. Карцева о том же посещении Эмса в мае 1876 г., где он услышал совет Горчакова не забывать, что если император против войны, то наследник за нее⁸³. Поэтому не лишен вероятности и ответ Н. П. Игнатьева на недоумения сербов по поводу характера русских советов: официально русские представители выступали против войны, частным же порядком советовали вооружаться. «Как же вы хотите, — сказал Игнатьев военному представителю Сербии в России полковнику Катарджи, — чтобы государь вам прямо высказал свое тайное желание? Разумеется, он этого не может. А я вам повторяю, как только объявите войну, — Россия за вами вслед»⁸⁴.

Колебанием и двойственностью проникнуто все поведение правительства, шедшего по пути, который был намечен Союзом трех держав и не встречал поддержки в широких общественных кругах, и испытывавшего давление со стороны общественного мнения. Это хорошо видно на истории вопроса о сербском займе.

В начале июня 1876 г. сербское правительство послало в Россию своего представителя Протича для хлопот о займе. Он должен был вести дело официальным порядком. Но сербское правительство знало, что русское — против вступления Сербии в войну и

⁸² ЦГИАМ, ф. 730, оп. I, д. 3094, л. 58 об.

⁸³ См. Ю. С. Карцев. За кулисами дипломатии. СПб., 1908, стр. 30.

⁸⁴ М. Газенкамп ф. Мой дневник. СПб., 1908, стр. 470.

против предоставления ей займа⁸⁵. Оно считало необходимым поэтому заручиться поддержкой общественного мнения России, чтобы добиться желаемого. «Мы делаем последнюю попытку с приездом г. Протича, — писал митрополит Михаил Аксакову, — и просим вас покорнейше, как друга, посоветовать ему что делать, как поступить, чтобы его миссия не пропала даром. Нам нужно благоволение государя, мы им дорожим, не хотим чуждаться России и делать ей вреда. Но в то же время думаем, что нам нужно спастись от гибели, которая нам грозит неминуемо, если не вступим в акцию...»⁸⁶.

По приезде Протича Аксаков дал ему рекомендательные письма в Петербург, а жена Аксакова — Анна Федоровна — письмо к своей сестре Д. Ф. — фрейлине императрицы; Д. Ф. в дальнейшем помогала Протичу связями в высших сферах. Попытки Протича идти прямым официальным путем были неудачны. Министр финансов Рейтерн отослал его к управляющему Государственным банком Е. И. Ламанскому. Горчаков обрушился с упреками на сербского представителя и заявил, что правительство не даст ни гроша, так как Сербия начинает войну вопреки советам России⁸⁷. Самое большее, на что он соглашался, — не препятствовать частным лицам дать Сербии заем. Как правильно замечал Аксаков в письме к Е. Ф. Тютчевой, частный заем сербскому правительству также требовал известной официальной гарантии. Прошло всего несколько дней, и под влиянием императрицы и наследника отношение к сербскому займу стало изменяться. 21 июля в Петербурге у Ламанского было устроено совещание с представителями частных банков. «Заем, — сообщал Аксаков своей ченице, — или лучше сказать ссуда Сербии из Госу-

⁸⁵ Еврем Грујић. Записи, кн. 3. Београд, 1923, стр. 168.

⁸⁶ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 83, л. 13.

⁸⁷ РОПБСЦ, бумаги Аксакова, № 280, письмо Протича 7 июля 1876 г.; Дневник Милютина, т. II, стр. 54, л. 113; Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник Ф. В. Чижова, 1876 г., ф. 332, п. 3, д. 4, л. 124—125.

дарственного казначейства и размере 4-х миллионов рублей разрешена в принципе, но под величайшим секретом и условием, чтобы она была маскирована частными банками и лицами. Государь махнул, наконец, рукой, сказавши: делайте что хотите, только, чтоб правительство оставалось официально в стороне»⁸⁸. Надо сказать, что в кругах, близких к Славянским комитетам, живо поддерживали дело сербского займа.

Успеху его сочувствовал Ф. В. Чижов; известный календарно-газетный издатель А. Гатцук убеждал Аксакова возглавить инициативу займа и старался заручиться помощью Н. А. Попова для привлечения к делу К. Солдатенкова, а В. И. Ламанский полагал, что чисто финансовой стороной дело не должно ограничиться, и видел задачу в разрыве Союза трех императоров⁸⁹.

Газеты запестрели объявлениями о сербском займе и советами приобретать его как особенно прочный⁹⁰. Но вскоре «Новое время» сообщило, что подписка на него идет туго. «Этот факт поражает неприятно», — замечала газета и разъясняла, что сербский заем не благотворительное дело, а результат политического расчета⁹¹. Не так быстро реализовалось и обещание правительства. Уже вскоре после приезда Протича Петербургский славянский комитет выдал в счет будущего займа 30 тыс. руб. 30 сентября Черняев прислал Аксакову телеграмму, где просил в счет займа 100 тыс. червонцев. «Действуйте всеми силами. Спасайте», — кончалась телеграмма. Тогда, по согласованию с Московским, Петербургский комитет послал в Сербию почти всю наличность — 100 тыс. руб. Только к концу года правительство решило выдать обещанную ссуду⁹². Таким образом, прямой своей

⁸⁸ Центр. литархив, ф. Аксакова (Мурановский), письмо от 25 июля 1876 г.

⁸⁹ РОПБСЩ. Бумаги Аксакова, д. 195, б/д.

⁹⁰ «Русские ведомости», 6 октября 1876 г.

⁹¹ «Новое время», 8 сентября 1876 г.

⁹² ЦГИАМ, ф. 1750, д. 332, л. 64; д. 333, л. 6; «Первые 15 лет...», стр. 388.

цели — поддержки Сербии в борьбе с Турцией — затем в силу позиции царского правительства не достиг. Но он свидетельствовал о давлении славянофильских и близких им общественных кругов на правительство и об успехе этих групп.

Приведем еще один пример, чтобы показать, как колебалась позиция правительства. Еще 1 июля в ответ на обращение Протича Горчаков отклонял всякое официальное содействие славянскому делу. А через десять дней он отступил и дал согласие смотреть сквозь пальцы на провоз оружия к сербам и болгарам⁹³.

В начале августа Милютин записывал: «Государь, по-видимому, поощряет все, что делается в пользу балканских славян со стороны частных лиц и общества; но остается в твердом намерении не оказывать никакого вмешательства официального»⁹⁴.

Сербское правительство прекрасно понимало подлинные желания русского правительства и отличало их от частных советов русских агентов⁹⁵. Но и оно, подобно русскому правительству, находилось в определенных международно-политических условиях и так же, как русское правительство, не могло не ощущать воздействия со стороны сербской общественности.

Колебания русского правительства, расхождения во взглядах относительно политики в балканском вопросе в правящих кругах, известные и за пределами России факты влияния на правительство славянофильско-либерального общественного мнения и высокопоставленных «славянофилов», — все это не могло не оказать воздействия на сербское правительство, которому приходилось учитывать настроения сербского общества.

Еще в августе 1875 г. Одбор сербской скупщины рассматривал вопрос о позиции правительства в отношении восстания в Герцеговине и большинством в

⁹³ Дневник Д. А. Милютина, т. II, стр. 54, 56.

⁹⁴ Там же, стр. 67—68.

⁹⁵ «Писма Јована Ристића Филипу Христићу». Београд, 1931, стр. 241.

21 голос против 12 при одном воздержавшемся постановил помогать восстанию. Скупщина, собравшаяся в начале сентября 1875 г., несмотря на предупреждение Ристича об отрицательном отношении держав к возможности сербского выступления против Турции, об отсутствии соглашения у Сербии с болгарами, так как последние лишены политического центра, о невозможности активной помощи Сербии со стороны Румынии — все же приняла решение поддерживать восстание вплоть до вступления в войну против Турции (за — 77, против — 30, воздержалось — 5)⁹⁶. Либеральные газеты «Исток» в Белграде и «Застава». С. Милетича в Новом Саде провозглашали необходимость войны против Турции. Князь Милан был склонен придерживаться официальных советов держав Союза трех императоров; в связи с этим тяготевшее к войне либеральное министерство Ристича было заменено министерством Кальевича, которое все же не могло порвать связи с боснийскими повстанцами и тайно снабжало их деньгами и оружием⁹⁷.

Сербские либералы были главными сторонниками войны. Буржуазная великосербская партия либералов стремилась к объединению всех сербских земель вокруг княжества и смотрела на предстоящую войну как на дело, в которое надо бросаться «с завязанными глазами и без компаса» («Исток»)⁹⁸.

Сторонниками войны были и радикалы — представители демократических кругов города и деревни. Они, как и либералы, смотрели на войну как на средство национального объединения подвластных Турции земель, населенных сербами, вокруг сербского княжества. Радикалы стремились к народной освободительной войне. Они требовали предварительного освобождения сербского народа от политического и экономического угнетения, хотели, чтобы война стала

⁹⁶ См. Јеврем Грујић. Записи, кн. 3, стр. 112—126.

⁹⁷ См. Јовановић. Влада Милана Обреновића, кн. I. Београд, 1926, стр. 279.

⁹⁸ См. там же, стр. 289; Жив Живановић. Политичка историја Србије у другој половини деветнаестог века, кн. I. Београд, 1923, стр. 334—335.

двойным освобождением: босняков и герцеговинцев — от турок, а сербов — от домашних тиранов и бюрократической системы.

Войны не хотели консерваторы. Указывая, что война — дело расчета, а не случая, они все же боялись выступить против нее. Народные массы участия в решении вопроса не принимали.

Достаточно верно формулировал действительное положение дел в Сербии сербский корреспондент газеты «Молва»: «действительно желали войны правительство в лице либеральной партии скупщины и развитая часть сербского общества»¹⁰⁰. Князь Милан, боявшийся войны, но не имевший опоры и поддержки в сербском обществе, пошел на поводу у либералов без какого-либо увлечения или энтузиазма, питая надежду на русскую помощь, рассчитывать на которую позволяли двусмысленности русских дипломатов. Не случайно он конфузился в разговоре с Черняевым, указывавшим на неподготовленность Сербии к войне, и отговаривался, что вопрос о войне решает интеллигенция¹⁰¹.

Сербское либеральное правительство пошло на явно неподготовленное в военном, финансовом и прочих отношениях выступление, начатое во имя освободительных стремлений, однако понимаемых в указанном выше ограниченном виде. Начиная войну, сербское либеральное правительство Стевчо Михайловича — И. Ристича — И. Груича знало, что идет на риск, но считало, что, как бы велик риск ни был, Сербии не приходится бояться за свое существование¹⁰². Выдвигавшаяся после поражения сербскими политическими деятелями версия о надежде на русскую помощь как на двигательную силу, толкавшую в войну, в действительности не была решающим мотивом вы-

⁹⁹ «Вперед», т. 5. Лондон, 1877, стр. 120. Корреспонденция из Сербии; С. Јовановић. Ук. соч., стр. 288.

¹⁰⁰ «Молва», 3 октября 1876 г.

¹⁰¹ ГИМ, ф. Черняева, св. 6. Автобиография Черняева, л. 9.

¹⁰² «Писма Јована Ристића Филипу Христићу», стр. 245.

ступления Сербии. Это был только дополнительный момент. Эта надежда получила известные основания со времени прибытия Черняева. Факт его приезда имел бы неизмеримо меньшее значение, если бы Черняев прибыл сам по себе, без предварительной переписки Славянского комитета с сербским правительством. Славянские же комитеты рассматривались за границей в качестве органа русского правительства, поскольку их связь с министерством иностранных дел была достаточно известна. Не исключена, кроме того, возможность заверений, сделанных Черняевым сербским деятелям о том, что он выполняет миссию, нужную русскому правительству, выжидающему времени для прямого выступления. Во всяком случае у самого Черняева такая мысль была ¹⁰³.

При таких запутанных и противоречивых обстоятельствах Сербия начинала войну.

* * *

Вслед за Черняевым в Сербию стали отправляться добровольцы-одиночки — чины его штаба и другие. С начала июля движение волонтеров приобрело более широкий характер. Все активнее развивался сбор пожертвований, особенно развернувшийся с начала июля, после формального разрешения производить сборы. В двадцатых числах июля печать могла уже констатировать: «Благотворительное движение в пользу жертв войны принимает все большие и большие размеры во всей России и в Петербурге... Женщины из всех слоев общества собирают лепты по домам, в лавках и на рынках. Чиновники радостно жертвуют часть своего жалования... Даже крестьяне приносят пожертвования» ¹⁰⁴.

В это время начиналась установка кружек для сбора в магазинах, ресторанах, на станциях железных дорог и т. д., был открыт сбор в «летучие»

¹⁰³ ГИМ, ф. Черняева, св. 8, письмо Черняева Александру II, 17 ноября 1876 г. Копия.

¹⁰⁴ «Новое время», 24 июля 1876 г.

кружки, которыми были снабжены сборщики Славянских комитетов, Красного креста, дамских кружков при Славянских комитетах; расширился тарелочный сбор в церквях; широко распространилось устройство благотворительных гуляний и вечеров. Сведения о последних идут из дачных мест (Парголово, Павловск, Фили и др.), провинциальных городов, не говоря уже о Москве и Петербурге.

В Острогожске несколько местных жителей купили цирковой спектакль, добавили к нему пантомиму «Взятие Османа-паши в плен» и выручили неожиданно большую для этого городка сумму. В Боржоми стараниями члена Комитета А. Трачевского было организовано несколько вечеров, сообщение о чем в газетах увеличило благотворительное рвение местных дворян и денежных тузов — Бебутовых, Аргутинских, Каргановых и др. Большую роль играли инициатива и живое слово. В Рязском уезде в качестве домашнего учителя помещицы Чеснок жил в это время болгарин А. Ф. Теохаров, начавший сборы не только среди помещиков, но и в крестьянской среде. Рассказы его произвели такое впечатление на крестьян, что ему несли не только холст, нитки, но даже косы со словами: «...не пригодятся ли, батюшка, нашим братьям славянам и наши косы против бусурманов». В других селах священники по предписанию духовного начальства рассказывали народу о страданиях братьев-христиан, а волостные старшины побуждали к жертвованиям по предписанию губернатора¹⁰⁵.

Общей чертой, характеризовавшей сборы на славян, было преобладание мелких жертвований. «Наши денежные знаменитости не участвовали вовсе», — говорил в конце 1876 г. И. С. Аксаков. «Две трети жертвований внес... бедный, обремененный нуждою, простой народ»¹⁰⁶. В другой связи он же писал: «Много денег послано Россией, — но все больше

¹⁰⁵ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 57, л. 37 об.; д. 56, л. 63; д. 281, л. 283.

¹⁰⁶ И. С. Аксаков. Соч., т. I, стр. 228.

людьми небогатыми, даже бедными. Из богатого дворянства (Бобринский, Шереметьевы, Демидовы) и от императорских дворцов — помощь была самая скромная до сих пор»¹⁰⁷. То же подтверждали сборщики¹⁰⁸. Из многих примеров приведем один. Известный предприниматель и славянофил Ф. В. Чижев, принимавший меры к установлению процентных отчислений с жалования служащих Ярославской железной дороги, записывал в дневнике: «Все или идут в Сербию, или жертвуют туда, а я раз пожертвовал 200 рублей, да и только. Совестно, — правда, для себя не издерживаю лишнего», — утешал он себя¹⁰⁹.

Призывы к жертвованиям находили горячий отклик в широких народных массах. Характеризуя настроения в Твери, один из корреспондентов Московского славянского комитета замечал: «В настоящее время наше сочувствие основывается не на родстве с южными славянами, а на чувстве гуманности — в более образованной среде, с примесью сознания единства веры в простом народе»¹¹⁰. Как широко жертвовали в народной среде, жертвовали не от избытка, а отдавали последнее, что имели, видно из перлюстрированного письма, в котором дается описание проводов одного из отрядов добровольцев. Когда поезд тронулся, устроили сбор в пользу славян; «жертвовали деньгами и вещами; я сам видел, — говорит автор письма, — как многие простые женщины снимали с себя фартуки, платки и отдавали сборщикам, да еще стыдились, что больше ничего не могли дать»¹¹¹. Об этом же говорила полицейская сводка по Клинскому и Волоколамскому уездам: «Эти самые жертвователи денег на славянское дело нуждаются в еще большей помощи, чем

¹⁰⁷ Центр. литархив, ф. И. С. Аксакова (Мураповский), письмо жене, А. Ф. Аксаковой, от 26 апреля 1876 г.

¹⁰⁸ М. Р. «Три недели кружечного сбора». — «Биржевые ведомости», 21 августа 1876 г.; «Письма из провинции», Там же, 26 августа 1876 г.

¹⁰⁹ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник Ф. В. Чижева, 1876 г., ф. 332, п. 3, д. 4, л. 116.

¹¹⁰ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 57, л. 37 об.

¹¹¹ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 4, 1876, д. 453, л. 1.

те славяне, которым они отдают последний свой трудовой грош»¹¹². Многочисленные факты решений служащих об отчислениях с заработной платы известного процента в пользу славян в течение всего времени их борьбы за освобождение и еще больше сведений об одновременных пожертвованиях. Первые шли главным образом от служащих железных дорог, правительственных учреждений, вторые — от рабочих (мануфактуры Саввы Морозова¹¹³ и др.). Начальник Московского жандармского управления сообщал, например, что в Серпухове и Серпуховском уезде, где был ряд фабричных предприятий, при сборе в пользу южных славян «высказалось общее сочувствие к славянам Балканского полуострова со стороны рабочего фабричного населения... и рабочие эти охотно делали денежные пожертвования»¹¹⁴. Собранная сумма — 1660 руб. — подтверждает приведенные слова. Многочисленные пожертвования шли и от крестьян, приносивших холст, нитки и подобные вещи, а также мелкие суммы денег.

Значительную роль в сосредоточении мелких пожертвований сыграла церковь. «Заворошились славяне, потянулись в Сербию наши голые добровольцы, понадобились всевозможные пособия и им и тем, кого они защищать ушли, опять, — к священникам, и они собирали пособия»¹¹⁵, — пишет мемуарист. В церквях читались воззвания, говорились проповеди, местные архиереи распространяли по своей епархии подписные листы. В архивах Славянских комитетов и сейчас хранится множество этих листов, присланных из самых глухих мест страны. В них преобладают массовые, но мелкие пожертвования. Таким образом, материальную помощь южным славянам оказывали по преимуществу широкие трудовые массы народа. Вклад обеспеченных слоев (буржуазии и

¹¹² ЦГИАМ, ф. 109, оп. 161, 1876, д. 53, л. 139.

¹¹³ ЦГИАМ, ф. 1750, 1875 г., д. 6/№, «Письма от учреждений и разных лиц...», л. 83.

¹¹⁴ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 1875 г., д. 84, продолж. 1, л. 2.

¹¹⁵ «Записки сельского священника». «Русская старина», т. XXVIII, 1880, стр. 282.

дворянства) по сравнению со средствами, шедшими от трудящихся, был несоизмеримо мал.

Кампания по сбору пожертвований была не только источником средств, но и формой воздействия на общество, формой агитации, особенно среди тех слоев, до которых не доходили газеты, хотя — как свидетельствуют наши источники — именно эти годы были в России периодом широкого проникновения газеты в народную массу.

Для городского населения особое значение имела печать. Нельзя назвать газеты, которая была бы в стороне от движения помощи славянам. Телеграммы из Сербии, сведения из Болгарии, протоколы и другие документы Славянских комитетов и особенно статьи — все действовало в одном направлении. Гибель Н. А. Киреева, Ерошенко и других русских добровольцев в Сербии отмечалась особыми некрологами. В русской печати не было слышно голосов, враждебных движению помощи Сербии.

Что газетные сведения имели большое пропагандистское значение, видно из многочисленных заявлений волонтеров. Отставной поручик Марков свое заявление в Московский славянский комитет начинает словами: «Имея постоянные сведения через издания газет о бедственном положении защитников креста господня...». Купеческий сын Д. Хлебников писал из Можайска: «Из сведений, публикуемых в разных газетах, видно, что славянские племена в Турции слишком притесняются...»¹¹⁶. Число подобных примеров могло бы быть увеличено. Они показывают, что развитие добровольческого движения находилось в тесной связи с идейным воздействием печати: газетная пропаганда способствовала росту добровольчества.

Волонтерское движение с самого начала проявилось в двух формах: одни ехали для помощи раненым как участники санитарных отрядов, другие — для борьбы в рядах сербской армии. Обе эти формы развивались одновременно, причем в первое время

¹¹⁶ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 232, 233, 236 и др.

основное внимание было направлено на отправку медицинских отрядов. В начале июля И. С. Аксаков писал: «Не могу продолжать, осаждают просители (пишу из банка, обращенного мною в Славянский комитет). Сейчас объяснялся с тремя девицами, желающими ехать в Сербию в качестве сестер милосердия, — и каждый день по столько же девиц является...»¹¹⁷. Набор медицинского персонала в Москве был в основном закончен к двадцатым числам июля, с 25 начата отправка, а к 4 августа уже было послано 150 человек, в том числе 50 врачей. После этого уполномоченный Красного креста просил воздержаться от дальнейшей отправки¹¹⁸.

Значительно меньшее количество снарядил Петербургский комитет — всего 29 человек. Этот комитет выдал деньги на содержание санитарного отряда, сформированного в Юрьеве (Тарту)¹¹⁹. Санитарные отряды были посланы еще из некоторых провинциальных университетских городов. Госпиталь на 100 коек организовали московские старообрядцы. Купцы-раскольники (Солдатенков, Морозов и др.) хорошо снабдили его и обеспечили квалифицированным персоналом. Формирование этого отряда проходило в контакте со Славянским комитетом. Посылал отряды и Красный крест, уполномоченный которого координировал деятельность санитарных отрядов в Сербии.

Уже в период отправки санитарных отрядов Славянские комитеты были главными руководителями и организаторами дела. К ним обращались по вопросам, относящимся к поездке в Сербию, не только частные лица, но и представители местной администрации — губернаторы: калужский, пензенский, орловский и др. Московский комитет через окружное военно-санитарное управление добился согласия главного военно-медицинского управления отпустить врачей на 2—6 месяцев в Сербию и Черного-

¹¹⁷ Центр. литархив, ф. И. С. Аксакова (Мурановский), письмо Е. Ф. Тютчевой 5 июля 1876 г.

¹¹⁸ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 84.

¹¹⁹ «Первые 15 лет...», стр. 386.

рию даже с сохранением им казенного содержания Правда, были и губернаторы, препятствовавшие проведению сборов в пользу славян, отправке добровольцев и т. п. Такими оказались владимирский губернатор Судненко, московский генерал-губернатор кн. В. А. Долгоруков, запретивший молебен у Иверской часовни при отъезде сестер милосердия. Впрочем, для последнего это кончилось неприятностью. А. Ф. Аксакова телеграфировала о распоряжении Долгорукова императрице, на что последняя ответила, что Долгоруков оскорбил тем самым Общество Красного креста и ее¹²¹. В дальнейшем Долгоруков воздерживался от полицейских мер.

* * *

В это время наряду с ранее существовавшими Комитетами возникали группы по проведению сборов, чаще всего никак не оформленные или преобразовывавшиеся в самостоятельные ответвления Комитетов. Кое-где они продолжали именоваться комиссиями по сбору пожертвований, в других местах члены их вступали в Московский или Петербургский комитеты и образовывали их отделы. Нередко эти организационные формы сменяются. Так, в Новочеркасске с самого начала движения помощи славянам живое участие в нем принимал редактор-издатель «Донской газеты» А. Карасев; вокруг него группировалось несколько человек (И. А. Петровский, Н. Н. Ефимов). Они связались с донскими коннозаводчиками и подготовляли отправку добровольцев в Сербию. В сентябре 1876 г. они были приняты в члены Московского комитета. Первоначальная группа привлекла и избрала председателем местного архиерея Платона, его заместителем стал Карасев. Группа получила название Новочеркас-

¹²⁰ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 83, л. 53.

¹²¹ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Дневник Ф. В. Чижова, 1876 г., ф. 332, п. 3, д. 4, л. 113 об. — 114; Центр. лит-архив, ф. Аксакова, письмо Е. Ф. Тютчевой 25 июля 1876 г.; ЦГИАМ, ф. 1750, д. 84, лл. 65, 109.

ского комитета ¹²². Сходным образом возник из группы по сбору пожертвований Харьковский комитет. Однако переход от маленькой закрытой организации к Комитету породил своеобразный кризис. Председатель группы Костенко возражал против вступления новых членов, утверждая, что губернатор противится существованию Комитета. На этом основании был составлен протокол о закрытии организации. Вскоре же обнаружилось, что сведения об отрицательном отношении губернатора ложны. Деятельность организаций возобновилась, но Костенко оказался вынужденным отказаться от поста председателя. Были приняты нежелательные для него члены, которые и заняли руководящие посты. В заседаниях 29 октября и 1 ноября 1876 г. был избран председателем земский деятель З. И. Бекарюков, товарищем председателя — Добросельский, секретарем — коммерсант Н. И. Баллин и членом Н. Б. Лукьянов. Кроме того, был создан исполнительный комитет в составе И. С. Гаевского, профессора лингвиста Потебни, историка (болгарина) М. С. Дринова, Цехановского и протоиерея Чижевского ¹²³.

Были случаи непосредственного возникновения Комитетов «для оказания пособия и содействия добровольцам, отправляющимся в Сербию» ¹²⁴. Таким был Владикавказский комитет. Иные до конца оставались комитетами по сбору пожертвований, как, например, Екатеринославский комитет ¹²⁵.

Особенностью возникновения всех этих комитетов было то, что они рождались, минуя специальное разрешение администрации, явочным порядком. Это соответствовало условиям момента. Но такое положение длилось лишь до конца года, когда прошла добровольческая горячка, и комитеты оказались вынужденными изменить характер своей деятельности

¹²² ЦГИАМ, ф. 1750, д. 199, документы о снаряжении в Сербию донских добровольцев (листы не нумерованы).

¹²³ Там же, д. 296. «Переписка...», л. 73—74.

¹²⁴ Там же, д. 57, л. 812.

¹²⁵ Там же, д. 56, л. 42; д. 291, л. 45—46.

и организации. Для постоянной деятельности комитеты нуждались в легализации. Вот почему Казанский комитет, до тех пор действовавший в качестве группы членов Петербургского комитета, оказался вынужденным обратиться в министерство внутренних дел (так как Славянский комитет был передан туда из министерства иностранных дел) за разрешением¹²⁶. Такие случаи имели место уже в период ущерба того общественного движения, которое стремились поднять и направить Славянские комитеты, успевшие за это время создать широкую, хотя и неустойчивую сеть местных ответвлений.

Помимо названных комитетов — Харьковского, Екатеринославского, Новочеркасского, Владикавказского, Казанского, нам известны: Варшавский, Саратовский, Самарский, Таганрогский, Вятский, Ростовский, Орловский. Были организации в Астрахани, в Терском и Кубанском казачьих войсках и в некоторых других пунктах. Ясных сведений относительно них в нашем распоряжении не имеется; возможно, что это были не вполне оформившиеся организации. Большая часть вновь возникших организаций находилась в связи с Московским комитетом, некоторые, например Казанский, тяготели к Петербургскому. По окончании русско-турецкой войны почти все они исчезают.

Эти комитеты возникли как органы со специальными функциями (сбор пожертвований в пользу славян, набор и отправка добровольцев в Сербию), но когда надобность в решении этих задач прошла, комитеты оказались без почвы и заглохли. Большинство комитетов в городах, не имевших объектов систематической благотворительности, было лишено глубоких и крепких корней в широких кругах общества, органических целей, постоянной деятельности. Не существовало и таких политических задач, которые могли бы поддержать славянские организации в далекой провинции. Наконец, в этих пунктах не было достаточной базы и для развития литературно-

¹²⁶ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 58, л. 72.

научной славянской пропаганды. Но дальнейшая судьба Комитетов, сложившихся в период восточного кризиса, лежит уже за пределами рассматриваемого нами периода.

Быстрый и широкий рост организационной сети, широкие сборы пожертвований привели к сосредоточению в кассах Комитетов значительных средств. Это видно из следующего. На 1875 г. приходный бюджет Московского комитета составлял всего 7 тыс. руб. Эта сумма предусматривала обычные расходы на стипендии и пр. Когда же с момента начала сборов стали притекать пожертвования в пользу славян, они достигли неслыханных до того размеров: с 1 сентября 1875 г. по 22 октября 1876 г. было собрано 742 тыс. руб. и израсходовано 383,5 тыс. руб.¹²⁷. Очень значительно возросли средства и других Комитетов.

Мы уже указывали выше, что основным жертвователем были не буржуазия и дворянство, а широкие массы народа: крестьяне, служащие, рабочие. Однако характерно, что и в этот период Комитеты пытались широко привлекать купечество к денежной поддержке движения. В связи с изменением обстановки и задач в известной мере менялся и характер деятельности Комитетов, их структура. Бросается в глаза прежде всего большой приток членов на заседания Комитетов, чего никогда не было раньше. Так, в Московском комитете нередко число присутствующих переходило за сотню, а на заседании 26 сентября 1877 г. присутствовало, по данным полицейских донесений, 240 человек¹²⁸. Это служило показателем значительного расширения деятельности Комитета.

В период 1875—1876 гг. осложнилась внутренняя структура Московского комитета. Для вербовки, от-

¹²⁷ И. С. Аксаков. Соч., т. I, стр. 227; ЦГИАМО, ф. 1750, д. 1, л. 8.

¹²⁸ ГИАМО, дело канцелярии московского обер-полицеймейстера, № 13361, 1878 г. «О речи, произнесенной И. С. Аксаковым в заседании Славянского общества 21/I 1877 и 22/VI 1878 гг., и о закрытии Славянского благотворительного общества в Москве», л. 1, 3.

бора и отправки добровольцев в Сербию была создана военная комиссия, которая выросла в целое «Славяно-базарное отделение», названное так по занимавшемуся им помещению в «Славянском базаре» на Никольской улице. Здесь сосредоточились бухгалтерия по пожертвованиям и расходам на добровольцев, военная комиссия, склад.

События 1875—1876 гг. наложили свой отпечаток на структуру и Петербургского комитета. Восстание в Боснии и Герцеговине и начавшийся сбор денег для помощи герцеговинцам побудили образовать специальную комиссию для сбора пожертвований, которая просуществовала год с небольшим (с 28/IX 1875 г. по 24/X 1876 г.). Хотя по утвержденным самой комиссией правилам о сборах и распределении пожертвований все предположения комиссии должны были утверждаться исполнительным присутствием, в действительности этого не было. Потребность в быстрых, оперативных решениях привела к своеобразной подмене исполнительного присутствия комиссией, которая фактически превратилась в верховный орган Комитета, поскольку основная деятельность последнего была неразрывно связана с вопросами помощи балканским славянам, чем и занималась комиссия.

Комиссия первоначально была создана в составе 11 членов и двух кандидатов. Впоследствии было доизбрано еще пять членов; не удовлетворяясь этим, комиссия привлекла в свой состав лиц, не избранных общим собранием. Число их в конечном счете оказалось почти равным избранному составу и составляло 15 человек. Уже в этом антиконституционном факте сказалось исключительное значение, какое получила комиссия. Но на этом дело не остановилось. Комиссия в 30 с лишним человек оказалась слишком громоздкой, тем более, что ей приходилось решать дела не только о сборах, но и ряд собственно политических вопросов, неудобных для широкого оглашения. Поэтому наряду с «большой» возникла «маленькая» комиссия, бывшая основным руководящим органом Комитета. Когда уже в 1877 г. в Пе-

тербургском комитете была проведена ревизия дел комиссии, ревизионная комиссия обратила внимание на неравномерное посещение заседаний комиссии ее членами. В замечаниях, написанных бывшим членом комиссии В. И. Ламанским на акт ревизии, по этому поводу говорилось: «Протоколы наши указывают, что мы собирались за все время 81 раз. А между тем нам очень часто случалось собираться по 2 и по 3 раза в день, дабы ко времени формально назначенного заседания подготовить материалы и соображения для решения предстоящего вопроса». Указывая, что иногда члены комиссии работали с утра до ночи, Ламанский замечал: «Об этом мы не трубили и в протокол не записывали...»¹²⁹. Но не записывали не по скромности, на что намекает Ламанский словами «не трубили», а по другим причинам: во-первых, не все было удобно записывать, во-вторых, не всегда было для этого достаточно времени.

Так или иначе, конституционная структура Комитета была сломана, и это нашло отражение в его делопроизводстве: наиболее ответственные решения политического характера (о покупке оружия, поддержке инсurreкции и т. п.) отражения в официальных документах комиссии не находили, так как они решались «маленькой» комиссией и обычно не протоколировались¹³⁰.

* * *

Уже через месяц после начала сербско-турецкой войны стало ясно, что ход ее неудачен для сербов и

¹²⁹ «Первые 15 лет...», стр. 513.

¹³⁰ Такой порядок позже встретил возражения: «Диллетантизм и барская беспечность господствуют над делом; большинство членов являлось в Комиссии изредка и только утверждало предлагаемые меры, меньшинство бралось за все и все передавало другим. В итоге много предпринятого и мало как следует исполненного» (Свод замечаний, представленных в ревизионную комиссию С.-Петербургского славянского благотворительного общества членом означенной Комиссии П. К. Мартьяновым, по обревизованию им дел бывшей комиссии для сбора пожертвований. СПб., 1887, стр. 54).

черногорцев. Уже 17 июля Д. А. Милютин с прискорбием записывал об этом в своем дневнике¹³¹. Через несколько дней — 25 июля — «Петербургские ведомости», с удовлетворением отмечая успешный ход денежных сборов и отправки санитарных отрядов в сербскую армию, писали: «Теперь приходят другие вести, другие просьбы: мало, — пишут, — офицеров, мало оружия — помогите, братья.. Говорят, в Сербии для правильной организации армии недостает полуторых сот офицеров. Неужели наше общество не может снабдить их таким числом людей, более или менее знакомых с военным делом?.. Мы не сомневаемся, что найдется более 150-ти крайне необходимых людей, которые согласятся посвятить свои труды и опытность людям, борющимся за свободу и цивилизацию...»¹³². Почти одновременно Черняев телеграфировал Аксакову: «Бога ради, посылайте офицеров, здесь на тысячу солдат один офицер. Положение очень серьезное»¹³³. Действительно, началась полоса неудач сербской армии. Спустя два дня — 27 июля — Александр II объявил в Красносельском лагере под Петербургом разрешение офицерам выходить во временную отставку и ехать в Сербию, не теряя служебного старшинства¹³⁴.

Конец июля—август оказались самой горячей полосой в вербовке и отправке добровольцев. Она совершалась и в центре и в провинции. В Петербурге и Москве были образованы специальные «вербовочные присутствия» при Славянских комитетах. В Петербурге руководство набором было поручено генералу В. Д. Дандевиллю, полковнику Липшину, а после их отъезда в Сербию шурина Черняева — полковнику Г. А. Вульфурту. В Москве делом вербовки занимались Пороховщиков, Аксаков, ряд бывших

¹³¹ Дневник Д. А. Милютина, т. II, стр. 59.

¹³² «С.-Петербургские ведомости», 25 июля 1876 г.

¹³³ ГИМ, ф. М. Г. Черняева, св. 6, 27 июля 1876 г.

¹³⁴ Дневник Д. А. Милютина, т. II, стр. 62.

¹³⁵ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина. Письмо И. С. Аксакова Н. А. Попову, б/д, ф. 239, п. 4, д. 7; «Первые 15 лет...», стр. 386.

военных «в согласии и при содействии генералов... К. И. Рота, Карцева и проч.»¹³⁵.

Если каждая отправка санитарных отрядов вызывала демонстрацию: служились торжественные молебны, кричали «ура», то каждый отъезд добровольцев в армию вызывал настоящие манифестации. На вокзалах собирались такие толпы, что бывали случаи, когда некоторые из добровольцев не могли добраться до вагона. Иногда по улицам городов проходили процессии, провожавшие отъезжавших. В Москве одна из них прошла от Смоленского (ныне Белорусский) вокзала по Тверской (ул. Горького) до дома генерал-губернатора, затем к Иверской часовне, оттуда — на Красную площадь к памятнику Минина и Пожарского, вновь — к Иверской и дому генерал-губернатора. Толпа пела «Спаси, господи...», кричала «ура», «За славян на турка» и т. д. В Казани при отправке добровольцев был отслужен молебен на берегу Волги, привлекая много народа¹³⁶. Демонстрации способствовали росту добровольческого движения и усилению интереса к славянскому делу.

В вербовочные присутствия шел поток заявлений от лиц, желающих отправиться в Сербию, хотя сами присутствия никакой агитационной деятельности не вели, а только отбирали подходящих из массы лиц, выражавших желание ехать в Сербию. Они стремились в первую очередь послать офицеров как специально выходивших в отставку, так и отставных, чтобы прежде всего обеспечить повстанцев достаточным офицерским составом. Направляли желающих из отставных солдат.

Отклоняли заявления лиц, лишенных военной подготовки или вызывавших сомнения в каком-либо другом отношении. Отклонялись просьбы иногородних, в заявлениях которых зачастую чувствовалось стремление скорее получить подъемные. При ознакомлении с кандидатурами требовали рекомендаций, отзывов с последнего места службы. В пере-

¹³⁶ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 1875 г., д. 84. Продолж. I, л. 5—8.

писке с Екатеринославским комитетом по сбору пожертвований Аксаков так формулировал правила, которыми руководился Московский комитет: «1) Штатских никого, — лишнее бремя; могут ехать на свой страх и счет. 2) На подъем рядовому — 100, унтер-офицеру — 120, юнкеру — 150, офицеру — 200, иногда 250, 300; полковникам дано было 500 и 600 (рублей)»¹³⁷. Правда, не всюду отбор проводился так строго.

В тех городах, где не было вербовочных комитетов, в процессе сбора пожертвований стали складываться комитеты по сбору пожертвований. В ряде случаев эти комитеты затем стали заниматься вербовкой и отправкой добровольцев. Наиболее интересной и крупной была деятельность Новочеркасского комитета. Возник он, как и прочие подобные организации, в целях сбора пожертвований. Затем вокруг него (в июле) сложился дамский кружок с такой же целью¹³⁸. Неудачи сербской армии, просьбы Черняева о присылке людей, в частности казаков, придали этому комитету новое назначение. В Новочеркасск (в августе) был отправлен агент Московского комитета В. Н. Теплов для оживления деятельности этого местного комитета. По прибытии его возник вопрос о придании комитету большего авторитета в казачьей среде путем выбора в председатели видного и влиятельного человека. Основным деятелем комитета был издатель «Донской газеты» А. Карасев, много помогал ему врач И. А. Петровский и др. Главой комитета избрали архиепископа Платона, приобретшего известность в период его пребывания в Риге в 60-х гг., когда он насаждал православие среди латышей. Он был идеологически близок к славянофильскому лагерю.

«Донская газета», связанная через посредство Карасева с Новочеркасским комитетом, повела все усиливавшуюся агитацию. В начале августа она отмечала, что в Сербию отправляются санитарные

¹³⁷ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56.

¹³⁸ «Донская газета», 29 июля 1876 г.

отряды; газета признала эту помощь паллиативом. Через две недели газета вполне ясно высказала свою мысль в обращении к казачеству: «Станичники! Если не остыла в груди вашей старинная доблесть казачья, если сочувствие ваше к страданиям поработанных христиан готово перейти в дело, то идите на поля единоверной Сербии с тем же закалом, в каком были сердца наших предков на сибирских тундрах, в стенах Азова, против французов в 12 году, за Дунаем, у Лейпцига, на вершинах Альпийских гор, Кавказа, везде, где в битвах за отечество рассыпаны донские кости. Идите. Мы будем молиться за вас богу, мы не оставим без помощи ваши семейства»¹³⁹.

Воззвание было помещено тогда, когда вербовочная кампания была уже в полном разгаре. Номер газеты, вышедший на третий день после опубликования обращения, сообщал об отъезде первой партии добровольцев¹⁴⁰. В данном случае газетные призывы были моментом второстепенным и более рассчитанным на городское общество, а не на казаков, их не читавших, и не эти призывы сыграли решающую роль в побуждении казаков к поездке в Сербию.

В станицах действовали казачьи начальники и агенты Комитета. Из Петербурга от секретаря комиссии по сбору пожертвований В. И. Аристова пришла телеграмма: «Выбирайте строго старослужилых, бывших в строю, надежных, бодрых, отправляйте партиями (по) 20, 40 (человек). Командование поручайте энергичным начальникам»¹⁴¹.

Но ввиду недостатка средств вербовочную кампанию приходилось сдерживать. «Писал и слезно просил — поменьше усердия», — рассказывал о ходе дела Карасев. Новочеркасский комитет действовал главным образом на средства Петербургского и Московского комитетов, первый из них ассигновал

¹³⁹ «Донская газета», 2 сентября 1876 г.

¹⁴⁰ Там же, 5 сентября 1876 г.

¹⁴¹ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 199.

30 тыс. руб., хотя средств было крайне мало¹⁴². Надо сказать, что денежная помощь коннозаводчиков была явно недостаточной, что же касается донских купцов, то их участие в деле было весьма ограниченным. Всего за время с 5 сентября по 12 октября было отправлено пять партий общей численностью в 286 рядовых казаков и 11 офицеров. С казаками уехал один генерал и один иеромонах¹⁴³.

После первой отправки вербовка продолжалась. В Новочеркасск прибыло уже 200 казаков, которых приходилось содержать. Однако распоряжений об их отправке не поступало, так как дело происходило в октябре — начале ноября, то есть после поражения сербской армии. Да и правительство в это время стало затруднять отправку добровольцев. Окружным начальникам было дано телеграфное указание о приостановке набора добровольцев.

Кроме донских, поехали казаки Кубанского и Терского казачьих войск. Это все был народ закаленный в боях. Из шести офицеров Терского войска — двое были георгиевскими кавалерами. Из 24 урядников только один не имел награды, из 48 нижних чинов без наград было 11, остальные имели медали, Кавказский крест, георгиевские кресты, двое — орден Анны¹⁴⁴. Практика вербовки здесь была похожа на применявшуюся на Дону¹⁴⁵.

Главными центрами вербовки были Москва, Петербург, Новочеркасск, Екатеринодар (ныне Краснодар), Владикавказ (ныне Орджоникидзе), Нижний Новгород (ныне Горький), Орел; значительное количество добровольцев дали города Поволжья: Казань, Самара (ныне Куйбышев), Астрахань (приславшая пластунскую сотню) и некоторые другие. Из городов западной части страны выслала три де-

¹⁴² Кроме того, отправку десяти человек принял на себя архиепископ Платон.

¹⁴³ «Донская газета», 2, 3, 4, 9, 13 сентября 1876 г. Первая из посланных партий прибыла в Делиград 26 сентября. — Там же, 9 сентября 1876 г.

¹⁴⁴ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 284.

¹⁴⁵ Там же, д. 57, л. 46 об.

сятка офицеров Варшава, двенадцать человек — Ковно (Каунас). Все комитеты названных городов действовали по указаниям из Москвы и Петербурга. Независимо от них отправляли добровольцев Киевский и Одесский комитеты. Первый из них отправил лишь малое число волонтеров. Деятельность второго получила дурную славу, так как он отправлял всех желающих без какого-либо отбора. Добровольцы не только посылались Славянскими комитетами, но ехали и самостоятельно на свой счет из Риги и ряда других городов. Кроме того, небольшие группы и отдельные лица отправлялись за счет частных пожертвователей (представителей Славянских комитетов или других организаций). Число одиночных добровольцев, по-видимому, было значительным, так как вопрос о том, кто должен был им оказывать материальную поддержку в Сербии, вызвал специальную переписку. Все это затрудняет определение общего итога добровольческого движения.

Отчет Московского комитета утверждал, что до октября 1876 г. им было отправлено 1176 человек. Петербургский комитет за то же время отправил 816 человек, 43 человека было послано из Варшавы и Ковно. Все вместе это составляет 2036 человек¹⁴⁶. Близкие к этим данным цифры мы встречаем в письмах Черняева. В конце сентября он писал: «У меня в армии 644 русских офицера и 1200 нижних чинов». В декабре он определял количество добровольцев в 2 тыс. человек, в 1877 г. — в 2552 (646 офицеров и 1806 рядовых). В автобиографии, написанной после этих событий, он указывал цифру в 2645 человек¹⁴⁷. Эти же данные подтверждаются справкой, написанной на французском языке, которая находится в личном архиве Н. П. Игнатьева — русского посла в Константинополе. Общее число русских добровольцев в октябре 1876 г. определено в

¹⁴⁶ См. И. С. Аксаков. Соч., т. I, стр. 233; «Первые 15 лет...», стр. 387.

¹⁴⁷ ГИМ, ф. М. Г. Черняева, св. 6, письма от 24 сентября, 4—22 декабря 1876 г.; «Автобиография», «Современные известия», 1877, № 353.

ней в 2350 человек¹⁴⁸. Достоверными можно считать следующие официальные данные Комитетов:

Москва	— 1176
Петербург	— 816
Варшава, Ковно	— 43
Киев	— 233
Екатеринослав	— 15
Владикавказ	— 20
Одесса	— 2000
	<hr/>
	4303

В целом, по-видимому, верна цифра, упоминаемая в одном частном письме Аксаковым — свыше 5 тыс. Но надо иметь в виду неизбежность расхождения данных Аксакова и Черняева. Первый говорил о числе отправленных, второй — о количестве служивших в сербской армии. Между тем до решающих событий на фронте значительная часть отправленных не успела добраться до армейского штаба¹⁴⁹. Наконец, все эти цифры определяют не общие размеры добровольческого движения, а в одном случае — численность добровольцев, отправленных Славянскими комитетами, в другом — численность их в армии Черняева. А ведь те добровольцы, которые находились в пути или ехали самостоятельно, в этих данных не отражены. Таким образом, общего итога добровольческого движения приведенные данные не дают. Общий итог, видимо, был выше указанных цифр.

Кто же ехал в Сербию? Определение социального и профессионального состава добровольцев является чрезвычайно трудной задачей по двум причинам: одна — неполнота материала, другая — его качество. В немногих сводках, имеющих в делах Славянских комитетов, мы встречаемся с перепутанной сословно-профессиональной классификацией, где рядом стоят такие категории: мещане, сестры милосер-

¹⁴⁸ ЦГИАМ, ф. 730, оп. I, д. 674, л. 1 об.

¹⁴⁹ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 57, л. 113, 144—145; ГИМ, ф. М. Г. Черняева, св. 6, 1/XI 1876 г. В армии Черняева была основная масса добровольцев.

дия, дворяне, купеческий брат, водопроводчик¹⁵⁰. Но если мы не в состоянии дать полной и ясной цифровой характеристики состава добровольцев, то мы можем уверенно утверждать, что добровольческое движение отражало всенародный характер сочувствия южным славянам и включало в себя представителей всех слоев русского населения или, как выражался Г. Успенский, «образчики всех пород нарожденного Россией люда»¹⁵¹.

Сочувствие добровольческому движению и участие в нем народа несомненно. Мы знаем по материалам Славянских комитетов об участии в нем наряду с офицерами и рядовыми казаками представителей интеллигенции, крестьян, мелких служащих, рабочих. Участие в движении народа отмечали и современники. В перлюстрированном письме М. Чистякова барону В. М. Менгдену в Варшаве, в котором очень ярко проявилась классовая природа автора письма, читаем: «Простой народ у нас в Петербурге только и толкует о том, что надобно итти бить турка. Странно: о религии не имеют понятия, именем духовенства ругаются, во время обедни сидят около церкви или в кабаке, а между тем всех охватил какой-то смутный фанатизм биться за веру!.. Газеты расхватываются с жадностью: сады, харчевни, кабаки, улицы превратились в читальни; только и слышишь при чтении: «ах, он мошенник! Вишь какой поганец! Погоди голубчик, мы тебя выпотрошим самого и т. д.». Народное движение сочувствия борющимся южным славянам возбуждало у автора письма боязнь: «Глас народа — глас зверя! Ведь и в самом деле выпотрошат, если дадут волю, а коли воли-то, вероятно, не дадут, что ж тогда? А бог вещь что!.. Впрочем, в этом хаосе диких понятий и диких возгласов, — подводил автор письма итог, — выражается чувство правоты и сострадания к угнетенным»¹⁵². Страх перед народом у автора письма —

¹⁵⁰ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 223, л. 2 и др.

¹⁵¹ Г-в (Г. Успенский). Из Белграда. «Отечественные записки», 1876, № 12, стр. 180.

¹⁵² ЦГИАМ, ф. 109, оп. 4, д. 461, 1876, л. 1.

явление вовсе не единичное, наоборот, оно было характерным для представителей господствующих классов. Когда в газете «Современные известия» в сентябре 1876 г. появилась статья, где в связи с движением сочувствия славянам упоминалось о силе масс, о том, что народ в этом движении играет самостоятельную роль, а не является орудием властей, начальник Московского жандармского управления доносил III отделению: «Вообще, по содержанию и тону статьи следует заключить, что автор ее под оболочкою описываемого им патриотического одушевления имел целью дать народу уразуметь его первенствующую роль в политическом смысле и что от народа зависит иметь решающее влияние в делах государства»¹⁵³. Даже молебны при отправке добровольцев пугали полицию, которая опасалась, что они могут «служить поводом к выраженной ропота на правительство за его медлительность, вступить же за своих единоверцев с оружием в руках», а «неблагонамеренные люди» могут пользоваться ими для возбуждения «неудовольствия против правительства»¹⁵⁴. Все это отчетливо говорит о широкой поддержке движения сочувствия и помощи славянам самыми различными кругами русского общества и народом.

Руководство движением находилось в руках Славянских комитетов, производивших отбор и регулировавших состав волонтеров. Поэтому состав доехавших до Сербии добровольцев не отражает полную социальную картину движения сочувствия южным славянам и его всенародный характер. Это было движение широких народных масс, о чем отчетливо говорят приведенные выше данные о пожертвованиях и заявления лиц, стремившихся в Сербию.

Но дворянское руководство Славянских комитетов стремилось превратить его в формирование обученных военных кадров, возглавить его офицер-

¹⁵³ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 1875 г., д. 84. Продолж. I, л. 62-а об.

¹⁵⁴ Там же, л. 81 об.

ством. Это все привело к известной подмене характера движения. Кроме того, данные Славянских комитетов не показывают социальный состав ехавших самостоятельно. Туда ехали самые разные люди. В частности, и в Сербию, как раньше в Боснию и Герцеговину, ехали представители передовой русской молодежи. Двоюродный брат Г. И. Успенского доброволец П. К. Кузьмин рассказывал, как в Белграде к Успенскому приходили «молодые люди типа русских народников, в красных рубахах-косоворотках, с большими сапогами и т. п.»¹⁵⁵. Известно о пребывании в Сербии Д. Клеменца, Волошенко и других народников или лиц, близких к ним.

В печати, современной движению, ставился вопрос о мотивах поездки добровольцев в Сербию. Этого вопроса касаются и некоторые добровольцы в своих воспоминаниях. Много на эту тему писал из Сербии и Г. И. Успенский. В ряде известных нам случаях основным побуждением поездки указывается личный мотив. В отдельных случаях отмечаются разочарованность жизнью, те или иные неудачи и т. п. Ссылкой на эти единичные факты пытаются характеризовать все движение. Но это не даст правильного представления о его характере.

Разве значение широкого движения, охватывавшего тысячи людей, может быть охарактеризовано целями и мнениями случайно опрошенных его участников? И разве дело в этих субъективных целях, а не в его объективном значении? С другой стороны, в нашем распоряжении огромное количество заявлений добровольцев, которые были недоступны современникам, где говорится о сочувствии славянам в их освободительной борьбе, о желании личным участием в ней помочь освобождению южных славян. Вот несколько примеров. «Сочувствуя славянскому делу, я желаю поступить в ряды сербского войска. Я не из военных, но умею владеть ружьем...», — пи-

¹⁵⁵ Чешихин-Ветринский. Глеб Успенский в его переписке. «Голос минувшего», 1915, № 2, стр. 235.

сал один из волонтеров. Крестьянин села Кудрина Владимирской губернии Г. Федулов сообщал: «Имею сильное желание биться и даже пролить кровь свою за веру и свободу наших братьев-славян... Чувствуя сердцем, что мое место в настоящее время не здесь, а там, где братья-славяне дерутся за свое существование, я горячо желаю всеми силами содействовать их успеху, но так как мои расстроенные дела не позволяют мне принести денежные жертвы, я приношу самого себя на святое славянское дело»¹⁵⁶. Важно отметить, что рядовые участники добровольческого движения не преследовали каких-либо корыстных целей или целей, направленных против сербского народа. Они искренне стремились принять участие в его борьбе. Даже те, кто искал в Сербии забвения от личных разочарований и неудач, шел туда, чтобы бороться и защищать сербов, а не во имя каких-либо эгоистических планов. Гораздо важнее другое: как бы ни думал и чего бы не хотел отдельный участник добровольческого движения, чем бы он ни объяснял мотивы своей поездки в Сербию, — объективно добровольческое движение в целом являлось выражением братской готовности русского народа помочь делу освобождения южных славян. Добровольческое движение не дало существенного военного эффекта. Число добровольцев для этого было слишком недостаточным. Чтобы уверенно говорить о боевом значении этих отрядов, следовало бы проанализировать не только участие русских добровольцев в ходе войны, но и действия сербской армии, разобраться во взаимодействии добровольческих отрядов и сербских войск. В нашем распоряжении нет достаточных данных для решения этого вопроса. Следует все же признать, что добровольцы показали себя боеспособными и самоотверженными. Не случайно в решительном бою у Джуниса русские добровольцы, несмотря на огромные потери (650 че-

¹⁵⁶ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 90, л. 237; д. 83, л. 37, 62.

ловец из 1000) ¹⁵⁷, твердо держались. «Эти бедняки дрались хорошо и гибли», — писал сербский корреспондент журнала «Вперед». О том же говорят в своих воспоминаниях и участники событий ¹⁵⁸. Понятно, что горсточка добровольцев не могла изменить хода военных действий. Поэтому оценивать добровольческое движение по его влиянию на исход войны было бы совершенно неверно. Оно важно и значительно как выражение симпатий и готовности помочь далеким братьям-славянам со стороны русского мужика, недавно избавившегося от крепостнического гнета и по-своему понимавшего происходившую борьбу, со стороны трудящихся города, отдававших свои гроши в пользу повстанцев, со стороны казаков, готовых обрушиться на мусульманских насильников, со стороны интеллигенции, жертвенно стремившейся помочь далеким братьям, и т. д. Все слои русского населения приняли участие в деле освобождения южных славян.

От объективного смысла добровольчества и от существа его как массового общенародного движения сочувствия и поддержки борьбы против угнетения южных славян следует отличать замыслы и цели руководителей его. Черняев рассматривал добровольцев как основной боевой костяк, который поможет сementировать слабую сербскую милиционную армию и сделать ее боеспособной. Ради этого в сентябре 1876 г. Черняев стремился к шестинедельному перемирию. «Если число добровольцев дорастет до 10 000 и 1500 казаков, то я ручаюсь, что немногие из армии Абдул Керима уйдут во-свояси...». Черняеву русские добровольческие части представлялись залогом победы Сербии над Турцией, средством разрешения — по меньшей мере — сербского и болгар-

¹⁵⁷ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 90, л. 76. По данным цитированной выше справки из архива Игнатьева, у Джуниса было 700—800 русских добровольцев (ЦГИАМ, ф. 730, оп. I, д. 674, л. 1 об).

¹⁵⁸ «Вперед», 1876, т. IV, в. I, стр. 123; Н. В. Максимов. Две войны, стр. 65, 132—133; Г-в (Г. Успенский). Из Белграда. «Отечественные записки», 1876, № 12, стр. 178—181.

ского вопросов. Этим объясняется и отношение Черняева к перспективам дальнейшей борьбы после поражения Сербии. Он не мог понять, что его авантюра была окончена.

Однако на просьбы Черняева о присылке новых добровольцев Аксаков отвечал не только отказом, но и изложением совершенно иного понимания задачи добровольческого движения. Он оспаривал высказанную в одном из черняевских писем мысль, что Сербия и русское общество могли разрешить восточный вопрос. «Сербия не может стоять во главе русского общества, и ни в каком случае общество русское не может стоять в хвосте Сербии. Сербы не доросли до этого. Решать вопрос славянский Сербии ни в коем случае не в меру, не в пору, не по плечу». Панславистская идея русской гегемонии в славянском движении заставляла Аксакова так формулировать отношения между Россией и другими славянскими народами: «Только русское племя, или только Россия и имеет политическую будущность. Прочие племена могут существовать только при России в формах, еще не определенных историей. Наша задача освободить их и предоставить им возможность жить, развиваться, наша обязанность укрощать их племенные эгоизмы, вредящие общей идее славянства». Славянский вопрос может решить только Россия, даже не русское общество, а Россия «в целом своем составе, как государственный организм, с правительством во главе».

Аксаков был настолько враждебно настроен по отношению к идее самостоятельного — с помощью русского общества — освобождения Сербии, что заявлял свое намерение противодействовать ему, если бы оно стало осуществляться. Задача Черняева, как понимал ее Аксаков, заключалась в занятии Старой Сербии, может быть, Боснии, а главное в том, чтобы побить турок в двух или трех сражениях. «Признаюсь вам, снаряжая вас в Сербию и потом отправляя добровольцев, я имел в виду вызвать именно официальное участие России и никогда не верил в возможность решать дело деятельностью

одних комитетов. Лиризм нельзя делать практического дела; это не есть его призвание и назначение. Лиризм не комиссариат, не интендантство»¹⁵⁹. В основе начатой Славянскими комитетами кампании посылки добровольцев лежала — во всяком случае в понимании Аксакова, а ведь нельзя забыть того, что именно он был главным руководителем и вдохновителем этого движения, — мысль о подчиненном значении этого мероприятия, являвшегося не целью, а средством разрешения другой, более крупной и серьезной задачи. Только при учете этих мыслей Аксакова становятся ясны его слова В. Н. Теплову (агенту на Дону), что дело «может выгореть только как-нибудь, на авось, не совсем складно, а в результате что-нибудь да даст»¹⁶⁰. Аксаков и Славянские комитеты, посылая добровольцев в Сербию, боролись не столько с турками, сколько с русским правительством, с горчаковской дипломатией, тяготевшей к Союзу трех императоров, с Милютиным, которого панслависты обвиняли в боязни войны. Они хотели этим самым вынудить правительство к объявлению войны.

Славянофилы в их кампании за изменение политики правительства поддерживали либералы, националисты. О близости позиций последних к позиции славянофилов в отношении к правительству говорит перлюстрированное письмо руководителя «Нового времени» А. С. Суворина М. П. Драгоманову: «На все ваши вопросы у меня один ответ: каково бы ни было правительство, я готов ему отдать душу, если оно пойдет освобождать славян и выгонять турок из Европы. Что будет дальше, — я не знаю; но будет лучше, — я в это верю. Вот почему я стараюсь возбуждать общество; я стараюсь отделить его стремления от стремлений канцелярии (т. е. правительства. — *С. Н.*); я хотел бы, чтобы оно показало себя самостоятельным, чтобы в нем хоть какой-нибудь

¹⁵⁹ ГИМ, ф. М. Г. Черняева, св. 6, письмо от 1 сентября 1876 г.

¹⁶⁰ ЦГИАМ, ф. 1750, д. 385.

дух проснулся, кроме духа любостяжания и развращения»¹⁶¹. Таким образом, балканская политика правительства с его ориентацией на Союз трех императоров привела к конфликту в среде господствующих классов, развитие которого мы видели на предшествующих страницах.

Существенно в этом конфликте то, что оппозиционные группы в борьбе за реализацию своих планов в известной мере и до определенного момента пытались опереться на массовое народное движение сочувствия славянам и использовать его в своих целях.

Но будет вполне естественным и уместным вопрос, почему правительство позволяло вербовочную деятельность Комитетов? Не могло ли оно помешать ей или не хотело? Правительство еще со времени герцеговинского восстания усвоило себе в дипломатической борьбе с Австрией тактику опоры на общественное мнение. Оно поощряло общественную помощь славянам и позже. Официозный «Голос», как мы видели, не раз возбуждал общественное движение. Однако эта деятельность общественности выходила из-под контроля правительства. Разрастаясь, она возбуждала стремления к дальнейшему своему расширению. Анонимная записка, находящаяся в делах Московского славянского комитета, проектировала отправку не 10 тыс. добровольцев, как хотел бы Черняев, а 50-тысячной добровольческой армии, подготовка и содержание которой потребовали бы около 4 млн. руб. Понимая, что подобных средств у Комитетов не имеется, автор записки рекомендовал обратиться в Общество Красного креста с просьбой уделить часть средств. «Государыня наверно выразит свое словесное на это согласие. Наконец, если дело пойдет бойко, то можно через цесаревича ходатайствовать крупное пособие из казны...»¹⁶². В этой записке, где много фантазии и преувеличений, очень верно понято, кто в дворцовой среде является союзниками Комитетов. Есть в ней и другая черта — по-

¹⁶¹ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 4, 1876 г., д. 469, л. I.

¹⁶² ЦГИАМ, ф. 1750, д. 385.

нимание силы движения и народных симпатий, с которыми правительство не могло не считаться. Понимание этого мы видим и в оценке данного движения К. П. Победоносцевым: «Возбуждение сильное. Поднимаются люди со всех концов и идут не спрашивая, куда и как, на защиту православных братьев, идут умирать и умирают. Собирают деньги и шлют туда же. Все эти люди ищут сборного пункта, ищут руководства и указания. В правительстве они не находят ни того, ни другого»¹⁶³. Ясная цель у Комитетов и колебания правительства, лишённого единства и неспособного руководить событиями, — такова мысль Победоносцева.

У правительства было достаточно физических сил для противодействия Славянским комитетам, но не было ясного взгляда на нужность этого. Стремления же Комитетов в конечном счете вызвали не отрицательное, а сочувственное отношение в верхах, так как конечные их цели во многом сходились. Различия касались отчасти внешнеполитической ориентации, отчасти тактики. Поэтому правительство лавировало, рассчитывая опираться на общество и руководить им. Однако своей неясной программой и неудачной дипломатической игрой оно утрачивало влияние на массы населения, для которых понятнее и ближе были голоса, звавшие помогать братьям. Они их слышали со всех сторон. Все газеты писали об этом. И естественным становился авторитет Славянских комитетов, осуществлявших то, что говорил общий голос. В результате не только деятельность Славянских комитетов, которую полицейские инстанции считали опасной, совершалась вполне беспрепятственно, но и правительственные органы и официальные лица ей помогали и содействовали. Генералы участвовали в вербовке добровольцев, военное ведомство давало сукно для обмундирования, железные дороги везли добровольцев бесплатно или со скидкой и т. д.

¹⁶³ Письма Победоносцева к Александру III, т. I. М., 1925, стр. 49.

В то же время правительственные органы нередко оказывались в хвосте событий. Это видно из запросов военного министра касательно отъезда казаков в Сербию. Министерство лишь из газет узнавало об этом и посылало атаманам Донского, Кубанского и Терского казачеств требования сообщить, сколько и каких казаков уехало ¹⁶⁴.

Так было до тех пор, пока правительство не нашло решения вопроса. Когда же начала вырисовываться возможная перспектива дельнейших международно-политических осложнений и русского выстушения, правительство оборвало добровольческую кампанию, запретив дальнейшее формирование отрядов ¹⁶⁵.

* * *

Хотя внимание Славянских комитетов, начиная с лета 1876 г., было привлечено событиями в Сербии, они не забывали и о Болгарии. В июне 1876 г. в Бухарест был послан представитель Московского и Петербургского славянских комитетов, бывший чиновник министерства иностранных дел В. С. Ионин. В связи с оживлением интереса к Болгарии Славянские комитеты хотели выяснить, существует ли единый руководящий центр болгарской эмиграции ¹⁶⁶. Ионину и поручалось узнать это, а в случае отсутствия центра помочь его образованию.

Ионин объехал ряд румынских городов, где им были установлены связи в среде болгарской эмиграции. Ионин предложил болгарским эмигрантам образовать местные благотворительные комитеты, что и было осуществлено. По возвращении в Бухарест Ионин связался с представителями болгарской буржуазии — Е. Георгиевым, П. Рашевым и др. Было решено просить разрешения румынского правительства на производство сборов в пользу болгар. Вслед за тем 10 июля в Бухаресте состоялось собрание

¹⁶⁴ ЦГВИА, ф. 7/л Воен. поход. канц., оп. 5, д. 386, л. 19, 22; там же, ВУА, д. 8489, л. 13.

¹⁶⁵ ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1875 г., д. 84, л. 19 об.

¹⁶⁶ БИАДБВК, ф. 5, № 6, л. 200.

представителей болгарских общин: Гюргева, Болграда, Крайовы, Слатины, Галаца, Турну — Магурели, представителей Плоешти и Браилы. На этом заседании было образовано Центральное болгарское благотворительное общество (далее: БЦБО), председателем которого избрали В. Ионина, его заместителями К. Цапкова и И. Грудова, кассиром Г. Григорова, секретарем П. Енчева. Членами общества были избраны И. Кавалджиев, С. Атанасович, Д. Теодоров, П. Петров, П. Высковский.

Хотя организованное с русской помощью болгарское общество было названо благотворительным, оно являлось в действительности политической организацией. Об этом прямо говорил К. Цапков в письме в Петербургский славянский комитет от 27 ноября 1876 г.: «Центральное общество в Бухаресте никогда не было благотворительным. Оно под маскою благотворительности было строго политическое. Оно всегда и везде преследовало одну и ту же цель — освобождение Болгарии»¹⁶⁷.

Общество обратилось с воззванием к русскому народу, где, перечисляя жестокости турок, просило начать сборы в пользу пострадавших. Ионин в разговорах с представителями местных общин обещал БЦБО материальную поддержку Славянских комитетов. Как видно из его отчета Петербургскому комитету, он имел с собой какую-то сумму денег, которую и передал вновь созданному обществу. Рассматривая перспективы поддержки восстания, Ионин писал: «Восставших считают до 25 тысяч, но они дурно вооружены. Формирование болгарских отрядов в настоящее время производится исключительно в Кладово в Сербии, где выдается оружие и все необходимое. До сих пор из Сербии вышло не более 2 тыс. болгар; такая малочисленность отправившихся объясняется недостатком средств для переправки отсюда болгар в Сербию, хотя волонтеров в Румынии находится до 6 тыс., которые нуждаются в путевых издержках»¹⁶⁸.

¹⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 651, оп. I, д. 888, л. I.

¹⁶⁸ ГИАЛО, ф. 400, оп. I, д. 101, л. 3—4 об.

Далее шел расчет стоимости переправки волонтеров.

Ионин предлагал организацию санитарно-медицинской помощи добровольцам, о чем вел переговоры с русским генеральным консулом бароном Д. Ф. Стюартом.

В то же время в конце июля—начале августа 1876 г. оживилась деятельность Одесского болгарского настоятельства, так как в Одессу прибывало значительное количество болгар-беженцев. Настоятельство со своей стороны стало направлять в Сербию тех, кто мог принять участие в борьбе, а за денежной поддержкой обратилось к Петербургскому и Московскому славянским комитетам¹⁶⁹.

Тем временем в Сербию уже тянулись болгарские добровольцы. В сербском городе Кладово был создан «Болгарский комитет» во главе с П. Мишайковым, П. Икономовым, Н. Поповым, который организовывал их, кормил, снаряжал и отправлял организованными четами в Заечар, где они должны были вливаться в состав армии, сражавшейся против турок¹⁷⁰. Однако в самой сербской армии болгарские добровольцы не имели особой организации. Вот почему возникла мысль о создании из них особого отряда под командованием полковника А. М. Милорадовича, принявшего на себя переговоры по этому вопросу с М. Г. Черняевым. Однако последний поручил организацию болгарского отряда отставному полковнику кавалергардского полка Н. Медведовскому, подчинив тому Милорадовича.

Создание особых болгарских формирований требовало денег, которых Медведовский просил у БЦБО, а последнее у Славянских комитетов. Между тем давний сторонник «старых» — русский генеральный консул в Бухаресте барон Стюарт был склонен передавать деньги созданному болгарскими крупнобуржуазными кругами «Человеколюбивому настоятельству», а не БЦБО. В этом Стюарта поддерживал видный деятель Петербургского комитета Т. Филиппов.

¹⁶⁹ ГИАЛО, ф. 400, оп. I, д. 40, л. 2.

¹⁷⁰ БИАДБВК, ф. 5, № 6, л. 209 об.

В то же время деньги, непосредственно адресованные БЦБО, Стюарт выдавал малыми частями, требуя подробного отчета в их расходовании. Позиция Стюарта определялась не только старыми связями его с П. Рашевым и Евл. Георгиевым, недоверием к К. Цанкову и его группе — «людям без состояния и без положения в обществе». На его позицию влияли и ссоры внутри БЦБО. Пять членов БЦБО во главе с И. Грудовым вышли из состава общества и обратились с письмом к Стюарту, в котором заявляли свое недоверие остальным членам и просили не передавать им деньги ¹⁷¹. Грудов, по-видимому, тяготевший к организации крупной болгарской буржуазии, старался представить БЦБО самозванным учреждением. В письме (от 10 сентября 1876 г.) Стюарт указывал, что прилив болгарских волонтеров в Сербию прекратился и началось уже обратное движение; это представлялось ему дополнительным мотивом в пользу задержки выдачи денег К. Цанкову ¹⁷².

Между тем в намерения Медведовского и Черняева входило сформировать 10-тысячный болгарский отряд. К середине сентября насчитывалось всего 2,5 тыс. человек. Люди, готовые ехать в Сербию, в Румынии были, но денег для их отправки в распоряжение БЦБО не хватало. Ссылаясь на письмо Медведовского о необходимости шинелей, белья и пр. для формирующегося отряда, Цанков получил от Стюарта еще четыре тыс. франков, однако и этих денег было недостаточно. 21 сентября на собрании БЦБО было решено послать Цанкова и Наботкова в Россию, чтобы передать соответствующие письма и договориться о финансировании ¹⁷³.

Петербургские и московские переговоры Цанкова и Наботкова окончились успешно. До этой поездки в своих письмах из Бухареста Стюарт пропагандировал «Человеколюбивое настоятельство» П. Рашева — Е. Георгиева. И, как мы отмечали, у неко-

¹⁷¹ ГИАЛО, ф. 400, оп. I, д. 101, л. 33.

¹⁷² Там же, л. 9—17.

¹⁷³ БИАДБВК, II, Д 1003.

торых членов Петербургского комитета его взгляд находил одобрение и поддержку. В то же время Ионин ратовал против консерваторов и поддерживал возглавлявшееся им БЦБО. После встречи с болгарскими делегатами у деятелей Славянских комитетов сложилось мнение, что хотя «у стариков больше средств, но и больше робости, а у других более энергии, но никаких средств. По всему, однако, видно, что последние, т. е. Центральный комитет действовал доселе почти один и несмотря на ограниченность средств успел формировать... 2 батальона»¹⁷⁴. Свидание решило вопрос о поддержке не «старых», не консерваторов, а «молодых», «радикалов», как их определял председатель Петербургского славянского комитета Васильчиков.

28 сентября Цанков телеграфировал в Бухарест, что Петербургский и Московский комитеты дают по 15 тыс.¹⁷⁵, и указывал на необходимость отправки людей к Черняеву¹⁷⁶. В планы БЦБО входила не только посылка добровольцев в Сербию. Оно просило Московский славянский комитет добиться дипломатическим путем согласия Румынии на формирование болгарских отрядов на ее территории, а также получить согласие русского правительства на сосредоточение отрядов на юге России с тем, чтобы и те и другие формирования перебросить в Болгарию¹⁷⁷.

¹⁷⁴ РОБСЦ. Бумаги Аксакова, № 89. Письмо от 13. X 1876 г.

¹⁷⁵ Хотя в дальнейшем и были перебои в поступлении денег, в целом, как показывает кассовая книга БЦБО, начатая 20 августа 1876 г., в течение этого года организация жила главным образом на русские деньги, составлявшие 90 % ее приходного бюджета (37 тыс. фр. из 41). БИАДБВК, II В 1664. Правда, в архиве имеется другая книга, в которой записаны поступления от Цанкова, Рунты и др. Ее приходный итог составляет 27 тыс. фр. В каком отношении к первой находится эта книга и почему эти поступления не вошли в первую, где имеются поступления и не из России, нам осталось неясным.

¹⁷⁶ БИАДБВК, II, Д 1051.

¹⁷⁷ БИАДБВК, II, Д 1263. Представителем Славянских комитетов был послан де Воллан.

По этому вопросу ответ Петербургского комитета был отрицательный. Депутатам заявили, что денег дадут, но на отправку людей в Сербию, а не на агитацию в самой Болгарии¹⁷⁸. Как мы показали выше, деятели Славянских комитетов связывали с успехами сербской армии и добровольческих частей Черняева свои особые планы и не видели оснований отказываться от них во имя проблематичных по результатам действий болгарских чет. Было и еще одно обстоятельство, влиявшее на позицию Славянских комитетов, — это попытки генерала Р. Фадеева взять дело помощи славянской борьбе на Балканском полуострове в свои руки.

Дело в том, что мысль о подготовке отрядов для действия в Болгарии, хотя и отвечала стремлениям многих болгарских деятелей, первоначально была, по-видимому, сформулирована в России и принадлежала генералу Р. Фадееву; одновременно эта мысль развивалась и полковником Кишельским, учитывавшим, очевидно, близость Фадеева к наследнику. Фадеев в письмах к товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу и другим лицам, написанных летом 1876 г., предлагал не только поддержать болгарское восстание, но «выделить его в самостоятельное народное движение» и взять в свои руки¹⁷⁹. Если этого не сделает Россия, то болгары сблизятся с сербами и последние станут главенствовать на Балканском полуострове, чего Россия не должна допустить, так как это помешает желательному для нее решению восточного вопроса. В этих целях Фадеев предлагал немедленно закупить в Австрии большое количество скорострельных ружей (до 100 тыс. штук) с патронами и доставить их на русскую границу. Покупку оружия производить от имени БЦБО и договориться с румынским правительством относительно свободной организации складов на румынской территории.

Одновременно те же планы пропагандировал

¹⁷⁸ РОБСЦ. Бумаги Аксакова, № 89. Письмо А. И. Васильчикова от 13.X 1876 г.

¹⁷⁹ ЦГИАМ, ф. 718, оп. I, д. 151, лл. 1—3.

полковник И. Кишельский. Он подал записку на имя Александра II. Она не имеет даты, но, судя по содержанию, написана в самом начале сербско-турецкой войны и до разгрома сербов. Если учесть, что в августе—сентябре Кишельский был в Румынии и Сербии, записку можно датировать июнем—июлем 1876 года. В ней Кишельский доказывал важность болгарского плацдарма в военном отношении, выяснял политическое значение Болгарии с точки зрения решения восточного вопроса и неизбежность тесной связи болгарского и русского народов. В записке говорится о возможности закупить в Австрии нужное число ружей и о том, что Кишельскому известно в России лицо, готовое к пожертвованию для этих целей, но которое хочет, чтобы это пожертвование не противоречило видам правительства¹⁸⁰. По-видимому, в августе, когда Кишельский был в Бухаресте, он сообщил БЦБО о плане Фадеева и сочувствии этому плану со стороны наследника. Несколькими позже, как видим, он был изложен БЦБО. Все это отразилось в дневнике Д. А. Милютина, писавшего: «Болгары имели неловкость связаться с Фадеевым»¹⁸¹.

Возвратившийся из Сербии Кишельский был разочарован и в Черняеве, и ходом событий в Сербии, и развитием болгарского дела¹⁸². Проф. В. И. Ламанский писал в связи с этим И. С. Аксакову: «Кишельский воротился из Белграда решительным врагом Черняева, жалуется на него, бранит его. Фадеев тоже его подбивает и ругает Черняева на чем свет стоит. Видно, что этот план Фадеева не удастся и жалеть ли об этом?»¹⁸³.

Недовольство Черняевым было вызвано его враждебным отношением к плану Кишельского, состоявшему в том, чтобы русско-болгарская дивизия, созданная в Сербии, перейдя сербскую границу и вступив в пределы Болгарии, стала действовать под на-

¹⁸⁰ ЦГИАМ, ф. 718, оп. I, № 151, лл. 4—9.

¹⁸¹ Дневник Д. А. Милютина, т. II, стр. 97.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ РОБСЦ. Бумаги Аксакова, № 195. Письмо без даты.

чалством Кишельского, независимо от Черняева¹⁸⁴. Но позиция Черняева не встретила одобрения и в России. И. С. Аксаков писал Черняеву: «Для России болгары и их независимость не менее дороги, чем сербы и их независимость, и страшные бедствия, претерпеваемые болгарами, в сильной степени способствовали сочувствию в России, следовательно, послужили и на пользу сербам»¹⁸⁵.

Пользуясь благосклонностью наследника, Фадеев заручился его согласием на открытие специальной подписки для вооружения болгар и явился в Москву, чтобы получить средства из кошельков московского купечества. Он действовал при посредстве генерал-губернатора кн. В. А. Долгорукова, в свою очередь давившего на представителей буржуазии. Долгоруков, зная, кто поддерживает начинание Фадеева, обещал, что «огромность пожертвования» удивит всех. Такие же заверения давали С. М. Третьяков и Т. С. Морозов. По просьбе Долгорукова было дано разрешение на открытую подписку, а обещания москвичей Фадеев передал великому князю. Однако на словах московское купечество было гораздо более торопатым, чем на деле. Начало подписки оттягивалось, только через 10 дней после разрешения сбора в московских газетах появилось обращение управлявшего должност старшины московского купечества С. М. Третьякова с призывом к купцам помочь болгарам¹⁸⁶. Аналогичное воззвание выпустил Московский биржевой комитет. Подписка дала с самого начала 20 тыс. руб. Такая сумма, довольно далекая от «огромности», возбудила негодование Фадеева, который, чтобы воздействовать на купцов, обратился к И. С. Аксакову, но не столько как к председателю Московского славянского комитета, сколько как к председателю Общества взаимного кредита. Фадеев давал Аксакову средство воздействия на купцов: «Вчера... — писал он ему, — государь впер-

¹⁸⁴ Отд. рукописей Б-ки им. Ленина, ф. 327 (I, 56), л. 16.

¹⁸⁵ Государственный исторический музей, ф. Черняева, св. 2, № 21, 17220/105.

¹⁸⁶ «Московские ведомости» № 179, 15 июля 1876 г.

вые выразил полное одобрение нашему предприятию. Он сказал: «Я жду многого от такого проявления общественной деятельности, лишь бы она сумела остаться общественной, не выдавая правительства». Государю известно, что пожертвования назначаются для вооружения болгар; ему доложены имена основателей патриотического движения: Третьяков, Морозов, Найденов. И вдруг в тот же день «подписка открыта через 10 дней по получении разрешения и принесла уже 20 т(ысяч)»¹⁸⁷.

Надо сказать, что надежды Фадеева не вполне осуществились. К концу августа было собрано немногим больше 150 тыс. руб. Это была сумма, намеченная Фадеевым. В финансовом отношении затея оправдала себя. Фадееву хотелось, кроме того, создать особую организацию, занятую поддержкой болгарского восстания. Он искал крупную фигуру, чтобы ее поставить во главе, намечал гр. И. И. Воронцова-Дашкова, но кандидатура его была отвергнута в силу особой близости ко двору. Никакого другого лица Фадеев не нашел. Себе самому он отводил место непосредственного руководителя восстания, предполагал действовать отдельно и иначе, чем действовал М. Г. Черняев в Сербии, намерения которого о переносе действий из Сербии в Болгарию он считал «плодом антистратегического воображения» его.

Авантюрист Фадеев стремился отодвинуть Черняева от руководства болгарским движением и взять последнее в свои руки¹⁸⁸.

Фигура Фадеева не вызывала особых симпатий московской буржуазии¹⁸⁹. Несколько позже московские купцы обратились к Аксакову с просьбой руко-

¹⁸⁷ ЦГИАМ, ф. 750, д. 56, л. 79.

¹⁸⁸ Такую же попытку, как указано, делал Кипешельский. ЦГИАМ, ф. 750, д. 77.

¹⁸⁹ Интересен такой эпизод. Когда в Н. Новгороде были организованы сборы и стали снаряжать дружину, первоначально думали обратиться по поводу ее отправки и другим вопросам к гр. Г. А. Строганову, однако, узнав из переписки с Аксаковым, что тот связан с Фадеевым, решили осуществлять дело по указанию Аксакова. РОБСЦ, Бумаги Аксакова, № 440, л. 2—8.

водить сбором и использованием сумм. Между Аксаковым и Фадеевым началась борьба, в которой первым оказывал поддержку К. П. Победоносцев.

В основе этой борьбы была и личная неприязнь. «Фадеев мне антипатичен до омерзительности», — писал Аксаков Черняеву. Были и расхождения более существенные. Аксаков соглашался с основными утверждениями Фадеева, что ни Сербия, ни Черногория общеславянского вопроса не разрешат, так как им чужды общеславянские интересы, а решение вопроса о западной части Балканского полуострова недостаточно в отношении всей Турции. Поэтому центр тяжести восточного вопроса — Болгария. России, имеющей в виду высшие задачи, необходимо заняться болгарским вопросом. Но практические выводы, делавшиеся Фадеевым из этих общих положений, Аксаков считал неверными и неудобноисполнимыми. Фадеев замыслил создание болгарских военных кадров в большом масштабе, рассчитывал осуществить это в течение длительного срока, исчислял полный объем необходимых затрат до миллиона рублей. Такие деньги — полагал Аксаков — надо брать из казначейства, а не от купцов, на которых Фадеев производит отрицательное впечатление. Аксаков советовал Черняеву взяться за организацию болгарских военных отрядов: «ибо это дело может быть полезно самой России, а интерес России превыше всего, ибо что выгодно для России, то выгодно и для серба, и для болгарина, и для всего славянства»¹⁹⁰.

Дело закончилось сосредоточением средств и руководства в руках Болгарской комиссии Московского славянского комитета с Аксаковым во главе¹⁹¹.

Однако план Фадеева все же негласно осуществлялся. Еще в июне 1876 г. полковник Сытенко был послан за границу покупать оружие. Дело велось фирмой А. Листа, брат которого, Густав Лист, имел заводы в Москве. Последнее обстоятельство облегча-

¹⁹⁰ ГИМ. Архив Черняева, св. № 12 67270/105.

¹⁹¹ РОБСЦ. Бумаги Аксакова, № 440; Письма Победоносцева к Александру III, т. I. М., 1925, стр. 47.

ло связи при проведении этой операции. Оружие было приобретено у германского правительства¹⁹². Но провозить его приходилось с большим трудом. В середине августа одна батарея Крупновских пушек была отправлена в Одессу, в адрес одного из деятелей Одесского болгарского настоятельства — Палаузова, за ней отправлена вторая и 2,5 тыс. снарядов¹⁹³.

Только в начале ноября 1876 г. в Унгены прибыли 12 пушек со снаряжением и 10 тыс. ружей. В феврале 1877 г., когда дело подготовки и вооружения болгарских дружин перешло в руки военного ведомства, прибыл последний транспорт патронов. Все закупленное на деньги московского купечества оружие, в хлопотах по доставке которого принимал живое участие Московский славянский комитет, было затем передано в распоряжение генерала Н. Г. Столетова и пошло на вооружение болгарских ополченческих дружин. Вместо реализации захватнических планов генерала Фадеева это оружие послужило в борьбе за освобождение болгарского народа.

Начатая в сентябре 1876 г. подготовка к войне и частичная мобилизация затем превратилась в общую. Правительство брало в свои руки определенные меры и формы привлечения балканских славян к борьбе. По-новому складывались отношения у правительства и со Славянскими комитетами, желание которых видеть Россию ведущей войну с Турцией было близко к осуществлению. Прежде всего потребность выяснить этот вопрос почувствовал близкий к правительственным сферам Петербургский комитет. Кн. А. И. Васильчиков, ставший в октябре 1876 г. председателем Комитета, стремился повернуть действия Комитета в сторону согласования их с официальными планами¹⁹⁴. В ноябре 1876 г. он обратился к министру императорского двора А. В. Адлербергу с запиской, где указывал: «В настоящий момент, когда уже славянский вопрос перешел в ведение само-

¹⁹² ЦГВИА, ВУА, д. 7884, л. 8.

¹⁹³ РОБСЩ. Бумаги Аксакова, № 440, лл. 40, 46, 61, 80—81.

¹⁹⁴ ГИАЛО, ф. 400, оп. I, д. 101, лл. 21—22.

го правительства, необходимо регулировать отношения этих комитетов и, если действие их признается полезным, то ввести их в общие предначертания и ассигновать им то поприще, на котором они должны действовать и из которого они не должны выходить»¹⁹⁵.

И. С. Аксаков в письме к Васильчикову от 2 ноября сообщал о беседе с Милютиным, передавшим слова царя относительно Славянских комитетов, которые действовали «до сих пор сами по себе, без участия правительственного, будут теперь помогать правительству, идущему к одной с ними цели»¹⁹⁶. В связи с изменением общих условий изменилось и отношение Славянских комитетов к подготовке болгарского ополчения. Они действовали теперь не мимо правительства, а по его указаниям. Подготовка обмундирования для ополчения была поручена правительством специальной комиссии под председательством И. С. Аксакова, в которую входили генерал Н. Г. Столетов, ряд членов Московского славянского комитета (в том числе видные представители московской буржуазии: С. М. Третьяков, Т. С. Морозов, Н. А. Найденов). «Лица, занимающиеся указанными приготовлениями, принадлежат к числу главных московских капиталистов и при изготовлении не имеют в виду никаких коммерческих выгод...»¹⁹⁷, — характеризовал комиссию ген. Столетов. Средства на приготовление обмундирования дало правительство. Работа эта заняла конец 1876—первые месяцы 1877 г. и была завершена лишь к самому началу войны¹⁹⁸.

Изменилось и положение самих Славянских комитетов. Мы уже упоминали, что первые попытки Комитетов расширить круг своей деятельности, сделанные в конце 1875 г., вызвали недовольство правительства и прежде всего Александра II. Оно усилилось в результате организации Комитетами добро-

¹⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 651, оп. I, д. 822, л. 1.

¹⁹⁶ Там же, д. 854, л. 26—27.

¹⁹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 73.

¹⁹⁸ РОПБСЩ, Бумаги Аксакова, д. 442.

вольческого движения. Несмотря на возражения А. М. Горчакова, совет министров принял решение о подчинении Комитетов министерству внутренних дел на основе общего устава. Выработку его поручили в декабре 1875 г. Московскому комитету. В марте 1876 г. проект был рассмотрен министерством внутренних дел, которое потребовало внесения в него поправок.

Еще до утверждения устава, с октября 1876 г., правительство переменяло отношение к Комитетам. Получив сведения о затруднительном положении добровольцев в Сербии, Александр II через министра двора и министра внутренних дел передал руководителям Московского и Петербургского комитетов указание лучше обеспечивать добровольцев. В своем письме Аксакову министр внутренних дел подчеркнул, что делает это потому, что «по силе известного вам высочайшего повеления (Комитет. — С. Н.) состоит ныне в ведении вверенного мне министерства»¹⁹⁹. В момент начала русско-турецкой войны (12 апреля 1877 г.) устав был утвержден.

В период войны роль и деятельность Комитетов существенно изменились. Комитеты лишились в значительной мере своей прежней независимости и в известной степени превратились во вспомогательный орган официальных учреждений. С этого времени начинается спад комитетской деятельности, усиленный после окончания войны закрытием основного по своей политической активности Московского комитета. Но этот дальнейший этап существования Комитетов лежит за рамками настоящей работы.

¹⁹⁹ РОПБСЦ, ф. Аксакова, № 359.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крымская война и ее исход оказали большое влияние на развитие общественного движения и идеологии в России. Это воздействие проявилось как в области прогрессивной, так и реакционной идеологии. Если, с одной стороны, эти события обострили выступления представителей революционно-демократических кругов, то, с другой стороны, известный идеолог славянофильства К. С. Аксаков формулировал основные положения панславистской программы, легшие в основу дальнейшего развития славянофильства.

После войны славянофильская группа, учитывая обращения болгарских буржуазных деятелей, при поддержке части либералов создала с согласия русского правительства Московский славянский комитет — организацию по формам и задачам благотворительную, но сама благотворительность которой носила определенную политическую окраску. Политическая направленность деятельности Комитета определялась международной обстановкой, сложившейся после Крымской войны, и стремлениями некоторой части дворянства, совпадавшими с желаниями правительства, помешать упадку русского влияния на Балканском полуострове и укрепить связи России с южными славянами, в первую очередь с болгарями. Комитет возник в славянофильско-панславистском кругу и, хотя в новую организацию с самого на-

чала входила группа либеральной профессуры, а в дальнейшем к нему привлекались и в него вступали видные представители московского купечества и интеллигенции, в значительной части далекие от панславистских поползновений, но сочувствовавшие задаче помощи славянам, все же ведущей группой в Комитете на всем протяжении изучаемого периода оставалась славянофильская.

Развитие буржуазно-национального движения в Болгарии, равно как церковность воззрений славянофилов, определили то, что деятельность Комитета в начале в значительной мере (наряду с поддержкой школ и учащихся) была направлена в сторону помощи болгарским буржуазным кругам, ведущим борьбу против греческого духовенства во имя создания национальной церкви, путем соглашения с патриархией. Эта деятельность развертывалась в том же направлении, в каком шли усилия русской дипломатии и русского Синода.

Однако уже в это время Московский славянский комитет пытался выступать по вопросам чисто политическим, каким была подготовка освободительной борьбы южных славян во главе с Сербией, ведшаяся на протяжении 60-х годов. Однако стремления эти не шли дальше установления связей и попыток воздействия на русские официальные круги в целях активизации их. Нельзя при этом забывать того, что само правительство благосклонно смотрело на происходившую на Балканском полуострове подготовку к схватке с Турцией, что оно оказывало и дипломатическую, и в некоторые периоды военную помощь приготовлениям балканских государств. Так что и здесь деятельность Комитетов и органов правительства протекала в одном направлении, хотя и не без заметных различий в конкретных целях. Комитет пытался оказать материальную и отчасти военную поддержку представителям болгарской национально-освободительной борьбы. Однако все эти намерения не могли быть реализованы в силу международно-политических условий момента, а сами попытки Комитета лимитировались финансовой слабостью, которая неред-

ко ставила пределы не только его политической деятельности, но и благотворительно-просветительной (то есть его основным функциям). Слабость материальных ресурсов была той причиной, которая побудила Комитет привлекать в свой состав купечество, которое, однако, не играло существенной роли в руководстве Комитета и не определяло его лица. Организация и по социальному составу массы членов и по задачам сохраняла прежний дворянский характер.

Основная деятельность Комитета, заключавшаяся в помощи учащимся-славянам, в поддержке школ у зарубежных славян, особенно находившихся под инонациональной турецкой властью, хотя и встречала у отдельных передовых представителей южных славян осуждение за пропаганду славянофилами, руководившими Славянскими комитетами, своей доктрины и идей церковности, тем не менее имела и положительную сторону. Славянский комитет способствовал подготовке необходимых болгарам, черногорцам, боснякам, сербам деятелей в области культуры: учителей, художников, ученых и др. Влияние славянофильских идей на славян в целом было слабым; славянофильское мировоззрение лишь отдельными своими сторонами оказывало воздействие на учащихся, вышедших из стран с иными, чем в России, социальными и политическими условиями.

Крупная попытка Комитета отойти от чистой благотворительно-просветительной деятельности и придать себе политическую роль, не предусматривавшуюся при его создании, была сделана в связи с Этнографической выставкой 1867 г.

Хотя формально Московский славянский комитет оставался в стороне от подготовки Московского славянского съезда, осуществляли ее московские и петербургские члены Комитета. А так как на съезде 1868 г. прямо ставился вопрос о признании Московского славянского комитета центральным органом славянского движения, ясно, что бездействие Московского комитета в 1867 г. было только видимым. Именно Славянский комитет сделал в 1867 г. попыт-

ку объединить славянское движение и направить его в русло панславизма, хотя в этом вопросе, как показано в исследовании, были характерные оттенки и позиции отдельных деятелей отличались друг от друга. Попытки русских панславистов натолкнулись на упорное и твердое сопротивление славянских делегаций, которые ехали в Москву ради своих собственных целей.

Русские панслависты не сумели разобраться в стремлениях разных славянских групп. Они исходили из свойственных им желаний и теоретических положений, показав себя в этом ответственном выступлении более близорукими доктринерами, чем реальными политиками. При всем том Славянский съезд 1867 г. способствовал, с одной стороны, сближению славян с Россией и росту интереса обеих сторон друг к другу, с другой — обострению опасений в Австро-Венгрии и Турции в отношении русского панславизма и влияния Комитетов, которые считались замаскированными органами правительства. Эти преувеличенные опасения отразились как в последующих публицистических выступлениях, так и в репрессиях австро-венгерского правительства по отношению к участникам съезда. Однако, вопреки этим преувеличенным представлениям, Московский славянский комитет оставался небольшой по численности, небогатой организацией, которая росла или приходила в упадок в зависимости от интереса русской общественности к славянскому вопросу. Усиливался этот интерес — возрастал приток членов, укреплялся бюджет; ослаблялся — сокращалось число членов, платящих взносы, и Комитет испытывал трудности в осуществлении своих повседневных обязанностей. На эти колебания влияло то обстоятельство, что, хотя панслависты отталкивали прогрессивных людей своей реакционностью, Славянский комитет был единственной легальной организацией помощи славянам. Сочувствие же к последним, к их освободительной борьбе было широко распространено во всех кругах русского общества, среди разных течений и лагерей его. Очень хорошо определил свое отношение к этому

Н. П. Огарев, писавший в 1867 г.: «...рано или поздно Россия и только Россия (ибо другого никого нет) придет на помощь освобождению славян. Это стремление — историческое тяготение, от которого так же невозможно уйти, как от земного тяготения. Вот почему я и спрашиваю, имеем ли мы право вмешиваться в эти дела, если существуют некоторые разделяющие нас убеждения, и служить так или иначе элементом, препятствующим ходу вещей. Или мы должны все предоставить естественному течению, с тем, чтобы высказаться позднее? Я голосую за последнее...»¹.

Многие представители русской буржуазно-дворянской общественности, еще не вполне дифференцировавшейся, так как ясно очерченных организационно-оформленных партий в России того периода не существовало, смотревшие на события не из эмигрантского отдаления, как революционный демократ Огарев, а находившиеся в самой русской жизни, непосредственно подвергавшиеся воздействию пропаганды в печати, занимали позицию не временного нейтралитета, формулированную Огаревым, а в той или иной степени вовлекались в сферу деятельности Комитета. В частности, Славянский съезд это обнаружил очень отчетливо. Общественный интерес к славянскому вопросу, усиленный приездом славян и газетной пропагандой, вызвал расширение комитетской организации: вслед за Московским съездом возникает ряд новых Комитетов в Петербурге, Киеве, Одессе.

С образованием этих новых Комитетов не только увеличилась сеть комитетских организаций, но и стал разнообразнее их характер. Если для Московского комитета всегда были характерны попытки перейти от культурно-благотворительной деятельности к политической, то Петербургский комитет тяготел к издательско-литературной. Различались Комитеты и по сфере приложения своей деятельности.

Кульминационный пункт в истории Славянских комитетов приходится на 1875—1876 гг., когда под

¹ «Литературное наследство», т. 63, стр. 157.

влиянием обострения национально-освободительной борьбы южных славян усилился интерес широких кругов русского общества к славянам и готовность поддержать их борьбу. Характерно, что и на этот раз, как в 1867 г., Славянские комитеты первоначально проявили мало понимания действительности, приписав движение в Боснии и Герцеговине австрийской провокации. Уже этот факт свидетельствует о плохих связях Комитетов с южными славянами, о верхушечном характере этих связей и опровергает распространенные на Западе представления о широкой сети, какой комитетская организация якобы оплела Балканский полуостров. В действительности Комитеты были отгорожены от славян русской дипломатической агентурой (константинопольское посольство и консульства), которая являлась посредником между славянами и Комитетами.

Кроме официальных связей, у Комитетов имелись частные связи с отдельными представителями преимущественно буржуазных славянских кругов, со славянами, находившимися на русской дипломатической службе, с отдельными представителями духовенства. Но информация этих лиц не могла обеспечить обстоятельной и своевременной осведомленности о событиях, происходивших на Балканском полуострове, равно как и аутентичной информации о политике русского правительства. В этом отношении характерно, что Комитеты начали сбор пожертвований только после поощрения через газету «Голос» и с официального разрешения. Однако в дальнейшем обнаружилось различие понимания политических задач русским правительством и Славянскими комитетами. Первое, связанное Союзом трех императоров, стремилось к совместным действиям с союзниками; понимая незавершенность военных реформ и опасность повторения ситуации времени Крымской войны; оно искало компромиссов, чтобы окончить дело мирным путем и добиться каких-либо улучшений в положении южных славян, а решиться на войну русское правительство оказалось вынужденным в силу неудачи своих многочисленных дипломатических

маневров. Руководство Славянских комитетов ставило целью поддержать борьбу южных славян оружием, квалифицированным военным руководством, опытными в военном деле добровольцами, деньгами, отдавая себе отчет в том, что все равно своими силами славяне вопроса не решат. Это была широко задуманная военно-политическая провокация, рассчитанная на то, чтобы вынудить правительство отказаться от мирных попыток и толкнуть его к войне ради решения восточного вопроса.

Правительство разрешало деятельность Славянских комитетов, полагая ее полезной, надеясь на то, что проявление широкого сочувствия населения России побудит державы и прежде всего Турцию к соглашению. Но то, что делали Славянские комитеты, руководившиеся собственными политическими замыслами, шло значительно дальше расчетов правительства. Таким образом, инструмент неофициального влияния на славян, каким хотело видеть русское правительство Славянские комитеты, вышел из повиновения. Это был конфликт в среде одного и того же господствующего класса, но тем не менее конфликт. Вот почему правительство принимало известные меры к ограничению деятельности Комитетов. Однако, так как это был внутриклассовый конфликт, он протекал без особых обострений. В основе конфликта лежало расхождение по вопросам балканской политики. Хотя отдельные члены правительства (в том числе и Александр II) временами мечтали о захвате проливов, эти мечты не были конкретной целью правительства, понимавшего военно-финансовую неподготовленность России к такому крупному шагу и отдававшего себе отчет в опасностях международно-политического порядка.

Для деятелей Славянских комитетов, для их идейного вождя И. С. Аксакова, человека безответственного, отличавшегося утопизмом мышления и авантюризмом в действиях, вопрос стоял о попытке немедленного решения восточного вопроса. В письме к А. И. Васильчикову от 16 октября 1876 г. по поводу статьи последнего о восточном вопросе Аксаков писал,

что понимает неизбежность решения вопроса постепенно, но пугал, что если оно будет совершаться постепенно, то западные державы поймут опасность и сами дадут автономию болгарам, Константинополь передадут грекам и привлекут их на свою сторону. Если же Сербия будет иметь лет 50 мирной жизни, то окончательно погибнет для славянства, так как подвергнется западному влиянию. Он указывал, что дело России — освободить славян, а затем «своим нравственным влиянием и давлением направить их на истинный путь развития»². Несмотря на 15 лет, протекших со времени написания знаменитого «Послания к сербам», Аксаков оставался на позициях этого документа. И хотя он оговаривался, что понимает неизбежность постепенного решения вопроса, эта оговорка имела целью лишь замаскировать стремление к решению немедленному. Об этом говорят другие его письма, в частности письма Черняеву.

В какой-то степени противопоставляя себя правительству, Комитеты понимали, что они ничего значительного без участия правительства сделать не могут. Поэтому этот конфликт и противопоставление были спором не столько о существе, сколько о форме, о темпе, о порядке и степени решения вопроса, который в конечном счете обе стороны хотели бы решить приблизительно одинаково. Он отражал разное понимание задач, возможных для немедленного осуществления.

Характер отношений Комитетов и правительства в 1875—1876 годах вытекал из двойственного характера Комитетов, которые были общественными организациями, хотя и находившимися в определенной связи с правительственными органами и действовавшими, хотя и по-своему, но в направлении, желательном и для правительства. Показанное в работе понимание задач балканской политики Комитетами и отличие его от позиции правительства повели к временному расхождению между Комитетами и правительством. Это побудило правительство ограничить

² ЦГИАЛ, ф. 651, оп. I, д. 854, л. 9—12.

свободу Комитетов и подчинить их наблюдению министерства внутренних дел. Ограничение свободы и самостоятельности Комитетов проводилось тем более решительно, что оно совершалось в период войны, когда деятельность общественной организации неизбежно должна была подвергнуться направлению и регламентации со стороны официальных сфер. Но оно находило сочувственный отклик и в среде самих Комитетов, усматривавших в правительственном решении о военном выступлении против Турции осуществление своих стремлений и готовых действовать рука об руку с правительством.

Изменения в характере деятельности и положении Комитетов, происшедшие во время русско-турецкой войны, были гранью в истории Комитетов. Заканчивался период самостоятельности, какой они пользовались, несмотря на связь с Азиатским департаментом министерства иностранных дел.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрикозов** 73
Агренева-Славянская О. Х. 161
Адлерберг А. В. гр. 340
Аксаков И. С. 29, 31, 32, 33, 39, 43, 62, 67, 71, 73, 75, 78, 79, 82, 83, 85, 86, 91, 101, 103, 114, 147, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 158, 170, 183, 194, 199, 200, 216, 219, 222, 228, 229, 230, 235, 258, 264, 270, 271, 272, 274, 275, 276, 281, 284, 285, 287, 289, 291, 293, 297, 298, 303, 304, 307, 308, 311, 314, 315, 319, 320, 326, 327, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 349, 350.
Аксаков К. С. 29, 32, 39, 220, 343.
Аксаков Н. Т. 60
Аксакова А. Ф. 297, 304, 308.
Аксакова Д. Ф. 297.
Аксенов В. Д. 109.
Александр Александрович в. кн. 282, 335, 336.
Александр I царь 196.
Александр II царь 25, 28, 40, 150, 193, 195, 196, 198, 199, 200, 241, 262, 271, 276, 282, 284, 294, 295, 299, 302, 314, 336, 337, 338, 341, 342, 349.
Александр Карагеоргиевич кн. 179.
Алексеев 65, 74.
Алмазов Б. 221, 222.
Андраши Ю. гр. 268, 281, 282, 285.
Андреев В. 163, 234.
Андряшев А. Ф. 50.
Анненков Н. Н. 11.
Антим архимандрит 42.
Антонович П. А. 50, 51.
Аргутинские 303.
Аристов В. И. 83, 317.
Арсений митр. 80.
Астахов И. А. 65.
Атанасович С. 331.
Бабст И. К. 70, 72.
Базили К. М. 26.
Бакунин М. А. 216, 249, 250.
Балабин В. П. 149, 150.
Баллин Н. И. 309.
Бан М. 147, 149, 150, 151, 152.
Барсов Н. П. 11, 13, 25, 28, 188.
Барсуков П. И. 13, 59, 62, 103.
Баргенов П. И. 39, 63, 82, 284.
Барятинский А. И. кн. 59.
Баршев С. И. 194, 222, 224.
Батюшковы 284, 291.
Бахметьев А. Н. 34, 39, 41, 42, 43, 74, 81, 120.
Бебутовы 303.
Бейст 161, 172, 173, 181, 239.
Бекарюков З. И. 309.
Белоголовый Н. А. 60.
Белозерский В. 187.
Бенардаки Д. Е. 41, 62.
Берг Ф. Ф. гр. 49.

- Березин Л. В. 126.
 Березовский 241.
 Бесаровић Р. 101.
 Бессонов Г. Д. 65.
 Бессонов П. А. 82, 220.
 Бестужев-Рюмин К. Н. 83, 126.
 Бильбасов В. А. 49, 50.
 Бисмарк 173, 262.
 Блудова А. Д. гр. 27, 36, 69, 150, 233, 284.
 Блудов Д. Н. гр. 81.
 Бобринский гр. 304.
 Бобчев С. 102.
 Богишич В. В. 54, 104.
 Богоров И. 180, 212.
 Бодянский О. М. 39, 162, 200.
 Бончев Н. Б. 106, 107, 108.
 Боньев 114.
 Борис царь 123.
 Бостанджогло В. 65, 73.
 Ботев Х. 293.
 Бошковиц 174.
 Браунер Ф. 175, 209, 211, 241.
 Бугаев Н. Б. 230.
 Будилович А. С. 83, 92, 115, 126, 127, 128, 211, 212, 213.
 Булич Н. Н. 66.
 Булочкин 73.
 Бурмов А. 291, 293.
 Бурмов (Стоянов) Т. 91, 114, 143.
 Буслаев Ф. И. 34, 39, 63, 216, 217, 218.
 Бухтеев А. Н. 65.
 Бычков А. Ф. 83.
 Бюхнер 100.
Вавра Э. 158, 163, 176, 195, 196, 197, 198, 213, 217, 224, 230, 232, 236, 239, 240.
 Валуев П. А. 171.
 Васильев А. В. 83.
 Васильев И. В. 83.
 Васильевич О. 174.
 Васильчиков А. И. кн. 59, 83, 289, 334, 340, 341, 349.
 Васильчиков В. И. кн. 11, 12, 22, 25, 26, 31, 33.
 Васильчиков П. А. кн. 223, 278, 279, 280.
 Васильчикова Г. В. кн. 27, 36.
 Вельтман Е. И. 60.
 Веневитинов М. 191.
 Веркович С. 161, 168.
 Веселитский - **Божидарович**
 Г. С. 277, 281, 282, 283, **284**, 285, 286, 290.
 Виллани К. бар. 176.
 Вильгар 178.
 Витте О. 66, 187.
 Вишняков И. П. 65.
 Вишняков С. П. 65, 75.
 Влайкович 174.
 Влангали А. Г. 149, 150.
 де Воллан Г. 56, 83, 334.
 Волконская М. Н. кн. 59.
 Волконский М. С. кн. 59.
 Волошенко 323.
 Воронцов-Дашков И. И. гр. **338**.
 Враз Ст. 129.
 Врбица М. 280.
 Врятко Я. 176.
 Вукашинович А. 176, 177.
 Вукотич П. 180.
 Вульфферт Г. А. 314.
 Вучетич С. М. 54.
 Выковский П. 102.
 Вязанков К. 103.
 Вячеслав **Константинович** в. кн. 240.
 Гавлик 244.
 Гавличек-Боровский К. 196.
 Гагарин А. Е. кн. 54.
 Гагман Н. Ф. 65.
 Гаевский И. С. 309.
 Газенкампф М. 296.
 Гай Л. 178, 185.
 Гамерник И. 176, 239.
 Ганешин 73.
 Гарашанин И. 147, 174, 183, **184**, 198.
 Гатцук А. 223, 298.
 Галицкий А. С. 66.
 Гезен А. М. 233.
 Гейсман П. 260.
 Георгиев Е. 330, 332, 333.
 Георгиев Х. 113.
 Геров К. 103.
 Геров Н. 14, 15, 16, 17, **18**, **19**, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, **27**,

- 29, 30, 31, 32, 33, 37, 95, 103,
112, 113, 114, 146, 168.
- Герцен А. И. 101, 216, 222, 241,
249, 250.
- Гершич 236.
- Гильяров-Платонов Н. П. 65, 228.
- Гильфердинг А. Ф. 30, 47, 48,
50, 83, 90, 126, 127, 128,
139, 141, 193, 200.
- Гирс Н. К. 282, 335.
- Глазунов А. И. 110.
- Глебов 188.
- Гоголь Н. В. 117.
- Голенищев-Кутузов П. гр. 89.
- Голицын А. М. кн. 64.
- Голицын Д. М. кн. 64.
- Голицын Н. М. кн. 64.
- Голицын П. Г. кн. 60.
- Головацкий Ф. Я. 178, 181, 193,
197, 209, 212, 223, 230.
- Головин К. 161, 191, 192, 284.
- Головнин А. В. 37.
- Голофеев 74.
- Голубцов С. П. 54.
- Горбунов Ф. 165.
- Горемыкин
- Горчаков А. М. 14, 19, 26, 28,
34, 36, 38, 40, 46, 51, 144,
171, 172, 173, 183, 193, 194,
196, 197, 198, 199, 200, 239,
268, 282, 283, 285, 289, 294,
297, 299, 342.
- Горчаков М. Д. 11.
- Градовский А. Д. 295.
- Градовский Г. К. (Гамма) 56,
270.
- Грачев С. С. 65.
- Грегг Э. 176, 236, 240.
- Григоров Г. 331.
- Григорович В. И. 54.
- Григорьев В. В. 47, 66, 188.
- Грудов И. 331, 333.
- Груич Е. 297, 300.
- Губин В. 235, 236, 237.
- Гудец 178.
- Гус Ян 128, 240.
- Дабига В. Д. 55.
- Даль В. И. 60, 63, 87.
- Данцевиль В. Д. 314.
- Данилевский Н. Я. 60, 63.
- Данило кн. черног. 179.
- Данило И. 130, 178.
- Даскалов Х. 16, 19, 92, 103, 105,
114, 120.
- Дашков В. А. 64, 183, 257.
- Деде-Янкович И. гр. 177.
- Дейчман 191.
- Демидовы 304.
- Денкоглу И. Н. 19.
- Джорджевич В. 179, 180, 211,
215, 245.
- Димитров М. 102, 103.
- Дмитриев С. С. 24, 78.
- Дмитриевский А. А. 140.
- Добролюбов Н. А. 101.
- Добросельский 309.
- Долгоруков В. А. кн. 194, 200,
308, 337.
- Дондуков-Корсаков А. М. кн.
49.
- Дондукова-Корсакова Н. кн. 49,
50.
- Достоевский Ф. М. 162, 218, 241.
- Драгоевич 174.
- Драгоманов М. П. 327.
- Драшусов А. Н. 39, 187.
- Дрэнер Д. 102, 118.
- Дринов М. С. 66, 103, 105, 106,
107, 108, 309.
- Дурново Н. Н. 64, 292.
- Дучман П. 180, 191.
- Езучевский Д. 60.
- Екатерина II имп. 49.
- Елена Павловна в. кн. 193.
- Енгальчев Н. Н. кн. 64, 243.
- Еич 147.
- Енчев П. 331.
- Епишкин В. В. 65, 74, 75.
- Ерошенко 306.
- Есенский Р. 176.
- Ефимов Н. Н. 308.
- Желязков М. 42.
- Жеребцов Н. А. 60.
- Живанович Ж. 300.
- Жинзифов К. (Райчо) 102, 103,
105, 180, 214.
- Жомини А. Г. бар. 192.
- Жуков П. И. 66
- Задерацкий Н. 128.
- Занетов Г. 11.

- Запряков Т. 103.
 Золотарев И. Ф. 83, 114.
 Золотович 109.
 Зубков Н. А. 83.
- Иванов В. К.** 254.
Иванов И. С. 288, 290, 293, 295.
Иванов Н. А. 60.
Иверонова 109.
Игнатъев Н. П. гр. 52, 53, 76,
 90, 115, 134, 140, 144, 154,
 271, 272, 296, 319, 325.
Иезбера 196.
Икономов П. 332.
Илларион макариопольский еп.
 110, 124, 276.
Иловайский Д. И. 65, 110, 117,
 216, 224, 272.
Инзов И. Н. 38.
Иннокентий архиеп. 12, 28, 106.
Иноземцев Ф. И. 34, 39, 40.
Иовановић С. 141, 142, 147, 246,
 263, 264, 300, 301.
Ионин А. С. 76, 130, 277, 278,
 280, 281, 283, 286, 287, 290.
Ионин В. С. 330, 331, 334.
Ичинский К. 176.
- Кавалджиев И.** 331.
Кавелин К. Д. 218.
Казначеев 59.
Калачев Н. В. 194.
Кальевич Л. 300.
Камбуров 114.
Каравелов Л. 74, 100, 101, 102,
 103, 105, 174, 184.
Каравелов П. 100, 105.
Караджич В. 177.
Каракановский В. 153.
Карамян А. Н. 39.
Карасев А. 308, 316, 317.
Каргановы 303.
Карцев А. Н. 295, 296.
Карцов Н. П. 276, 314.
Карцов Ю. С. 263, 296.
Касабов И. 153.
Катакази 51.
Катарджи 296.
Катков М. Н. 34, 39, 41, 63, 162,
 179, 183, 194, 196, 202, 208.
- Каулин 70**
 214, 216, 222, 223, 224, 225,
 230, 231, 233, 253, 262.
- Качалов Н. Н.** 83.
Кесяков К. 114.
Киреев А. А. 162, 188, 191, 192,
 195, 196, 197, 198, 202, 283,
 285, 287.
Киреев Н. А. 83, 111, 288, 289,
 290, 293, 306.
- Кирилл папг перус.** 135, 142
Кирков К. 105.
Кирков Г. х. 24, 77, 78.
Киселев П. Д. гр. 25.
Киттары М. Я. 34, 39, 63
Кипельский И. К. 27, 60, 61,
 91, 106, 107, 108, 289, 290,
 291, 335, 336, 338.
- Клеменц Д.** 323.
Клинчаров И. Г. 101.
Клячко Ю. 166, 182, 256, 257.
Княжеский З. 13, 32, 33.
Книгопродавец Н. 95.
Ковалевский Евграф П. 59,
 82.
Ковалевский Егор П., 17, 18
 19, 20, 21, 26, 28, 90, 150.
Ковачевич архим. 178, 245, 279.
Козьменко И. В. 261, 265,
 270, 290.
- Кокорев В. А.** 42, 62, 74.
Коларж И. 176.
Колмаков Н. 51.
Колоусек 242.
Комаров В. В. 274.
Кондарев Н. 101, 102.
Кондратьева В. Н. 89.
Кониар 60.
Константин Николаевич в кн.
 17, 28, 40, 143, 193, 194, 196,
 197, 202, 239, 293.
Коншин В. Д. 109.
Коншины 69, 73, 74.
Копать 236.
Кораблев В. Н. 169, 170, 185.
Коржинк 244.
Корнилов А. 262.
Корнилов И. П. 76, 83, 141,
 188, 276.
Корсаков А. И. 34, 63.

- Косев Д. 15.
 Костенко 309.
 Костич Л. 177, 185, 236.
 Косторев С. И. 66.
 Коханов 187.
 Коцебу П. 53, 154.
 Кошелев А. И. 33, 39, 41, 154, 194, 232.
 Кравцов И. С. 60.
 Краевский А. А. 47, 202, 208, 218, 225, 226, 295.
 Крестич 178, 214, 236.
 Крестовников А. К. 65, 73.
 Критский 60.
 Крузе Н. Ф. фон 39.
 Крузенштерн А. Ф. 59.
 Крузенштерн Н. И. 59.
 Крузенштерн П. 59.
 Крыстевич Г. 116.
 Кубишта 173.
 Кувшинов 65.
 Кугушев Г. В. кн. 64.
 Кудрявцев А. Н. 90, 132.
 Кузманн В. П. 243.
 Кузьмин П. К. 323.
 Кулаковский П. А. 81, 185.
 Кулин В. П. 188.
 Кулиш П. А. 187.
 Кучера 236, 237, 240.
 Кушелев-Безбородко гр. 193, 198.
 Куонджич 236, 237.

 Лавровский Н. А. 49.
 Лавровский П. А. 66, 167, 230,
 Лай Ф. 178.
 Ламанский В. И. 47, 83, 90, 92, 126, 154, 167, 169, 171, 188, 190, 195, 216, 218, 219, 222, 230, 235, 242, 254, 298, 313, 336.
 Ламанский Е. И. 297.
 Ланской М. С. гр. 64.
 Лебедева М. 106, 107.
 Лебединцев Ф. Г. 89.
 Левшин А. И. 194.
 Леонид еп. 106.
 Леонтович Ф. И. 54.
 Леонтьев К. 90.

 Леонтьев П. М. 39, 194, 216, 223.
 Лепешкин А. В. 65, 97.
 Лепешкин Н. В. 65.
 Лермонтова Е. А. 106.
 Ливчак И. 178, 193, 197, 212, 223.
 Линниченко А. И. 50, 51.
 Лист А. 339.
 Лист Г. 339.
 Лишин 314.
 Лобанов-Ростовский А. Б. кн. 42, 91, 113, 121.
 Лопашев 65, 74.
 Лукшич 178, 242.
 Лукьянов Н. Б. 309.
 Любимов Н. И. 66, 83.
 Лямин И. А. 69, 70, 71, 72, 274.
 Лямин М. 65.

 Мазурины Н. С., М. С., К. С. 65.
 Майков А. А. 39, 163, 219.
 Майков А. Н. 188, 220, 222, 241.

 Макарий (Супшкин) 140.
 Максимов Н. В. 325.
 Максимович М. А. 39, 50.
 Макушев В. А. 189.
 Малотин 69.
 Мамонтов 78.
 Манес Г. 176.
 Мансуров Б. П. 28.
 Маринович И. 184.
 Мария Александровна имп. 40, 195, 262, 295, 308.
 Марков 306.
 Маркович М. А. 258.
 Маркович С. 180.
 Марковы П. и С. 114.
 Мартьянов П. К. 313.
 Маслов С. А. 65.
 Мастич Д. 174.
 Маткович П. 178, 244.
 Матуш 176.
 Маяр М. 129, 178, 211.
 Медакович М. 179.
 Медведовский Н. 332, 333.
 Мейендорф бар. 59.
 Мельников 276.

- Менгден В. М. бар. 321.
 Меньшиков А. С. 28.
 Мерцалов И. 61.
 Мещерский В. 233.
 Мещерский Н. П. кн. 64, 194,
 223, 283.
 Мещерюк И. И. 11.
 Миладинов К. 103, 105.
 Милан Обренович кн. 263, 264,
 272, 294, 300, 301.
 Миленкович 180.
 Милстич С. 300.
 Милићевич М. 161, 174, 179,
 183, 194, 213, 217, 223,
 232, 233, 244.
 Миллер О. Ф. 83, 126, 188,
 216, 219, 220, 229, 232, 233,
 234.
 Миллер Ф. Б. 66.
 Милорадович А. М. 332.
 Милош кн. серб. 147.
 Милутинович У. 244.
 Милотин Н. А. 258.
 Милотин Д. А. 154, 162, 282,
 289, 292, 295, 297, 299,
 314, 336, 341.
 Минков Т. 99.
 Миркович М. Ф. 47, 188.
 Митхад-паша 145.
 Михаил кн. серб. 85, 147, 148,
 150, 174, 183, 214, 232.
 Михаил митроп. серб. 27, 108,
 115, 148, 154, 177, 270,
 272, 276, 277, 292, 297.
 Михайлович Ст. 301.
 Михайловский Н. К. 192.
 Михайловский В. Я. 117.
 Мишайков П. 332.
 Мишкатович 244.
 Морозов С. 69, 79, 274, 305.
 Морозов Т. С. 65, 69, 70, 71,
 79, 274, 307, 337, 338, 341.
 Монтеверде П. А. 283, 285,
 287.
 Мудронь М. 176, 209.
 Мураневич А. И. 79.
 Наботков 333.
 Найденев Н. А. 70, 71, 73, 161,
 248, 338, 341.
 Наранович А. П. 47, 83, 235,
 237.
 Наумов 60.
 Негош Б. П. 154.
 Нелидов 132, 145.
 Немец 191.
 Неустроев Л. Н. 66.
 Нефф 243.
 Никитенко А. В. 218.
 Никитин С. А. 4, 10, 36, 69,
 288, 293.
 Ников П. 110, 124.
 Николаева Е. И. 109.
 Николай I имп. 12.
 Николай кн. черног. 154, 180,
 279, 285, 294.
 Новак А. 196, 242.
 Новиков Е. П. 282.
 Новосельский Н. А. 54, 55, 95.
 Оболенский А. И. кн. 60.
 Оболенский Ю. А. кн. 39, 41.
 Обшти Д. 142, 144.
 Огарев Н. П. 249, 250, 347.
 Оджаков П. 55.
 Одоовский В. Ф. кн. 64, 161,
 192, 194.
 Озеров А. П. 13, 28.
 Озеров И. П. 28.
 Ольденбургский П. Г. принц
 198.
 Омар—паша 249.
 Опочинин А. П. 60.
 Орел—Ошмянцев Я. 60, 78, 79,
 82, 83, 98, 103.
 Орешков П. 11.
 Орешкович А. 212.
 Орлов В. И. гр. 60.
 Орлов 187.
 Орлова О. П. 284.
 Павлевич 223, 236.,
 Павлов А. С. 55.
 Павлов Н. Ф. 39, 63.
 Павлович П. 281.
 Павловский М. К. 54.
 Палаузов С. Н. 30, 31, 120,
 153.
 Палаузов Н. Х. 11, 12, 13, 19,
 20, 22, 23, 25.
 Палацкий Ф. 165, 171, 175,

- 181, 183, 187, 189, 193, 195.
196, 197, 211, 230, 231,
239, 240.
- Пановский Н. 165.
Паскевич кн. 11.
Патера А. 176, 242.
Певницкий В. Ф. 80.
Пелагич В. 55, 101, 105, 117.
Пенев Б. 102.
Перфанов 85.
Петкович А. Д. 90.
Петр архиманд. 120, 121.
Петров 114.
Петров И. И. 47.
Петров П. 331.
Петрович 180.
Петровский И. А. 316.
Петровский М. П. 66.
Петровъевич 179, 184, 198.
Печаткин Е. П. 47.
Печаткин И. П. 290.
Пигарев К. 161, 221, 247.
Писарев Д. И. 101, 118, 258.
Пистолькорс 60.
Пичета В. И. 81.
Пламенац И. 180.
Платон архиеп. 308, 316, 317.
Плевако Ф. Н. 66.
Победоносцев К. П. 329, 338,
339.
Погодин А. Л. 156, 157.
Погодин М. П. 11, 13, 15, 17,
18, 19, 21, 22, 23, 32, 33,
34, 39, 40, 43, 50, 59, 61,
63, 74, 78, 98, 103, 117,
137, 139, 162, 169, 170, 171,
174, 184, 189, 193, 194,
203, 208, 222, 223, 230, 237,
258.
Погребов Н. И. 188.
Покровский М. Н. 260, 262,
263, 264.
Полит-Десанчич М. 158, 160,
161, 176, 177, 181, 209,
212, 213, 230, 245, 258.
Поляков С. 81.
Попов А. Л. 260.
Попов Ал. Н. 83.
Попов К. 73.
Попов Н. А. 1, 9, 10, 13, 35,
37, 41, 47, 48, 49, 65, 74,
75, 76, 78, 79, 82, 83, 86,
87, 89, 90, 91, 92, 96, 97,
98, 99, 102, 106, 111, 112,
115, 116, 117, 118, 119, 121,
122, 137, 138, 139, 143, 146,
157, 159, 160, 161, 162, 163,
164, 165, 166, 167, 168, 169,
170, 198, 216, 223, 228, 230,
231, 236, 240, 242, 243, 244,
257, 270, 289, 291, 298, 314.
- Попов Н. 332.
Попович В. 19, 103.
Пороховщиков А. А. 314.
Посохов 111.
Потапов А. Л. 276.
Потебня А. А. 309.
Пыпин А. Н. 156, 229.
Проображенский 60, 82, 213.
Протасова Н. Д. гр. 27, 36.
Протич К. 296, 297, 299.
Прусов М. А. 65.
Пушкаревич К. А. 264.
Пушкин А. С. 117.
- Радев С. 100.
Раден Э. баронесса 177.
Радивоевич 180.
Радлинский А. 176, 211.
Радулов С. 22.
Раевский М. Ф. 61, 62, 71, 85,
91, 128, 147, 148, 149, 150,
162, 166, 168, 169, 185,
200.
Раевский Н. Н. 60, 152, 153,
154, 291.
Ранке 173.
Ратнер Н. Д. 159, 197.
Рахманин 74.
Рачинский А. В. 26, 31, 32, 33,
34, 38, 39, 42, 78, 82, 91,
95, 114, 119, 120, 121, 188.
Раух бан 244.
Рашев П. 330, 332.
Ревертева гр. 171, 189, 233.
Рейтерн М. X. 297.
Ренан 100.
Реннекампф Н. К. 50.
Ригельман Н. А. 52, 95.
Ригер Ф. 156, 159, 163, 175,
183, 187, 189, 193, 197,

- 198, 208, 209, 213, 214, 215,
230, 236, 239, 240.
- Рястич И. 143, 262, 292, 299,
300, 301.
- Родич Г. 285.
Рот К. И. 315.
Рубинштейн Н. Г. 65.
Рунта А. 334.
Рыков И. Г. 52.
Рюстов В. 261.
Рябушинский 73.
Рязанов Ф. Ф. 71.
- Сабина К. 158, 163.
Самарин Н. Ф. 41.
Самарин Ю. Ф. 33, 39, 41, 162,
193, 220, 222, 284.
Свистунов П. Н. 60.
Святополк-Мирский Д. И. 60.
Семека 291.
Сергиевский Н. А. 223.
Серебрянников С. И. 62.
Сидонский Ф. Ф. 66.
Сидоров М. К. 76.
Скальковский А. 11.
Скальковский К. 72.
Скерлић J. 141, 147, 177, 184,
236, 246.
Скрейшовский Ф. 175.
Сладковский 236, 240.
Смит А. 117.
Смоляр И. 180, 192.
Соболев М. Н. 71.
Соколов И. М. 39, 213, 222.
Сокольский И. 122.
Солдатенков К. Т. 64, 69, 73,
298, 307.
Соловьев И. Г. 110.
Соловьев С. М. 34, 39, 117, 170,
194, 216, 217, 218.
Сологуб А. В. гр. 83.
Сорокоумовский П. 73.
Сочица Л. 285.
Спасович В. Д. 229.
Сперанский М. Н. 161, 168.
Сретькович П. 174.
Станишев К. 105.
Стенбок Ю. И. 60.
Столетов Н. Г. 340, 341.
- Стоянова-Бурмова Ф. С. 106,
107, 108.
Стояновский Н. М. 83.
Стюарт Д. Ф. бар. 332, 333,
282.
Строганов Г. А. гр. 338.
Ступин Н. Д. 25, 30, 114.
Стюарт Д. Ф. бар. 332, 333,
333.
Субботин Н. И. 66, 164, 165.
Субботич И. 176, 177, 187, 212,
230, 236, 237, 244, 258.
Суворин А. С. 327.
Судиенко 308.
Сухомлинов М. И. 66.
Сухотин С. М. 39, 40, 41, 161,
200, 252.
Счастливцев 60.
Сытенко 339.
Сычев Л. Е. 60.
- Татищев С. С. 260, 262.
Теодоров Д. 331.
Теодорович 114.
Теохаров А. Ф. 303.
Теплов В. Н. 316, 327.
Терентьев А. М. 60.
Терехов А. 261.
Тизенгаузен Н. А. 86.
Титов А. 162, 200.
Ткалац 167.
Тодорович 179.
Толстой А. П. 29.
Толстой Д. А. гр. 46, 105, 118,
193, 194, 198, 199, 218,
239.
Толстой Д. Н. гр. 55, 56.
Толстой Л. Н. гр. 117.
Тотю Ф. 154, 249, 293.
Тошков Н. М. 54.
Тошкович С. 19, 21, 30, 31,
113.
Трачевский А. С. 66, 303.
Трепов Ф. Ф. 200.
Третьяков П. М. 65, 69, 73, 109.
Третьяков С. М. 109, 337, 338,
341.
Трубецкая кн. 192.
Трубецкая Н. Г. кн. 284.
Трубников К. В. 208, 256.
Туманов кн. 64.

- Тургенев И. С. 117, 258.
 Тютчева А. Ф. 28, 30.
 Тютчева Д. Ф. 297.
 Тютчева Е. Ф. 284, 297, 307.
 Тютчев Ф. И. 161, 199, 200,
 216, 220, 221, 228, 252.
- Уваров А. С. гр. 39, 67, 284.
 Унгерн 192.
 Успенский Г. И. 321, 323, 325.
 Успенский Порфирий еп. 28,
 51.
 Успенский Ф. И. 128.
 Ушакова Е. В. 109.
 Фадеев А. М. 60, 61.
 Фадеев Р. А. 60, 63, 292, 335,
 336, 337, 338, 339, 340.
- Фейербах Л. 100.
 Фей-Раковский 240.
 Фелькнер А. 261.
 Филарет митроп. моск. 23, 24,
 28, 123, 124.
 Филаретов С. 13, 15, 16, 17,
 18, 19, 32, 92.
 Филиппов Т. И. 83, 124, 125,
 332.
 Фотий патр. 51.
 Франц Иосиф имп. 266, 273.
 Фрейганг А. В. 47, 169.
 Фряч 241.
- Хаджич 177.
 Халиль-паша 5, 131, 132, 145.
 Хитрово М. А. 52, 53, 146.
 Хлебников Д. 306.
 Хлудов А. И. 70.
 Хлудовы 68, 274.
 Хомяков А. С. 13, 16, 29, 32,
 33, 39, 41, 77, 103, 114, 151,
 220, 232.
 Христич Ф. 299, 301.
 Хрулев С. А. 11, 47.
 Хрущев П. М. 66.
 Цанков Д. 121.
 Цанков К. 291, 293, 331, 333,
 334.
- Ценова Ф. 180.
 Цехановский 309.
 Цылов Н. И. 188.
- Черкасская Е. А. кн. 270.
 Черкасский В. А. кн. 67, 79,
 137, 162, 170, 177, 194, 215,
 222, 223, 258, 270, 271, 274,
 276, 284.
 Черкасский П. Е. кн. 258.
 Черевин И. А. 60.
 Черный Т. 176.
 Чернышевский Н. Г. 101.
 Черняев М. Г. 47, 60, 81, 193,
 195, 262, 263, 269, 271, 272,
 273, 274, 275, 291, 292, 293,
 294, 298, 301, 302, 314, 316,
 319, 320, 325, 326, 327, 332,
 333, 334, 336, 337, 338, 339,
 350.
 Четвериков И. И. 65, 70, 77,
 109, 218.
 Чепихин-Ветринский 323.
 Чижевский 309.
 Чижек 236.
 Чижов Ф. В. 27, 33, 60, 67,
 70, 72, 77, 82, 170, 219,
 270, 272, 274, 275, 284, 297,
 298.
 Чистяков М. 321.
 Чолаков В. 55, 112, 115.
 Чубрилович В. 142, 263, 266,
 Чупров А. И. 66.
- Шатилов И. Н. 60.
 Шафарик Я. 174, 179, 210, 211.
 Шаховский С. В. 287.
 Шепинг Д. О. бар. 59.
 Шепинг баронесса 59.
 Шервашидзе Г. Д. кн. 64.
 Шереметьев гр. 193.
 Шереметьевы гр. 304.
 Шильдбах 67.
 Шипов А. П. 41, 70.
 Шипов Д. П. 41, 70.
 Шипов Н. П. 41.
 Ширинский-Шихматов А. П.
 49.
 Штрессмайер И. 277.
 Штур Л. 190, 238, 254.
 Шульгин В. Я. 50, 52.
- Щапов А. П. 165.
 Щебальский П. К. 223.
 Щербина 254.

- Эрбен К. Я. 167, 176, 231, 242.
Юзефович М. В. 50, 51.
Языкова А. П. 109.
Якубец Я. 196, 242.
Янышев И. Л. 83.
- Baker J 9.
Ekmecić M. 147.
Fischel A. 4, 35, 46, 157, 159.
Giacometti G. 132, 145.
Harris D 4, 131.
Hayde A. 4, 131.
Kazbunda K. 157, 158, 160, 163,
166, 172, 181, 189, 196, 198,
200, 213, 222, 224, 230, 233,
239, 241, 247.
- Leger L 162, 245.
Lheritier 4, 131.
Levak 9.
Matković P. 160.
Mill J 4, 9.
Petrovitch M. B. 5, 6, 7.
Prelog M. 157, 158, 159, 160,
166, 239, 241, 244, 247.
Rupp G. H. 291.
Schüle E. 24.
Seton Watson R. W. 263.
Sinclair G. 5, 131, 132.
Sumner B. 5, 131, 260.
Tobolka Zd. 239.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава I. СЛАВЯНСКИЕ КОМИТЕТЫ 1858—1874 гг. 9

Глава II. СЛАВЯНСКИЕ СЪЕЗДЫ 60-х годов 156

Глава III. СЛАВЯНСКИЕ КОМИТЕТЫ НАКАНУНЕ РУССКО-
ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877—1878 гг. 260

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 343

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 352

СПИСОК ОПЕЧАТОК

гр.	строка	напечатано	следует читать
4	2 снизу	DriaultetLheritier	Driault et Lheritier
28	15 снизу	И. П. Озерова	А. П. Озерова
130	16 снизу	караджичевой	караджичево.i
142	2 снизу	Истрија	Историја
147	3 снизу	Екмећић	Екмеџић
151	15 снизу	„Они тянут к нам“	„Они не тянут к нам“
157	1 снизу	193	1931
180	19 сверху	К. (Райко Жинзифов)	К. (Райко) Жинзифов
181	3 снизу	Десанџића	Десанђића
196	11 снизу	Юнгмана Марка и В. Гонки	Юнгмана, Марка и В. Ганки
213	11 сверху	понятна	понята
219	2 сверху	А. Н. Майков	А. А. Майков
291	2 снизу	friendship	friendship
291	9 сверху	Семене	Семеке
301	3 сверху	системы	системы ⁹⁹
305	2 сверху	Многочисленные	Многочисленны
323	18-19 сверху	случаях	случаев
352	5 сверху	67, 71,	67, 69, 71
352	11 сверху	272, 274,	272, 273, 274,

Сергей Александрович Никитин

СЛАВЯНСКИЕ КОМИТЕТЫ В РОССИИ

В 1858—1876 годах

Редактор С. А. Пустовойт
Технический редактор Л. В. Лазарева
Сдано в набор 10/IX—1959

Подписано к печати

Л-124663

Формат 84×108/32

Печ. л. 11,375

Бум. л. 5,7

Прив. печ. л. 18,2

Уч.-изд. л.

Изд. № 1167

Тираж 2.000

Цена 12 р. 50 к. с 1. I 61 г. — [] 1 р. 25 к.

Издательство Московского университета
Москва, Ленинские горы
Типография издательства МГУ
Заказ № 3

СЛАВЯНСКИЕ КОМИТЕТЫ В РОССИИ ~2